

Филипп Гут

СВИДЕТЕЛЬ ВЕКА

Бен Ференц –
защитник мира

и последний участник Нюрнбергских процессов

Герою книги
исполнилось 100 лет
11 марта 2020

Филипп Гут

Филипп Гут

СВИДЕТЕЛЬ ВЕКА

**Бен Ференц –
защитник мира
и последний участник Нюрнбергских процессов**

БОМБОРА™

Москва 2021

УДК 929(430)
ББК 63.3(4Гем)-8
Г97

Ответственный научный редактор,
автор предисловия и примечаний к тексту
профессор *Б. Р. Тузмухамедов*

Научный редактор, автор комментариев
профессор *О. Ю. Пленков*

Philipp Gut
JAHRHUNDERTZEUGE BEN FERENCZ. CHEFANKLÄGER DER
NÜRNBERGER PROZESSE
UND LEIDENSCHAFTLICHER KÄMPFER FÜR GERECHTIGKEIT
© 2020 by Piper Verlag GmbH, München/Berlin
© Benjamin Ferencz © Philipp Gut

Гут, Филипп.

Г97 Свидетель века. Бен Ференц — защитник мира и последний живой участник Нюрнбергских процессов / Филипп Гут ; [перевод с немецкого Е. В. Савиной]. — Москва : Эксмо, 2021. — 352 с.

ISBN 978-5-04-113351-1

Это была сенсационная находка: в конце Второй мировой войны американский военный юрист Бенджамин Ференц обнаружил тщательно заархивированные подробные отчеты об убийствах, совершавшихся специальными командами — айнзацгруппами СС. Обнаруживший документы Бен Ференц стал главным обвинителем в судебном процессе в Нюрнберге, рассмотревшем самые массовые убийства в истории человечества. Представшим перед судом старшим офицерам СС были предъявлены обвинения в систематическом уничтожении более 1 млн человек, главным образом на оккупированной нацистами территории СССР. Позже Ференц был центральной фигурой в переговорах о выплате Германией компенсаций жертвам Холокоста, внес весомый вклад в выработку Определения агрессии ООН и в создание Международного уголовного суда. Книга основана на личных беседах автора, швейцарского исследователя Филиппа Гута, с Беном Ференцем, а также на широком круге исторических документов. Ответственным научным редактором российского издания выступил судья международных трибуналов ООН по Руанде и бывшей Югославии (в отставке), профессор Б.Р.Тузмухамедов, комментарии были подготовлены специалистом по немецкой истории, профессором О.Ю.Пленковым.

УДК 929(430)
ББК 63.3(4Гем)-8

© Перевод. Савина Е.В., 2020
© Предисловие, примечания. Тузмухамедов Б.Р., 2020
© Комментарии. Пленков О.Ю., 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-113351-1

Содержание

Предисловие к русскому изданию	6
Больше чем начало.....	13
Глава 1. Из Адской кухни в Гарвард	17
Глава 2. На войне.....	38
Глава 3. Охота на преступников.....	55
Глава 4. Вечный медовый месяц.....	101
Глава 5. Процесс.....	109
Глава 6. Искушение	201
Глава 7. Как выигрывать «безнадежные дела»	246
Глава 8. Рабы немецкой индустрии	256
Глава 9. «Занимайтесь правом, а не войной».....	283
Глава 10. «Я желаю счастья этому миру!».....	323
Приложения.....	327
Алфавитный (именной) указатель	344

Предисловие к русскому изданию

Своим знакомством и добрыми отношениями с Беном Ференцем, героем этой книги, я обязан отцу. В уже далеком 1995 году я не без труда выбрался из центральной Боснии, где находился в качестве гражданского советника Сил ООН в бывшей Югославии, чтобы отправиться в Нью-Йорк на крупную международную конференцию. Добравшись до первого работавшего гражданского телефона в мирной Хорватии, стал обзванивать близких в Москве и от отца услышал: «Увидишь Бена Ференца — передай привет». — «Как я его узнаю?» — «Спроси любого — его все знают». Они познакомились на встрече советских и американских юристов, организованной Беном в 1990 году и упомянутой в главе «Занимайтесь правом, а не войной», быстро подружились, позже сотрудничали во Всемирном движении федералистов.

Конференция проходила в залах роскошной гостиницы «Уолдорф-Астория» на Парк-авеню, и, несмотря на многолюдье, Бена вправду найти было легко. Маленький (150 с небольшим против моих 187 сантиметров роста) человек с озорным взглядом, обладатель обворожительного баритона, был в центре внимания. Меня представили. Бен, крепко пожав мне руку и оценивающе оглядев, сказал: «Сын Раиса? Большой мальчик». «Мальчику» как раз минуло сорок.

Затем последовали переписка, встречи в Европе и Америке, знакомство с Доном — младшим сыном Бена и его правой рукой в общественной и публицистической деятельности. Нескромно добавлю: мы с Беном окончили один университет, правда с разницей в 51 год, и мне довелось не раз бывать в зале № 600 дворца правосудия в Нюрнберге, впрочем, по прошествии 70 лет после того, как его стены услышали голос Бена, едва возвышавшегося над трибуной:

«Отмщение — не наша цель... Мы говорим от имени человечества, ищущего защиту в праве...»

В 2009 году Бен выкроил время в своем насыщенном расписании и принял приглашение на конференцию по международному праву в России. Первое, что он сказал в зале прилета аэропорта: «Самое большое дело в моей жизни было посвящено уголовному преследованию нацистов, принесших огромные беды твоей стране, и вот ирония судьбы — я оказался здесь впервые лишь на 90-м году жизни!» Десятью годами позднее ему, вновь приглашенному в Россию, уже было не так просто отважиться на далекий путь, хотя еще в 2017 году мы виделись в Гааге на мероприятиях, приуроченных к закрытию Международного трибунала по бывшей Югославии. И все же Бен прислал эмоциональное видеоприветствие, завершавшееся словами: «Я посвятил всю свою жизнь тому, чтобы попытаться создать более гуманный и мирный мир — для всех вас, ваших детей и внуков» — и сказанным по-русски «до свидания».

Автор предлагаемой читательскому вниманию книги — историк и публицист, получивший образование в университетах Цюриха и Берлина, кстати, не чуждый жанра журналистских расследований. Филипп Гут — не юрист и не специалист по истории международных отношений, так что исследователь права или дипломатии едва ли столкнется на страницах книги с невиданными доселе откровениями. У читателя, привыкшего к строгому академическому изложению фактов, их анализу и обоснованию выводов, найдутся претензии к стилю письма Гута. Могу предположить, что яркий и сочный язык Бена Ференца, будь то в его «Историях», выложенных на личном сайте¹, публичных выступлениях, да и, наверное, в интервью с Гутом, не мог не поблекнуть при переводе на немецкий. Кстати, наши общие

¹ <https://benferencz.org/stories/> — *Здесь и далее — примечания ответственного научного редактора Б. Р. Тузмухамедова.*

с Беном знакомые немцы, прочитавшие книгу в оригинале, отмечали несовершенство перевода бесед, которые Гут провел с Беном. Некоторые шероховатости по мере возможности были сглажены при подготовке русскоязычного издания.

Биографии Бена Ференца издавались и ранее, отдельные упомянуты в списке литературы в конце книги. Филипп Гут не мог открыть ничего нового по сравнению, скажем, с вышедшей в США в 2014 году книгой Тома Хофманна «Бенджамин Ференц — нюрнбергский обвинитель и защитник мира»², тем более что ее автор близок к семье своего героя. Очевидно, что структуру книги, вплоть до деталей, пусть и подсказанную жизненным путем героя, Гут формировал с опорой на труд Хофманна, нанизывая на нее сведения, почерпнутые как из этого труда, так и из «Историй» Бена.

Чего пытался достичь Гут, сам немецкоязычный швейцарец, так это того, чтобы, как он отмечает в предисловии к германскому изданию, Ференц «получил в немецкоязычном пространстве то внимание, которого... заслуживает». Как представляется, не в последнюю очередь этой цели служит весьма подробное описание деятельности Ференца по компенсации ущерба европейским евреям, пострадавшим от Холокоста, и наследникам жертв, которая на несколько лет задержала его возвращение из Германии после завершения процессов в Нюрнберге, а потом много раз заставляла мотаться через Атлантику. Гут не пишет об этом в открытую, но, возможно, он разделяет обеспокоенность некоторых немцев среднего и старшего поколений тем, что, по словам министра иностранных дел ФРГ Хейко Мааса, «наша культура памяти разрушается»³. Отдельные наблюдатели усматривают признаки такого разрушения, к примеру,

² Tom Hoffmann, Benjamin Ferencz, Nuremberg Prosecutor and Peace Advocate, Jefferson: McFarland, 2013, 284 p.

³ Цит. по: Paul Hockenos, Has Germany Forgotten the Lessons of the Nazis? — The New York Times, April 15, 2019.

в недавнем решении Баварского административного суда Мюнхена о продлении на 20 лет права наследников генерала Альфреда Йодля на кладбищенский участок, где установлен кенотаф в форме прусского креста в память о высшем офицере вермахта⁴, подписавшем акт о капитуляции Германии в Реймсе⁵ и казненном в 1946 году по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге⁶. Кстати, именно в Мюнхене расположено издательство, выпустившее в свет книгу Гута.

И все же главное, что принесло международную известность Бену Ференцу, — это его участие в преследовании нацистских преступников, а позднее — международная миротворческая деятельность и усилия по содействию развитию международного уголовного права и институтов, чему уделено основное внимание в книге. Читателю самому судить о том, чего удалось — или не удалось — достичь Ференцу на этом поприще.

От себя могу лишь сказать, что определение агрессии, принятое Генеральной Ассамблеей ООН в 1974 году при активном содействии Бена, с годами приобрело немалый политический и юридический вес. На него ссылался Международный суд — один из шести главных органов ООН — в делах, связанных с применением силы в межгосударственных отношениях, и даже постановил, что некоторые важные

⁴ См.: Jacob S. Eder, *Germany Is Often Praised for Facing Up to Its Nazi Past. But Even There, the Memory of the Holocaust Is Still Up for Debate* — <https://time.com/5772360/german-holocaust-memory/>. В тексте решения от 29 марта 2019 года, любезно предоставленного автору «Предисловия» судьей Верховного суда Баварии д-ром Манфредом Даустером, имя Альфреда Йодля не упоминается, но его имя и годы жизни выгравированы в центре основания креста, установленного на фамильном участке кладбища.

⁵ Подробнее о подписании акта о капитуляции Германии на Западном театре 7 мая 1945 года см.: Г. Л. Розанов, *Конец «третьего рейха»*, 2-е изд., перераб. и доп., М.: «Междунар. отношения», 1990, с. 323–329.

⁶ Тело Йодля, как и других осужденных к смертной казни, после приведения приговора в исполнение было кремировано, а прах развеян по ветру.

его элементы отражают «общее согласие» и могут считаться «международно-правовым обычаем»⁷, то есть правилом, пусть и не записанным в договоре, но обязательным к исполнению. Однако Международный суд, разрешая эти дела, так и не квалифицировал незаконное применение силы в качестве агрессии.

Совет Безопасности ООН, на который Уставом Организации возложена основная ответственность за поддержание международного мира и безопасности, в том числе установление существования акта агрессии, ни разу не принял обязательную резолюцию с такой формулировкой, хотя, в экстренном режиме занимаясь нападением Ирака на Кувейт в 1990 году, вплотную приблизился к объявлению Ирака государством-агрессором.

Многие положения Определения агрессии 1974 года нашли воплощение в Римском статуте Международного уголовного суда (МУС) — еще одного крупного международного явления, возникшего не без участия Бена Ференца. Поначалу в Статуте лишь упоминалось преступление агрессии без детализации и установления процедуры, в соответствии с которой МУС мог бы начать рассмотрение дела о предполагаемом совершении такого акта. Лишь в 2010 году (через двенадцать лет после принятия Статута и через восемь — после его вступления в силу) на первой дипломатической конференции по рассмотрению действия этого международного договора удалось согласовать определение элементов преступления агрессии и порядка возбуждения судебного дела. Процесс этот сложен, значительная роль в нем отведена Совету Безопасности ООН, который, мягко говоря, не очень склонен квалифицировать применение вооруженной силы как нарушение Устава ООН и определять существование акта агрессии.

⁷ Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America), para 195. Merits, Judgment. I. C. J. Reports 1986, p. 93.

Да и сам МУС так и не стал эффективным органом, управляющим правосудие в разумные сроки и без чрезмерных затрат. Попытки избавиться от ярлыка «суда для Африки», прилипшего к нему из-за того, что с самого начала его деятельности большинство рассматриваемых дел основывалось на событиях на этом континенте, не пошли ему на пользу. Беда МУС еще в том, что он слишком легко соглашался принимать к изучению ситуации, переданные ему властями некоторых государств, будь то Кот-д'Ивуар или Украина, которые с его помощью пытались разобраться с внутренними дрязгами. Напомню, что об отсутствии намерения быть сторонами Римского статута заявили ранее подписавшие его США и Россия; Китай его даже не подписывал, а это ведь три из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН. Из стран арабского мира единственным государством, участвующим в работе МУС, остается Иордания, но это, как мне кажется, во многом заслуга упомянутого в книге принца Зеида — видного иорданского дипломата и члена правящей династии, сыгравшего значительную роль в ходе дипломатической конференции, а затем возглавившего Ассамблею стран — участниц Римского статута. Более того, за последнее время несколько государств заявили о намерении выйти из Статута, а иные так и поступили.

Так что же, все напрасно? Не думаю. Бен Ференц и его деяния уже заняли место в истории. Один из процессов в Нюрнберге, на котором он выступил главным обвинителем (сам Бен с иронией говорил, что как обвинитель он имеет 100-процентный показатель успешности — он выиграл крупнейшее уголовное дело, пусть оно и осталось единственным в его юридической карьере), был прямым продолжением Международного военного трибунала и закрепил его итоги, ставшие одним из элементов современного международного права. Ференц — не как дипломат или лицо, наделенное иными официальными полномочиями, но как авторитетный юрист и общественный деятель,

оказал влияние на формирование и практику наследников Нюрнберга — Международных трибуналов по бывшей Югославии и по Руанде, а в особенности Международного уголовного суда. Эти органы, далеко не свободные от критики, все же оставили след в развитии тех разделов международного права, которые регулируют не только преследование лиц, совершивших тяжкие международные преступления, но и защиту прав человека в целом, а особенно — защиту прав жертв вооруженных конфликтов. Их практику, как и решения МУС, изучают студенты-юристы во всем мире, на них ссылаются не только ученые-правоведы, но и практикующие юристы — адвокаты и судьи.

Автору этих строк довелось быть достаточно близко знакомым с несколькими героями второго плана, упомянутыми в книге Филиппа Гута. Один из них, американский юрист-международник с мировым именем Луис Сон (кстати, ростом ненамного выше Ференца) шутил, что его любимое животное — жираф, поскольку «голову он несет в облаках, но ноги всегда крепко держит на земле», являясь воплощением «идеализма в сочетании с реализмом»⁸. Это высказывание как нельзя лучше характеризует Бена — разумного мечтателя из числа тех, кто нередко оказываются провидцами.

*Бахтияр Тузмухамедов, профессор
международного права, судья (в отставке)
Международных трибуналов ООН
по Руанде и по бывшей Югославии*

⁸ Jo M. Pasqualucci, Louis Sohn: Grandfather of International Human Rights Law in the United States, *Human Rights Quarterly*, Vol. 20, No. 4 (1998), p. 944.

Больше чем начало

Как автор я очень рад, что биография Бена Ференца выходит на русском языке вскоре после публикации немецкого издания. Эта книга посвящена борцу за справедливость, чья деятельность тесно связана с расследованием преступлений нацизма против советского народа в период Великой Отечественной войны. После нападения национал-социалистического Германского рейха на СССР 22 июня 1941 года на советскую землю вторгся не только вермахт. На оккупированных территориях бесчинствовали специальные команды убийц, так называемые айнзацгруппы. Они истребляли евреев, коммунистических функционеров, цыган. Именно Бен Ференц разоблачил зверства айнзацгрупп над оказавшимися в их руках советскими людьми, заявил о них во всеуслышание и привлек виновных к ответственности на одном из Нюрнбергских судебных процессов.

Когда в марте 2018 года я впервые встретил Бенджамина Б. Ференца, я даже не предполагал, что наше знакомство приведет к интенсивному сотрудничеству и в итоге к написанию книги. Я собирался написать о Ференце — личности широко известной как в самой Америке, так и во всем мире, — статью для журнала и посетил его в Делрей-Бич (штат Флорида). Бен жил в коттеджном поселке с маленькими бунгало и искусственными водоемами. Наши беседы проходили оживленно, и вскоре он вскользь заметил, что я уже собрал материал для целой книги. Слова были сказаны как бы невзначай, но они не шли у меня из головы. Пожилой мужчина понравился мне сразу, и чем больше я о нем узнавал, тем сильнее им восхищался и тем большее уважение испытывал к его удивительной жизни. Ференц сразу же поддержал идею, хотя знал, что ему тоже придется потрудиться. Целью книги было рассказать не о его личности (благодаря своей долгой карьере Ференц достаточно известен), а о распространении его идей и устремлений.

Ференц пропагандировал идеи, основанные на собственном опыте. В 1947 году, когда ему исполнилось 27 лет, он был главным обвинителем по крупнейшему делу о массовых убийствах. В ходе процесса в Нюрнберге⁹ он привлек к ответственности высокопоставленных офицеров СС, возглавлявших так называемые айнзацгруппы¹⁰. Этот непревзойденный юрист никогда не считал, что его миссия судебного преследования военных преступников завершена. После войны в рамках политики репарации от Федеративной Республики Германии он ратовал за возмещение ущерба жертвам национал-социализма, а позднее был активнейшим сторонником создания Международного уголовного суда в Гааге. Все эти направления деятельности были для него неразрывно связаны. Нюрнберг был вехой в истории права — но однажды начатое дело требовало продолжения.

Меня впечатляли изобретательность и упорство, с которыми Ференц шел к своим целям. Я считал большой привилегией встретить одного из последних крупных очевидцев эпохи Второй мировой войны, который, как он сам говорил, «пролил свет на преисподнюю» и с тех пор прилагал все усилия, чтобы подобный ужас никогда не повторился. Когда я слушал, с какой неподдельной страстью он делится богатейшим опытом, накопленным почти за сто

⁹ По завершении работы Международного военного трибунала в Нюрнберге, находившемся в американской зоне оккупации, состоялись двенадцать так называемых последующих, или малых процессов, проведенных американскими властями. В процессах применялся Закон № 10 Союзного Контрольного Совета в Германии, а также правовые позиции, выработанные Международным военным трибуналом.

¹⁰ Einsatzgruppen (нем.) — в начальный период Второй мировой войны разведывательно-диверсионные группы специального назначения, взаимодействовавшие с вермахтом; после вторжения в Польшу сосредоточились на преследовании и уничтожении польских евреев. Перед нападением на СССР были переформированы и нацелены на поиск и уничтожение «врагов рейха» на оккупированных территориях. Находились в общем подчинении Главного управления имперской безопасности (РСХА).

лет жизни, мне казалось, что я сижу в первом ряду театра самой истории.

Помимо черновиков Ференца и автобиографических заметок, которые он разместил в разделе «Истории» своего персонального сайта, книга основана на двух источниках. Первый из них — те самые долгие беседы, которые мы с Ференцем вели во Флориде в марте 2018 года и в конце января 2019. Меня поражали его бодрость духа и почти фотографическая память. Нам составляла компанию его супруга Гертруда, страдавшая болезнью Альцгеймера. Ференц нежно заботился о жене вместе с сиделкой, которая регулярно к ним навещалась. Гертруда уже не участвовала в дискуссиях, но внимательно слушала, а когда он рассказывал что-то забавное, неожиданно заливалась смехом вместе с нами. Они знали и любили друг друга больше восьмидесяти лет. К тому моменту Ференц уже давно оставался последним ныне живущим главным обвинителем одного из Нюрнбергских процессов¹ и его живым символом. Вряд ли можно назвать случайностью то, что он повстречался мне в столь преклонном возрасте, — и позволил читателям познакомиться с его воспоминаниями и взглядами.

Вторым важным источником является обширный личный архив, который Ференц завещал американскому Мемориальному музею Холокоста в Вашингтоне. Он содержит письма, дневники, официальные документы, вырезки из газет, теле- и радиоинтервью, фотографии и многое другое. В январе 2019 года, когда правительство США приостановило работу¹¹, мне посчастливилось получить разрешение и поработать с хранящимися в музее сокровищами. Я мог рассматривать оригиналы и копировать микрофильмы.

¹¹ Президент и Конгресс не смогли договориться о статьях федерального бюджета на 2018–2019 годы, определяющих финансирование работы госучреждений, и правительство приостановило работу на 35 дней. Упомянутый музей частично финансируется из средств федерального бюджета.

То, что Ференц в связи с историей, краугольным камнем которой является Холокост европейских евреев, говорит об «оптимизме», — не случайность, но и не бестактность. Насколько ужасными были преступления, свидетелем которых он стал, настолько же непоколебимы его чувство юмора и вера в важность толерантности и сочувствия. Ференц — действующее лицо и летописец эпохи крайностей, и в нем великая история уживается со множеством забавных эпизодов, которые поднимают дух и позволяют отвлечься. «Сложное легко, простое — сложно» — вот основной принцип, который он соблюдает твердо и неукоснительно.

Множество людей помогли нам реализовать этот проект. Я всегда мог обратиться к Дональду Ференцу, сыну Бенджамина; он был нашим американским проводником, перед которым открывались любые двери. Генри Мейер, Ливью Караре, Нэнси Хартман, Анатолий Стек и Анна Кейв из американского Мемориального музея Холокоста оказали неоценимую помощь в исследованиях «Коллекции Бенджамина Б. Ференца». Мейер также предложил свои услуги шофера, чтобы я мог поработать с материалами, хранящимися в Шапел Центре — современном архивном и исследовательском центре, разместившемся в пригороде Вашингтона. Моя замечательная русская жена, Галина Гут, с большим терпением сопровождала процесс написания. Петер Бахманн благодаря своим связям в Москве помог нам найти первоклассное российское издательство «Бомбора-Эксмо». И наконец, я хочу упомянуть вклад самого Бена, как все его называют. Без его активного содействия и готовности рассказать историю своей удивительной жизни было бы невозможно написать книгу «Свидетель столетия Бен Ференц». Я никогда не забуду его захватывающие описания и природное обаяние. Надеюсь, мне удалось хотя бы отчасти передать их на страницах книги.

Ленцбург, Швейцария, октябрь 2020

Филипп Гут

Глава I

Из Адской кухни в Гарвард

Мальша за борт

Все началось с неверных данных. Когда 29 января 1921 года семья Бенджамина Берелла Ференца прибыла на остров Эллис в бухте Нью-Йорка, миграционная служба по ошибке зарегистрировала Бенни (так его называли родные) как четырехмесячную девочку по имени Белла. Кроме семейного положения — холост — ничто не соответствовало действительности. Во-первых, звали его не Белла, во-вторых, он не был девочкой, и, в-третьих, ему было не четыре месяца, а почти год. Он родился 11 марта 1920 года в обычном крестьянском доме в местечке Шомкута-Маре (нем. Großhorn) в Трансильвании. В то время область, в которой проживало довольно много евреев, входила в состав Королевства Венгрия. После Первой мировой войны Трансильванию уступили Румынии^I. Много позже Бен узнал из рассказов родственников, что им пришлось эмигрировать в Америку из-за распространения антисемитизма и крайней бедности. Фамилия Ференц, напоминая о габсбургском правителе Франце Иосифе^{III}, тоже не помогала — ведь Ференц означало то же, что и Франц.

Белокурый голубоглазый малыш отправился в Америку в сопровождении отца, матери, сестры Пепи, которая была старше его на два года, и дяди по имени Леппольд. Путешествовать в каюте третьего класса зимой через Атлантику было невыносимо. Бен истошно вопил от голода, холода или того и другого вместе. Из-за детского плача у отца сдали нервы, и он чуть было не вышвырнул ребенка за борт. В последнюю минуту его остановил Леппольд, старший из пяти братьев матери Бена.

Отец вез с собой тяжелый багаж: наковальни, молотки, сапожные инструменты. Он был сапожником и гордился

тем, что мог сшить пару сапог из одного куска воловьей шкуры. В детстве он лишился глаза и едва получил начальное образование, но надеялся достичь успеха в Новом Свете. Однако вскоре отец Бена вынужден был признать, что в Нью-Йорке нет спроса на сапоги ручной работы в европейском стиле. Американцы носили современную обувь, созданную на промышленном производстве, а сапожник не умел обращаться со сложными машинами.

Общество помощи еврейским иммигрантам приютило их на пару недель, так что отец Бена был счастлив, когда ему удалось найти жилье в старом нью-йоркском доме. Многоквартирный дом располагался в районе, известном как Адская кухня. Свое название район получил неслучайно — местность пользовалась дурной славой из-за высокого уровня преступности. Семье досталась маленькая, темная квартирка в подвальной части помещения.

С этим местом связаны первые воспоминания Бена. «Мне было около трех лет, когда мой разум вылупился из кокона», — такими словами начинаются его воспоминания. Ему запомнились дровяная печка и глубокая раковина, в которой купали детей, стирали одежду и полоскали тряпки. Газовые лампы разжигали с помощью спичек. В нишах были обустроены спальные места, и иногда, чтобы немного подзаработать, мать за скромную оплату пускала на ночлег европейских иммигрантов. Так что Бену нередко доводилось делить постель со своей сестрой или постояльцами. В других частях подвала обосновались «алкоголики и вонючие бездельники». Мама, которая говорила с Беном на иврите (а бранила на венгерском или румынском), увещевала сына держаться от «лентяев» подальше. «Я хорошо усвоил принцип: живи и давай жить другим», — говорил Бен.

Его первые религиозные воспоминания также восходят к раннему детству. Родители были ортодоксальными иудеями, и отец каждое утро посещал синагогу. Смысленный мальчишка с характером бунтаря, напротив, был «скептиком

с раннего детства». На полке у изножья его кровати мама зажигала маленькие свечи в причудливых стаканчиках. Она рассказывала Бену, что огоньки символизируют души усопших близких и, зажигая свечи, она поминает дорогих ей людей и разговаривает с ними. «Я понимал, что она говорила, но не был вполне уверен в этом. Я очень внимательно наблюдал за огоньками, и мне ни разу не удалось разглядеть в них душу или разум». Мать объясняла, что дым от свечей, которые она зажгла в память о безвременно ушедших, уходит на небеса, а Бен возражал: «Но у нас в потолке нет дыры».

Сомнения в вере сопровождали его всю жизнь. Когда Бен, уже как американский следователь, столкнулся с ужасами немецких концлагерей, его сомнения лишь окрепли. «Я спрашивал: “Господь, где ты был, когда убивали миллионы невинных мужчин, женщин и детей?” И я все еще жду ответа».

На улицах Нью-Йорка

Адская кухня была не самым дружелюбным местом. Там жили преимущественно ирландские и итальянские иммигранты, а их дети разбивались на соперничавшие банды, «чье любимое занятие состояло в том, чтобы устраивать друг другу взбучку». Бен ладил со всеми. «Обе стороны приняли меня как талисман. Когда банды не воевали, они промышляли мелкими кражами. Мы жарили картошку прямо на тротуаре, и она считалась вкусной только в том случае, если ее украли в овощной лавке», — пишет Бен Ференц в своих «Историях». В основном ребячьи развлечения, играя в азартные игры. «Когда мы стояли на коленях на асфальте, мы не молились — мы бросали кости». У Бена было особое задание, которое он выполнял с гордостью и находчивостью. Он стоял на стреме — выглядывал из-за угла и предупреждал игроков, если видел полицейского. Стоило ему подать сигнал тревоги, и мальчишки бросались наутек,

а полицейский гнал за ними. Когда полицейский возвращался, чтобы забрать выигрыш, там не было ни пенни. «Я успевал прикарманить все брошенные пенни. Кто успел — тот и съел», — рассказывал Бен о своих детских проказах.

Немало увлекательных часов Бен вместе с сестрой провел в кинотеатре «Чалона» на 9-й улице. Не то чтобы родители стремились привить детям интерес к кинематографу. Причина была прозаичной. Они не могли позволить себе няню, а яслей тогда еще не было. Кино представляло собой недорогую альтернативу. Заплатив за входной билет один дайм — десять центов, взрослые оставляли детей в зале и позже за ними возвращались. В эру немного кинематографа особенно популярны были вестерны «с обилием перестрелок и драк». «Ковбой гонялись за индейцами, а пианист в первом ряду наигрывал мелодии или издавал звуки, сопровождавшие события на экране», — вспоминал Бен. Однажды отец пришел забрать сына, а мальчика не оказалось на месте. Администратор выразил сожаление и сказал, что можно проверить кинозал, но для этого нужно подождать, когда закончится последний сеанс. Ближе к полуночи фильм закончился, и Бена нашли — он сладко спал, забравшись под кресло. «Когда на экране сплошные убийства и насилие, нужно хорошенько отоспаться, чтобы восстановить силы», — пояснял Бен.

В общем, ребенок был активным и непоседливым. Чтобы уберечь мальчика от неприятностей, родители поручали ему различные домашние дела. Он помогал отцу, которого в доме прозвали Джо-уборщик, вывозить мусор. Вначале мусор нужно было «собрать». Отец вручную управлял веревочным кухонным лифтом, а жильцы складывали мусор на полку подъемника. «В то время не было холодильников, и когда мы собирали мусор, это всегда ощущалось по запаху», — рассказывал Бен. Особое внимание он уделял пустым бутылкам из-под молока. Некоторые бутылки можно было вернуть бакалейщику и получить за это два, а иногда и три

цента. Менее прибыльными были его первые шаги в продаже прессы. Когда Бен увидел, как бойко другие мальчишки продают свежие газеты, он решил, что тоже так может. Бен собрал в подвале старые газеты, аккуратно сложил стопкой и отправился на улицу продавать «свежие новости». Прохожие спешили, не глядя брали газеты, монеты так и сыпались в руки Бена. Но вскоре обман раскрылся. Один хороший господин заглянул в газету и заметил, что она совсем не свежая. Виновато улыбаясь, Бен вернул покупателю два цента, но господин настоял на том, чтобы проводить его домой и рассказать о его проступке. Отец пообещал наказать преступника и забрал у него все деньги. «Я понял, что не каждое деловое начинание приводит к успеху, особенно если играешь не по правилам», — заключил Бен.

Великая депрессия

Бену было шесть лет, когда внезапно закончилось его детство, полное лишений, но все же счастливое. «Родители постоянно кричали друг на друга». Они были троюродными братом и сестрой, в брак вступили по родительской договоренности, а «нищета и тяжелая работа не делали жизнь слаще». Еще до рождения сестры Бена мать из-за выкидыша потеряла двоих детей, теперь она снова ждала ребенка, и напряжение в отношениях с мужем только нарастало. Чтобы подготовиться к рождению младенца, Бена и Пепи отправили погостить к дяде Леппольду, на его маленькую ферму в Порт-Джервисе (город в штате Нью-Йорк). Совсем скоро дети вернулись домой, и Бен сразу же помчался в темный угол их подвальной комнаты, чтобы поздороваться с новорожденной — это была девочка. «Мальшкы не было и следа. Мама мягко пояснила, что сестренка отправилась на небеса и больше никогда не вернется. Я разрыдался и вспомнил о мерцающих свечах в стаканах», — написал Бен годы спустя. Крошка умерла от воспаления легких.

Это стало последней каплей в браке родителей Бена. Они «просто не подходили друг другу» и в конце концов разошлись. Договор о разделе имущества не требовался, «поскольку никакого имущества не было». Родители согласились, что дети останутся под опекой матери. Семья должна была переехать из подвала, найти новое жилье и придумать какой-то способ сводить концы с концами. В «Историях» Ференц писал: «Государство не выдавало субсидии на содержание детей, систему социального обеспечения еще не придумали. «На Бога надейся, а сам не плошай», — таким был наш девиз в трудные времена». К счастью, у матери была старшая сестра, а у сестры были муж и собственный дом в Бруклине. Тетушка Фанни и дядюшка Сэм Айзек на время взяли в свою семью Бена и Пепи. Через полгода их отец женился на «миллой трансильванской женщине» по имени Роза Фрид, с которой познакомился по объявлению в газете. А немногим позже замуж вышла мама. Нового мужа звали Дейв Шварц, он был родом из Будапешта и раньше, когда они жили в подвальной комнатке, частенько заглядывал к ним гости.

Там же, в Бруклине, началось блестящее обучение Бена в школе — хотя вначале так не казалось. Когда Бену исполнилось шесть, отец хотел записать его в государственную школу в Манхэттене, но директор школы отказал ему. Мальчишка был совсем маленького роста и говорил только на иврите. Бен пошел в школу год спустя, когда жил у тети Фанни в Бруклине. Он с трудом, но все же говорил на английском и почти не умел читать. Его выручала исключительная память: «Если я слышал какую-то историю один раз, то мог повторить ее слово в слово. Однажды учитель поймал меня на том, что я правильно «читал» не с той страницы».

Бен и Пепи почти год прожили у тети с дядей, когда мама и Дейв Шварц смогли наконец снять квартиру в Бронксе. Дети вернулись домой, к маме. Иногда они навещали отца и его новую подрастающую семью — Роза вскоре родила двух сыновей. Однако едва восстановился хрупкий мир внутри

одной семьи, как большой мир за окном испытал большие потрясения. 24 октября 1929 года разразилась паника среди инвесторов нью-йоркской биржи. В 1932 году Великая депрессия достигла острой фазы. Миллионы американцев потеряли работу. Вслед за Соединенными Штатами экономический и финансовый кризис охватил Европу, а затем и весь мир. В Германии растерянные, презирующие парламентаризм представители консервативной элиты убедили рейхспрезидента Пауля фон Гинденбурга^{IV} передать бразды правления выходцу из низов Адольфу Гитлеру. После того как 30 января 1933 года Гитлера провозгласили рейхсканцлером, фюрер без колебаний вынес смертный приговор молодой демократии.

Семья Бена ощутила кризис в полной мере. Мать искала работу портнихи или шляпницы, Дейв — должность инструментальщика, вахтера или любую другую, чтобы хоть как-то прожить. Отец предлагал услуги маляра, но кто в таких обстоятельствах мог строить или ремонтировать дом? Многие нуждающиеся американцы получали помощь от правительства, но она была не безграничной. Бена отправляли получать продукты: хлеб, масло или сыр. Он терпеть не мог такие поручения. Однажды ему выдали зеленый шерстяной свитер, но Бен старался его не надевать. «Мне было стыдно его носить, потому что у остальных детей была такая же одежда, и все знали, где я взял этот свитер», — писал он в воспоминаниях. Они больше не могли платить за квартиру и постоянно переезжали — распространенное явление во время Великой депрессии. Некоторые арендодатели позволяли платить аренду по частям или соглашались подождать пару месяцев. Вместо того чтобы оставаться, спустя несколько месяцев многие семьи снова переезжали — так же, как Бен со своими родственниками.

Скитальческий образ жизни привел к тому, что за короткое время Бен сменил несколько государственных школ в Бронксе. Он не задерживался на одном месте настолько,

чтобы завести настоящих друзей. Из-за низкого роста он не мог заниматься такими популярными видами спорта, как баскетбол, футбол или бейсбол. Впрочем, мама и так считала, что «агрессивные игры» — неподходящее занятие для хорошего еврейского мальчика. Вместо этого у Бена обнаружилась страсть к чтению. У него всегда был при себе членский билет в общественную библиотеку, и он постоянно читал. В Бенджамине пробуждалось что-то, чего доселе не было в его окружении: ярко выраженная интеллектуальность. Это замечали и учителя. Частая смена школ не располагала к хорошей учебе, но его умственные способности никогда не оставались незамеченными. Бен быстро учился и «перепрыгнул» несколько классов.

Американская мечта

Если понимать американскую мечту как неограниченную социальную мобильность, то для Бена она исполнилась, когда он окончил восьмой класс средней школы 180 в Бронксе. Тогда произошло событие, которое изменило его жизнь. Его учительницей была приветливая ирландка миссис Коннелли. «Она заботилась обо всех учениках, как о своих собственных детях», — записал Бен. Однажды миссис Коннелли сказала Бену прийти в школу с родителями — с ними хотел побеседовать директор школы. Бен приготовился к худшему. Он объяснил учительнице, что придет только мама, потому что отец оставил их.

Эта встреча вошла в «Истории» Бена: «К назначенному часу мои растрепанные волосы были причесаны, грязные ботинки начищены до блеска. Держась за руки, мы с мамой явились на встречу с директором и классным руководителем моего выпускного класса. Медленно и осторожно они сообщили, что хотят поговорить о моем будущем. Тон не предвещал ничего хорошего». Они сказали, что Бен — «необычный мальчик», и мама приготовилась слушать лекцию о том, как приучить

невоспитанного сорванца к дисциплине. Однако речь пошла о другом. Миссис Коннелли и директор объявили, что хотят отправить Бена в специальную школу для «одаренных мальчиков».

Имелось в виду уникальное образовательное учреждение — средняя школа «Таунсенд Харрис» в городском районе Куинс. Успешное окончание этой школы означало прямую дорогу в Городской колледж Нью-Йорка. «Таунсенд Харрис» входила в число лучших средних школ в Америке и была бесплатной. Идеальный вариант для учеников из небогатых семей. Предложение было абсолютно неожиданным. «Никто в семье моих родителей никогда не учился. Все, кого мы знали, начинали работать, как только находили работу». Мама выглядела напряженной. «Она поблагодарила учителей и предложила им самим решить, в какой школе будет учиться ее сын». Бен тоже был обескуражен: «Я не знал, как это получилось и почему выбрали именно меня». Педагоги подтвердили: да, они совершенно уверены, что Бен должен учиться в «Таунсенд Харрис». Мама кивнула, Бен просиял. Не происхождение, а способности определили его будущее. «Такое было возможно только в Америке! С тех пор я навсегда стал благодарным патриотом своей страны», — торжествовал Бен.

Средняя школа «Таунсенд Харрис» располагалась на 23-й улице на Манхэттене. Дорога до нее была слишком долгой, и семья подыскала новое жилье недалеко от школы. Изобретательная мама умудрилась арендовать элегантный городской дом, который семья, конечно же, не могла себе позволить. Они заняли первый этаж, а остальные комнаты выгодно пересдавали.

Французский с Даниэль Дарьё

Теперь Бен быстро добирался до новой школы на автобусе по Лексингтон-авеню. Первым делом он усвоил, что, если хочешь сдать курс, нужно заниматься. Раньше с ним такого не было. В новой школе появились обязательные предметы,

в том числе новые для Бена математика и французский. Он начал изучать французский в кинотеатре, где показывали фильмы с живым звуком. Ему было четырнадцать, и он «влюбился» в Даниэль Дарьё — кинозвезду с типажом Ингрид Бергман. «Я прислушивался к ее благозвучному голосу, одним глазом следил за Даниэль, а другим — за крупными английскими субтитрами», — таким «слегка косоглазым» способом он добился хороших результатов. Эти знания пригодились Бену позже, когда ему приходилось заниматься переводом во время службы в армии. После войны он переводил в США для Рене Кассена, французского дипломата и юриста, который был одним из основных авторов «Всеобщей декларации прав человека» 1948 года. В 1965 году Кассен стал президентом Европейского суда по правам человека, а в 1968 был удостоен Нобелевской премии мира.

Несмотря на выдающиеся успехи, Бен едва не вылетел из школы. Чтобы оплачивать обеды, он зарабатывал деньги на неудачливых игроках, которым продавал проигрышные лотерейные билеты. При этом он следил, чтобы его доходы составляли не меньше 15 центов. На эти деньги Бен покупал на обед гамбургер и немного картофельного пюре. Дела шли так хорошо, что бывший торговец старыми газетами совсем позабыл, к каким последствиям могут привести нечестные сделки. Директор школы, доктор Роберт Частни, догадался, откуда ветер дует. Он вызвал Бена и приказал завтра привести в школу отца: «Еще одно слово, и ты вылетишь вон!» Бен не решился сказать, что не виделся с отцом больше года. Он помчался искать телефон и просил папу срочно приехать. В конце концов, тот задолжал своему старшему сыну. На следующий день доктор Частни продолжил бесконечную тираду в присутствии озадаченного родителя. По совету Бена, папа спокойно слушал директора и просто кивал, хотя и не понимал, к чему столько шума. «Школа — не место для азартных игроков и жуликов! — кричал директор. — Азартные игры запрещены.

Отцы обязаны учить своих сыновей соблюдать законы!» Он отпустил обоих, предупредив, что дает Бену последний шанс. Этот случай описан в «Историях» и заканчивается такими словами: «В трудные времена люди могут совершать поступки, за которые им потом будет стыдно. Я не вполне понимал это в четырнадцать лет и все же принял благоразумное решение уйти из игрового бизнеса и попытаться счастья в законопослушных занятиях».

Эта была не последняя стычка со строгим директором. Ближе к окончанию средней школы доктор Частни снова вызвал Бена в свой кабинет. Он узнал, что Бен пропускает занятия в гимнастическом зале и в это время уходит обедать. Бен пытался объяснить, что это единственный час, когда он мог перекусить, а пропущенные тренировки он отрабатывал в другое время. Частни поставил ультиматум: Бен обязан посещать все занятия строго по расписанию, иначе не видать ему диплома! Бен не пошел на компромисс («Не люблю ни ультиматумы, ни бюрократов») и нашел выход из затруднительного положения. На следующий день он отправился в Городской колледж и договорился о встрече с деканом, ответственным за прием студентов. Бен поинтересовался, примут ли его в Городской колледж без зачета по физкультуре. «Мы будем рады принять тебя», — ответил профессор, жизнерадостный ирландец, который принял просителя за земляка. Частни «побагровел от злости», когда Бен сообщил ему об этом. «Ты не получишь диплом об окончании школы!» — кричал он. Дружелюбный ирландец сдержал слово. Так и получилось, что в 1937 Бен перешел в колледж, формально не имея диплома об окончании средней школы.

Первые успехи в криминологии

Городской колледж Нью-Йорка стал следующим известным образовательным учреждением, которое посещал Бен. Обучение здесь тоже было бесплатным, а принимали

в колледж только хорошо подготовленных, перспективных и талантливых молодых людей. Многие были из семей иммигрантов.

«Они были грубыми и упорными. Для них колледж был шансом исполнить американскую мечту, а не местом для игр и развлечений», — писал Бен. Многие профессора были всемирно известными учеными. Один из них, философ и юрист Моррис Рафаэль Коэн, «с еврейским акцентом бросал вызов общепринятой морали», — вспоминал Бен выдающегося преподавателя. Во многом благодаря активной деятельности Коэна (который иммигрировал из Белоруссии в Америку двенадцатилетним мальчишкой) за Городским колледжем закрепилась слава «Гарварда для бедных». В то же время он считался гнездом радикальных левых. Один из предлагаемых курсов назывался «Диалектический материализм». Бен посетил занятие, посвященное дебатам между большевиками и меньшевиками, а также переписке Бухарина с Зиновьевым и другими сторонниками Русской революции 1917 года. От курса Бен отказался: «Революция и революционеры — не моя тема». Впрочем, он с критическим интересом наблюдал за словесными перепалками, которые «молодые коммунисты» устраивали с «молодыми социалистами» в одном из помещений Городского колледжа, известном как «Кремль». Он особенно внимательно прислушивался, когда активисты рьяно спорили о том, как добиться мира во всем мире. Нарастающее напряжение в Европе не осталось незамеченным среди американских студентов. Германский рейх усиленно наращивал вооружения и расширял свою территорию устрашающими и насильственными методами. После аншлюса Австрии в марте 1938 года Гитлер спровоцировал Судетский кризис со скрытой целью принудительно присоединить Чехословакию к Германии. Мюнхенское соглашение от сентября 1938 года должно было унять неукротимую жажду власти немцев, а тем временем Судетская область перешла к Третьему рейху. Британский премьер-министр

Невилл Чемберлен объявил, что это обеспечит «мир нашему времени». Он невероятно заблуждался. Политика умиротворения не подействовала на Гитлера; он захватил «остаток Чехословакии» и сформировал имперский протекторат Богемии и Моравии. Это стало началом конца свободной Европы. После нападения на Польшу 1 сентября 1939 года национал-социалистическая политика перешла от экспансии к открытой войне.

В дискуссиях радикальных студентов Бен не принимал ничью сторону: «Меня привлекала тема мира, и тогда я присоединился к дебатам. Насколько я понимал, основная цель коммунистов заключалась в том, чтобы разгромить социалистов, и наоборот. Что бы я ни говорил, обе стороны называли меня троцкистом. Тогда я не знал, что Лев Троцкий был известным контрреволюционером, чьи жизнь и карьера оборвались в ссылке в Мексике, когда агент Сталина ударил его ледорубом». Тем не менее Бен принял участие в марше активистов за мир во всем мире. Студенты Городского колледжа прошли больше трех километров и с высоко поднятыми знаменами подошли к Колумбийскому университету. «Мы пришли в элитный университет, рассчитывая на поддержку сотен интеллектуалов. Вместо этого студенты Колумбии объявили нам войну и забросали нас кусками мела и тряпками для классных досок». Бен пришел к такому выводу: «Я узнал, что есть разные взгляды на то, как управлять миром, и попытка сохранить мир может оказаться неблагодарным и даже опасным делом».

В этот период ранней юности произошли два события, которые повлияли на дальнейшую жизнь Бена — личную и профессиональную. Во-первых, он начал встречаться с Гертрудой, своей будущей женой. Впервые они встретились, когда она только приехала в город. «Ты совсем желторотик», — сказал ей Бен. «Глупый мальчишка!» — ответила девочка и удалилась с гордо поднятой головой. Позже они познакомились благодаря запутанным семейным связям. Однажды

Гертруда, или Герти, навещала свою тетю, которая приходилась Бену мачехой. Вместе они собирались поужинать, как вдруг заявила мама Бена. Она была вне себя, потому что Бен, уходя, запер квартиру и захватил с собой ключи, поэтому мама не могла попасть в дом. Разгорелся спор, в ходе которого Бен несколько многословно убедил мать, что сделал это не намеренно. «Герти была восхищена моими логичными и ловкими отговорками. Возможно, так я выиграл свое самое важное дело», — писал Бен годы спустя.

Они были примерно одного возраста, из одной и той же местности в Восточной Европе, у них обнаружили общие интересы. Бена впечатлили ее знание языка, грамотность и прилежание. Днем она работала на швейной фабрике, а после работы занималась в вечерней школе. Гертруда мечтала работать в социальной сфере, и вскоре ей предложили место социального работника в госпитале в Бронксе. В свободное время Бен и Гертруда посещали лекции в колледже «Купер Юнион» («они были поучительными и бесплатными») или ходили в зоопарк в Бронксе, «где можно бесплатно смотреть на обезьян». Иногда Бен угощал Герти мороженым в кафе на Тремонт-авеню.

Второе важное событие определило его профессиональную карьеру. «По причинам, которые я никогда не исследовал, я всегда знал, что хочу стать юристом». Возможно, на его решение повлиял жизненный опыт, полученный в Адской кухне: «Я искал направление, которое позволило бы мне снизить подростковую преступность. Так моей основной специальностью стала социология». На первом курсе колледжа Бен начал заниматься криминологией. Во время каникул он применил свои знания в исправительной школе для малолетних преступников в городке Доббс-Ферри на реке Гудзон. Здесь давали приют малолетним «беглецам, подросткам, которые прогуливали школу, вора́м и даже убийцам. Одно из их любимых занятий состояло в том, чтобы бросать кусочки сахара-рафинада в топливные баки машин

посетителей». Бен был ненамного старше вверенных ему воспитанников. По выходным он привозил для них пакет со сладостями, но ни разу не успевал угостить бедняжек, потому что кто-то ухитрялся стащить конфеты. Наконец, Бен предупредил, чтобы вор явился с повинной, но его требование осталось без внимания, и он устроил нарушителю ловушку. «В следующий раз я принес очень ароматные мятные леденцы. Виновный сразу проглотил наживку». Бен заставил шестерых подозреваемых пробежаться трусцой и выстроиться в ряд. Затем велел всем сильно выдохнуть. Личность вора тут же была установлена по сильному мятному запаху. Бен позволил соседям по комнате проучить виновного. «Возможно, некоторое время ему было сложно сидеть или стоять, но проступок больше ни разу не повторился. Опыт зачастую является лучшим учителем. Я отметил для себя, что мир и справедливость идут рука об руку», — к такому выводу пришел будущий юрист.

Образование в Городском колледже включало стажировку в органах юстиции Нью-Йорка. Бен вносил в судебные протоколы экспертные заключения психологов или психиатров. Так он составил представление о скрытых причинах нашумевших уголовных дел. «Я был удивлен и потрясен, когда обнаружил, что некоторые, казалось бы, добропорядочные граждане способны на самые жестокие преступления», — размышлял Бен. Такой же опыт он получил позже в Нюрнберге. Офицеры СС, которым он предъявлял обвинения перед американским военным трибуналом, происходили из благополучных семей и некогда получили престижные профессии. У многих было высшее образование.

В дни, когда Бен не корпел над учебой и не бродил за руку с Герти по паркам Нью-Йорка, он тренировался. Бен весил чуть больше 52 килограммов и решил попробовать свои силы как боксер в легчайшей весовой категории. Однако его высокие и длиннорукие противники обладали значительно большей дальностью, чем он. Тогда тренер

предложил ему сбросить пару килограммов, чтобы выходить на ринг в наилегчайшем весе. Бен рассказал об этой идее своей маме и столкнулся с резким сопротивлением. «Ни одну еврейскую маму нельзя убедить в том, что ее ребенку нужно похудеть. Мама пригрозила дать мне несколько уроков бокса, которые я запомню на всю жизнь. Так рисковать я не мог. Моя боксерская карьера закончилась», — написал он в «Историях».

У Бена было еще одно занятие, приносившее небольшой доход. Он писал курсовые для студентов других высших учебных заведений. Один старшекурсник Городского колледжа основал процветающее дело и предлагал собратьям курсовые работы и даже диссертации на всевозможные темы. Бен исполнял обязанности главного помощника. Он брался за все заказы по социально-экономическим дисциплинам. Бен набирал в библиотеке стопку книг, раскладывал их на полу в спальне и выдавал курсовую, как правило, за выходные. За работу платили 100 долларов. Польза, которую он извлекал, была весьма значительной: «Я не только зарабатывал на жизнь, но и развивал исключительную способность быстро читать и писать, а также узнал намного больше, чем можно выучить в колледже».

В 1940 году в возрасте двадцати лет Бен окончил Городской колледж и получил степень бакалавра общественных наук. Его оценки были превосходны; по всем предметам, которые были ему интересны, он был лучшим в классе. Он размышлял: «Что же дальше? Я не знал ни одного адвоката и не имел понятия о юридических факультетах. Мои родители не могли мне помочь. Я знал: чтобы вырваться из бедной среды и получить образование, необходимое для достижения моих целей, я должен попытаться стать лучшим студентом в лучшем юридическом университете мира». Бен отправил заявление на зачисление в Гарвардскую школу права. К его удивлению, все получилось с первого раза. «Я так и не выяснил, почему меня приняли в это элитарное

учреждение, однако меня зачислили в набор 1941 года», — рассказывает Бен.

Профессор Глюк наводит Бена на след

Бен переехал в маленькую студенческую каморку на кампусе Гарварда в Бостоне¹² и с нетерпением ждал первого дня обучения праву. Однако новичков приняли холодно. Вместо приветствия декан Школы права предупредил: «Посмотрите направо, теперь налево. В конце семестра каждого третьего здесь не будет». Треть студентов с худшими показателями автоматически попадала под отчисление. Бен озирался по сторонам и украдкой разглядывал соседей. «Мы все оцепенели», — вспоминал он позже.

Похожим образом развивались события дальше. «В Гарварде я узнал, что такое страх», — вспоминал Бен. Особым садизмом отличался профессор Эдвард Уоррен, преподаватель имущественного права. Студенты прозвали его Бык Уоррен. Однажды он вызвал первокурсника к доске, вручил ему десятицентовую монету и приказал позвонить родителям. Студент должен был сообщить родителям, что они зря тратят свои деньги, потому что ему никогда не стать юристом. Бен писал: «Другие однокурсники завывали от смеха и легкой паники. Больше я этого студента не видел». Хотя Бен получал высокие отметки, он очень огорчился, когда Бык унижал других студентов. Впрочем, однажды и его угрозило попасть под горячую руку. Он точно по расписанию пришел на занятие по имущественному праву и обнаружил, что в последний момент лекцию перенесли в другой корпус. Бен прибежал в другую аудиторию и осторожно приоткрыл дверь. Уоррен уже начал лекцию. Заметив Бена, он прервал доклад. «Ты! Пошел вон! Убирайся! Пошел вон!» — заорал

¹² Основной кампус Гарварда, включая Школу права, находится в Кембридже — пригороде Бостона на правах города.

он. Бен рванул из аудитории, словно за ним черти гнались. Уоррен больше не вспоминал об инциденте. В конце семестра он зачитывал низкие оценки студентов, которых хотел унижить. Бенджамин Ференц значился первым в списке. После занятия Бен подошел к Уоррену. Должно быть, это какое-то недоразумение. Бен напомнил преподавателю, что тот часто за ответ ставил ему оценку А, а теперь он назвал итоговую оценку D». «Ты опоздал на лекцию, — ответил Уоррен. — Я зачеркнул все твои пятерки, чтобы проучить тебя».

Были в Гарварде и великолепные профессора, вдохновлявшие Бена своими знаниями, интеллектом и характером. «Лон Фуллер натренировал и отточил мой юридический образ мышления», — писал Бен. Важной темой для этого философа было соотношение права и морали. Размышления Фуллера нашли отражение в работе его самого известного студента Рональда Дворкина. Бен восхищался проницательностью и аналитическим талантом профессора: «Фуллер мог проанализировать любую юридическую проблему и так разложить решение по полочкам, что мы видели, почему разумные люди порой приходят к совершенно разным выводам». Бен не раз применял этот подход в личной жизни: «Способность понять точку зрения другого человека, даже если она отличается от вашей, — бесценный навык, который помогает сделать жизнь сносной». Подобный подход, незаменимый для работоспособной демократии, он использовал и в работе. «Я всегда пытался понять аргументы оппонента и разумно их обосновать. Но это не значит, что я должен принимать их». Также Бен высоко ценил профессора Закарая Чафи, который преподавал этику: «Он отстаивал права человека задолго до того, как их включили в учебную программу. У него я научился терпимости и тому, что ко всем людям нужно относиться справедливо».

«Самым ученым» из своих профессоров Бен называет Роско Паунда, который начинал карьеру как ботаник, а завершил — как влиятельнейший правовед. Британская

энциклопедия причисляет пятитомную «Юриспруденцию» Паунда (1959) к «самым фундаментальным юридическим произведениям XX века». Его теория «социологической юриспруденции» призвала юристов адаптировать унаследованные правовые традиции к современным социальным условиям. «Право в действии» нашло применение в обосновании законов «Нового курса» Франклина Д. Рузвельта. Ответом президента на мировой экономический кризис стали грандиозные экономические и социальные реформы. Бен восхищался Паундом: «Его умение классифицировать знания по юридическим системам и поразительная память были поистине феноменальными». Когда Бен учился, столь уважаемый им профессор был пожилым человеком и почти ничего не видел. «Когда он читал свои записи, он был нудным. Но как философ права он был несравненным и интереснейшим человеком». Фуллер, Чафи и Паунд поставили Бену высшие оценки. «Я был благодарен им как великим учителям. Они также дали мне уверенность в том, что с помощью своего ума я смогу сравняться с лучшими из лучших», — писал Ференц.

Для Бена учеба в Гарварде «была огромным шансом чего-то достичь» и вместе с тем «каторжным трудом». Его средств едва хватало на еду. Рядом со Школой права находился отель «Коммандер». По воскресеньям в буфете отеля предлагали поздний завтрак по системе шведского стола. За 50 центов можно было взять «все, что вы сможете съесть», и Бен каждый раз пользовался этой возможностью. Чтобы как-то дотянуть до воскресенья, он устроился помощником официанта в кафетерий Школы богословия¹³ в Гарвардском университете. Он убирал со столов, и за это ему разрешали угощаться остатками блюд. Бен вспоминает: «Я был им так благодарен, что годы спустя отправил немного денег, чтобы

¹³ В европейской системе высшего образования — аналог факультета теологии.

оплатить обеды, съеденные бедным студентом Школы права». С тех пор теологи включили его в рассылку своих религиозных и конфессиональных бюллетеней. И Бен всегда их читает. Он уверен: «Пища для ума иногда важнее пищи для желудка».

Спартанский образ жизни располагал к уединению. Большинство студентов Гарварда происходило из старинных и состоятельных семей. «Их имена начинались инициалами и заканчивались римскими цифрами, они носили носки в ромбик и мягкие кожаные туфли, состояли в братствах, где распивали коктейли, а по воскресеньям катались на плоскодонках по реке Чарльз», — рассказывал Ференц. Из окон своей каморки Бен видел, что некоторые однокурсники ездят на шикарных красных кабриолетах. Если он хотел поехать домой, то ему приходилось добираться автостопом. Социальные различия его не беспокоили. «Я никому не завидовал, — писал Ференц. — Я был доволен, потому что у меня был выбор и возможности». Бен взял все от образования, которое предоставлял один из лучших в мире университетов. Его страсть к чтению только усилилась: «Моим представлением о рае было затеряться в книгохранилищах Гарвардской школы права». В книгах таких выдающихся судей и ученых-правоведов, как Бенджамин Н. Кардозо, Биллингс Лернед Хэнд и Оливер Уэнделл Холмс — младший, он открыл для себя «новый мир». Много лет спустя, когда Бен вернулся из Германии в Нью-Йорк, он основал свою первую адвокатскую контору и повесил над письменным столом портреты этих «вдохновляющих юридических гигантов». Однажды посетитель заметил, что великая тройка смотрит на него свысока, а Бен возразил: «Нет, это я смотрю на них снизу вверх».

Бен немного разнообразил свой досуг, когда его избрали в Совет студентов-наставников. Он помогал студентам младших курсов освоить методы исследований и написания юридических аннотаций. Вскоре Бен нашел федеральную

программу, которая предоставляла небольшие стипендии помощникам преподавателей, и сразу предложил свои услуги профессору Паунду. «Я часто видел его в библиотеке, когда он в бейсболке с зеленым козырьком склонялся над старым текстом. Я предложил ему находить и читать для него книги или выполнять другую полезную работу». Великий ученый вежливо отказался. Он объяснил, что невозможно «взять знания из одной головы и вложить в другую». Тогда Бен обратился с предложением к профессору Шелдону Глюку, преподававшему криминологию. Исследования подростковой преступности принесли профессору Глюку и его жене Элеоноре международную известность. Бен верил в свой шанс, и это было именно то направление, которым он хотел заниматься. Он сообщил профессору, что помощнику не нужно платить, потому что ему полагается стипендия по федеральной программе. Бен получил работу.

Это был поворотный момент в его судьбе. Профессор занимался не только подростковой преступностью, но и военными преступлениями нацистского режима. Он работал над исследованием, которое было опубликовано в 1944 году, еще до конца войны, под названием «Военные преступники. Их преследование и наказание». Бен получил первое задание — написать резюме к каждой книге Гарвардской библиотеки, в которой рассмотрены военные преступления. На базе этих исследований уже в 1946 году Глюк издаст труд «Нюрнбергский процесс и агрессивная война». Когда Бен приступил к обязанностям ассистента, он даже не предполагал, что эта работа определит дальнейший ход его жизни.

Глава 2

На войне

Пёрл-Харбор и последствия

Утром 7 декабря 1941 года Америка испытала шок. В 8:00 по местному времени японская императорская военно-морская авиация совершила внезапное нападение на военноморскую базу США Пёрл-Харбор на Гавайях. Последствия атаки, обрушившейся на американцев словно из ниоткуда, были разорительными и широкомасштабными. Большая часть кораблей и более 160 самолетов были уничтожены. Линкор «Аризона» затонул вместе с моряками, находившимися под палубой. При нападении погибло более 2400 американских военнослужащих. До этого момента Соединенные Штаты пребывали в уверенности, что находятся далеко от войны, бушевавшей в Европе. Британский премьер-министр Уинстон Черчилль напрасно добивался активной военной поддержки США в борьбе с гитлеровской Германией. Президент Рузвельт колебался. Закон о ленд-лизе от 18 февраля 1941 года, по крайней мере, позволял ему оказывать косвенную помощь союзникам. В первую очередь стратегические материалы поставляли в Великобританию и Советский Союз. Теперь с этим срединным положением США — одна нога здесь, другая там — было покончено. На следующий день после нападения на Пёрл-Харбор Америка объявила войну Японии. Вскоре державы «оси» Германия и Италия, союзники Японии, отправили в Вашингтон официальную ноту об объявлении войны — так региональный конфликт перерос во Вторую мировую войну, охватившую континенты. Вовлечение США изменило не только ход боевых действий, но и мировой облик. Теперь Германскому рейху противостояли два могущественных врага — Советский Союз на востоке и Соединенные Штаты на западе. Именно этим

государствам после победы союзников было суждено стать глобальными сверхдержавами и оказать влияние на реорганизацию Европы.

В это судьбоносное воскресенье 7 декабря 1941 года Бен находился в Кембридже (штат Массачусетс). Он сидел за столом в своей маленькой квартирке в мансарде, которую делил с однокурсником по Гарвардской школе права. Затаив дыхание, они слушали радио — передавали сообщение о воздушном налете на Пёрл-Харбор. Студенты со всего университета стекались на площадь Гарвард-Ярд, в исторический центр кампуса, чтобы выразить солидарность и поддержку правительству. «Каждый, кого я встречал, был готов пойти в армию и защищать нашу страну», — вспоминает Ференц. Того же хотел и Бен. Он не знал, что это решение надолго изменит его жизнь. Отныне его карьера, предполагавшая должность адвоката в Нью-Йорке или научные исследования, будет тесно связана с Германией и ее драматичной историей. Пёрл-Харбор стал поворотным моментом и в мировой истории, и в судьбе Бена Ференца.

Бен отправил письмо в Военное министерство в Вашингтоне, в котором сообщил, что лучше всего он проявил бы себя в военной разведке. Он свободно говорил на французском — наряду с венгерским, идишем, немецким и испанским, — и полагал, что его могут забросить в тыл противника во Францию. Однако армейская бюрократия не учла его пожеланий. Ответ был неутешительным: чтобы служить в разведке, необходимо не менее пятнадцати лет являться гражданином США, а Ференц получил гражданство только в 1933 году. Остальные варианты отпадали один за другим. В воздушный десант его не взяли, потому что из-за небольшого веса он, скорее всего, кружился бы в воздухе вместе с парашютом, вместо того чтобы приземлиться на землю. Он не мог служить военным пилотом, поскольку при росте примерно 150 сантиметров не доставал до педалей самолета. В конце концов его направили в 115-й зенитный

артиллерийский батальон, входивший в состав 3-й армии США под командованием генерала Джорджа Паттона, в отделение снабжения на должность переписчика на печатной машинке.

Однако пока до этого было далеко, ожидание растянулось на неопределенное время. Бен блестяще выдержал экзамен по уголовному праву и получил стипендию. Поэтому декан Джеймс М. Лэндис направил в отдел призыва письмо с просьбой дать перспективному студенту отсрочку до окончания семестра. Когда семестр закончился, Бен упаковал свои вещи и отправился домой. Он был готов к тому, что его призовут в любой момент. Однако ничего не происходило. Мама уговаривала его продолжить учебу: «Когда ты понадобишься, тебя позовут». Так что после каникул Бен вернулся в Гарвард. Его призвали спустя два года, и он успел в ускоренном темпе завершить учебу. В этот период все его мысли были только об армии: «Я не был милитаристом, но всей душой стремился разделить с остальными эту долю. Мысль о том, что другие рисковали своими жизнями, пока я сидел дома, была невыносима».

Весной 1943 года его наконец призвали на службу. Все, что он пережил при боевой подготовке к чрезвычайным ситуациям и затем на фронте на «Европейском театре», как американцы называли европейский театр военных действий, детально задокументировано. Помимо «Историй», об этом повествуют его военные дневники, письма Гертруде и официальные документы. «Подходящее время, чтобы начать военную карьеру, записывая свои наблюдения», — такой была первая запись в дневнике, датированная 8 сентября 1943 года. Бен решил вести дневник, потому что близко к сердцу принимал события, свидетелем которых оказался, и впоследствии не раз перечитывал свои записи.

Подготовку к боям на фронте батальон проходил на базах в США, таких как Кэмп-Дэвис (Северная Каролина), Форт-Пикетт (Вирджиния) и Форт-Дикс (Нью-Джерси). Рутинные

задачи не требовали особых усилий, и Бен не мог отделаться от чувства, что его способности не востребованы. В конце войны он принял участие в раскрытии военных преступлений и таким образом нашел свое предназначение. Очевидно, солдат с дипломом Гарварда вызывал комплекс неполноценности у офицеров. Армейское начальство отклонило просьбу о его переводе в другое подразделение и заявление о приеме в офицерскую школу. Поначалу Бен оставался простым солдатом, позднее был произведен в капралы и закончил военную карьеру в звании сержанта. Свои тревоги и разочарования Бен доверял дневнику. «Армия слишком велика и занята для того, чтобы обращаться с солдатами как с людьми», — записал он однажды.

Для укрепления боевого духа солдатам показывали многосерийный фильм известного режиссера Фрэнка Капры «Почему мы сражаемся». Позднее он вышел в прокат в кинотеатрах. Семь серий, смонтированные из документальной кинохроники, раскрывали тему «свободный мир против рабства». Когда на экране показывали страдания и разрушения в Европе, Бен не мог сдержать слезы. В кинозале было много чернокожих солдат, и Бену хотелось знать, как они к этому относятся. «Я спрашивал себя, продолжат ли они бороться за свою свободу потом, когда война будет выиграна», — писал он в дневнике. Он был потрясен «беспримерными жертвами» советских людей. Если мир будет спасен ради демократии, то в первую очередь за это нужно благодарить «народ России», писал он 2 декабря 1943 года, когда его батальон готовился к посадке на корабль.

Ранним утром 5 декабря в Нью-Йорке вместе с четырьмя тысячами других рвущихся в бой ребят Бен взошел на борт океанского лайнера «Стратнэйвер». Корабль британской судоходной компании Peninsular and Oriental Steam Navigation Company совершил свой первый рейс из Англии в Австралию в 1931 году. Девушки из Красного Креста раздавали «мальчикам» плиточный шоколад, пончики, кофе и улыбки.

«Мы так стремительно отчалили от небольшой пристани, что ничего не успели почувствовать», — описывает Бен прощание с родным городом. Вместе с товарищами их разместили на нижней палубе. Каюта, заставленная столами, на четырнадцать дней стала их «домом». Днем солдаты ели и играли за столами, на них же спали. Условия были более чем скромные — «еда была ужасной, и кормили два раза в день», а офицеры в своих каютах на верхней палубе и просторной кают-компании жили «как короли».

В Северной Атлантике их конвой, сопровождаемый военными кораблями, атаковали немецкие подводные лодки. Военному эскорту удалось отразить атаку. Чтобы ввести немцев в заблуждение, капитан держался южного курса и конвой шел к Британским островам мимо Испании. 16 декабря «Стратнэйвер» бросил якорь в бухте Ливерпуля. На следующий день войска сошли на берег. Далее на «странных английских поездах» они поехали в Манчестер на место первого лагеря. Остановился 115-й батальон в прекрасном месте — в парке развлечений «Бельвью» к востоку от центра города. Бен сразу заметил, что в изнуренной войне Европе нравы свободнее, чем в США. В «Бельвью» было много девушек, преимущественно из низших слоев населения, которых «легко было подцепить». Он считал неслыханным базироваться «в сердце квартала красных фонарей». Однажды в выходной день, когда стемнело, девушка хотела соблазнить его прямо на улице у всех на виду, признавался он в дневнике. Они жили «словно в бесплатном публичном доме». Впрочем, «респектабельные» девушки Манчестера не хотели связываться с «янки». У таких парней, как Бен, была дилемма: девушки, которые были ему интересны, не хотели с ним знакомиться, а те, которые хотели, не интересовали его. Бен понимал, что с его нравственными убеждениями встретить «приятное женское общество» будет сродни чуду. Еще сильнее ему помешали бы частые письма от Гертруды, но почта тогда работала очень медленно. Прошло немного

времени, и Бен все же познакомился с «умной девушкой», работавшей в телеграфном отделении. Он прозвал ее «девушкой с телеграфа». Девушка пригласила его в гости и познакомила со своей семьей. Когда 115-й батальон передислоцировался в окрестности Блэкпула, Бен еще раз встретил ее на этом известном курорте.

Боевая задача батальона сводилась к тому, чтобы готовиться к запланированному вторжению во Францию, при этом американцы зависели от британских начальников. В тот период армейская бюрократия доставляла Бену больше хлопот, чем враг. Его злило скудоумное начальство и расистские предрассудки в отношении темнокожих товарищей. Солдаты издевались над «черными бастардами», посмевавшимися выйти на танцплощадку и прикоснуться к белой девушке. Бен вступался за своих товарищей и объяснял сослуживцам, «что чернокожий в Европе рискует своей жизнью ради демократии». Возможно, тот факт, что они бок о бок сражаются за отечество, поможет когда-нибудь разрушить расовый барьер. Армейская структура построена на строгой иерархии — «звание дает привилегии» во всех отношениях, — но война всегда была великим уравниателем, дававшим мощный толчок к эмансипации. Об этом Бен также размышлял в своем дневнике.

Европа: «перед большим футбольным матчем»

Через год после начала солдатской жизни, 21 марта 1944 года, Бен подвел итоги. За это время он почти не изменился, хотя по сравнению со своими товарищами испытал «небольшое разочарование». Будучи «заложником» зачастую тупых военных порядков, он только пожимал плечами после очередного поражения. Возможно, это пригодится в гражданской жизни. «Я все еще мирный житель в военной форме и надеюсь им остаться», — писал Бен. Он был

благодарен, что его батальон еще не понес потерь: «Весь ужас был впереди». Несмотря на это, Бен хотел поскорее вступить в бой — «чтобы приблизить день, когда я смогу вернуться домой».

Все это время батальон с промежуточными остановками передвигался в сторону Стоунхенджа на юго-западе Англии. 17 апреля в лагере Блэндфорд в Дорсете Бен записал: «Повсюду в воздухе ощущается возбуждение. Накануне самого грандиозного шоу на земле я страстно желаю, чтобы оно скорее началось». Моральный дух был очень высок, атмосфера — «как перед большим футбольным матчем». Несмотря на страх перед неизбежным, все до единого рвались в бой. В своей рассудительной манере автор дневника — еще до начала сражения — задумывался о послевоенной жизни. Уничтожение фашизма будет первым шагом, «который позволит нам сделать мир лучше». Однако это будет нелегко. Бен опасался, что после войны люди станут «извращенными и выродившимися». Большинство его товарищей думали только об удовольствиях, и они, вероятно, последуют за тем политическим лидером, который пообещает им наибольшую выгоду. Слово «идеалист» было сродни ругательству, идеалы обесценились; во время «войны за спасение цивилизации» они считались скорее насмешкой. «Какой циничный век!» — размышлял Бен в письме Гертруде от 20 апреля 1944 года.

Поговорив с товарищами по казарме, Бен написал памфлет об армии, посвященный «природе свободного человека». Среди сослуживцев преобладали «безнадежные пораженческие настроения», но не в военном, а в политическом смысле. «Мальчики» считали себя «пешками» в руках власть имущих. В этих условиях они все равно ничего не могли изменить, так зачем вообще это обсуждать? Бен был потрясен: они с легкостью рисковали своими жизнями, но не давали себе труда задуматься. В масштабах армии вырисовывалась впечатляющая картина: «Десять миллионов человек,

вооруженные до зубов, пожимают плечами и говорят: “Мы ничего не можем с этим поделать!”». Теперь он лучше понимал, «как такой сумасшедший фанатик, как Гитлер, мог прийти к власти». С горечью Бен заключил: «Легко поставить на кон свою жизнь. Трудно думать». Система образования полностью провалилась. После Первой мировой слова президента Вудро Вильсона о том, почему США объявили войну Германской империи в 1917 году, превратились в «циничную шутку». «Мир нужно сделать безопасным для демократических стран», — сказал тогда Вильсон.

«Я ненавижу армию и военную жизнь и не хочу, чтобы моим детям когда-нибудь пришлось через это пройти», — писал Бен в дневниках. Подобные мысли не означали, что Бен чувствует себя беспомощным, напротив, они придавали ему сил: «Поэтому я сделаю все возможное, чтобы первый шаг был успешным, и надеюсь, что смогу сделать еще больше в важнейшей задаче восстановления».

День Д с отсрочкой

Второй том дневника (первый закончился перед вторжением в Нормандию) Бен планировал начать после того, как ступит на французскую землю. Но день Д — день начала военной операции, то и дело откладывали. Последние приготовления застали батальон Бена на меловом плато — Солсберийской равнине возле доисторического капища Стоунхендж. Американцы добросовестно подготовились к пересечению Ла-Манша и упаковали в герметичные контейнеры все припасы, даже туалетную бумагу. Контейнеры надежно уложили в трюмы судов, стоявших на якоре у побережья. После того как вторжение снова перенесли, в батальоне возникла острая нехватка потребительских товаров. Запасы исчерпались, в дело пошла армейская газета Stars and Stripes («Звезды и полосы»). Ситуация требовала творческого решения. Как опытный переписчик на печатной

машинке Бен знал, что в армии никогда не заканчивается бумага, и придумал, как приспособить под нужды папиросную бумагу для машинописных копий. Он нашел поблизости английского мясника, который тесаком разрубил стопки бумаг на четыре части. Бен вернулся в армейский лагерь с триумфом и солидным запасом туалетной бумаги. «Я уберег батальон от участи худшей, чем смерть», — шутил он в «Историях».

В день высадки союзников 6 июня 1944 года Бен заступил на ночное дежурство. «Сегодня день Д», — записал он и подчеркнул дату. В 7:00 утра Бена сменили, и он отправился спать. В 9:30 в палатку ворвался приятель, растормошил Бена и закричал: «Наступление началось! Наступление началось!» Бен вскочил и вместе со всеми побежал туда, где квартировал комбат. Взволнованные солдаты толпились возле радио. Они услышали лаконичное сообщение о том, что великая битва продолжается. Это была первая из так называемых сводок Эйзенхауэра, верховного командующего экспедиционными силами. Утром под его командованием началась высадка союзников на северном побережье Франции. Морская часть операции осуществлялась при мощной поддержке с воздуха.

Высадка в Нормандии, или операция «Оверлорд», стала крупнейшей десантной операцией в истории. Бен видел, как двигалась гигантская армада: «Небо почернело от самолетов. Многие из них тянули за собой планеры». Море было усеяно многообразными судами. Чтобы переправить через пролив более 150 000 солдат, были задействованы 3100 десантных кораблей; поддержку обеспечивали 1200 военных кораблей и 7500 самолетов. Наступающим пришлось преодолеть Атлантический вал — линию укрепления немцев длиной 2600 километров, идущую из Норвегии на юг Франции, или «пояс бастионов», как называл его Гитлер. Участки пляжа, на которые высаживались союзники, получили кодовые названия «Юта» и «Омаха» (американцы),

«Голд» и «Сорд» (англичане) и «Джуно» (канадцы). После того как войска десантировались, штурмовые отряды бросились по воде к суше и пробились вверх по дюнам, под шквальным огнем немцев, сбивавшим их с ног. В первый день вторжения потери союзников составили 12 000 человек, из них 4400 погибших.

В день Д подразделение Бена должно было участвовать в операции. Бен сгорал от нетерпения, но, к его сожалению, планы изменились, и сначала через Ла-Манш переправили соседний батальон. «Теперь, когда началась большая «игра», я немного разочарован тем, что не участвую в наступлении. Я знаю, что мне стоит радоваться, ведь так я остаюсь в большей безопасности, но очевидно, что после всех тренировок и ожидания, учитывая важность события, я страстно хочу быть в его эпицентре», — признался Бен. Создавалось ощущение, что в последний момент его отправили на «скамейку запасных». Вместо того чтобы высадиться 6 июня, он ступил на берег «Омаха»^v спустя целый месяц. Переход через пролив под палящим солнцем показался ему бесконечным. Повсюду были видны следы битвы, над водой торчали обломки затонувших кораблей. Маневренные десантные лодки доставили солдат в зоны высадки. Бросили трап. Бен взял винтовку на плечи и спрыгнул. Большинству солдат вода доставала до колен, Бен оказался в воде почти по пояс. В колонне они поднялись на холм. «Длинная цепочка солдат, идущих друг за другом, поднимаясь на холм, образовала примечательный силуэт на фоне неба», — записал Бен в дневнике.

Укрепленные позиции немцев превратились в «разгромленный бомбардировками хаос». Бен заметил огромный взорванный бетонный бункер с уцелевшим скелетом стальных арматур. Вокруг громоздились остатки немецких 88-миллиметровых зенитных орудий. На американском военном кладбище тянулись ряды свежеекрашенных крестов — молчаливых свидетелей того, «что было совсем нелегко» оттеснить вермахт. Бен глянул на море, и его глазам

открылось «живописное зрелище»: заградительные аэростаты для защиты от вражеских самолетов, буксируемые кораблями союзников, выглядели так, «как будто над нашими судами парили серебристые рыбы».

Любовь и смерть во Франции

Следующие недели и месяцы 115-й зенитной батальон участвовал в освобождении Франции. Он следовал за наступающими американскими танками, отставая на несколько дней. Маршрут пролегал через Ле-Ман, Орлеан, Санс, Люневиль и Нанси до границы с Германией. Иногда от линии фронта их отделяло тридцать километров, а иногда — меньше десяти. Днем обычно было тише, а по ночам, когда немецкая авиация начинала бомбить дороги, мосты и войска союзников, зенитчики открывали огонь. Бен привык к шуму и все же засыпал в бункерах, обложенных мешками с песком. Поначалу американцы продвигались медленно, затем развили стремительный темп. Они поняли это в начале августа на подходе к городку Сен-Илер-де-Ланд в Бретани. Вдоль дорог лежали черные, вздутые трупы немецких солдат. «Я чувствовал запах, когда подходил ближе», — писал Ференц. Это означало, что немцы не успевают хоронить павших. «Немцы отступают так быстро, что мы с трудом поспеваем за ними», — отметил Бен в Алансоне 15 августа. Французы тепло и радостно встречали наступавших американцев. «Я мог завести сотни знакомств», — вспоминает Бен. Он любил беседовать с местными жителями и узнавать, что они думают и чувствуют. В Шато-дю-Го, к югу от Сен-Илер, Бен познакомился с девушкой — «умной, привлекательной и моего роста». Она была «благочестивой католичкой и вела себя очень сдержанно», и Бен считал ее «очаровательной». Оказалось, что ее отцу принадлежит замок. Конечно, Бена, а вместе с ним и других американцев (обычно это были офицеры) приглашали в гости. Там он познакомился

со всей семьей. В поместье было небольшое озеро, где он купался с «девушкой из замка». Потом она отвела его в местечко, которое было «очевидно любовным гнездышком». «Нам удалось сбежать от остальных, пробежав через лес в укромное местечко. Как только мы остановились, чтобы перевести дыхание, милая мадемуазель, к которой я никогда раньше не прикасался, обвила меня руками и начала страстно расцеловывать в щеки», — описывал Бен свое приключение. Она была «явно неопытной», но не такой застенчивой, как он подозревал. «Одно вело к другому, и я вынужден признать, что этот удивительный роман был очень приятным, — откровенничал он в дневнике. — В тот вечер мы ушли на фронт».

13 сентября, недалеко от Сен-Дизье на северо-востоке страны, он написал: «С момента моей последней записи мы проехали через всю Францию. Немцы в панике отступали, а мы продолжали наступать им на пятки». Во время прорыва он был слишком занят, чтобы делать заметки. К этому моменту оккупационные силы были в основном изгнаны. Столицу Франции Париж освободили 25 августа. Через день лидер Сопротивления генерал Шарль де Голль под всеобщее ликование народа вернулся из лондонской ссылки. Он сформировал первое временное правительство. Режим Виши, сотрудничавший с национал-социалистами, рухнул. Союзные войска также продвигались с юга по рекам Рона и Сан. Они принесли долгожданное облегчение 3-й армии^{VI}, как отметил Бен. Оставалось подождать, пока пехота перейдет Мозель, чтобы нанести «последний удар». «Немцы спешно отправились в Германию, где мы непременно встретимся снова», — записал Ференц.

Между тем у Бена появилось новое увлечение. В «прекрасном городе» Сансе он нашел «еще один замок и пышногрудую блондинку». Он уже знал, что «проблема любви во Франции» состоит в том, чтобы избавиться от внимания «старшего поколения», ведь семья и близкие цепляются

за девушку «как кучка голодных кровососов». Но как только смущенная парочка уединится (хотя это почти невозможно), все остальное произойдет «само собой». «Крайне любопытные нравы», — подытожил Бен.

Вскоре зенитные батареи двинулись дальше. К ним присоединился 313-й пехотный полк 79-й дивизии. Пушки падали из всех стволов по отступавшим с боем немцам. «Тот факт, что следующая бомба может взорваться рядом со мной, не вызывал у меня сильных переживаний», — записал Бен 17 сентября. В Люневиле (Лотарингия) он снова смог насладиться приятными сторонами солдатской жизни. Танки Паттона вошли в город. Вермахт все еще укрывался в окрестных лесах и жаждал мести. Бен дежурил на мосту и предупреждал местных жителей об опасности вражеского обстрела. Во время его вахты на мост выехала на велосипеде девушка лет двадцати. Бен остановил ее и сообщил, что здесь начинается зона обстрела. Поблизости рвались бомбы. Девушка ответила, что торопится домой, и рванула прочь, игнорируя опасность. На следующий день они случайно встретились, и девушка пригласила Бена в гости отпраздновать «день освобождения Люневиле». Ее отец был профессором университета в Нанси, мать — учительницей. Каким-то неведомым образом они смогли устроить настоящий пир. На столе были тушеный в вине кролик, которого профессор поймал сам, рыба, жареный цыпленок и шампанское, хранившееся в подвале с начала оккупации. Хозяева чокались с Беном и произносили тосты за американцев и «освобождение». Более четырех лет они ждали этого момента и были счастливы разделить с ним праздник. Бен знал, что в повседневной жизни так не пошикуешь: «Обычная трапеза состояла из супа, картошки, макарон, пары кусков хлеба и грецких орехов». Он все чаще навещал гостеприимную семью и приносил с армейской кухни больше еды, чем съедал сам. Бен писал в дневнике: «Чувства были платоническими, но чудесно разнообразили армейскую жизнь».

«Теперь мой час настал!»

Бен все еще считал свою работу «скучной» и не вдохновляющей. Ситуация изменилась 1 декабря 1944 года, в день, когда ему было приказано прибыть в военно-юридическую секцию юридического отдела армии. После того как он в очередной раз обратился с просьбой о переводе, новый командир батальона, капитан Клатте, направил его в штаб 3-й армии генерала Паттона. Там старшие офицеры опросили его и проверили на профпригодность. «Они были очень приветливы, но сообщили, что вакансий нет», — рассказывал Бен. Тем не менее юристы настояли на том, чтобы он выслал им свое заявление с рекомендательным письмом и юридической статьей, которую написал для «Журнала уголовного права и криминологии», находясь в казармах в США. Бен сделал, как ему сказали, и через две недели пришел приказ о переводе. «Как я был удивлен! — вспоминает он. — Я поспешно попрощался со всеми, и с колотящимся сердцем отправился в Нанси, где был расположен штаб 3-й армии». Спустя два дня он сделал вдохновляющий вывод. Все было «замечательно», товарищи и начальство были очень любезными, а атмосфера больше соответствовала «нормальной юридической фирме, чем армейской службе». Почти все были юристами или судебными стенографистами, «и уровень интеллекта был неизмеримо выше, чем в 115-м батальоне». Вначале Бен рассматривал дела, которые передавались в Общий военный трибунал — высший военный суд армии США. Он должен был изучить и при необходимости подвергнуть критическому анализу процессуальные вопросы, применение закона и приговор. Это можно было сравнить с обязанностями апелляционного судьи. «Наконец-то я снова работаю юристом», — ликовал он. Отголоски той радости все еще слышны на страницах «Историй» Бена: «Теперь мой час настал!»

Начало последнего года войны он встретил в прекрасном расположении духа в Нанси. 12 января 1945 года он

написал, что работа в системе военной юстиции по-прежнему «увлекательна и приятна». Помимо написания обзоров и меморандумов по правовым проблемам, он занимался исследованиями в области международного уголовного и военного права. Впервые за время службы он занимался тем, что в последующие годы сформировало его жизнь. К этому времени сообщения о зверствах, совершенных немцами, уже распространились по всему миру. Еще в 1943 году союзники приняли решение, что немецкие военные преступники после войны непременно предстанут перед судом. После встречи министров иностранных дел США, Великобритании и Советского Союза в Москве в октябре 1943 года Рузвельт, Черчилль и Сталин 1 ноября опубликовали следующее заявление: «Пусть те, кто еще не обогрел своих рук невинной кровью, учтут это, чтобы не оказаться в числе виновных, ибо три союзные державы наверняка найдут их даже на краю света и передадут их в руки обвинителей, чтобы смогло свершиться правосудие».

Бен не мог объяснить, чем вызвано неожиданное решение перевести его в последние месяцы войны в ту сферу, где он мог бы наилучшим образом использовать свои способности. Позже он заподозрил, что профессор Гарварда Глюк принял участие в его судьбе. После общего заявления трех лидеров стран-союзников армейское руководство в Вашингтоне связалось с Глюком, чтобы тот порекомендовал им подходящих кандидатов. «Мы поддерживали связь, и я думаю, что он упомянул мое имя, когда представители армии обратились к нему», — предположил Бен. В любом случае, его вышестоящий офицер подтвердил, что сигнал поступил из Вашингтона. Там в июле 1944 года Военное министерство основало Отдел по военным преступлениям — отдельное подразделение, занимающееся расследованием военных преступлений. В последние месяцы боевых действий в Европе, когда союзники освобождали все большие территории Германии, следственная деятельность

была усилена. Группы по расследованию военных преступлений американской армии выслеживали подозреваемых, допрашивали свидетелей и собирали доказательства. Благодаря инициативе и профессионализму Бен сыграл в этом расследовании ведущую роль.

Даже оставив службу, он во многих отношениях был абсолютно удовлетворен: «Я объездил много городов, познакомился с десятками интересных (хотя и печально известных) людей и получил ценный опыт». В Нанси он узнал, что такое «la vie française» — французская жизнь. Охранник у ворот штаба не останавливал никого, кто знал пароль, и удостоверения личности в городе проверялись редко. Почти каждый вечер Бен отправлялся на прогулку со своим коллегой — юристом и выпускником Нью-Йоркского университета, «чтобы посмотреть все, что можно увидеть, и делать все, что только можно сделать. Я был поражен! Все, что рассказывают о француженках, — правда!» Ему казалось, что он знает всех девушек в Нанси и побывал в каждом кафе города. Война, все еще близкая, похоже, не могла помешать праздной шумихе. Повсюду играли оркестры, подавали пиво. «Все девушки хотели провести с нами время. Какая жизнь!» — удивлялся Бен.

Он увлеченно работал и наслаждался ночной жизнью, а в это время на фронте происходили драматические события. Перед Рождеством немцы начали Арденнскую операцию, последнее крупное наступление на Западном фронте. Целью вермахта было завоевать гавань Антверпена, важную линию снабжения союзников. Вместо того чтобы развивать наступление на Германию, американцы были втянуты в самую кровопролитную для них сухопутную битву во Второй мировой войне. В общей сложности с обеих сторон было задействовано более миллиона солдат. В американской армии погибло около 20 000 человек и еще более 56 000 человек были ранены или пропали без вести. Бен видел, что ситуация меняется. 12 января 1945 года он записал

в дневнике, что немцам удалось прорвать фронт и оттеснить 1-ю американскую армию. Чтобы замедлить наступление немцев и заполнить возникшую брешь, войска 3-й армии генерала Паттона спешно перебросили на юг. Танкисты Паттона атаковали немцев с южного фланга, сняли осаду Бастони в Бельгии и освободили окруженные там американские подразделения. «Мы также переехали, чтобы быть ближе к линии фронта», — писал Ференц. 8 января штаб перебазировался в Эш в Люксембурге, а 4 февраля — в столицу Великого Герцогства.

Арденнская операция оказалась последней наступательной операцией вермахта; она не могла остановить наступление союзников на территорию Германии. Со всех сторон американские, английские и русские армии зажимали отступающих немцев. Некоторые крупнокалиберные пули тем не менее достигли штаб-квартиры Паттона в Люксембурге. Бен сообщает о нескольких бомбах, упавших в паре кварталов от штаб-квартиры и вызвавших незначительные разрушения. Однако военно-юридическая секция не пострадала. «Битва за Выступ», как американцы называют наступление в Арденнах, закончилась 25 января поражением немцев¹⁴. Теперь союзники были готовы нанести последний удар по Германскому рейху. «Нацисты были отброшены назад через Рейн, и 3-я армия движется за ними», — отметил Бен 10 февраля. Вскоре штаб-квартира последовала за фронтовыми частями. «На этот раз в Германию». Война больше не могла продолжаться долго.

¹⁴ Немалый вклад в удачный для союзников исход Арденнской операции внесла Красная Армия, досрочно, по просьбе У. Черчилля и И. Сталина, начав Висло-Одерскую операцию.

Глава 3

Охота на преступников

«Я вижу и делаю самые интересные вещи в Европе»

«Помнишь мои работы в сфере военных преступлений? Так вот, я снова к этому вернулся», — написал Бен в письме Гертруде от 28 февраля 1945 года. В графе «отправитель» было указано «где-то в Люксембурге». В этот раз речь шла не о теории, которой он занимался в Гарварде, а о практическом применении всех его знаний. По словам Ференца, преследовать в судебном порядке немецких преступников было гораздо приятнее, чем американских солдат, нарушавших дисциплину. Емугодились и профессиональные знания, и талант к языкам. Поскольку офицеры, участвовавшие в расследовании, не говорили по-французски, они обращались за помощью к Бену. Ему поручили изучать сведения о немецких зверствах — количество свидетельств постоянно увеличивалось. Во время следственных мероприятий его сопровождал офицер, чтобы на месте присутствовало лицо с достаточно высоким воинским званием, однако Бен сам руководил расследованием. В письме он рассказывал, как проходят расследования: «Мы регулярно получаем сообщения от военной разведки и контрразведки. Они передают нам имена жертв немецких злодеяний. Наша задача — найти выживших и выяснить подробности преступления и имена преступников». В письмах Бен пересказывал истории, рассказанные пострадавшими, и впечатлительная Гертруда не могла спать по ночам. Он отметил, что люксембургские и французские полицейские очень отзывчивы и «за одну сигарету можно заставить всю полицию двигаться». Бен встречался с бойцом люксембургского Сопротивления, которого немцы отправили в концентрационный

лагерь. Заключенный видел, как его товарищей, участников движения Сопротивления, заставили копать себе могилу. Он «очень отчетливо» помнил преступников, их имена, лица, полк и старшего командира. «Я печатаю все, что он рассказывает, слово в слово», — отмечал Бен.

Если бы эти дела можно было довести до суда, Ференц был бы абсолютно удовлетворен. Но средства и возможности военной юстиции в судебном преследовании военных преступников были ограничены. Оставалось ждать, что когда-нибудь справедливость восторжествует. Ференц опасался, что главные преступники уйдут от наказания. Пока было неясно, как союзники собираются решать проблему военных преступлений. Ференц писал: «В настоящее время идея заключается в том, что каждое государство Объединенных Наций — имеются в виду страны, объединенные в борьбе против держав «оси», — должно вести дела, касающиеся своих граждан». Все это было правильно, однако не было никакой правовой базы на тот случай, если преступление совершено лицами нескольких разных национальностей. Под эту категорию попадали преступления немцев («убийства миллионов евреев»), преступления по отношению к людям разных национальностей («пытки и убийства узников больших концентрационных лагерей») и «международные преступления немецких политических лидеров и крупных корпораций, финансировавших и сделавших возможными» эти преступления. Все они подпадали под юрисдикцию международного суда, но «дорогой Госдепартамент США», как всегда, был против. «В итоге мы будем валять дурака с кучкой нацистских садистов, а настоящие преступники, ответственные за злодеяния, могут улизнуть», — сокрушался Бен. Он говорил, что под плащом военной тайны спрятан «лабиринт невежества», и, качая головой, добавлял на французском: «La vie est drôle, n'est-ce pas?» — «Жизнь все же странная штука». С тяжелым сердцем он продолжал заполнять армейские формуляры.

В письме Бен не выбирал выражения и резко раскритиковал позицию начальства. Благодаря обучению у профессора Глюка и собственным расследованиям сержант Ференц был на несколько шагов впереди своего военного начальства. В письме от 28 февраля 1945 года он рассказывал Гертруде о том, что необходим наднациональный суд — и позже это было реализовано в Нюрнберге Международным военным трибуналом и американскими последующими трибуналами. Бен не был одинок, другие юристы были согласны с ним, но, к сожалению, не они принимали решения. В его письмах упоминались недавние события в Комиссии Объединенных Наций по расследованию военных преступлений, учрежденной 20 октября 1943 года. Комиссия начала работу в январе 1944 года и должна была определить основные принципы обращения с военными преступниками держав «оси». Между членами Комиссии и представителями отдельных стран возникли разногласия. 31 января 1945 года американец Герберт К. Пелл и его британский коллега в знак протеста вышли из состава комиссии. Посол Пелл был страстным сторонником создания международного уголовного суда, который мог бы наказывать за преступления против человечества. В то время он тщетно боролся за поддержку Госдепартамента США и президента. Но его позиция, которую разделял и Бен, впоследствии победила. В начале апреля делегация Конгресса из Вашингтона посетила военно-юридическую секцию юридического отдела 3-й армии, которая уже продвинулась в глубь немецкой территории, чтобы на месте составить представление о положении дел. Бен только что вернулся с расследования, и его вызвали с докладом. «Сенаторы и члены Палаты представителей были скептически, но впечатлены, и на следующий день два моих полковника засыпали меня похвалами». Но к чему приторные слова, если на деле ничего не сдвинулось с места?

В письмах Гертруде он неоднократно критиковал неэффективность бюрократических процедур. Он сообщил начальству, что его больше не интересует офисная работа. «Мои выезды

на места намного интереснее, и справедливость там можно восстановить эффективнее и быстрее, безо всей этой волокиты и чепухи», — объяснял Бен. После вновь обретенной свободы он тяготился рутинными обязанностями. «Отправившись в самостоятельное путешествие по стране, увидев и сделав самое интересное, что можно увидеть и сделать сегодня в Европе, я не буду счастлив, пока дни напролет сижу за письменным столом». В то же время он тосковал по своей девушке, которая осталась в далеком Нью-Йорке. «Жить здесь и сейчас — это фантастика, но я знаю место, где я хотел бы оказаться еще сильнее», — признавался он Гертруде. Бена угнетало одиночество, и он думал, что смена обстановки ему поможет. В конце февраля Бен признался: «Это было как выстрел в колено. Юридическая работа оказалась замечательным допингом, но его действие ослабевает, и старые симптомы появляются снова. Моя болезнь заключается в разлуке с тобой, и от нее есть только одно лекарство».

Так нетерпение овладевало им вдвойне: с одной стороны, оно тянуло его домой, с другой — он хотел наконец увидеть прогресс. «Более двух лет я отдавал всего себя во имя всеобщей свободы, а теперь пришло время для моей собственной». Он снова почувствует себя свободным только тогда, когда воссоединится с Гертрудой, писал он 4 апреля. За день до этого он сообщил: «Здесь еще надолго хватит работы с военными преступлениями, но я не в этом хочу участвовать». Бен называл происходящее «насмешкой» с юридической точки зрения и «одним из наших величайших послевоенных фарсов». Он писал: «У нас есть доказательства миллионов убийств, но еще ни один человек не был осужден».

Самосуд над летчиками союзных войск

Бен не мог ускорить работу мельницы правосудия, но ему удалось собрать множество доказательств преступлений. Он добился разрешения самостоятельно посещать любое место,

где совершались зверства немецкой войны. Девизом «одинокого рейнджера» стала надпись «Всегда один», написанная большими белыми буквами под лобовым стеклом его армейского джипа. Кроме того, его удостоверение личности, выданное секретариатом Паттона, предоставляло ему широкие полномочия. Такой документ давал право путешествовать по всем городам и деревням Германии, Бельгии, Франции, Голландии и Великого Герцогства Люксембург, а также беседовать с представителями всех национальностей. Кроме того, Бену должны были оказывать «доступную помощь, такую как продовольствие, билеты, топливо, ремонт транспортных средств, а также содействовать расследованиям, предоставляя персонал для эксгумации тел, создания фотоматериалов и другую возможную помощь». Документ был подписан «от имени главнокомандующего» адъютантом Чарльзом Гамильтоном. Для усиления эффекта Бен дважды — сверху и снизу — поставил на пропуске печать «секретно». С этим документом и пистолетом 45-го калибра¹⁵ в кобуре он отправился в самое пекло. Его сопровождал личный помощник Джек Новиц, который до войны окончил Йельский университет и занимался юридической практикой в Коннектикуте.

Вначале Бен вместе с помощником расследовал дела о сбитых летчиках. Речь шла о летчиках союзников, которые совершили вынужденную посадку или приземлились с парашютом на территории Германии. Согласно международному военному праву они считались военнопленными, но в большинстве случаев разъяренные жители, пережившие

¹⁵ В оригинале ошибочно говорится о «пистолете калибра 45 мм» (45-mm Pistole). В действительности 45 мм — это малый артиллерийский калибр, такой, например, имела широко известная противотанковая пушка-«сорокапятка», состоявшая на вооружении Красной армии в период Великой Отечественной войны. В действительности капрал Ференц был вооружен стандартным армейским пистолетом 45-го калибра, который приблизительно соответствовал 11,43 мм.

бомбардировки^{VII} немецких городов, устраивали жесткий самосуд над летчиками. Когда разведка сообщала об инциденте, проводилось расследование. Несколько расследований Бен и Новиц провели вместе, а потом работали над разными делами.

Бен приезжал на указанное место преступления на джипе. Вызывал бургомистра или начальника полиции и требовал опросить всех жителей в радиусе ста метров от места преступления. «Единственная власть, которая у меня была, — это оружие на поясе и тот факт, что армия США контролировала город. В таких обстоятельствах немцы очень послушны», — отмечал Ференц. По крайней мере он не припоминает, чтобы кто-то оказывал сопротивление. Ференц приказывал свидетелям сесть и написать точный отчет о случившемся. Для этого он подготовил форму на немецком языке. Вверху было напечатано предупреждение, что свидетели обязаны говорить правду под страхом смертной казни¹⁶, прозванное «Правилом Ференца — Миранды». («Правило Миранды» в американской системе юстиции — это обязательная юридическая инструкция подозреваемого о том, что он может отказаться от дачи показаний.)¹⁷

¹⁶ Такая угроза — смерть за дачу ложных показаний — идет вразрез с правовыми нормами и обычаями, применяемыми в мирное или военное время, в том числе на оккупированной территории.

¹⁷ Строго говоря, «Правило Миранды», сформулированное Верховным Судом США в деле «Миранда против Аризоны», предусматривает, что лицу, арестованному или задержанному представителем правоохранительных органов, должно быть сообщено о праве хранить молчание; о том, что все сказанное им может быть допущено в качестве доказательства в суде; о праве требовать присутствия адвоката или, если лицо, ограниченное в свободе, не имеет средств на адвоката, — о праве на требование присутствия назначенного адвоката. Если эти требования не будут выполнены и если арестованный или задержанный не заявит об отказе от их соблюдения, никакие признания, полученные в ходе допроса, не смогут использоваться в суде. Следует также отметить, что дело «Миранда против Аризоны» было решено в 1966 году, так что едва ли упоминаемое Гуттом «правило», применявшееся в 1945 году, могло иметь приписываемое ему название.

Изучив данные под присягой показания, Ференц получал полное представление о произошедшем. Если было известно, где спрятаны тела, их предстояло выкопать и опознать. Это была не только гнетущая, но и тяжелая задача. Иногда Бен откапывал тела голыми руками, поскольку инструменты могли повредить следы на теле и уничтожить улики. В холодную погоду с твердым грунтом он применял собственную технику. Если ему удавалось откопать на небольшой глубине запястье или лодыжку, он обматывал их веревкой, а другой конец веревки крепил к своему джипу. Затем очень осторожно проезжал вперед, чтобы вытащить тело. «Я старался ухватить выше ступни», — писал Бен. Позже специалисты в штабе осматривали эксгумированные тела и снимали с них отпечатки пальцев. «Эта мрачная обязанность лежала тяжким грузом на моей душе, и я всегда был благодарен, что я всего лишь следователь, а не жертва», — читаем мы в «Историях». Даже сегодня, когда Бен рассказывает об этом, слезы выступают на его глазах.

Однажды весной 1945 года Корпус контрразведки сообщил, что американского летчика, который приземлился с парашютом в Грос-Герау между Майнцем и Дармштадтом, линчевали разгневанные жители. По словам свидетелей, главным подозреваемым был пожилой пожарный. Он ударил американского летчика ломом и выкрикнул, что рад испачкаться в американской крови. Бен пришел по его домашнему адресу и постучал. Дверь открыла женщина. Ференц проверил дом, но мужчину не нашел.

— Вы стираете белье? — спросил Бен.

— Конечно, — с гордостью ответила хозяйка.

Она дала показания под присягой и призналась, что постирала окровавленную рубашку своего супруга. Бен упаковал улики. Как он сообщает в «Историях», позже военный суд 3-й армии США приговорил пожарного к смертной казни.

Другой участник преступления легко отделался. Тридцатитрехлетняя женщина сообщила, что ударила пилота

ботинком в лицо. «Она тихо плакала, когда я с ней разговаривал, и призналась почти во всем», — написал Бен в четырехстраничном письме Гертруде 16 апреля. Ее муж погиб на фронте, дом разбомбили союзники, и у нее было двое детей, о которых нужно было заботиться во время войны. Бен сжалился: «Что мне было с ней делать?» Он не был уверен, что ее нужно отправить в один из «отвратительных» лагерей для военнопленных, и поместил ее под домашний арест до дальнейших распоряжений. Пусть кто-нибудь другой принимает окончательное решение, а у него не было ответа, какой приговор в ее случае был бы справедливым.

Следствие по другому «делу» также заставило его задуматься. На этот раз речь шла о трех американских летчиках, убитых немецкими гражданами. Бен узнал, что летчиков похоронили на краю кладбища недалеко от Трира. Он приказал охраннику кладбища показать ему место и эксгумировать захороненных. Бен помыл тела и нашел у двоих идентификационные номера на внутренней стороне их полетных костюмов. Третий человек был голым. С короткой стрижкой он выглядел «как типичный американский мальчик». Имена двоих опознанных летчиков совпали с именами из записей гестапо, где упоминались три американца. Бен сообщил в штаб, что двое из трех разыскиваемых мужчин опознаны. У третьего идентификационный номер отсутствовал, но, вероятнее всего, это третий пропавший боец. Через несколько месяцев Бен узнал, что предполагаемый покойник жив, здоров и мирно проживает где-то в Арканзасе. В разговоре он добавляет: «По сей день я не знаю, кто был третьим погибшим. На войне сложно установить, кто были погибшие и сколько было жертв». Это стало для него уроком: «Я научился не полагаться на косвенные улики». Как главный обвинитель на Нюрнбергском процессе, он всегда должен был добывать прямые доказательства.

С Дитрих в душе

Кроме расследования дел о сбитых летчиках, Ференц собирал свидетельства и доказательства, подтверждающие массовые убийства в немецких концлагерях. После освобождения лагерей союзными армиями он одним из первых получил представление об этих местах. Он столкнулся со «случаями массовых убийств, жестокого и ужасного уничтожения, которые я сейчас не могу описать. Это все часть тревожных, аномальных вещей, которые здесь происходят. Я закрываю глаза и думаю, что это неправда, любовь моя. Что это все безумный сон, который исчезнет, когда я снова открою глаза. Потом я открываю глаза и понимаю, что это правда», — написал он Гертруде 16 апреля. Соблазн притвориться слепым был велик, но горе залегло так глубоко, что он не мог отвести взгляд.

Восемью днями раньше он уехал с небольшой командой «в поисках улик против военных преступников». Кроме него в состав следственной группы входили второй лейтенант, «который был очень рад, что ему разрешили отправиться вместе с ними», голландский солдат, служивший переводчиком, и водитель. «Поступили сообщения из разных источников, так что мне было легко составить план маршрута, который вел нас через Бельгию и Люксембург обратно во Францию и через большую часть Германии», — сообщал Бен.

Ситуация в последние недели войны была неуправляемой. По пути они встречали бесконечные потоки людей — в Европе происходила миграция народов. «Куда только они все могут идти?» — спрашивал себя Бен. «Молодые и старые, во всевозможных нарядах и униформах, мужчины и женщины, они брели по пыльным улицам. Кто-то нес узелки за спиной, у кого-то не было даже этого, а многие тянули за собой маленькие тележки со всем своим скарбом». Большинство из них были немцами, которые смогли бежать, когда война постучала в их двери. Они бежали от Красной

армии дальше на запад. Маршем шли тысячи французских солдат, освобожденных из немецкого плена.

— Куда ты идешь? — спросил Бен одного из них.

— Домой, в Париж, — улыбаясь, ответил француз. Ему оставалось идти каких-то пятьсот километров.

Военные власти предоставляли бездомным импровизированные лагеря, грязные и необустроенные. «Все страдают от одной и той же нищеты», — заключил Бен. Скучная и нестабильная жизнь породила «новый тип морали». «Все кровати конфискуют пары, которым больше нечем заняться, кроме как обжиматься целый день. Нет ни уединения, ни абсолютного никакого стыда», — записывал Ференц свои наблюдения. Все происходило открыто, на публике. «Это разбитое на части существование прячется за видимостью смеха и пения, но какими были эти люди до этого, и какими они будут, когда вернуться к своему общественному порядку?» — задумывался он. Война принесла своего рода переоценку всех ценностей. «Я видел, как многие молодые женщины предлагали свои тела за банку бобов. Вещи, которые имели значение до войны, сейчас ничего не значат, люди проживают день за днем, и только то, что есть у них в руках, хоть чего-то да стоит».

Мрачное впечатление усугубляли картины разрушенных городов. «Нет слов, чтобы описать руины, оставленные войной», — писал Бен. Поездка через разбомбленный до основания город была сущим кошмаром. На километры вперед глазу было не за что зацепиться, кроме руин и обломков. «Так обстоят дела в Кобленце, Кёльне, Аахене, Ба-стони, Висбадене, Майнце и десятках других городов», — фиксировал Бен свои наблюдения. Он ночевал в некогда роскошном отеле, в той части здания, которая уцелела после бомбардировки. Там обосновались американские солдаты. Предметы интерьера, «которые, должно быть, стоили целое состояние», теперь разломанные валялись вокруг. «В винном погребе были разбиты 20 000 бутылок с вином. Мебель с резьбой ручной работы использовали для растопки». Все

это было частью войны в Европе, «невиданной и, вероятно, невообразимой в Америке».

Были и светлые моменты, которые отвлекали его и вызывали улыбку. Вечером 16 апреля Бен написал длинное письмо Гертруде и рассказал о встрече с актрисой Марлен Дитрих — практически обнаженной. «Нет, я не сошел с ума», — уверял он. Дитрих выступала перед бойцами на концертах, устроенных Объединенными организациями обслуживания (ООО) Вооруженных сил, созданными по инициативе президента Рузвельта. В их состав входили различные благотворительные организации, поддерживавшие боевой дух в войсках. По словам Бена, он и звезда Голливуда остановились в одном здании: «Она на первом этаже, я на третьем. Душ находился внизу». Бен спустился по лестнице, чтобы освежиться после концерта. В тот же момент вышла дива.

— Пожалуйста, смотрите в сторону, — попросил Бен. — Иначе мне придется написать домой, что я встретил Марлен Дитрих и на мне не было ничего, кроме нижнего белья.

Длинноногая знаменитость не дала сбить себя с толку. Своим хриловатым голосом она спросила, куда он собрался в таком виде. Он объяснил, что внизу есть горячий душ.

— И когда же я смогу принять его? — спросила Дитрих.

— Леди, — ответил Бен, — вы можете принять душ в любое время, когда только пожелаете.

Отчего-то она даже не предложила потереть ему спинку, и он пошел дальше. «Война действительно суровая штука», — отметил Бен.

В «Историях» изложена измененная версия этого эпизода. Там он зашел в комнату, где Дитрих лежала в ванной «во всем своем великолепии». «О, простите, сэр» — запинаясь, воскликнул он и выскочил из комнаты. Бен стоял на страже у двери, пока она не вышла. «Марлен улыбнулась и сказала, что ей понравилось, что я назвал ее “сэр”». Она поинтересовалась, откуда он и чем занимался в гражданской жизни. «Я ответил, что я гарвардский юрист, и Дитрих, удивленная тем, что

я обычный солдат, пригласила меня сопроводить ее на ужин, который офицеры давали в ее честь». Там он сидел напротив Дитрих, и она протянула ему свою визитку. Актриса дала понять, что охотнее общалась бы с ним, чем со многими офицерами, но в конце ужина генерал Паттон предложил сопроводить ее. Была ли эта приукрашенная версия выдумкой или Бен сознательно опустил ее в письме Гертруде — кто знает.

Ордрюф перед визитом Эйзенхауэра

Вслед за 3-й армией США Бен двигался по Германии на восток через Трир, Франкфурт и Эрланген до границы с Чехией. Он обозначал на карте освобожденные территории и расположение известных концентрационных лагерей. Первые «государственные концентрационные лагеря»^{VIII} были созданы национал-социалистами в марте 1933 года, всего через несколько недель после того, как Гитлер пришел к власти. Вскоре их сеть охватила всю империю. По примеру концентрационного лагеря Дахау под Мюнхеном еще до начала войны были созданы крупные центры для внутренних интернированных лиц, в том числе в Заксенхаузене, Бухенвальде, Нойенгамме и Флоссенбюрге. После аннексии Австрии здесь был построен концентрационный лагерь Маутхаузен. С 1939 по 1944 год на оккупированной Германией территории было создано большое количество других лагерей, которые, в свою очередь, были дополнены 1200 внешними филиалами. С 1942 года в ведение СС перешли ранее созданные в Польше концентрационные лагеря Аушвиц-Биркенау¹⁸ и Майданек как лагеря смерти, дополненные построенными комплексами в Хелмно, Белжеце,

¹⁸ Широко известен также как Освенцим — по названию города, поблизости от которого располагался этот лагерь. Однако ныне существующий на его месте мемориальный комплекс по-польски именуется Państwowe Muzeum Auschwitz-Birkenau — Государственный музей Аушвиц-Биркенау.

Собиборе и Треблинке. В концлагерь могли отправить любого, кого нацистский режим считал потенциальным врагом. Наибольшие жертвы были среди евреев — только в лагерях смерти погибло более трех миллионов человек.

В начале апреля американские следователи получили сообщения из маленького городка Ордруф в районе Гота в Тюрингии. Наступающая 4-я бронетанковая дивизия США обнаружила лагерь принудительного труда. Солдаты нашли десятки трупов, лежащих повсюду, голых или завернутых в рваное тряпье «как в пижаму». Это была форма заключенного в бело-синюю полоску. Многие едва живые заключенные были тяжело больны или на грани голодной смерти. В Ордруфе тысячи заключенных, размещенные в камуфляжных зеленых казармах, огражденных двойной колючей проволокой, работали до полного изнеможения, прокладывая подземные туннели и бункеры. «Я запрыгнул в джип и помчался туда», — пишет Бен в «Историях». Медицинские подразделения оказывали первую помощь выжившим. Военные фотографы документировали страшные сцены. Бен собрал фотографические улики и отправился на поиски новых следов. Лишь очень немногие заключенные лагеря в тот момент могли связно говорить.

Ордруф стал первым из лагерей, освобожденных американцами, в котором заключенные смогли рассказать о своей судьбе. Охрана СС сбежала до прибытия 3-й армии. Заключенных, которые могли идти, выгнали на «марш смерти» в концентрационный лагерь Бухенвальд, расположенный более чем в 50 километрах. Слишком слабых оставляли лежать на земле или расстреливали во время построения. Охранники отрядов СС «Мертвая голова»¹⁹, готовясь бежать от наступающего противника, успели сжечь трупы ранее

¹⁹ Конвойные подразделения СС «Мертвая голова» (SS-Totenkopfverbände — нем.) несли охрану концентрационных лагерей. Не путать с печально известной танковой дивизией СС «Мертвая голова» (SS-Panzer-Division «Totenkopf» — нем.).

умерших — около 3200 человек. Запах сгоревшей человеческой плоти наполнял воздух.

Невероятные новости из Ордруфа встревожили армейское руководство. 12 апреля на место преступления прибыли американские генералы высочайшего ранга на континенте во главе с главнокомандующим Эйзенхауэром. Кроме Паттона присутствовал Омар Брэдли, командующий 1-й, позднее 12-й армейскими группами, впоследствии ставший начальником штаба армии США. Эйзенхауэр был шокирован. После визита он написал председателю Комитета начальников штабов Джорджу К. Маршаллу, главному советнику президента и министра обороны по вопросам безопасности, что самым примечательным, если не самым ужасным событием в его поездке был Ордруф. «Увиденное невозможно описать словами». Очевидные доказательства преступлений и устные свидетельства о голоде, жестокости и зверствах «были настолько угнетающими, что порой мне становилось дурно». В одной камере тела 20 или 30 голых, умерших от голода мужчин были нагромождены друг на друга. Паттон отказался войти внутрь. «Он сказал, что может сойти с ума». Эйзенхауэр зашел в камеру, «чтобы иметь возможность давать свидетельские показания, если в будущем возникнет тенденция представлять эти обвинения как “пропаганду”».

Паттон также был потрясен. Для него Ордруф был одной из самых «ужасных» вещей, которые он когда-либо видел. В своем дневнике он описывает, как эсэсовцы пытались заметить следы преступлений. Тела уложили на огромную решетку из рельсов, стоявшую на кирпичном фундаменте. Немцы залили их смолой и разожгли под решеткой костер из соновых дров и угля. Но операция прошла «не очень успешно», «потому что там была куча костей, черепов и обугленных тел», которые указывали на сотни жертв.

Эйзенхауэр приказал, чтобы лагерь посетили военные корреспонденты и, прежде всего, как можно больше солдат.

Мир должен был узнать о том, что происходило в немецких концлагерях. Теперь американские подразделения поймут, почему им пришлось покинуть свои дома и сражаться в далекой Германии.

Абазуры «Бухенвальдской ведьмы»

К тому времени Бен уже спешил на следующее место преступления: «Я узнал, что Ордруф был лишь одним из многих лагерей принудительного труда в этой местности под администрацией главного лагеря Бухенвальда». Бухенвальд освободили 11 апреля, и Бен старался поскорее добраться до лагеря. В ожидании войск Паттона заключенные штурмовали сторожевые башни и взяли лагерь под свой контроль. С начала апреля эсэсовцы вывезли 28 000 заключенных; еще 21 000 заключенных находилась на территории лагеря, когда 6-я танковая дивизия 3-й армии США подошла к Бухенвальду. Он стал одним из самых известных концентрационных лагерей еще и потому, что был расположен рядом с Веймаром — местом, где творили Гёте, Шиллер и другие гении классического и романтического периодов. Оказалось, что блестящие вершины немецкой культуры находятся в непосредственной близости от глубочайших пропастей немецкой истории. Чтобы показать, что отныне одно невозможно представить без другого, писатель и заключенный Бухенвальда Хорхе Семпрун (автор романа «Долгий путь») говорил о «бине Веймар — Бухенвальд». Для него эти два места принадлежали друг другу, как два слагаемых математической суммы.

Символом темных страниц этой истории стала Ильза Кох, жена коменданта лагеря Карла Отто Коха. Заключенные называли ее «комендантшей» или «ведьмой Бухенвальда». Заказывая изготовление различных предметов из татуированной человеческой кожи, она продемонстрировала, на какие извращения способна национал-социалистическая идеология. Письмо Бена Гертруде от 20 апреля 1945 года является

одним из самых ранних исторических свидетельств жутких наклонностей супруги коменданта: «Сейчас мы работаем над делом — и это абсолютная правда, — в котором сотни мужчин с татуированной кожей были убиты и ободраны, чтобы жена коменданта лагеря смерти получила абажуры, изготовленные из цветных человеческих кожных тканей». Возможно, Гертруде это покажется выдумкой, риторически спрашивал Бен. «Нет. У нас есть доказательства. У нас есть кожа, абажуры, трупы несчастных жертв, а также имена преступников».

Врач концлагеря и штурмбанфюрер СС Эрих Вагнер в сентябре 1941 года получил докторскую степень в Йенском университете, защитив диссертацию «Изучение вопроса о татуировках». Он выискивал заключенных с татуировками по всему лагерю и фотографировал их. «Затем комендант Кох вызывал заключенных к воротам, выбирал среди них людей с самыми красивыми татуировками и отправлял в санчасть. Вскоре после этого лучшие образцы кожи появлялись в “Лаборатории патологии”, где их препарировали и демонстрировали гостям СС в течение многих лет как особые сокровища», — пишет социолог и политолог Ойген Когон в своем исследовании «Эсэсовское государство» (1946). Это был первый исторический анализ «системы немецких концлагерей». Когон и сам был заключенным Бухенвальда. Там проводились и другие медицинские эксперименты над заключенными. «Мы только что арестовали врача, который специализировался на инъекциях переносчиков брюшного тифа сотням людей (с неизбежным летальным исходом) только для того, чтобы наблюдать за последствиями», — сообщил Гертруде Бен.

После войны американцы взяли Вагнера в плен, но в 1948 году ему удалось бежать. Никем не признанный, он жил в Баварии и Шварцвальде и работал в клинике своей жены. Лишь в 1958 году он был арестован и обвинен земельным судом Оффенбурга в преступлениях, совершенных в Бухенвальде. Находясь в предварительном заключении, он покончил жизнь самоубийством. Суд СС приговорил Карла

Отто Коха к смертной казни за присвоение разграбленного имущества заключенных и другие серьезные преступления, включая убийство и мошенничество, и 5 апреля 1945 года Кох был расстрелян. Его вдова еще долго оставалась международной газетной сенсацией. На главном суде Бухенвальда в американском военном трибунале в Дахау в августе 1947 года ее приговорили к пожизненному заключению за преступления против человечности. «Судьи признают между собой, что она избежала виселицы только потому, что ждала ребенка», — писали в журнале «Шпигель». Забеременела она, как ни странно, находясь в тюрьме. В ходе всеобщей амнистии, объявленной американцами, Ильзу Кох освободили в 1949 году, и следствием против нее занялось немецкое правосудие. В январе 1951 года земельный суд Аугсбурга вновь приговорил ее к пожизненному заключению за подстрекательство к убийству, покушение на убийство и причинение тяжких телесных повреждений. 2 сентября 1967 года она повесилась в своей камере.

Пока Бен писал о событиях в Бухенвальде, появились новые сообщения о немецких военных преступлениях. Бен продолжил свое письмо: «Только что поступило горячее дело». Недавно был освобожден еще один концентрационный лагерь. «Я принял все меры для того, чтобы отправиться туда уже рано утром». Один офицер одолжил ему свой новенький джип. Как глава следственной группы, Бен теперь работал практически круглосуточно. В последнее время количество случаев стремительно разрасталось. «Мы обнаружили десятки нацистских лагерей смерти», — писал Бен.

Приезжая в очередной лагерь, он в первую очередь собирал записи СС. В «канцелярии» он находил «книги мертвых» с именами погибших заключенных. В Бухенвальде бывший заключенный, работавший в администрации лагеря, передал молодому следователю сведения о преступниках. «Я ждал Вас», — сказал он Бену (этот случай описан в «Историях»). Он подвел Бена к заграждению под высоким напряжением

и выкопал небольшой деревянный ящик. В нем были членские карточки посетителей так называемого казино, в котором эсэсовцы по вечерам пили пиво и расслаблялись. На карточках были фотографии, имена и личные данные владельцев. После каждого визита на обратной стороне карточки ставили печать. Когда место для печатей заканчивалось, выдавали новое удостоверение. Этот заключенный занимался подготовкой членских карт. Вместо того чтобы уничтожать старые, как было приказано, он прятал их в тайнике, хотя знал, что рискует жизнью. Но он выжил, и теперь помог Бену опознать виновных и их сообщников. «Его выдающееся мужество продемонстрировало веру, которую разделяли многие жертвы. Веру в то, что однажды наступит день расплаты, когда справедливость восторжествует». Но действительно ли этот день наступил? И какой будет эта справедливость?

По дороге в следующий концентрационный лагерь Бен встретил солдата авангардного отряда Красной армии, гнавшей вермахт с востока. Когда Бен сказал, что он следователь по военным преступлениям и собирает доказательства действий СС, русский спросил: «Разве ты не знаешь, что они делали?» Бен ответил, что, конечно же, знает. «Так почему ты их спрашиваешь? Просто пристрели всех!» — воскликнул красноармеец, привыкший к другим правовым нормам. Позже, когда стало ясно, что лишь немногим военным преступникам действительно предъявили обвинения, а большинство избежало наказания, Ференц вспомнил совет, который дал ему простой русский солдат. «Как представитель закона, я не мог с ним согласиться, — сказал Бен, — но часто размышлял о том, что, может, он все-таки был прав».

Только кожа да кости

После того как 23 апреля 3-я армия США освободила концентрационный лагерь Флоссенбург в Баварии недалеко от границы с Чехией, Бен посетил лагерь. Там американцев

встретили примерно полторы тысячи тяжелобольных людей. Как и в других лагерях, эсэсовцы гнали большинство заключенных в «марше смерти» на огромное расстояние, чтобы замести следы преступлений. С середины апреля 40 000 заключенных из главного лагеря и многочисленных филиалов на юге были направлены в концентрационный лагерь Дахау. В основном конвой передвигались лесами по ночам. «Эта немыслимая история — пример нового порядка Гитлера, — так начинается письмо Бена Гертруде от 29 апреля с рассказом об этих событиях. — Если бы я не видел их собственными глазами, я наверняка поставил бы эти факты под сомнение. Но я это видел». Двумя днями ранее военная разведка сообщила, что концентрационный лагерь Флоссенбюрг освобожден союзниками. С офицером и водителем Бен немедленно отправился в путь. По дороге тянулись грузовики, везущие «унылых немецких военнопленных» под охраной горстки американских солдат в джипе. Затем внезапно появились небольшие группы бредущих пешком заключенных. Изможденные жертвы концлагерей помутневшими взглядами провожали идущие навстречу грузовики. «Они были слишком изнурены, чтобы улыбаться, но на каждом лице промелькнул печальный проблеск благодарности, и слова были излишни». Многие были на грани истощения и страдали от различных болезней. «Тиф и смертоносные вши сопровождали это паломничество», — описывал Бен увиденное.

Ференц и его спутники прошли мимо деревни, где их остановил французский солдат. Два года он был немецким военнопленным. Когда начали прибывать колонны измученных узников концлагеря, эсэсовцы приказали ему и еще примерно четырнадцати военнопленным выкопать большую яму в ближайшем лесу. Выполнив приказ, они поспешили уйти, поскольку знали, что будет дальше. Убегая через поля, они видели эсэсовцев, гнавших группу из примерно сорока или пятидесяти истощенных мужчин. В тот момент Бен

прервал рассказ солдата и попросил его указать место расстрела. Они примчались туда на джипе. «Вот здесь это произошло, — сказал он, — а они лежат там». Бен увидел холм свежей земли, прикрытый ветками. Он принес из машины лопату и велел французу копать там, где, по его мнению, похоронены узники. Почти сразу тот наткнулся на голову одной из жертв. «Укрой их снова», — попросил Бен. Покойные уже достаточно пострадали. Чтобы получить больше информации, они отправились на расположенную поблизости ферму. Под присягой жена фермера свидетельствовала, что видела приближающуюся колонну и вскоре после этого услышала серию выстрелов, примерно каждые одну-две минуты. Группа эсэсовцев оставила трупы на земле, а ее муж и сын засыпали тела землей, чтобы предотвратить распространение болезни. Бен также прислал Гертруде 14 июня 1945 года фотографии массового захоронения, сделанные специалистами. Он сопроводил снимки текстом: «Надеюсь, они тебя не напугают. Фотографии могут дать лишь небольшое представление о том, как это было на самом деле».

Вместе с командой они отправились дальше. По дороге им постоянно попадались небольшие холмы, под которыми они находили тела. По этим захоронениям можно было отследить путь «эвакуационных маршей». «Вдоль дорог покоится, должно быть, от двух до трех тысяч убитых. Некоторые даже не были похоронены, и от вида лежавших вповалку посиневших тел мое сердце разрывалось на части», — записал он позже. Когда они сделали небольшую остановку, чтобы разобраться с дорожным указателем, к ним подбежал окровавленный мужчина в штатском.

— Чем я могу вам помочь? — спросил Бен.

— Пожалуйста, пожалуйста, — бормотал он, — я немецкий солдат.

Бен спросил, где его униформа. Немец указал на штаны. Русские отняли у него все остальное, и сейчас гнались за ним. Он потерял воинскую книжку и вместо нее предъявил

несколько не скрепленных бумаг. Среди них оказалась фотография члена СС.

— Вы из СС?

— Нет, нет, — взмолился мужчина и попытался забраться к ним в джип.

В этот момент на вершине холма показался мужчина на велосипеде. На его плече висела винтовка.

— Они стреляли в меня. Они меня убьют, — рыдал перепуганный немец.

Тем временем велосипедист, оказавшийся русским, подкатил к джипу.

— Это эсэсовец, — крикнул он.

Беглец снова стал упрашивать Бена спасти его.

— На вас нет униформы, — прокричал в ответ ему Бен. Русскому же он сказал:

— Делай, что хочешь!

Когда «нацист услышал это, он зарыдал, но в тот момент русский взял винтовку и с расстояния около четырех метров выстрелил в спину убежавшему немцу». Немец пробежал еще немного, угодил под колеса ехавшего американского грузовика и упал замертво. Водитель был шокирован.

— Сэр, — оправдывался он перед офицером, сопровождавшим Бена, — я ничего не мог поделать.

— Просто уберите его с дороги и езжайте дальше! — приказал офицер.

Дикие сцены сопровождали их не только на улицах. Бен беседовал с людьми, принимавшими участие в «маршах смерти», а также с немецкими жителями из окрестностей лагеря. Он писал, что самые умные успели сбежать. Дома оставшихся немцев разграбили голодающие бывшие узники. В те месяцы многие жили «в домах, которые нашли по дороге». Бен несколько раз заходил в жилые дома и конюшни, захваченные бывшими заключенными. «Люди лежали повсюду, многие были слишком больны, чтобы двигаться, и просто ждали кого-нибудь, кто придет и поможет

им», — писал он. Больше всего боялись русских. Одна старуха жаловалась Бену, что «красные» украли ее единственную корову. Она осталась без молока и просила Ференца вернуть корову и наказать воров. Бен ответил, что из-за немцев русские потеряли гораздо больше, чем одну корову, и если она захочет вернуть скотину, то может обратиться к Гитлеру.

Наконец они добрались до Флоссенбюрга. Лагерь располагался на склоне возле развалин средневекового замка и был виден издалека. Мрачные бараки «необъяснимым образом контрастировали» со старинной крепостью. На воротах они увидели две таблички. На одной по-английски было написано «Карантин», на другой — «Счастливей конец для заключенных! Добро пожаловать!» (Prisoners Happy End! Welcome!). Их повесил чешский заключенный и секретарь лагеря Эмиль Лезак, который начал писать первую историю лагеря в его последние часы — утром 23 апреля, до прибытия 358-го и 359-го пехотных полков 90-й дивизии 3-й армии США. Заслышав звук двигателей приближавшихся патрулей, он бросил предложение на полуслове: «Сейчас я должен прерваться, освободители здесь!» У входа стояли два американских врача. В лагере была эпидемия тифа, но Бену и его спутникам дали понять, что, разумеется, они могут войти, чтобы провести расследование. «В лагере все еще было около четырнадцати сотен заключенных, и горели десятки маленьких костров, на которых сжигали кишашую вшами одежду», — вспоминал Ференц.

Сначала Бен осмотрел крематорий. Немецкие инженеры построили специальное приспособление: «Погибших выносили из лазарета или из другого помещения, где они умерли, и грузили на телегу. Она была сконструирована как большой гроб и установлена на узкоколейную железную дорогу. Когда кузов наполнялся, телегу отправляли в крематорий». Открывались тяжелые железные ворота, телега въезжала в туннель и спускалась по склону в расположенный внизу крематорий. «Мы открыли запертые ворота и спустились

по шпалам», — рассказал Бен. Он спрашивал себя, сколько людей «прибыло сюда упрощенным путем — в телеге». Он описал крематорий как небольшое здание с несколькими комнатами. В одной комнате была большая печь. «Огонь не горел, но пепел и кости были отчетливо видны». В соседней комнате были сложены как «в поленнице» около шестидесяти трупов. Только нехватка топлива спасла от кремации тела этих людей, которые несколько дней назад были живы. «От них остались только кожа да кости, но и на таких телах были заметны шишки и рубцы от ударов. Ягодицы были почерневшими и посиневшими в тех местах, где резиновая трубка СС оставила след до самой смерти». (О таких трубках, частично заполненных песком, также сообщали из других концлагерей как об орудиях пыток.) Удушающий запах разложения был невыносим, но зрелище этих избитых, истощенных от голода тел и мысли о том, как они встретили свою смерть, были еще хуже. За крематорием Бен обнаружил яму, заполненную пеплом, в которой виднелись остатки человеческих костей. Если яма переполнялась, пепел разбрасывали на соседних полях. Мрачная серая дымка все еще витала над землей. Специальные сооружения сохранились как часть мемориального комплекса. «После 1945 года туннель, спуск и крематорий стали важным напоминанием о концентрационном лагере Флоссенбюрг и символом массовой гибели в лагере», — сказано в брошюре, посвященной мемориалу Флоссенбюрг.

Осмотрев помещения, Бен отправился собирать доказательства. «Нам понадобится помощь», — заявил он. Сопровождающий офицер вызвал подкрепление, фотографов, кинооператоров, стенотипистов, чтобы «запечатлеть для мира истинное значение немецкой культуры». Комендантом лагеря теперь был русский капитан, который много лет был военнопленным в Флоссенбюрге. Он предложил Бену любую помощь, «и я занял два больших кабинета в качестве нашей штаб-квартиры». В лагере он встретил двадцатидвухлетнего

лейтенанта из Югославии, который изучал медицину в Кембридже, но был захвачен в плен нацистами во время отпуска на родине. «Я называл его Вилли и назначил своим главным помощником, потому что, в дополнение к его острому интеллекту и глубоким знаниям о лагере, он свободно владел семью языками». Некоторые заключенные до самого освобождения прятали книги со статистикой и теперь приносили их следователям. Бен назначил команду, которая изучала данные и составляла таблицы. Лезак и еще два француза, которые долго были в плену, продолжили писать историю лагеря. Остальным Бен поручил записать имена всех эсэсовцев, работавших в концентрационном лагере. Больных, которые лежали в лазарете, опросил врач. Остальных свидетелей опрашивал Бен в своем кабинете.

Вскоре на пороге его кабинета появился русский капитан. Он решал рабочие вопросы, и у него возникло несколько проблем. Первой была «проблема гомосексуализма». Это было распространенное явление в лагере, где не меньше семидесяти заключенных насиловали молодого узника. По его словам, российские законы запрещали подобное поведение, и он хотел узнать, как к таким вещам относятся в Америке. Бен объяснил, что в Америке гомосексуализм тоже под запретом, «но наказывать заключенных, которые уже достаточно наказаны, за то, что они совершили на пороге смерти, не имеет никакого смысла». Юношу, который подвергся надругательствам, немедленно вывезли из лагеря и передали на попечение американских врачей. «Капитан, казалось, почувствовал облегчение», — заметил Бен.

Вторая проблема состояла в том, что среди заключенных были немецкие солдаты и сотрудники гестапо, которые отбывали наказание за преступления, совершенные при исполнении служебных обязанностей. Когда пришли американцы, их тоже освободили. Бен приказал составить список. В случае если их поймут, с ними будут обращаться как с обычными военнопленными.

Третья проблема касалась «капо» — привилегированных заключенных, которые сотрудничали с лагерной администрацией и надзирали за другими узниками. Иногда капо были более жестокими, чем СС. Что с ними следовало делать? «Сначала я думал, что мы поступим с ними так же, как намеревались поступить с военными преступниками», — решил Бен. Он вызвал свидетелей, которые дали показания под присягой против обвиняемых. Первого капо несколько свидетелей обвинили в том, что он до смерти избил больного француза резиновым шлангом. Бен вызвал заключенного и провел очную ставку на основе собранных фактов. Мужчина провел в плену шесть лет. Бен предъявил ему обвинения в том, что он оказывал фашистам услуги и жестоко обращался с простыми заключенными, чтобы получить некоторые привилегии. «Он отрицал все это, но лгал слишком очевидно», — сделал вывод Ференц. Другой капо, как рассказали заключенные, убил нескольких пациентов в лазарете. Он заталкивал им в рот шланг и включал воду под сильным напором. «Прокуроры и комендант лагеря пришли к единому мнению о том, что эти мужчины должны получить за свои преступления не более нескольких месяцев тюремного заключения», — таким был вердикт. В других частях мира эти преступления, несомненно, будут преследоваться как убийства, но в условиях «когда убийство столь же обыденная вещь, что и еда», возникает вопрос о том, как должен ответить за содеянное обвиняемый, если он делала только то, что творилось на его глазах изо дня в день. «Можем ли мы применять ценности и нормы цивилизованного мира к людям, которые четыре или пять лет находились в лагере смерти?» Бен не мог сходу ответить на этот вопрос. Он посадил обоих мужчин в «довольно удобные камеры» на территории лагеря. «Они, вероятно, проведут в заключении месяц-другой, и это будет разумно», — посчитал Бен.

Расследование в концентрационном лагере Флоссенбург длилось несколько дней. 1 мая Бен сообщил Гертруде

сенсационные новости: «Прошлой ночью я спал в постели оберштурмбанфюрера». Речь шла о последнем нацистском коменданте лагеря Максе Кёгеле, «главном кошмаре Флоссенбюрга», при котором были зверски убиты тысячи людей. «Улики против него собраны, и некогда гордый предводитель теперь не больше, чем просто пойманный преступник», — написал Бен. Несколькими неделями ранее он отдал приказ о «марше смерти» заключенных, которые едва были в состоянии идти, в концентрационный лагерь Дахау. Перед тем как американцы появились на месте преступления, он исчез с бумагами заключенных и был арестован лишь в июне 1945 года. Вскоре он повесился в тюрьме. В то время как заключенные жили в «жалких кишачих вшами хижинах», «переполненных, как сардины», всего в двух шагах в «роскошном доме» наслаждался жизнью нацистский начальник. Он бежал так поспешно, что оставил практически все: «Я достал чистые простыни из его шкафа и высморкался в его носовой платок». Когда Бен писал эти строки, он был одет в банный халат оберштурмбанфюрера и его новые тапочки, «а лежать, набрав в ванну горячей воды (пусть и с некачественными немецкими солями для ванны), было величайшим наслаждением».

Был вечер; позади остался напряженный день. «Я собрал показания под присягой у людей всех национальностей». Заключенные были из разных стран, больше всего из Польши, Советского Союза, Венгрии, Германии, Чехословакии, Италии и Югославии. Оставшиеся в лагере бывшие заключенные объявили 1 мая своим «Днем освобождения». Советская власть задавала тон, поэтому не случайно празднование выпало на День трудящихся. В центре лагеря установили большую сцену. Развевались флаги США, Великобритании и СССР. Висели написанные заключенными портреты Черчилля, Сталина и недавно умершего американского президента Рузвельта. В самом верху на платформе прикрепили табличку «Thanks To Our Liberators» («Спасибо нашим освободителям»). Ночью накануне к Бену пришла делегация

заключенных, чтобы узнать, как написать эти слова без ошибок. Представители разных наций сформировали отряды, и каждый отряд прошел вокруг площади под флагом своей страны. Все произносили «длинные, витиеватые речи, благодарили союзников и осуждали капиталистическую систему». Одна группа маршировала без флага. Бен спросил, кто это. «О, так это евреи», — услышал он в ответ.

Конец войны без духа праздника

7 мая 1945 года, после длительного перерыва, Бен сделал еще одну запись в своем маленьком карманном дневнике. «Сегодня вечером я услышал по радио, что война окончена!» — написал он черными чернилами красивым почерком. Германия объявила о полной капитуляции. Военные действия были прекращены. 30 апреля Гитлер покончил жизнь самоубийством в своем подземном бункере в Берлине. «Тысячелетний рейх», просуществовав 12 лет, закончился грудой развалин. Вторая мировая война, которая была спровоцирована нацистами и продолжалась в Азиатско-Тихоокеанском регионе до тех пор, пока американские атомные бомбы не были сброшены на Хиросиму и Нагасаки в начале августа, после чего Япония капитулировала, унесла по меньшей мере пятьдесят миллионов жизней. Безусловно, наибольшей кровью заплатил советский народ — его потери составили примерно половину от общего числа погибших. Среди жертв немецких массовых преступлений выделялись европейские евреи. Около шести миллионов евреев были убиты нацистами. Решающим шагом на пути к привлечению виновных к ответственности стала Потсдамская конференция, состоявшаяся в июле и августе 1945 года. Победоносные державы США, Великобритания и СССР установили послевоенный порядок. Территория Германии была разделена на четыре зоны оккупации — Франция также получила часть, — управляемые военными администрациями.

Главнокомандующие заседали в Союзном контрольном совете, высшем оккупационном органе, который также издавал законы. Закон Союзного контрольного совета № 10²⁰ стал важнейшей правовой основой для судебного преследования за преступления нацистов.

В письме к своей возлюбленной, также датированном 7 мая, Бен описывает свою реакцию на известие об окончании войны. Задолго до этого события он думал, что сойдет с ума от радости. «На самом деле я спокойно слушал, оставаясь серьезным, и в это до сих пор очень трудно поверить», — отметил он. Его товарищи проявили похожие чувства: ни диких криков, ни ликования, ни дождя из конфетти. Кто-то сказал: «Думаю, это стоит отметить», но ничего не произошло. «Не было никакого особого шума. День окончания войны был обычным, как любой другой день». Он записал в дневнике: «Конец войны оказался разочаровывающей противоположностью ожиданиям. Никто не выглядел особо впечатленным».

Так почему не было эйфории и ликования? «Быть может, это потому, что солдаты — не вполне люди, а всего лишь солдаты, и это что-то другое». И то, что немцы подписали акт о капитуляции, было «лишь одним шагом, притом не самым важным в нашей жизни». А самым важным был другой вопрос: «Когда же мы вернемся домой?»

Но это время еще не пришло. Несмотря на то что война в Европе закончилась, многое еще предстояло сделать.

²⁰ Союзный (иначе — Союзнический) Контрольный Совет в Германии был учрежден тремя союзными державами — Великобританией, СССР и США, к которым впоследствии присоединилась Франция, — для осуществления всей полноты власти, включая законодательную, на территории оккупированной ими Германии. Среди прочих актов Совет издавал законы. Примечательно, что Совет располагался в здании Высшего апелляционного суда Берлина в Кляйст-парке, где состоялось первое заседание Международного военного трибунала, на котором были предъявлены обвинения главным нацистским преступникам. Остальная работа трибунала проходила уже в Нюрнберге.

Только сейчас весь масштаб нацистских преступлений проявился во всех жестоких деталях. «Дело о военных преступлениях» переживало бум. В офис Бена только что наняли одиннадцать новых сотрудников. Бен теперь носил «звучное» звание «руководителя аппарата», но его это мало волновало. Гораздо охотнее он работал на выездах, и вскоре этому желанию суждено было исполниться. Вместе с 3-й армией США он нацелился на юг. После короткого визита в Дахау (поскольку лагерь, освобожденный в конце апреля другой американской армией, не входил в зону его ответственности) Бен занялся расследованием в чудовищном концлагере в Австрии.

Живые мертвецы из Маутхаузена

Нет такого концентрационного лагеря, который не был бы невообразим по человеческим меркам, но концентрационный лагерь Маутхаузен показался Бену особенно жестоким. «Маутхаузен был одним из худших мест в мире, и мой разум до сих пор отказывается верить в то, что я там видел», — отметил он в дневнике 11 июня спустя несколько недель после осмотра. Он «никогда не мог забыть» истощенные скелеты концлагеря Эбензее (филиала Маутхаузена), где тысячи и тысячи людей систематически умирали от голода. Письмо «любимой Труды» от 15 мая 1945 года, в котором он подробно рассказывает о Маутхаузене, начинается многозначительной фразой: «Дунай ни синий, ни красивый; по крайней мере, в это время года». Последние шесть дней непрестанно светило солнце, но ни река, ни крутые холмы, ни великолепная погода не могли озарить гнетущий пейзаж хоть искрой радости.

Место для лагеря выбирали руководители СС. Вскоре после аннексии Австрии в марте 1938 года Гиммлер, начальник Главного административно-хозяйственного управления СС Освальд Поль и главный инспектор немецких концлагерей

Теодор Эйке осмотрели участок на берегу Дуная под Линцем. Там находился большой карьер «Винер Грабен». Увиденное удовлетворило эсэсовских начальников, и уже в конце апреля они распорядились об учреждении Германской корпорации вскрышных работ для добычи гранита. Работу должны были выполнять заключенные. В августе 1938 года из Дахау в Маутхаузен перевели примерно триста человек, которые построили лагерь. К концу года в лагере насчитывалось более тысячи заключенных. Если вначале это были в основном преступники и «бродяги», осужденные нацистской судебной системой, то с 1940 года к ним добавились испанские республиканцы — участники гражданской войны, бежавшие во Францию после победы Франко и переданные немцам режимом Виши. В период с августа 1938 года по май 1945 года в концентрационном лагере Маутхаузен находилось около 197 000 узников. По меньшей мере 95 тысяч заключенных погибли. Более 14 000 из них были евреями. Там были стационарная газовая камера и мобильная «душегубка», чтобы совершать убийства более эффективным способом. Последние жертвы Маутхаузена были отравлены «Циклоном Б» 28 апреля, когда война практически подошла к концу.

Бен поехал в Линц и отчитался перед майором в штабе дивизии. На следующее утро он на джипе отправился в Маутхаузен. На узкой крутой дороге он встретил сотни людей. «Но многие из них никуда не шли. Они лежали в пыли, и впалые глаза смотрели из их костлявых лиц». В верхней части подъездной дороги он увидел стену из больших каменных блоков, через равные промежутки перемежающуюся со сторожевыми башнями. «За этой монументальной каменной крепостью находились 25 000 умирающих и мертвых душ», — написал Бен. Другие виденные им лагеря — постройки из дерева, окруженные заборами из колючей проволоки, — выглядели как временные. «Но этот был построен, чтобы стоять вечно. Добротное место для уничтожения «врагов рейха». Бен медленно проехал через ворота. Во дворе его встречала толпа

людей. Одни были совсем без одежды, другие кутались в лохмотья или носили штаны в полоску. К нему подбежал темнокожий мальчик. Тонкий, как тростинка, он протягивал свою тощую руку. «Сигаретку, сигаретку, Касабланка, Касабланка», — клянчил он. По названию Бен понял, что мальчишка попал сюда из Марокко. Стоящая вокруг толпа с любопытством наблюдала, удастся ли мальчику выклянчить сигарету. Бен не осмелился исполнить его желание, потому что опасался, что мальчика собьют с ног. «Я лишь грустно покачал головой и пошел дальше», — записал он.

Одну из канцелярий лагеря следственная группа использовала как базу. Заключенные сформировали интернациональный комитет, в состав которого вошли представители каждой страны, чьи граждане содержались в лагере. Они дали показания под присягой о том, что происходило с ними и их соотечественниками. Кто-то был словоохотлив, кто-то взбешен, но все без исключения подписались под одним и тем же требованием: правосудие должно свершиться, а виновные ни при каких обстоятельствах не должны уйти от наказания. Из описаний было ясно, что надзиратели использовали целый арсенал приспособлений для пыток. Побои были настолько обычным делом, что их не стоило упоминать. Заключенных избивали железными цепями, зимой голых выводили на мороз и обдавали горячей и холодной водой, расстреливали якобы «при попытке к бегству», отправляли в газовый душ или в лазарете вводили внутривенно бензол. В главном лагере было три крематория, и хотя эсэсовцы пытались замести следы, некоторые из них скрыть было невозможно. Попытка спрятать газовые вентили, замазав их штукатуркой, также не увенчалась успехом, «потому что у них не было времени убивать всех, кто знал об этом, а предполагаемые жертвы стремились раскрыть методы своих мучителей».

Освобожденные заключенные показали Бену и огромную каменоломню. «Каждый камень стоил человеку жизни», — сказал один из них. Одним из излюбленных «нацистских

видов спорта» было приказывать заключенным прыгать через большие камни. «Тех, кто отказывался, насильно сбрасывали вниз. Раздробленные кости все еще виднеются среди валунов». Намекая на владельца Германской корпорации вскрышных работ, Бен писал: «“Акционерами” каменоломни были члены СС и лидеры нацистской партии. Кровь рабов была их дивидендами, и жирдяи знатно поживились на человеческих страданиях».

Горе в Маутхаузене имело множество лиц; оно смотрело на Бена не только глазами детей, но и глазами белокурых женщин, когда он проходил через казармы и видел «живых мертвецов». Он спросил одну четырнадцатилетнюю девочку из Венгрии на ее родном языке, где находятся ее родители, и она расплакалась. «Она выглядела как старая женщина и была похожа на высохший скелет. Глядя на нее, я задавался вопросом, на чем же держится ее бестелесная жизнь. На следующее утро я получил ответ на свой вопрос. Я видел, как ее крошечное тело несли в крематорий. Теперь ее положат в деревянный гроб и похоронят за пределами тюремных стен», — писал Бен. Он встречал новорожденных, которым было всего две-три недели, обернутых в лохмотья, живущих в грязи без пропитания, «не имевших ничего, кроме рыданий». «С робкой надеждой» их матери интересовались, когда они наконец-то смогут уехать. «И я не мог дать ответа, потому что существовало так много лагерей и так много тысяч не менее несчастных людей, что для этого требовалось время, и каждый день был для них вечностью», — понимал Ференц.

Было еще много других вещей, которые он видел и делал, но сейчас он не мог всего описать: «Это ужасно и душераздирающе». Человек, который говорит о себе, что видел столько страданий, сколько не видел ни один современник этого кровавого века, начал опасаться за свою человеческую способность к восприятию. Он боялся, что жуткие картины, засевшие в его памяти, могут притупить его чувства и навредить его внутреннему миру. «Я даже на мгновение не хочу

задумываться о том, что один только вид всех этих вещей творит со мной. Как я смогу когда-либо снова стать настолько изнеженным, чтобы ухаживать за поцарапанным пальцем, или заботиться о других мелочах, которые отныне будут казаться настолько несущественными?» — он мог бы говорить бесконечно, «но всегда об одном и том же». Уже рано утром он отправился в следующий филиал Маутхаузена. Это был Эбензее.

Одиннадцать дней спустя, в середине мая, Бен приехал в Эрланген и написал Гертруде о расследованиях, проведенных в Эбензее. Филиал Маутхаузена был во многих смыслах беспрецедентным и одним из «самых запоминающихся» мест, в которых он побывал. Обычных орудий пыток здесь в основном не было, тем не менее сам лагерь представлял собой ужасное место. Большинство заключенных умерло от голода. Их принуждали работать на каменоломне, «и пищевой рацион был таким, что люди в течение шести месяцев умирали».

Когда американская армия освободила лагерь, в нем немедленно установили полевой госпиталь. Бен проходил через палаты и видел пациентов. «Смерть была повсюду. Но многие были еще живы, и американцы пытались спасти хотя бы то, что осталось от этих жизней», — писал он. Перед одной из казарм стояли ведра с водой, в которых заключенные мыли больных. «Это было невообразимое зрелище». Жалкие тельца, состоящие лишь из кожи и костей, несли в ванну «как младенцев», едва ли кто-то из них весил более 80 фунтов (чуть более 36 килограммов). Их ставили прямо в ведра и поливали водой. «Словно безжизненные марионетки, эти некогда человеческие существа валялись на тех, кто их купал. Их головы запрокидывались назад, а руки вяло свисали. И все же эти скелеты, еле стоявшие на тонких как спички ногах, были живыми существами — людьми, которые в другой жизни могли быть знаменитыми и влиятельными. Теперь они были беспомощными куклами, похожими на животных, которым не давали умереть».

Тот, кто не видел этого своими глазами, не может в полной мере представить себе эту сцену. «Все это кажется диким кошмарным сном», — сказал Ференц.

Процессы Дахау

Завершив выездные следственные действия на огромной территории Маутхаузен — Гузен, Бен вернулся в Баварию. В Мюнхене он посетил «знаменитую пивную» Гитлера. Должно быть, раньше это было чудесное место, подумал он. Теперь большая его часть лежала в развалинах, но «джи-ай» все равно каждый день могли там выпить. Из Мюнхена он поехал в Эрланген в Средней Франконии; там армия США захватила расположение немецкого гарнизона. Американцы назвали его «Казармы Ферриса», в честь американского героя войны, погибшего в Тунисе в 1943 году. В группе по расследованию военных преступлений Бен как руководитель аппарата писал отчеты о расследованиях, которые впоследствии легли в основу различных судебных процессов, проводимых американской системой военной юстиции. Помимо Нюрнберга основным местом судебных процессов был Дахау, где находился классический пример немецкого «лагерного порядка».

В ходе основного судебного разбирательства в Маутхаузене в период с конца марта до середины мая 1946 года 61 подсудимый был признан виновным: 58 из них приговорили к повешению; позже 9 из них смертные приговоры заменили пожизненным заключением. В ходе разбирательства был дан ответ на вопрос, поставленный Беном: должны ли «тюремные функционеры», или капо, предстать перед правосудием. Троим капо были предъявлены обвинения в суде над надзирателями в Маутхаузене. Всех приговорили к смертной казни, приговор привели в исполнение. Помимо основного судебного разбирательства, было проведено множество параллельных процессов с участием 238 обвиняемых. Обвиняемыми на одном из судов были четверо испанских капо.

Состоялось также несколько судебных разбирательств, касающихся концентрационных лагерей Флоссенбург и Бухенвальд. В каждом случае обвинение основывалось на результатах расследований, которые Бен и другие следователи собрали в рамках «Программы по военным преступлениям».

Расследования Бена по линчеванию летчиков авиации союзников привело к так называемым процессам об авиаторах. В одном только Дахау состоялось 200 судов. Самым значительным был процесс против обергруппенфюрера Юргена Штропа и других соучастников, продолжавшийся до марта 1947 года. Речь шла о различных убийствах пилотов, которые Бен также расследовал в Гессене. Как генерал-лейтенант войск СС и полиции на территории «Рейн — Вестмарк» убежденный нацист был привлечен к ответственности за план по совершению общеуголовных преступлений («Общий умысел»). От нацистских властей поступали официально зарегистрированные недвусмысленные указания, что армия и полиция не должны препятствовать самосуду, а виновные должны оставаться безнаказанными. При этом убийства летчиков нарушали как международное, так и немецкое право. Обращение с авиационными экипажами на территории противника регулировалось Гаагской конвенцией о законах и обычаях сухопутной войны (1907 года) и Женевской Конвенцией об обращении с военнопленными (1929 года), обе из которых были признаны Германским рейхом. Штроп и двенадцать других подсудимых были приговорены к смертной казни в Дахау, другие получили тюремное заключение на срок от трех до пятнадцати лет. Некоторые приговоры, в том числе два смертных приговора, были впоследствии смягчены.

В Адлерхорст на джипе

Если по окончании боевых действий нагрузка на войска значительно снизилась, то у Бена, наоборот, прибавилось работы. «Я веду самую увлекательную жизнь в Европе, и историй

об интригах и предательстве, убийствах, жестокости и выслеживании шпионов хватит на целую книгу», — написал он Гертруде из Эрлангена 23 мая. Происходило столько всего, что ему не хватало времени писать.

Интересная история приключилась с ним в Оберзальцберге под Берхтесгаденом. На своем джипе с прицепом Бен отправился в ставку Гитлера «Адлерхорст» («Орлиное гнездо») ²¹ высоко в Баварских Альпах, чтобы найти свидетельства преступлений, совершенных руководством нацистов. В нацистскую эпоху этот район был «закрытой территорией фюрера». Развитая инфраструктура позволяла рейхсканцлеру использовать Берхтесгаден в качестве второй резиденции правительства и «филиала Берлина». Он с гордостью принимал государственных гостей в Бергхофе, которых впечатляла резиденция, расположенная на лоне великолепной природы. 14 июля 1944 года Гитлер в последний раз побывал в своей любимой ставке, после чего до 20 ноября 1944 года действовал в основном из ставки «Вольфшанце» («Волчье логово») в Восточной Пруссии. 4 мая 1945 года американские и французские части оккупировали Берхтесгаден. 25 апреля Бергхоф был разрушен в ходе воздушного налета. Подразделения СС подожгли оставшуюся часть зданий. Вскоре 101-я воздушно-десантная дивизия США высадилась с воздуха на Оберзальцберг. На эмблеме дивизии был изображен орел, что оказалось весьма символично для захвата ставки Гитлера с воздуха. Резиденция осталась одним из немногих неповрежденных зданий ²².

²¹ Автор допускает неточность: комплекс «Адлерхорст», специально построенный и оборудованный как командно-штабной центр, служивший одной из ставок Гитлера, располагался в горах в центральной части Германии более чем в 400 км северо-западнее мест, описываемых в данном параграфе. Так же неофициально был назван дом официальных приемов Кельштайнхаус, построенный на одной из вершин, возвышавшейся над личным помещением Гитлера Бергхоф, которое посетил Бен.

²² Имеются фотосвидетельства обратного, демонстрирующие разрушения, причиненные всему поместью Бергхоф, включая резиденцию Гитлера — <http://www.thirdreichruins.com/berghof.htm>

По крутой извилистой дороге Бен поднялся на вершину горы, испещренной воронками после бомбардировок союзников. Сверху открывался великолепный вид. Он любовался пейзажем с террасы, по которой некогда разгуливал фюрер, и на мгновение ему показалось, что он «смотрит на мир свысока». Теперь он понимал, как того, кто стоял здесь, на вершине, могла одолеть мания величия. Бен описал этот случай в «Историях». Он не нашел здесь ни документов, ни других доказательств преступлений. Гитлер редко бывал в «Орлином гнезде», хотя резиденция часто фигурирует в популярных фильмах и рассказах. Бен закончил историю словами: «Мне не оставалось ничего другого, кроме как спуститься с горы и сообщить в штаб о своей ошибке».

Рандеву с антикваром Гитлера

Вместо этого ему повезло напасть на другой горячий след. В конце мая Бену сообщили, что один из самых разыскиваемых немцев пойман и задержан в Вюрцбурге. Его имя фигурировало в розыском списке «Центральной канцелярии учета подозреваемых в военных преступлениях и преступлениях против безопасности». Канцелярия вела учет лиц, которых западные союзники подозревали в совершении военных преступлений. В Вюрцбурге арестовали Карла Габерштока, поставлявшего лично Гитлеру произведения искусства. Американцы подозревали, что именно Габершток стоял за международной кражей художественных ценностей нацистами. Габершток был родом из семьи банкира в Аугсбурге. В 1933 году он вступил в НСДАП и вскоре сыграл ведущую роль в культурной политике национал-социалистов. Он специализировался на немецкой живописи и европейских старых мастерах, а также торговал произведениями французских живописцев, таких как Гюстав Курбе и Эдуард Мане. В 1936 году он продал Гитлеру первую картину «Венера и Купидон» венецианского художника Париса Бордоне. Благодаря прямому

контакту с фюрером он мог продавать картины Йозефу Геббельсу, Герману Герингу и Альберту Шпееру. В нацистском мире искусства он маневрировал между приспособленчеством и слабым противостоянием. Однажды он смог предотвратить сожжение произведений «дегенеративного искусства», но после 1939 года он стал самым влиятельным антикваром по «Специальному заказу в Линце». Это было кодовое название для плана, который был настолько амбициозен, насколько и грязен. Гитлер, неудавшийся художник, хотел собрать ранее не виданную коллекцию произведений искусства и позже представить ее в «Музее фюрера», специально построенном в австрийском Линце. Шпеер даже создавал проекты монументального здания. Коллекцию пополняли предметами искусства, которые были приобретены, в том числе с оказанием давления, конфискованы и отобраны насильно. Работы старых мастеров, принадлежавшие еврейским владельцам, разрешалось продавать «свободно», но не дороже одной тысячи рейхсмарок, тот есть фактически их изымали. После блицкрига на Западе Габершток продолжил путь торговли и воровства на территории оккупированной Франции. До конца войны тысячи картин, скульптур, предметов мебели, фарфоровых изделий и гобеленов из тайной коллекции Гитлера скрывали в различных хранилищах. Их стоимость исчислялась миллиардами. Бен чувствовал «огромный потенциал» этого дела, но был вынужден бороться с мнением начальства, о чем сообщил Гертруде в письме от 6 и 7 июня 1945 года. Его начальник заявил, что это «не имеет никакого отношения к военным преступлениям». Были даже попытки закрыть дело. Над этим также работало Управление стратегических служб — разведывательная служба Военного министерства. Неделью спустя в Вюрцбурге арестовали известного антиквара, и Бену удалось получить разрешение допросить подозреваемого. В воскресенье 3 июня он прибыл в то, что осталось от города Вюрцбург, с водителем и неизменно сопровождавшим его офицером. На месте средневекового города

остался только «скелет». Королевские военно-воздушные силы Великобритании разнесли его вечером 16 марта. Удары с воздуха продолжались всего 20 минут, но уничтожили 90 процентов исторического центра. «Пораженные, мы проезжали через город-призрак», — написал Бен.

Найти временное жилье было нелегко; наконец, военная администрация предоставила им виллу за городом, принадлежавшую руководителю местного отделения НСДАП. На вилле оставались слуга и жена скрывавшегося нацистского деятеля, которые заботились о гостях. Сопровождавший офицер оказался не зеленым новичком, который пороху не нюхал, а бывалым воякой, закаленным в бою «плохим парнем». Лейтенант Дуайт Маккей, ирландец по происхождению, хорошо повоевал против танкистов Роммеля в Африке, а затем в Нормандии, где был ранен. Здесь Бен проявил свои юридические способности. Наскоро осмотревшись, он вышел и вернулся с ветчиной, маслом, хлебом, сахаром, кофе, фруктовым соком и несколькими банками персиков и помидоров из запасов армии США. Без лишних церемоний он объявил виллу штабом небольшого следственного подразделения и отправил слугу на кухню.

Затем Бен и Маккей отправились на поиски Габерштока. Они нашли его в местной тюрьме. Медленно к ним подошел обычный дедушка (1878 года рождения) с седыми волосами и закрученными усами. Выглядел он «довольно безобидно». «Полного сложения джентльмен поклонился и весьма печально на нас посмотрел», — описывал Бен их встречу. Они отвезли антиквара Гитлера на виллу и устроили трехдневный допрос. Бен знал, что Габершток представлял «власть, стоящую в тени трона», и мог принимать решения о милости и немилости на правах управляющего музея рейха. Габершток вел торговлю для «всех важных персон», «и о том, как те или иные картины были приобретены и кому они действительно принадлежали, знал больше, чем любой другой человек в Германии».

Можно было просто красть вожаделенные ценности и отправлять их владельцев в концлагеря, но к таким грубым

методам предпочитали не прибегать, поскольку «это смотрелось бы нехорошо». Карл Габершток описал более изощренную процедуру, используемую в оккупированной Франции: он расплачивался за бесценные картины из парижских музеев чеками от немецкого правительства, выписанными на Банк Франции. Затем «после простого процесса дипломатично обставленных финансовых переговоров» стоимость картин вычитали из военных долгов, которые Германия возложила на французов, «и все были квиты». В результате Гитлер «покупал» картину, не обогатив Францию ни на цент, так что фюрер извлекал «из всего наибольшую выгоду». Еврейских владельцев нацисты шантажировали под видом бюрократического порядка, ссылаясь на переселенческий и имущественный налоги для евреев и аналогичные правила, и вынуждали их продавать картины «за смехотворно низкую цену». К некоторым приходили сотрудники гестапо. «Никогда в истории не было более успешных коллекционеров произведений искусства», — пишет Бен. Габершток раскрыл пикантные факты соперничества Гитлера и Геринга, фигур номер один и два в Германском рейхе: оба временами торговались из-за одной и той же картины. В такие моменты антиквар старался держаться как можно дальше.

У Бена сложилось впечатление, что Габершток говорил открыто, но нервничал. Так получилось из-за техники допроса лейтенанта Маккея. Время от времени он вскакивал со стула и кричал с сильным американским акцентом: «Не лги мне, сукин ты сын, или я прямо здесь тебя уложу!» Габершток озадаченно смотрел и спрашивал у Бена: «Что он сказал?» Теперь Маккей объявил, что решает, когда повесить Габерштока — на этой неделе или на следующей. «Дедушка» никак не мог понять, «собираемся ли мы его арестовывать и всерьез ли угрожаем его жизни», — писал Бен в «Историях». Они с Маккеем отыграли роли «хорошего полицейского» и «плохого», а на следующий день поехали в маленький городок в этом районе, чтобы раздобыть белое франконское

вино. Оно было «прозрачным и крепким», и Габершток разговорился. «В десять вечера он пожал всем руки и пообещал нам дорогие картины».

После того как Габершток подробно все рассказал, Бен отправился на поиски документов, содержащих сведения о краже произведений искусства от имени фюрера. Он стремился вернуть более или менее незаконно приобретенные предметы их законным владельцам, поэтому хотел получить записи Габерштока. Дом антиквара в Берлине разбомбили, но он успел вывезти свои бумаги и большую часть частной коллекции произведений искусства. Важные фонды коллекции хранились в Ашбахе под Бамбергом, где Габершток еще в конце войны нашел убежище у своего друга, барона фон Пёльница. Замок был полон произведений искусства. Там же жил коллекционер Хильдебранд Гурлитт^{IX}, который в ящиках привез в Ашбах ценные картины и рисунки. В джипе Бен и Маккей со своим заключенным направились через сельскую местность к замку. На неожиданном свидании Габершток и его жена упали друг другу в объятия и заплакали. «Никто не промолвил ни слова. Это была очень трогательная сцена», — написал Бен. Госпожа Габершток все еще молча пожала Бену руку. Барона не было — его арестовали несколькими днями ранее. Бен сказал супруге барона, что они займут три комнаты и какое-то время погостят в замке.

Из окна комнаты он видел «прекрасную лужайку и сад». Бен спал на «великолепной перине», прогуливался по мягким ковровым дорожкам и разглядывал мрачные картины на стенах — более воодушевляющее искусство явно скрывалось в ящиках Габерштока и Гурлитта. Проточной воды не было. Он предпочел бы двухкомнатное бунгало с горячим душем старому замку, иронизировал он в своем письме Гертруде. На званый ужин явилось около десяти других гостей. Они были «любезны и умны»; изысканная беседа проходила в основном на английском языке. Около полуночи госпожа Габершток открыла несколько бутылок благородного многолетнего шампанского,

чтобы отпраздновать возвращение мужа. В два часа Бен улегся на свою перину. Маккей и другие несокрушимые выпивали до шести утра. На следующий день Бен отправил Габерштока «на работу». Он попросил его собрать свои документы. Кроме того, он допрашивал «другого антиквара», который остановился в замке; вероятно, Гурлитта. Разглядывая изысканные коллекции, он жалел, что не учил эстетику основательнее, поскольку «завидовал энтузиазму ценителей».

Рембрандт в соляной шахте

Несметные сокровища из коллекции Гитлера не были спрятаны в Ашбахе. Американские следователи обнаружили их в австрийском городке Альтаусзее. В 1943 году фюрер распорядился поместить произведения искусства в подземную соляную шахту, чтобы они могли пережить войну без повреждений. В непробиваемой бомбами горе были почти идеальные условия для хранения ценных полотен. Температура постоянно держалась на отметке 8 градусов Цельсия, а влажность составляла 75 процентов. Здесь обнаружился второй горячий след, по которому шел Бен, чтобы прояснить «самую крупную кражу произведений искусства в истории». Уже 23 июня он смог подробно рассказать Гертруде о последних расследованиях. Снаружи огромная шахта выглядела как маленькая гостиница, за которой начинались низкие пещеры. Вход строго охранялся. «Я вынужден был показать свое удостоверение десять раз, прежде чем мне позволили войти». Печать «По приказу генерала Паттона» творила чудеса. Охранники вытягивались по стойке смирно и отдавали честь со словами «Есть, сэр!», когда Бен спрашивал у них дорогу.

Он шел по узким рельсам рудника, пока не вышел в большую пещеру. Бен увидел множество запертых металлических дверей, охраняемых часовыми. За каждой дверью скрывалось хранилище. Несколько местных жителей упаковывали картины. Они складывали полотна в деревянные ящики, затем

выносили из шахты и погружали на грузовики армии США. «Громадная комната была заполнена снизу доверху картинами, очень аккуратно расставленными по размерам, пронумерованными и составленными бок о бок по всей ее длине. В одном углу стояла дюжина полотен Рембрандта, в другом — много картин Ван Гога». Бен смотрел на «одну из изысканнейших коллекций произведений искусства в мире, ради мимолетного взгляда на которую художники готовы были бы приехать с других континентов и стояли бы как вкопанные в безмолвном восхищении».

Шахта тянулась на много километров в соляные горы. Через несколько минут Бен добрался до другой двери из тяжелого металла. Он спросил охранника, что находится внутри. Солдат ответил, что не знает, но ему приказано никого не пропускать. В этот момент Бен вытащил свой волшебный пропуск и сказал, что такие приказы к нему не относятся. Охранник прочитал — и впустил его. В темноте Бену показалось, что пещера за дверью пуста. «Скажите, Вы что, охраняете здесь воздух?» — пошутил он. Потом он огляделся внимательнее. Первым, что он обнаружил, были две створки Гентского алтаря братьев ван Эйк от 1432 года, с изображенными на них Адамом и Евой. Фландрский шедевр имел бурную историю и политическое значение, по мнению Гитлера. Однажды Наполеон уже похищал среднюю часть алтаря. Боковые створки невероятным образом добирались до Старого музея в Берлине. После Первой мировой войны Германия была обязана уступить их Бельгии в рамках репарационных платежей. Гитлер расценил это как национальный позор, который он стремился сгладить, захватив алтарь в следующей войне.

Бену постепенно становилось холодно в сырых галереях, и он завершил свою экскурсию по старым мастерам в соляной шахте. Снаружи было чем заняться — дело оказывалось все более феноменальным. Американцы узнали, что высокопоставленные нацисты планировали взорвать шахту и уничтожить сокровища. Бен должен был допросить свидетелей

и выследить подозреваемых. Саботаж почти увенчался успехом. Бен выдал Гертруде тайну о том, что вандалы, схваченные в последний момент, уже заложили в шахту несколько крупных зарядов, которые могли взорвать в любой момент. Они лежали в коробках с надписью «Осторожно, мрамор! Не бросать». К слову, заряды весом пятьсот килограммов были «американского производства». Но им не суждено было взорваться. Шахтеры никак не могли понять, почему все ящики стоят в разных пещерах, и из любопытства заглянули внутрь. Они догадались, что замышляют нацисты, и извлекли взрывчатку.

В отчете Бен намекнул, что по вопросу о том, следует ли уничтожать культурные ценности, между ведущими национал-социалистами на заднем плане разгорелся яростный спор. В последние дни от Гитлера из «Фюрербункера» поступали противоречивые приказы. Август Айгрубер, гауляйтер «Обердонау»²³, хотел любой ценой уничтожить произведения искусства. Его противником был Эрнст Кальтенбруннер, начальник охранной полиции и службы безопасности СС, а также начальник Главного управления имперской безопасности СС в Берлине. Как и многие другие высокопоставленные представители режима — в том числе и Адольф Эйхман, — Кальтенбруннер в конце войны скрывался в районе Альтаусзее. Многочисленные курортные дома и клиники предоставляли удобное укрытие. «Они могли просто замотать лица бинтами, сменить имена, зарегистрироваться как пациенты и наслаждаться жизнью среди прекрасной природы, пока напряжение не спадет». Единственной зацепкой было то, что американцы знали об их планах. Кальтенбруннер наконец одержал победу в тяжбе с Айгрубером и поддержал руководство шахты в планах по спасению. Таким образом, взрывное безумие гауляйтера оказалось в центре внимания американских

²³ Oberdonau (нем.) — «Верхний Дунай», территориально-административная единица Третьего рейха.

следователей. Айгрубер исчез, но вскоре его поймали. За сопричастность к пыткам и убийствам заключенных в концентрационном лагере Маутхаузен он был приговорен к смертной казни и казнен в Дахау.

Судебное преследование национал-социалистов за кражу произведений искусства оказалось более сложным. В настоящее время он работает над делом Геринга, сообщил Бен в письме от 8 августа. Рейхсмаршал был страстным любителем искусства; его украденная коллекция была второй по величине после коллекции Гитлера. Фюрер сам вынес себе приговор, а Геринг должен был предстать перед судом в Нюрнберге за более серьезные преступления. Тем временем после первых допросов, проведенных Беном, Габерштока допросили в Бад-Аусзее в июне. Он не предстал перед американским военным судом. В 1949 году так называемый денацификационный трибунал, созданный для очищения общества от влияния нацистской идеологии, классифицировал его как сочувствующего. Его отношения с Гитлером, Герингом и К^о носили исключительно деловой характер. Хотя свидетели иногда выдвигали против него серьезные обвинения, его также освободили от ответственности в ходе производства по пересмотру дела.

«Миллионы немцев, оставшихся хорошими людьми»

Детективная история с украденными картинами, разыгравшаяся на фоне Альп, еще какое-то время держала Бена в напряжении, но его время в армии подходило к концу. Положение было «интригующим и полным интереса». Два офицера военно-морского флота, директора музеев в гражданской жизни, на месте проверили происхождение спасенных картин. Несколько подозреваемых находились под стражей и давали показания. Несмотря на то что Бен был увлечен работой, ему ужасно не хватало его любимой Бимбо, как

ласково называл он Гертруду. «Они могут хранить свое искусство и свои сокровища, свои озера и прекрасные горы; я же с радостью променял бы все это на прогулку в парке Бронкса, если бы мог держать твою руку в своей», — признавался он в письме. Все сильнее его терзала тоска по «простой» и «сладкой» жизни вместе со своей любимой в Нью-Йорке. Теперь он действительно был сыт по горло военной жизнью в разрушенной войне Европе. Ожидалась суровая зима. И хотя у американских солдат было «довольно комфортное положение», для всех остальных оно было «трагическим».

Из дневника мы узнаем о преимуществах, которые солдаты союзников извлекли из того, что все еще существовала «серьезная нехватка мужчин». «Я никогда не видел страны с таким количеством одиноких женщин», — писал Ференц о Германии. Помимо охоты на массовых убийц и грабителей произведений искусства, было достаточно времени, чтобы посвятить себя более приятным сторонам жизни. Пикантность ситуации не миновала его: «наверное, иронично» было заигрывать с женщинами убежденных нацистов, заметил он однажды.

При этом его суждения о немцах различались: «Я лично убежден, несмотря на концлагеря и другие ужасы, свидетелем которых я был, что есть миллионы немцев, оставшихся хорошими людьми». Он показывал им фотографии зверств, совершенных нацистами, и убеждался: «Я знаю, что большинство людей, которые их видят, крайне потрясены». Он всей душой стремился вернуться в Америку. «С меня хватит войны, я сполна выполнил свой долг перед армией и теперь просто хочу домой», — написал он в дневнике 25 июля. Окончание войны, в том числе и с Японией, он отпраздновал 15 августа в штабе в Мюнхене как «самый счастливый день» с того момента, как он начал вести дневник. Отличный повод, чтобы поставить точку. Такими словами заканчиваются его записи: «Нет ни звания, ни степени, ни работы — ничего, что армия могла бы предложить мне сейчас, чтобы я остался».

Глава 4

Вечный медовый месяц

«Я хочу, чтобы вы вернулись»

На Рождество 1945 года Бен вернулся домой. Когда «Фитцхью Ли» пришвартовался в нью-йоркской гавани, Бена встречали невероятно счастливые Гертруда, мама и отчим. Из-за небольшой выходки Бен путешествовал через Атлантику как безбилетник. Вместе со многими другими солдатами он ждал увольнения из вооруженных сил недалеко от Парижа и, чтобы убить время, решил в одиночку отправиться на экскурсию по Швейцарии. Когда Бен вернулся, его товарищи исчезли. Корабль покинул Шербур без него. Из-за самовольной отлучки из войск могли возникнуть проблемы, и Бен попытался выбраться через другой порт. В Антверпене он нашел великодушного офицера, которому честно доложил о случившемся. Тот сказал: «Без проблем, ступай на борт». И даже внес Бена в список пассажиров. Никто на корабле толком не знал, кто он такой, поэтому Бен пользовался некоторой свободой. Он нашел пустую койку и валялся, читая «Войну и мир» Толстого. В пути он провернул прибыльное дельце. В детстве он неплохо показывал фокусы и теперь за деньги учил хитрым трюкам солдат, которые рассчитывали на этом заработать. «Когда мы добрались до Нью-Йорка, — писал Бен, — большинство солдат обанкротились. Но некоторые обогатились».

26 декабря в Форт-Диксе сержант Бенджамин Ференц был «с почетом» уволен с военной службы. Даже там с ним произошел особый случай. Его сослуживцев уволили в Рождество, поэтому для соблюдения формальностей Бен сформировал «войсковую часть», состоящую из одного человека. Судя по документам, он сам себя «уволит со службы». Его наградили медалью «За примерное исполнение обязанностей»

и добавили несколько «Боевых звезд»²⁴ за участие в боях в Нормандии, Арденнах и на Рейне. Он отдавал себе отчет в том, что не личный героизм тому причиной, а тот факт, что он остался в живых. В письме с факсимильной подписью президент Трумэн благодарил его за службу в американских вооруженных силах «до полного разгрома противника».

Двойственное отношение Бена к армии не изменилось. «Я был рад исполнить свой долг», — говорил он. В то же время он никогда в точности не выполнял приказы, которые считал неразумными. Ему был чужд героический пафос. «Правда в том, что три года, которые я провел в армии США во время Второй мировой войны, были худшим опытом в моей жизни, — пишет он в «Историях». — Никогда больше я не хотел бы стать свидетелем таких ужасов». Война оставила неизгладимый след в его душе, и он был готов сделать все возможное, чтобы предотвратить такие страдания в будущем.

Пришло время начинать новую жизнь. Как и миллионы других ветеранов, он искал работу и собирался жениться. Гертруда достаточно долго его ждала, но он всегда знал, что не сделает предложение женщине, пока не сможет содержать семью. Ситуация была нелегкой. Несмотря на гарвардское образование, у него не было опыта работы юристом в мирной жизни. «Такой, как я, был никому не нужен», — вспоминал Бен. Однажды, прогуливаясь по Пятой авеню, он встретил приятеля, которого знал по Гарвардской школе права. После окончания университета его приняли на должность помощника судьи Верховного суда США Роберта М. Джексона. Джексон, в свою очередь, был назначен главным обвинителем от США на процессе над главными

²⁴ «Боевая звезда» (Battle Star — англ.) — миниатюрный дополнительный знак в форме пятиконечной звезды бронзового или серебряного цвета, прикрепляемый к колодке или планке основной награды. Вручается как свидетельство службы в районе боевых действий.

нацистскими преступниками в Международном военном трибунале в Нюрнберге. Бен сказал однокурснику, что занимался расследованием военных преступлений, и забыл об этом разговоре. Вскоре он получил телеграмму из Пентагона: «Пожалуйста, явитесь на собеседование». Новость оказалась весьма кстати. Как только назначили дату собеседования, Бен отправился в столицу.

В Военном министерстве его принимал не кто иной, как подполковник Давид Маркус. «Зовите меня Микки», — сухощавый офицер явно был в хорошем расположении духа. Давид «Микки» Маркус возглавлял Управление по военным преступлениям в Военном министерстве. Юрист и выпускник Вест-Пойнта²⁵ был крепким орешком. Маркус воевал на фронтах Второй мировой войны, позднее участвовал в разработке условий капитуляции Германии и Италии и служил в американской военной администрации в Берлине. В начале 1948 года он прибыл под вымышленным именем в Палестину — на британскую подмандатную территорию, чтобы принять участие в создании израильской армии. За достижения в войне за независимость 1947–1949 годов премьер-министр Давид Бен-Гурион первым из офицеров израильских вооруженных сил произвел его в звание бригадного генерала. Его жизнь оборвалась трагически: 10 июня 1948 года Маркус по ошибке был застрелен собственным солдатом²⁶. По биографии Давида Маркуса в Голливуде снят фильм с Кирком Дугласом в главной роли («Откинь гигантскую тень», 1966).

Тогда же, весной 1946 года в Пентагоне Маркус занимался Нюрнбергским процессом.

²⁵ Высшее военное училище сухопутных сил США в Вест-Пойнте, штат Нью-Йорк. Выпускники считаются армейской элитой, многие занимали и занимают высокие политические и корпоративные посты.

²⁶ Маркус, требовавший от подчиненных строгого соблюдения правил воинской дисциплины, особенно в прифронтовой полосе, в темное время суток не ответил на оклик караульного, который, произведя выстрел в воздух, затем открыл огонь на поражение.

— Я хочу, чтобы вы вернулись, — сказал он Бену.

— Вернулся куда? В Германию? Вы, наверное, шутите, — удивился Бен.

Никогда в жизни он не вернулся бы в армию, но Маркус умел торговаться. Он предложил Бену чин гражданской государственной службы, соответствовавший воинскому званию полковника. В таком статусе Бен оставался гражданским, но пользовался всеми привилегиями офицера и мог в любой момент уйти в отставку.

— Бенни, — настаивал Маркус, — ты был там, ты все видел — ты должен вернуться в Германию.

Конечно, предложение было заманчивым, но Бен хотел вести нормальную жизнь! Почему, ради всего святого, он должен снова беспокоиться о погрузившейся в хаос и бедствие Европе? А как же женитьба на Герти? Он все еще медлил с ответом. В конце концов, Маркус предложил ему поговорить с Телфордом Тейлором. Тейлор был не только выпускником Гарвардской школы права, что уже расположило к нему Бена, но и одним из заместителей главного обвинителя Роберта Джексона в Нюрнберге. Попутно Тейлор работал над подготовкой последующих судебных процессов, которые должны были раскрыть «всю панораму нацистской преступности» («Истории»). В марте 1946 года он приехал в Вашингтон, чтобы набрать персонал, а Маркус ему помогал. Именно поэтому он свел Бена и Тейлора. Бывший военный разведчик, работавший во время войны над расшифровкой немецких секретных кодов в Великобритании, хорошо подготовился к встрече. Он получил рекомендательное письмо для Бена от профессора Глюка и ознакомился с личным делом солдата. Кое-что вызывало у Тейлора беспокойство. В личном деле было сказано, что иногда Бен склонен к непослушанию. «Это неправильно, сэр, — возразил Бен, — я непослушен не иногда, а всегда». Он сказал Тейлору, что не намерен выполнять «откровенно глупые или незаконные» приказы. Казалось, Тейлор скрывает улыбку.

«Вы поедете со мной», — сказал он, и Бен согласился. Получилось, что он вернулся в Германию всего через три месяца. 20 марта 1946 года он подписал контракт с Пентагоном — теперь ничто не мешало ему жениться на Гертруде, и с женитьбой медлить не стоило. Уже 31 марта состоялась скромная свадебная церемония, на которой присутствовало несколько членов семьи.

Бен знал свою первую любовь почти десять лет. Герти родилась 5 ноября 1919 года в Сату-Маре, в венгерско-румынской пограничной области. При рождении она получила имя Гизела. Ее отец Шулем Фрид — в Америке он называл себя Сэм — был портным. Он покинул семью в 1924 году и в одиночку эмигрировал в Нью-Йорк. В 1936 году он ненадолго вернулся и забрал с собой дочь. Гизелу, или Гизи, теперь звали Гизель, а позже она стала Гертрудой. В том же году умерла ее мать; вскоре ее брат Джозеф тоже эмигрировал в США. Теперь семьи Ференц и Фрид породнились дважды, так как отец Бена женился на тете Гертруды после развода с первой женой. Другая тетя Гертруды по отцовской линии, Шава Перлман, жила в том же доме в Бронксе. Гертруда жила у тети Шавы, и именно в ее гостиной состоялось их с Беном бракосочетание.

Возвращение в Европу Бен преподнес молодой жене как уникальную возможность отправиться в длительный медовый месяц. Здесь он здорово просчитался. «Европейский медовый месяц» растянулся на целое десятилетие. Когда «месяц» закончился, в семье Ференц было четверо детей.

Доказательства из первых рук

Сначала медовый месяц отложили. Дело в том, что военный устав не позволял женщинам, являющимся супругами военнослужащих, сопровождать мужей в поездках за границу. Гертруде пришлось отпустить мужа одного. Перед отъездом портной Пентагона снабдил его личной униформой.

Четыре маленькие золотые полоски на рукаве свидетельствовали о том, что он прослужил два года в боевых условиях. Вместо металлических значков, указывавших на воинское звание, Бен носил нашивку OCCWC — недавно созданного Отдела Главного юридического советника по военным преступлениям. Отдел под руководством Телфорда Тейлора (проводившего собеседование с Беном) должен был заниматься выявлением и преследованием немецких военных преступников. Тейлор и большинство сотрудников базировались в Нюрнберге. Когда в сентябре 1946 года открылся филиал OCCWC в Берлине, Бена назначили его руководителем. Он возглавил группу следователей, которым предстояло искать доказательства преступлений нацистов в разрушенной бомбардировками бывшей столице рейха. Там разлученные после свадьбы молодожены воссоединились. Гертруду приняли на должность младшего аналитика в Военном министерстве и направили в Берлин — работать под началом собственного мужа.

На Рождество 1946 года Бен и Гертруда сбежали от сутенных дел, чтобы наверстать отложенный медовый месяц. Они отправились через Баварские и Швейцарские Альпы в Рим. Затем в Милане они посетили Ла Скала и бензоколонку, где 29 апреля 1945 года были повешены вниз головой трупы Муссолини и его любовницы Клары Петаччи. В разрушенном войной Берлине Бен и Гертруда поселились в маленьком домике в районе Далем. Бомбардировки союзников и уличные бои во время наступления Красной армии оставили глубокие шрамы на теле города. В холодную зиму 1946–1947 годов жители голодали и замерзали. Гертруда жалела их, хотя и знала, что войну развязали немцы. Рейхсмарка обесценилась. Американские сигареты, а также мыло и кофе стали предпочтительной валютой. Процветал черный рынок. В частично разрушенной Государственной опере на Унтер-ден-Линден, расположенной в советском секторе разделенного города, певцы и танцоры из московского

Большого театра демонстрировали, «что русская культура может предложить больше, чем кровавые нацисты». Несмотря на явную пропаганду, Гертруда и Бен наслаждались балетными и оперными спектаклями и были рады разнообразить насыщенные работой будни.

И все же время поджимало. 1 октября 1946 года завершился суд над главными военными преступниками в Международном военном трибунале в Нюрнберге. Из двадцати четырех обвиняемых из числа высшего нацистского руководства двенадцать были приговорены к смертной казни. Семь получили тюремное заключение, трое были оправданы. Два дела были закрыты судьями. К смертной казни были приговорены: Герман Геринг, Эрнст Кальтенбруннер, Иоахим фон Риббентроп (рейхсминистр иностранных дел Германии), Вильгельм Фрик (рейхсминистр внутренних дел Германии), Ганс Франк (генерал-губернатор оккупированной Польши), Мартин Борман²⁷ (начальник Партийной канцелярии НСДАП), Альфред Розенберг (рейхсминистр восточных оккупированных территорий), Фриц Заукель (комиссар по рабочей силе), Артур Зейсс-Инкварт (рейхсштатгальтер Австрии, рейхскомиссар Нидерландов), журналист Юлиус Штрейхер (главный редактор газеты «Штурмовик»), а также военные деятели Вильгельм Кейтель (начальник штаба Верховного командования вермахта) и Альфред Йодль (начальник оперативного отдела штаба Верховного командования вермахта). К длительным срокам тюремного заключения были приговорены рейхсминистр вооружений и боеприпасов Альберт Шпеер и рейхсгендфюрер Бальдур фон Ширах.

После суда над главными военными преступниками Международный военный трибунал распустили. Его сменил

²⁷ Борман, погибший предположительно в начале мая 1945 года, был судим и приговорен Международным военным трибуналом в Нюрнберге к смертной казни заочно.

американский военный трибунал, который в период с декабря 1946 года по апрель 1949 года провел двенадцать последующих процессов. Их организатор Телфорд Тейлор хотел привлечь к ответственности как можно больше высокопоставленных деятелей Третьего рейха. В списке преступников значились врачи, проводившие смертельные медицинские эксперименты, юристы, эсэсовцы и полицейские, управляющие и промышленники, военные руководители, министры и другие правительственные чиновники. Подчиненным Тейлора нужно было как можно быстрее собрать доказательства преступлений. Ключевую роль здесь сыграл отдел OCCWC в Берлине во главе с Бенем. Ференц со свойственными ему энтузиазмом и сознательной гражданской позицией не давал сотрудникам расслабиться. К тому же им была на руку пресловутая немецкая основательность, отличавшая бюрократию национал-социалистического государства. В официальных документах, которые они изучали, среди не относящихся к делу административных деталей попадались доказательства преступлений национал-социализма — задокументированные самими преступниками.

Глава 5

Процесс

Сенсационная находка — «Отчеты о событиях в СССР»

Прорыв произошел на рубеже 1946–1947 годов, когда взбудораженный Фредерик Бурин, талантливый молодой следователь, ворвался в берлинский офис Бена и доложил о сенсационной находке. В куче дел из канцелярий поверженного рейха он нашел папки со множеством секретных сообщений. Они носили безобидное название «Отчеты о событиях в СССР», но свидетельствовали о смертоносной деятельности айнзацгрупп, спецподразделений СС — организации под руководством рейхсфюрера Генриха Гиммлера. Мобильные элитные войска находились в подчинении Главного управления безопасности рейха (РСХА) Рейнхарда Гейдриха²⁸, но также тесно сотрудничали с вермахтом. Разделенные на четыре группы примерно по 500–800 человек каждая, они действовали на всей территории Советского Союза, завоеванной немцами, от Прибалтики (айнзацгруппа А) до Черного моря (айнзацгруппа D). Они должны были обеспечивать «политическую безопасность» в тылу фронта, но секретная миссия состояла в том, чтобы убивать всех, кого немцы считали своими идеологическими врагами: прежде всего евреев и коммунистических функционеров, а также цыган, душевнобольных и других «неполноценных». Обнаруженные отчеты поступали регулярно начиная с первого дня операции «Барбаросса» 22 июня 1941 года и охватывали

²⁸ После смерти Гейдриха в 1942 году в результате покушения в Праге РСХА была подчинена напрямую Гиммлеру. Позднее ее руководителем был назначен Кальтенбруннер. Покушение на Гейдриха, организованное чешским Сопротивлением при поддержке британских спецслужб, стало поводом для акций возмездия, включая уничтожение деревни Лидице.

почти двухлетний период. Особенность заключалась в том, что преступники сами подсчитывали и записывали, сколько людей они убили. С мая 1942 года доклады поступали в измененном виде под названием «Доклады с оккупированных восточных территорий».

Бен затаил дыхание. Он сразу понял, что бумаги, которые его команда обнаружила в руинах бывшей столицы рейха, бесценны — как для истории, так и для следствия. В докладах были точные и подробные данные: где совершались преступления, сколько было жертв, какие подразделения осуществляли убийства, кто был командиром. Бен сразу понял, что ему в руки попала «хроника массовых убийств». Наличие «отчетов о событиях» было крайне важным для уголовного расследования, потому что напряженность между США и сталинским СССР возрастала, и было сложно получить избличающие документы из Советского Союза. Однажды Бен уже пытался провести судебный процесс совместно с советской военной администрацией. Русские сначала проявили интерес, а затем внезапно отказались. Давление на людей Ференца, искавших доказательства преступлений среди сохранившихся в Берлине документов национал-социалистов, усиливалось. Теперь же документы были на его столе.

Вначале Бен думал, что отчеты айнзацгрупп обнаружались в штаб-квартире гестапо. Но прибывший из Швейцарии Бурин рассказал, что отчеты хранились в архивных материалах министерства иностранных дел. Речь шла о двенадцати скоросшивателях с ротапринтными копиями оригиналов отчетов. Главное управление имперской безопасности рассылало копии в отдельные высокопоставленные административные подразделения, главным образом в рамках бюрократии СС, но также и за ее пределами. Обнаруженные бумаги были практически полным набором таких дубликатов — и единственным сохранившимся. Канадский историк Хилари Эрл, автор первой монографии о Нюрнбергском процессе по делу об айнзацгруппах (2009), подтверждает

первое впечатление Бена и говорит об «информационной золотой жиле», чье значение для истории национал-социализма трудно переоценить. Только в 2011 году все доклады были опубликованы в трехтомном собрании документов исследовательской группой под руководством Клауса-Михаэля Мальманна и Мартина Купперса из Штутгартского университета. Всего было 195 ежедневных «Отчетов о событиях» и 55 еженедельных «Докладов с оккупированных восточных территорий», занявших почти 4500 машинописных страницы. РСХА составляло подборки рапортов, которые командование айнзацгрупп получало от подразделений и передавало в центральное руководство в Берлине. Отчеты о казнях были вставлены как бы вскользь, словно речь шла о совершенно заурядных событиях. Очевидно, наряду с политическими, экономическими, культурными или этнологическими наблюдениями они были чем-то само собой разумеющимся.

Типичный пример — «Отчет о событиях в СССР № 89» от 20 сентября 1941 года, который, как и все эти документы, имел стандартизированную структуру. Отправителем был «шеф полиции безопасности и СД». Под датой и местом (Берлин) с печатью «Совершенно секретно!» было отмечено, сколько всего было экземпляров рапортов (48) и какие из них находятся среди этих копий (36). Доклад был разделен на три главы: «Политический обзор», «Сообщения от оперативных групп и их командования», «Военные события». Наблюдения о «ярко выраженной музыкальной деревенской культуре» на Украине чередовались с фразами: «Области деятельности командования, освобожденные от евреев. С 19.08 по 25.09 было казнено 8890 евреев и коммунистов. Общее число 17315. В настоящее время еврейский вопрос решается в Николаеве и Херсоне». Информация относилась к айнзацгруппе D.

Даже о самых кровавых расправах сообщалось сухим административным языком. В «Отчете о событиях в СССР

№ 106» от 7 октября 1941 года под заголовком «Казни и другие меры» сообщается о печально известной массовой казни в Бабьем Яре: «Совместно со штабной группой и двумя командами полицейского полка “Юг” зондеркомандой 4а [айнзацгруппа С] 29.09 и 30.09 казнен 33 771 еврей. Операция прошла “безупречно”: “Не было никаких инцидентов”. “Меры по переселению”, принятые в отношении евреев, получили одобрение среди местного населения. Тот факт, что евреи на самом деле были ликвидированы, едва известен и, “судя по нынешнему восприятию, не натолкнулся на решительное осуждение”. Вермахт также “одобрил принятые меры”»^х.

Издатели писали о выдающемся историческом значении «Отчетов о событиях», которые уничтожение евреев сделали центральным элементом немецкой политики в Европе, «поскольку практика массовых убийств в Бабьем Яре облегчила переход к геноциду, который на тот момент не был еще четким ориентиром в нацистской политике». В ходе операции «Барбаросса» можно установить, что основания для казней становились все менее важными, и это означало, что истребление народов постепенно превращалось для преступников в рутину.

На основании показаний офицеров СС, причастных к событиям, Нюрнбергское обвинительное заключение исходило из того, что существовал «приказ фюрера» о массовом истреблении евреев и коммунистов. Даже историки достаточно долго придерживались такого мнения несмотря на отсутствие соответствующего источника.

Последние исследования ставят этот факт под сомнение. Ученые склонны полагать, что айнзацгруппы и их подразделения имели большую свободу. Логика систематических убийств формировалась в равной степени действительностью Восточного фронта, а также смутными намеками и закамouflированной терминологией, которую использовало нацистское руководство в отношении обращения с евреями.

А эсэсовцы в айнзацкомандах, действуя в указанном направлении, самым радикальным способом реализовывали эти установки, исполненные ревностного стремления на деле воплотить то, на что намекало начальство. Однако факт остается фактом: «Окончательное решение еврейского вопроса» было одной из первоочередных целей национал-социалистической политики. Ключевую роль в этом сыграли айнзацгруппы.

Бен первым ощутил это, когда изучал шокирующие документы в берлинском офисе. Он отметил местности, которые, как сообщалось, были «свободны от евреев», и получил общее представление об огромных масштабах преступных деяний. «На небольшом арифмометре я подсчитывал количество убитых. Дойдя до миллиона, я перестал считать».

Главный обвинитель в 27 лет

Анализ документов продлился до весны 1947 года, и как только Бен раздобыл все необходимые сведения, он поднялся на борт самолета, отправлявшегося в Нюрнберг, чтобы сообщить Телфорду Тейлору о сенсационных находках.

— Генерал, мы должны организовать новый суд, — выпалил он.

— На каком основании? — поинтересовался Тейлор.

— Взгляните, что у меня есть, — ответил он и показал изобличающие записи. Все было задокументировано, в списках значились даже имена убийц. Виновных нужно было во что бы то ни стало привлечь к ответственности.

Первая реакция Тейлора разочаровала Бена: тот признал большую актуальность нового материала, но была одна «административная проблема». Пентагон больше не мог проводить судебные процессы. Ресурсы были ограничены. В самой Германии поддержка трибунала по военным преступлениям ослабевала. Но Бен стоял на своем:

на руках были прямые доказательства того, что преступники хладнокровно убивали людей, суд можно было провести быстрыми темпами.

— Мы не можем позволить массовым убийцам уйти от наказания! — в отчаянии он сказал, что, если некому поручить эту работу, он сам за нее возьмется.

Тейлор на секунду задумался, а затем уточнил, может ли Бен заняться этим в дополнение к своим нынешним обязанностям.

— Конечно, — заверил Бен.

— Хорошо, — ответил Тейлор, — приступайте.

Вот так Бен Ференц стал, к своему же удивлению, главным обвинителем в самом масштабном процессе по делу об убийствах, который когда-либо проводился. Он был самым молодым обвинителем в Нюрнберге и, что касалось его практики в этой области, совершенно неопытным: «Мне было 27 лет, и это было мое первое судебное дело».

Первоначально Тейлор планировал провести дополнительное судебное разбирательство против ведущих представителей СС из сфер безопасности, разведки и полиции, но из-за ограниченных ресурсов был вынужден отказаться от этой идеи. После обнаружения протоколов айнзацгрупп ситуация изменилась: фокус сместился конкретно на эту группу преступников. Учитывая тяжесть преступлений и доказательную силу найденных документов, срочность уголовного расследования стала настолько велика, что Тейлор не выдержал натиска столь уважаемого им коллеги и продвинул его на должность главного обвинителя.

В мае 1947 года Бен с женой переехал во Франконию. Подполковник Билл Вуст, взявший на себя руководство берлинским отделом, обещал звонить Бену, если возникнут какие-то сложности. В городе Фюрт недалеко от Нюрнберга пара вселилась в небольшую виллу, реквизированную американской армией. Звание генерала позволяло Бену переехать в более просторную резиденцию, но ему

понравился этот дом. Поблизости был широкий луг, за участком протекала река Пегниц. Бену нравился ухоженный сад, и в свободное время он пытался что-то вырастить. За садом присматривал старый садовник по имени Людвиг, изъяснявшийся на непонятном Бену франконском диалекте. Над попытками американца вырастить под деревом помидоры и салат для сэндвичей он только посмеялся. Бен пришел к выводу, что во времена нужды знания старика о выращивании овощей были куда важнее, чем все, чему он научился в Гарварде. Однако вскоре у него появилась возможность доказать свои юридические способности.

Отбор обвиняемых

Первым делом при подготовке к процессу нужно было обеспечить сохранность папок, содержащих «отчеты о событиях». Документы запечатали в мешок с маркировкой «Почта США» и доставили в Берлинский центр хранения документов (БЦД) в район Целендорф. БЦД располагался в подземном помещении, в котором во время войны находилась станция прослушивания Имперского министерства авиации Геринга, а сейчас хранились документы национал-социалистической эпохи, собранные в связи с Нюрнбергским процессом. Помимо личных дел сотрудников СС, корреспонденции и других материалов в фонде центра хранились удостоверения членов НСДАП^{XI}.

Затем нужно было сравнить документальные свидетельства с показаниями преступников, которые были живы и находились под стражей. В конце концов, только их и можно было привлечь к ответственности. Но кому вообще Бен должен был предъявлять обвинения? В общей сложности около трех тысяч членов айнзацгрупп практически ежедневно убивали беззащитных мужчин, женщин и детей. Привлечь к суду всех подозреваемых было невозможно.

Тем не менее Бену и его сотрудникам удалось составить почти полный список сотрудников айнзацгрупп. Копии этих документов были направлены во все союзные лагеря военнопленных с просьбой сообщить о наличии подозреваемых и перевести их в Нюрнберг. Некоторые из лидеров СС уже были там; их задержали первыми. Количество массовых убийц, которым могли быть предъявлены обвинения, зависело, помимо ограниченных финансовых средств, от оснащения зала суда в Нюрнбергском дворце правосудия. Ни в одном из двенадцати процессов²⁹ перед судом не могли предстать более двадцати четырех обвиняемых — по той простой причине, что на скамье подсудимых всего двадцать четыре места. К сожалению, много рыбы, в том числе крупной, неизбежно ускользало из невода, говорит Бен. Перед организаторами Нюрнбергских процессов изначально не ставили большей задачи, чем привлечь к уголовной ответственности небольшую группу самых крупных нацистских преступников. «Было ли это справедливо? — спрашивает Бен и сам отвечает: — Я выбрал двадцать четыре подозреваемых для предъявления обвинений. Я мог доказать виновность трех тысяч преступников. Где справедливость? Это не было справедливостью. Это был отбор, пример, чтобы показать миру, что случилось, и привлечь к ответственности некоторых виновных». К сожалению, правосудие не всегда совершенно.

Помимо этих ограничений он определил два критерия отбора обвиняемых: старшинство и образование. Простые, плохо образованные мужчины с большей вероятностью сойдут с дистанции, потому что ответственность начинается с самого верха. Люди, которых он привлек к суду в соответствии

²⁹ В оригинале сказано о тринадцати процессах (dreizehn Prozesse). Возможно, Гут включил в их число процесс над главными военными преступниками, однако в этой главе речь идет о последующих процессах, которых было двенадцать.

с этими требованиями, в основном относились к высшим чинам СС. Они выросли в благополучных условиях, получили хорошее образование и сделали стремительную карьеру в национал-социалистическом Германском рейхе благодаря личным способностям и безоговорочной лояльности к правительству.

Главным обвиняемым и в то же время «самой интересной и сложной личностью» среди подсудимых был Отто Олендорф — группенфюрер СС и командир айнзацгруппы D. Он родился в 1907 году и вырос в поместье недалеко от Хильдесхайма. Его отец был национал-либералом старой школы и активным членом Немецкой народной партии. В юности Олендорф заинтересовался организацией и ведением хозяйства в имении своего отца. Он изучал право и политологию в университетах Лейпцига и Гёттингена, преподавал в Институте мировой экономики в Киле и Коммерческом колледже в Берлине. Олендорф провел один год в фашистской Италии, «изучая фашистскую систему и фашистскую философию международного права», как он заявил в своих показаниях перед военным трибуналом. В 1925 году он вступил в НСДАП, в 1927 — в ряды СС. Олендорф начал стремительную карьеру в силовом блоке аппарата НСДАП, участвовал в организации Службы безопасности Гиммлера (СД), стал там экономическим советником, а в 1939 году возглавил 3-е ведомство (контрразведка и внутренняя безопасность) во вновь образованном РСХА. После операции в Советском Союзе на посту командира айнзацгруппы D, которая длилась с июня 1941 года по июнь 1942 года, Вальтер Функ назначил Олендорфа заместителем статс-секретаря, а затем директором департамента в имперском министерстве экономики. В мае 1945 года, когда нацистскому государству уже практически пришел конец, Олендорф де-факто был министром экономики в «Фленсбургском правительстве» адмирала Дёница. Вскоре после этого его арестовали.

Обвинению удалось привлечь к суду не только Олендорфа, но и трех командиров остальных айнзацгрупп. Хайнц Йост, бригадефюрер и генерал-майор полиции, командовал айнзацгруппой А. Он также был юристом и членом руководства СС. В 1933 году Йост возглавил полицейское управление в Вормсе, а позже — в Гисене. В 1934 году он продолжил карьеру в империи Гиммлера, быстро поднявшись до руководящей должности в Главном управлении СД, а затем в РСХА. В августе 1939 года Йост по поручению Гейдриха обеспечивал поставки польской униформы, необходимой, чтобы инсценировать нападение на радиостанцию в Глейвице. Эту постановку Гитлер использовал как предлог, чтобы отдать приказ о вторжении в Польшу. В дополнение к командованию айнзацгруппой А с марта по сентябрь 1942 года Йост принял на себя командование полицией безопасности и СД «Остланд» в Риге.

Третьим в группе был Эрих Науман, командир айнзацгруппы В. Первоначально он был уполномоченным в структуре СА, ответственным за вопросы, касающиеся высшего образования. В 1935 году он поступил на службу в СС и работал в их службе безопасности. В главном офисе СД в Берлине он возглавлял ведомство под руководством Йоста, который так же, как и Науман, оказался одним из подсудимых в Нюрнберге. Позже Науман был инспектором полиции безопасности и СД. Во время нападения Германии на Польшу он уже отдавал приказы в качестве командира айнзацгруппы в ходе операции «Танненберг» в целях «борьбы со всеми антиимперскими и антигерманскими элементами в тылу сражающихся войск» и уничтожения польской интеллигенции. Слета 1941 года он состоял в штабе айнзацгруппы В, командование которой принял на себя в ноябре. С сентября 1943 года по июль 1944 года Науман возглавлял Полицию безопасности и СД в Нидерландах.

Четвертым руководителем СС, которого Бен отправил на скамью подсудимых, был Отто Раш, командир

айнзацгруппы С. Раш был блестящим ученым с двумя докторскими степенями в области политэкономии и права. В Лейпциге он работал юристом и консультировал различные компании. После захвата Гитлером власти он стал бургомистром Радеберга, а затем обербургомистром в Виттенберге. С 1939 года работал в гестапо и службе безопасности на руководящих должностях во Франкфурте-на-Майне, Линце, Праге и Кёнигсберге; в Восточной Пруссии был ответственным за лагерь уничтожения и принудительного труда Зольдау. 31 августа 1939 года он возглавил нападение эсэсовцев на домик лесника Питчен — театрализованное наступление, как и в случае с радиостанцией Глейвиц, которое имитировало вторжение польской армии. Раш командовал айнзацгруппой С с момента ее основания до октября 1941 года, когда отдал приказ о массовой казни в Бабьем Яре. До 20 октября его подразделения сообщили о 80 000 «специально обработанных», что означало «убитых».

Франц Зикс на фоне остальных обвиняемых казался интеллектуалом. Будущий руководитель зондеркоманды 7с (передовая команда «Москва») в айнзацгруппе В сделал молниеносную академическую карьеру. В возрасте двадцати пяти лет получил ученую степень, защитив диссертацию «Политическая пропаганда национал-социализма» (1934), в двадцать восемь лет стал профессором журналистики в университете Кёнигсберга, в тридцать лет — деканом факультета международных исследований и директором института международных исследований в Берлине. Зикс исполнял обязанности начальника отдела прессы в Главном управлении СД и начальника ведомства РСХА. При Гиммлере он отвечал за «вопросы исследования мировоззрения». Он поддерживал Холокост против европейских евреев, в первую очередь, разрабатывая пропагандистские материалы, но с логистическими решениями. Вместе с начальником гестапо Генрихом Мюллером — по словам коменданта Аушвица Рудольфа Хёсса, «хладнокровного исполнителя» всех приказов

Гиммлера, — Зикс работал над «подготовкой государственной полиции» к нападению на Польшу. В июне 1941 года Гейдрих доверил ему командование передовой командой «Москва». В сентябре 1942 года Зикс перешел в министерство иностранных дел под руководством Иоахима фон Риббентропа. Там он возглавил культурно-политический отдел, посвященный пропаганде — теме его диссертации.

Среди обвиняемых было много юристов. В дополнение к трем названным, юридическое образование получили Вальтер Блюме, Мартин Зандбергер, Вернер Брауне, Вальтер Хенш, Густав Носске, Эрвин Шульц (не закончил учебу) и Эдуард Штраух. Их знания в этой области не помешали им совершать самые вопиющие нарушения закона. В июле 1943 года генерал-комиссар Генерального округа Белоруссии Вильгельм Кубе похвалил «чрезвычайно способного [...] доктора права Штрауха», сказав, что именно благодаря ему «за последние 10 недель было ликвидировано 55 000 евреев».

Ремеслом убийства овладевали не только юристы и экономисты. Вальдемар Клингельхёфер был музыкально одаренным массовым убийцей — до карьеры офицера СС он был оперным певцом. Преподаватель гимназии Ойген Штаймле происходил из очень набожной семьи; Эрнст Биберштейн служил протестантским богословом и пастором. Пауль Блобель, отличавшийся особой жестокостью даже в этой галерее массовых убийц, прежде чем сделать карьеру в службе безопасности, работал каменщиком и плотником. До деятельности в СС Адольф Отт активно работал в Германском трудовом фронте, Вальдемар фон Радецки прошел стажировку в транспортно-экспедиционной фирме, Феликс Рюль был судебным служащим, Хайнц Шуберт учился в Высшей коммерческой школе, а затем работал в адвокатской конторе. Маттиас Граф занимался торговлей, а Эмиль Хаусман преподавал в начальной школе. Все они были избраны руководством СС, потому что считались подходящими для

выполнения самой грязной работы в кампании по истреблению на Востоке^{XI}.

«Скорбь и надежда»

Из двадцати четырех обвиняемых двое преждевременно вышли из процесса. Эмиль Хаусман, вскоре после того как получил наряду со всеми остальными обвинительное заключение, покончил жизнь самоубийством в своей камере 31 июля 1947 года. Доктор Отто Раш избежал наказания, потому что был серьезно болен. Однажды в кабинете Бена появился Ганс Зурхольт (адвокат Раша) и попросил снять обвинения с его клиента, который страдал болезнью Паркинсона, или дрожательным параличом. «Если бы я убил столько людей, сколько он, меня бы тоже трясло», — ответил Бен. Пока Раш дышит, он не позволит ему избежать суда. В начале судебного процесса бывшего командующего айнзацгруппой С доставили в зал на носилках. Но растущая слабость из-за болезни спасла его от вынесения приговора. 5 февраля 1948 года Раша освободили из-под стражи, а девять месяцев спустя он умер.

Судебный процесс начался 15 сентября 1947 года в зале судебных заседаний № 600 Нюрнбергского дворца правосудия с оглашения обвинительного акта согласно традициям англо-саксонского уголовно-процессуального права. Для всех обвиняемых он состоял из трех пунктов: преступления против человечности, военные преступления и участие в организациях, признанных преступными. Обвиняемых спрашивали, знают ли они об этих обвинениях, понимают ли их и признают ли они себя «виновными» или «невиновными». Несмотря на то что тяжесть доказательств была подавляющей, каждый утверждал, что он невиновен в совершении преступлений.

Главная часть процесса началась через две недели, 29 сентября, когда Бен Ференц открыл основное слушание,

предъявив обвинительное заключение. В обшитом деревянными панелями зале суда, где двумя годами ранее проходил процесс над представителями высшего нацистского руководства, развернулась судебная драма невиданного ранее масштаба. Информационное агентство AP сообщало о «крупнейшем в истории суде над убийцами» и «худших убийцах в истории». За массивным деревянным барьером на возвышении располагались скамьи для обвиняемых. Перед ними, несколькими ступенями ниже, сидели их защитники, в основном бывшие члены нацистской партии. Трое американских судей, одетых в черные мантии, восседали за столом напротив. За их спинами был установлен звездно-полосатый флаг. Представители обвинения, сдвинувшись в сторону, заняли пространство посередине, образовав своеобразный треугольник с судьями и подсудимыми. Мировая пресса и публика, в том числе Гертруда, наблюдали за происходящим с задних рядов. Каждое сиденье было оборудовано наушниками, а между английским и немецким языками обеспечивался синхронный перевод.

Атмосфера в зале, по словам Бена, была «спокойная и очень сосредоточенная»: «Не было ни аплодисментов, ни освистывания, ни смеха, ничего». Среди зрителей почти не было немцев. Последующие процессы интересовали их куда меньше, чем суд над Герингом и другими главными нацистскими преступниками. Родственники жертв также редко присутствовали на заседании. Обвиняемых строго охраняли: их доставляли на лифте из конвойного помещения, расположенного под залом суда, прямо к скамье подсудимых, под надзором солдат американской армии в униформе и белых касках.

Председательствующий судья Майкл Масманно предоставил слово Бену. Спокойным ровным голосом тот зачитал заявление, то и дело переводя взгляд от рукописи в зрительный зал. Когда Бен смотрел влево, он видел обвиняемых, сидевших с угрюмыми лицами, но выглядевших «совершенно

нормально». На вопрос, каково было смотреть в глаза массовым убийцам, Бен ответил: «Реакции не было ни с их стороны, ни с моей. Я ни разу не повысил голос и не сорвался. Я сохранял ледяное спокойствие». Для него были важны исключительно факты, засвидетельствованные в докладах айнзацгрупп. Чтобы не отвлекаться и не поддаваться эмоциям, Бен ничего не узнавал о личной жизни преступников и старался не пересекаться с ними вне зала суда.

В зале суда произошел инцидент с участием обвиняемого Штрауха. Он поднялся со скамьи и внезапно исчез из поля зрения. Военная охрана с поднятыми дубинками ринулась к нему: скрючившись, Штраух лежал на полу — судя по всему, у него случился эпилептический, а возможно и психогенный припадок.

В своей «вступительной речи от имени Соединенных Штатов Америки» Бен беспристрастно изложил основные особенности дела с точки зрения обвинения. После общего введения он говорил об идеологических мотивах рассматриваемых преступлений, структуре и организации айнзацгрупп, о некоторых операциях, правовых основах судебного процесса, трех пунктах обвинения и, наконец, о личной ответственности преступников.

Молодой главный обвинитель осознавал историческое значение этого момента. Первой же фразой (которой нет в старой кинохронике; съемка началась сразу после этих слов) он задал трибуналу высокую перспективу: «Когда мы раскрываем здесь умышленное убийство более миллиона невинных и незащитных мужчин, женщин и детей, это переполняет нас скорбью и надеждой». Эти слова отражают его подход к процессу: перед ним стояла задача «гораздо более важная, чем поимка горстки убийц», как он говорил по прошествии лет. Месть не является целью, равно как и установление уравнительной справедливости, подчеркнул он в своей речи. По его убеждению, такой вещи даже не может существовать: нельзя исправить несправедливость,

компенсировав убийство более миллиона человек жизнями двух десятков преступников. Но трибунал может помочь — и в этом он уверен — предотвратить подобные ужасы в будущем. Это должно заложить основу для более мирной жизни. Дело, которое он передал в суд, должно «призвать человечество к закону». Необходимо укрепить международную правоохранительную деятельность, чтобы защитить права каждого человека на жизнь в мире и достоинстве, независимо от расы и религии.

Айнзацгруппы СС, элитное командование убийц в погонах, поправили все понятия права. Они были созданы с конкретной целью — уничтожать людей только за то, что они евреи или, по мнению нацистов, неполноценны по каким-либо другим причинам. Сообщения айнзацгрупп показали, что массовые убийства, совершенные подсудимыми, были продиктованы не военной необходимостью, а псевдодарвиновской теорией нацистов о сверхчеловеке. Эти действия являлись целенаправленной реализацией далеко идущих планов по уничтожению нежелательных этнических, национальных, политических и религиозных групп.

Для этого процесса Бен ввел в правовую практику новый термин — «геноцид». То, что сегодня является общеупотребительным понятием и предметом широко признанной конвенции ООН, в то время еще было неизвестно. «Геноцид — уничтожение целых категорий людей — был главнейшим инструментом нацистской доктрины», — заявил он. В одном из пунктов обвинительного заключения (преступления против человечности) сотрудники СС обвинялись в том, что систематически работали в этом направлении. Термин «геноцид» появился благодаря польскому беженцу и юристу Рафаэлю Лемкину. Бен встретил его в залах Нюрнбергского дворца правосудия, где Лемкин, который уже помогал главному обвинителю от США в Международном военном трибунале Роберту Джексону в 1945–1946 годах, — с глазами, в которых застыл ужас, — рассказывал о своей судьбе

каждому, кто хотел его выслушать. Всю его семью уничтожили нацисты. Из уважения к нему и обоснованности его юридических аргументов Бен включил этот термин в свою Нюрнбергскую речь.

Сторона обвинения ставила перед собой две цели: создать глобальный правовой порядок для защиты от преследований и уничтожения, а также провести определенную воспитательно-просветительскую работу в рамках американской политики перевоспитания (re-education). «Германия — страна, лежащая в руинах и оккупированная иностранными войсками, с искалеченной экономикой и голодающим населением», — напоминал Бен. Большинство немцев все еще не знали о событиях, которые здесь рассматривались. Однако они должны знать о том, что происходило, чтобы понять причины их нынешней бедности. Представленные факты должны были помочь немецкому народу правильно оценить систему, которую он ранее с таким энтузиазмом приветствовал. Тогда на место безумного фетиша мог прийти «истинный идеал».

Ференц ясно дал понять, что систематические убийства эсэсовцами из айнзацгрупп были обоснованы национал-социалистической расовой теорией, сформулированной Альфредом Розенбергом. Учение об арийском превосходстве и неполноценности других народов стало совершенно серьезной идеей. На инструктаже незадолго до вторжения в Советский Союз Гейдрих и Бруно Штрекенбах, начальник управления кадрами РСХА, внушали руководителям айнзацгрупп, что это является частью их миссии по искоренению противников национал-социализма. Под врагами подразумевались комиссары-коммунисты и евреи. Однако вскоре число «врагов», взятых под прицел, оказалось настолько большим, что их нельзя было заставить исчезнуть попутными мерами. Их нужно было уничтожить «массово». Ференц напомнил суду, что айнзацгруппы состояли максимум из 3000 человек, и это немного по сравнению с более чем

миллионом жертв (из такого количества убитых исходило обвинение). В течение двух лет эти четыре группы каждый день убивали в среднем 1350 человек.

Огромный объем «специальной обработки» требовал напряженной работы и безупречной организации. Отряды убийц охотно использовали обман: они сообщали ложную информацию о том, что евреев переселяют. Вместо этого грузовики с человеческим грузом выезжали к месту казни за пределы городов. Расстрелы были самой распространенной формой убийства. В этом контексте Бен процитировал волнующие показания гражданского лица — немца Германа Греббе^{XIII}, который был свидетелем массовой казни под Дубно на Украине 5 октября 1942 года. По его словам, среди трупов в яме были живые люди. По его подсчетам, около 1000 тел были свалены друг на друга. Полностью разделенные жертвы спускались по лестнице, вырезанной в глиняной стене ямы, и пролезали через головы казненных до места, на которое указывал эсэсовец. С сигаретой во рту он приказывал людям лечь — и стрелял из своего автомата. Во время массовой казни эсэсовцы ликвидировали все еврейское население города, около 5000 человек.

Другой способ заключался в использовании специально переоборудованных грузовиков или фургонов, выхлопные газы которых направлялись внутрь закрытого кузова. Когда машины прибывали в пункт назначения, большинство жертв были мертвы, но среди скрутившихся почерневших тел были и живые люди. Их вытаскивали и часто кое-как закапывали в общих могилах. Деньги, украшения и другие ценности изымали. Общая сумма награбленного была скрупулезно внесена в отчеты, направляемые в главный штаб, равно как и количество погибших.

Описывая масштабы убийств, совершенных айнзацгруппами, Бен приводил примеры из документов. В октябре 1941 года айнзацгруппа А сообщила в Берлин об уничтожении 121 817 человек. Айнзацкоманда 2 айнзацгруппы

А, возглавляемая Эдуардом Штраухом, в общей сложности за шесть месяцев совершила 33 970 убийств.

В середине ноября 1941 года, всего через пять месяцев после начала операции «Барбаросса», айнцагруппа В сообщила об убийствах 45 467 человек. Бен представил суду показания подсудимого Блюме, данные под присягой. Штан-дартенфюрер рассказывал о том, как участвовал в казнях в Витебске и Минске. Там каждый раз убивали от семидесяти до восьмидесяти человек. Их выстраивали группами около десяти человек перед ямой и расстреливали из карабинов. Отряд палачей состоял из тридцати-сорока человек. «Так не было необходимости в контрольных выстрелах», — сказал Блюме.

Айнцагруппа С также отличилась жуткими сообщениями об успехе. В начале ноября 1941 года отмечалось, что к тому времени было ликвидировано около 80 000 человек. Доклад пестрел подробностями об истреблении евреев в Киеве. Сразу после оккупации города были приняты «репрессивные меры» против евреев и их семей. Еврейскому населению приказали собраться для переселения из Киева. Вопреки ожиданиям в место сбора пришли не 5000–6000 человек, а более 30 000. Благодаря умелой организации, евреи до последнего момента верили, что их переселяют. В действительности их ждала бойня Бабьего Яра.

При этом заметно отличился Пауль Блобель, руководивший операцией. «Убийство всего за два дня 33 тысяч евреев, проживавших в Киеве, бьет все ужасающие рекорды среди айнцагрупп», — сообщил Бен. Подобное событие сложно представить. Но евреи были далеко не единственной частью населения, подлежащей уничтожению. Даже если бы можно было немедленно уничтожить сто процентов евреев, это не устранило бы источник политической опасности, согласно сообщениям айнцагруппы С. Большевистский аппарат опирался на русских, грузин, армян, поляков, украинцев и других — все они тоже становились мишенью для

убийц, наряду с инвалидами. Бен привел в пример психиатрическую больницу, где айнзацкоманда 6 ликвидировала 800 человек.

Последней Бен упомянул айнзацгруппу D. Офицеры штаба сидят на скамье подсудимых, сказал он, указывая на командира Олендорфа, заместителя Зайберга и адъютанта Шуберта. За девять месяцев эта группа уничтожила более 90 000 жизней, расстреливая в среднем 340 человек в день. Среди жертв были евреи, цыгане, азиаты и другие «нежелательные» люди.

Заключительную часть речи Бен посвятил правовым и моральным вопросам. Для него было важно обосновать законность и легитимность суда. Он опирался на международные соглашения между двадцатью тремя государствами и на закон № 10 Союзного контрольного совета от 20 декабря 1945 года. Закон создал правовую основу для судебного преследования за преступления, совершенные при национал-социализме с согласия государства и партии. Бен подчеркнул, что американские военные трибуналы в действительности являются международными и в отношении суда над айнзацгруппами: «Убийства по этому делу совершены в определенных городах и деревнях, но права, которые нарушили обвиняемые, относятся ко всем людям, повсеместно». Ференц назвал пиратов и разбойников предшествующих столетий «предвестниками современной международной преступности». Правовая доктрина позволяла государствам наказывать их независимо от гражданства жертв или места преступления. Бен процитировал сэра Хартли Шоукросса, главного британского обвинителя в Международном военном трибунале, сказавшего, что необходимость защищать основные права человека от режимов, которые вопиющим способом их нарушают, давно признана как часть международного права. Немецкие профессора также писали об этом. В примечаниях к рукописи своей речи Бен упоминал Иоганна Каспара Блюнчли и его работу «Das moderne Völkerrecht

der civilisierten Staaten» (1868 год) («Современное международное право цивилизованных государств»). Блюнчли, один из выдающихся юристов своего времени, был швейцарцем, но сделал карьеру в Германии. Когда Бен призвал судей рассмотреть обвинения подсудимым «во имя цивилизации», он вдохновлялся личностью Блюнчли — экспертом, стоявшим у истоков международного права.

Именно поэтому Бен считал, что пункты обвинения «преступления против человечности» и «военные преступления» необходимо рассматривать как различные виды преступлений. Даже если деяния, в которых обвиняются подсудимые, идентичны в обоих случаях, они являются разными уголовными преступлениями. Для наглядности он привел пример из практики судов общей юрисдикции: если ограбление сопровождается нанесением телесных повреждений, то закон карает оба преступления. Здесь принцип тот же: убийство беззащитных мирных жителей является военным преступлением, но в то же время — частью другого, более масштабного деяния — геноцида или преступления против человечности. Последнее может иметь место как в военное, так и в мирное время, и преступный умысел направлен «против прав всех людей», а не только против лиц, находящихся в зоне конфликта. Называть такие деяния одними только военными преступлениями значило бы «неверно судить об их побуждении и истинном характере». Соответственно, центральное значение этого дела обвинение видит «в защите основных прав человека посредством закона».

В то же время, продолжил Бен, сторона обвинения намерена «привлечь горстку людей к ответственности за действия, которые они, вероятно, не могли бы совершить в одиночку». По его словам, возникает вопрос о том, как измерить их вину. Бен размышлял над этим, обращаясь не только к судьям в черных мантиях, но и к подсудимым, которые через наушники следили за немецким переводом его выступления с серьезными неподвижными лицами. «Каждый,

находящийся на скамье подсудимых, был полностью осведомлен о целях своей организации», — сказал Бен. Все обвиняемые занимали ответственные или командные должности в карательных отрядах. Как военачальники, они связаны законами, которые знакомы каждому, кто носит форму. Это включает в себя юридический и моральный долг предотвращать преступления в своей собственной зоне ответственности. Тот факт, что они действовали по приказу своего правительства или командира, не освобождает их от ответственности за преступные деяния.

Такими словами главный обвинитель завершил речь. Несмотря на то что он выглядел таким же сдержанным, как и в начале, его слова прозвучали с особой риторической силой: «Обвиняемые на скамье подсудимых — жестокие исполнители террора, написавшие самые мрачные страницы человеческой истории. Смерть была их инструментом, а жизнь — игрушкой. Если эти люди уйдут от наказания, то закон и порядок потеряют всякий смысл, и людям придется жить в страхе».

Извращенная гуманность массовых убийц

Обвинение оперировало такими убедительными доказательствами, что, несмотря на чудовищные масштабы преступлений, рассматриваемых на судебном процессе, добилось чрезвычайно быстрого прогресса. Бену понадобилось всего два дня, чтобы завершить обвинение, что побудило Телфорда Тейлора остроумно поздравить его, сказав, что это мировой рекорд. При этом Бен воздержался от вызова свидетелей из числа жертв. Он знал, что их заявления могут быть ошибочными, и хотел исключить риск. Прежде всего, он доверял доказательной силе представленных документов. Чтобы осудить преступников, он использовал их собственные документы и письменные показания под присягой

(аффидевиты), полученные в ходе скрупулезных допросов обвиняемых. Материалы занимали двадцать семь томов. Небольшая, но боевитая команда секретарей неустанно трудилась днем и ночью, чтобы напечатать машинописные копии. В конечном итоге обвинение представило суду около двухсот пятидесяти «свидетельских показаний».

6 октября 1947 года Рудольф Ашенауэр, сам бывший нацист, но считавшийся «реабилитированным», стал первым адвокатом обвиняемых, подошедшим к микрофону. Он представлял Отто Олендорфа, командира айнзацгруппы D, которая следовала за 11-й армией и проложила свой кровавый путь из Румынии вдоль черноморского побережья в Крым. Олендорф, главный подсудимый, был хорошо сложен и, по мнению наблюдателей, столь же умен, сколь и привлекателен, к тому же он уже был известен в Нюрнберге. На судебном процессе над главными военными преступниками он давал показания в качестве свидетеля обвинения. Аргументы, которые он тогда привел, всех удивили. В своих мемуарах «Анатомия Нюрнбергских процессов» (The Anatomy of the Nuremberg Trials) Тейлор говорит о «настоящем блокбастере», оглушительной сенсации, которую взорвал Олендорф. На публичных слушаниях 3 января 1946 года он выдал информацию о том, что операции айнзацгрупп регулировались письменным соглашением между Главным управлением имперской безопасности и высшим командованием вермахта и армии. Таким образом, стало ясно, что к действиям айнзацгрупп причастны высшие государственные и военные власти.

Затем последовала шокирующая новость. На вопрос о том, какие приказы получали айнзацгруппы в отношении евреев и коммунистических функционеров, Олендорф ответил: «Был приказ, что айнзацгруппы должны ликвидировать евреев и политкомиссаров Советов на территории России». Знал ли он, сколько людей убито под его командованием? «Когда немецкая армия вторглась в Россию, я был во главе

айнзацгруппы D в южном секторе, и в течение года, когда я командовал айнзацгруппой D, она ликвидировала около 90 000 мужчин, женщин и детей». Слушатели в зале были потрясены его заявлениями, кто-то от ужаса спрятал лицо в ладонях. Тейлор описал выступление Олендорфа как «спокойное, предельно точное, объективное и вдумчивое».

Обвиняемые нацистские лидеры, которые — за исключением известного гитлеровского архитектора и рейхсминистра вооружений Альберта Шпеера — утверждали, что ничего не знали и отрицали какую-либо ответственность за преступления рейха, по-разному отреагировали на разоблачительное признание Олендорфа. Геринг тут же попытался опровергнуть показания, сообщил в своем «Нюрнбергском дневнике» Густав М. Гилберт, который в качестве судебного психолога сумел выстроить доверительные отношения с подсудимыми. Он назвал Олендорфа «свиньей», продавшей душу врагу. Вальтер Функ защищал своего бывшего сотрудника по имперскому министерству экономики и сказал, что Олендорф сделал честное признание. Ганс Франк даже выразил восхищение человеком, «который ради правды подписал себе смертный приговор».

Тогда Олендорфа допрашивали в качестве свидетеля, а теперь он предстал перед судом в качестве обвиняемого. В связи с предысторией этого судебного процесса вопрос о том, как Олендорф будет защищать себя, представлял особый интерес — ведь он уже признался в убийстве 90 000 мужчин, женщин и детей. Его адвокат Ашенауэр, один из самых молодых и одаренных представителей защиты, устроил драматическое представление, напомнив судье Масманно «шекспировского актера». «Господин Председатель, Высокий суд», — поднялся он, даже не пытаясь оспорить, что массовые казни были совершены с участием его подзащитного. В свою очередь, Ашенауэр привел два аргумента, чтобы представить эти акты как законные. Во-первых, он утверждал, что упреждающая самооборона или самозащита, оправдывающие

самопомощь в условиях чрезвычайной необходимости, являются устоявшимися юридическими понятиями. Ашенауэр подчеркнул, что эти действия могут совершаться для исполнения воли третьей стороны. Другими словами, Олендорф был убежден, что действия айнзацгрупп в завоеванном Советском Союзе требовались для «государственной самообороны» Германского рейха. Олендорф доверял заявлениям Гитлера (и разве мог он претендовать на то, что информирован лучше, чем фюрер?) о том, что Германия вторглась в СССР, чтобы отразить неминуемое нападение большевиков на Запад. Даже если бы это была ошибочная «одержимость», Олендорф субъективно исходил из того, что «красную опасность» можно предотвратить только «решением» «еврейского вопроса».

Вторым аргументом было вынужденное исполнение противозаконного приказа. Айнзацгруппы не проявляли собственную инициативу, а были интегрированы в военное командование: с одной стороны, в вермахт, с другой — в СС. Олендорф не был согласен с приказом о ликвидации евреев и политических комиссаров, но у него не было другого выбора, кроме как привести его в исполнение. На встрече в Николаеве в начале октября 1941 года он даже указал на это «нечеловеческое бремя» начальнику СС Гиммлеру, но не получил ответа. Поскольку за «приказами фюрера» стояли Гиммлер, Гейдрих и имевший доверительные отношения с Гитлером Мартин Борман, а Олендорф не имел прямого доступа к рейхсканцлеру и верховному главнокомандующему вермахта, то подзащитному не представлялось возможным пожаловаться. «Трагедия жизни Олендорфа станет понятна всем», — заключил Ашенауэр.

Бен счел аргументы «столь же умными, сколь и отталкивающими» — и больше всего ему хотелось после этого провести перекрестный допрос самого Олендорфа. Но он поручил допрос Джеймсу Хиту, одному из четырех обвинителей из своей команды. Родившийся в Вирджинии рослый

адвокат с манерами государственного деятеля и протяжным южным диалектом произвел бы большее впечатление на немцев; также Бен хотел избежать разговоров о еврейской мести. Хит знал, что он попал в черный список генерала Тейлора из-за проблем с алкоголем, поэтому уделял особое внимание подготовке вопросов и возможных ответов.

В ходе обстоятельных допросов, которые длились до середины октября, Олендорф подтвердил заявление своего адвоката о том, что приказы являются приказами, а любой, кто отказывается их исполнять, будет расстрелян на месте. Хит спросил, доверил ли он Адольфу Гитлеру право распоряжаться своей совестью. «Нет, — ответил Олендорфа. — Но я подчинил свою совесть тому факту, что был солдатом». Он был маленькой шестеренкой огромного механизма и делал только то, что делает любой солдат любой армии, а именно — подчинялся. Чтобы оправдать убийство евреев, Олендорф ссылаясь на то, что в политических руководящих структурах Советского Союза их представительство было несоизмеримо численности еврейского населения. Казнь невинных детей он оправдывал тем, что если они узнают, что немцы убили их родителей, то вырастут опасными врагами. «Цыган» следовало уничтожить, потому что они «ненадежны» и могли сотрудничать с врагом. Проще говоря, по словам Олендорфа, убийство беззащитных мирных жителей служило долгосрочной безопасности национал-социалистического государства.

Представитель обвинения противопоставил его слова отчетам о проделанной работе и состоянии дел айнзацгруппы D и предъявил документ под номером 2620-PS из судебных протоколов, в котором Олендорф признался, что по его распоряжениям было казнено примерно 90 000 человек. «Что вы имеете в виду, говоря «примерно»?» — поинтересовался Хит. Олендорф ответил, что на протяжении двух с половиной лет его допрашивали о деятельности айнзацгруппы, и он всегда называл примерные числа, так как не знал точных. При

составлении итоговых отчетов о жертвах проводился двойной подсчет, и иногда количество жертв преувеличивали. Как будто речь шла о бухгалтерских вопросах, Олендорф невозмутимо комментировал предъявленные ему документы, в которых, например, говорилось, что в период с 16 по 30 сентября 1941 года его подразделения уничтожили 22 467 евреев и коммунистов. Теперь он отказывался подтвердить общее число жертв — 90 000 человек, которое сам прежде назвал под присягой. В какой-то момент для председателя суда Масманно это стало слишком, и он прервал допрос. «Обвиняемый, — обратился Масманно к Олендорфу, — вы можете быть не согласны с тем, что я сказал, но вы должны согласиться с тем, что вы сами сказали 3 января 1946 года». Этим властным заявлением он закончил дискуссию.

Особенно волнующими — для всех причастных — были попытки обвинителя склонить Олендорфа к моральной оценке своих поступков. При всей холодности, которую излучал изящный генерал СС, он не был лишен неких угрызений совести. Проблески человеческого сострадания иной раз проскальзывали в его высказываниях — пусть и в извращенной форме. Его сочувствие относилось не к жертвам, а к преступникам. Так Олендорф сообщил о прибытии айнзацгруппы в городе Пречь, ныне расположенном в Саксонии-Анхальт, где Штреккенбах якобы передал приказ уничтожить всех евреев и большевистских комиссаров на советской территории. Олендорф и его офицеры хотели было протестовать из-за невозможности выполнить такой приказ. «Почему нет?» — спросил Хит. «Ну, я полагаю, что нет ничего психологически тяжелее, чем вынужденно по приказу стрелять в беззащитных людей», — ответил Олендорф. «Все же быть застреленным, будучи беззащитным, куда хуже», — возразил Хит. Он прочитал все показания Олендорфа и не нашел в них ни следа сочувствия жертвам, ни сожаления о совершенных зверствах. Хит тщетно пытался добиться ответа от подсудимого.

Риторический поединок стал еще более жестким, когда Хит спросил, убил бы Олендорф собственного ребенка, если бы Гитлер приказал это сделать. Олендорф был отцом пятерых детей в возрасте от двух до одиннадцати лет. Он отказался отвечать на этот, как он сказал, «неуместный» вопрос. По мнению подсудимого, обвинитель путал личные дела с военными; одно не имело никакого отношения к другому. Олендорф стоял на своем: убийство десятков тысяч безоружных мужчин, женщин и детей было для него «военной необходимостью».

Устойчивые представления изощренного массового убийцы до сих пор не дают Бену покоя. Он с содроганием вспоминает, как Олендорф пояснял, что в отличие от практики других подразделений, он не позволял своим людям использовать младенцев для учебной стрельбы или убивать их ударом о дерево. Он советовал подчиненным, чтобы они позволяли матерям прижимать детей к груди — а затем целиться в сердце. В таком случае дети не кричали, а стрелок мог убить мать и ребенка одной пулей. Так экономили боеприпасы.

«Я хотел, чтобы казни проводились по-военному и, насколько позволяли обстоятельства, гуманным способом», — слова Олендорфа внесли в протокол. Вместо выстрелов в голову с близкого расстояния, которые могли забрызгать его людей кровью, он предпочитал технику с участием нескольких стрелков с большего расстояния. Это снижало психологическую нагрузку и личную ответственность подчиненных. В тот же протокол внесли его заявление о том, что он отказался от использования «газвагенов»³⁰, которые использовали в других айнзацгруппах. Олендорф обнаружил, что некоторые жертвы были еще живы, когда открывали двери. Его подчиненным было очень тяжело вручную разгружать тела мертвых и полумертвых евреев среди экскрементов и рвоты. О страданиях жертв он не обмолвился ни словом.

³⁰ Мобильные газовые камеры, так называемые душегубки.

В связи с Холокостом люди много рассуждали о «зле». Вопрос о том, как кто-то может поступать настолько бесчеловечно, по сей день вызывает беспокойство. Бен занимался изучением этого вопроса со времен Нюрнберга. Его часто спрашивали, каково это — встречаться с такими «монстрами». Бен прозаически отвечал: «Преступники были не монстрами, а абсолютно нормальными людьми». Большинство из них наверняка были любящими отцами семейств, добрыми к своим собакам или кошкам. Бен убежден: «Именно война обычно превращает порядочных людей в массовых убийц». Так было во все времена — и не имеет никакого отношения ни к Германии, ни к какой-то особенной порочности немцев: «До тех пор, пока мы решаем конфликты военным путем и лишаемся общественного контроля, мы будем убивать».

«Правило пингвинов»

После главного обвиняемого настал черед остальных подсудимых. В отличие от Олендорфа, который, не утаивая подробностей, дал ясную и точную картину событий (хотя и ужасную присутствующих), в их показаниях преобладало стремление оправдаться и желание спасти собственную шкуру. Они ставили под сомнение подлинность своих же показаний, отрицали задокументированные злодеяния или утверждали, что убийства происходили в моменты их случайного отсутствия. Впрочем, никто из них не называл это убийством. Евреев «переселяли», «устраняли», «ликвидировали», или «проблема» просто «решалась». Обвинители терпеливо выслушали аргументы адвокатов. Они могли позволить себе быть обходительными, говорит Бен: «У нас на руках было достаточно козырей, которые открыли правду».

Основной судебный процесс продолжался до февраля 1948 года, и, стремясь обеспечить подсудимым абсолютно

справедливое судебное разбирательство, судьи не препятствовали всевозможным уловкам защиты. Бена постоянно раздражало, как он считал, предпочтительное обращение с обвиняемыми. Масманно то и дело отклонял хорошо обоснованные возражения стороны обвинения и, наконец, разъяснил свою позицию. Он сообщил раздраженным обвинителям, что примет любые доказательства защиты «вплоть до подробностей половой жизни пингвинов». Стратегия, которую он применил, вошла в историю как «правило пингвинов». Лишь позже Бен осознал, что опытный судья продемонстрировал такую терпимость, потому что хотел предоставить обвиняемым как можно более широкие права. Нетерпеливый главный обвинитель усвоил урок: если игра в кошки-мышки чересчур затянулась, он вспоминал, что прокуроры все-таки охотники, а не добыча. Судный день наступит, так или иначе.

Генерал Тейлор выходит на сцену

После исследования доказательств каждому обвиняемому предложили выступить с заключительным словом. Никаких сюрпризов не было. Большинство обвиняемых повторили аргументы, уже представленные адвокатами. 13 февраля бригадный генерал Телфорд Тейлор поднялся на трибуну. Главный организатор последующих судебных процессов в Нюрнберге лично выступил от стороны обвинения. Ранее он передал Бену для ознакомления свой текст. Тот не высказал никаких возражений; оба были согласны с окончательными оценками и требованиями друг друга.

Тейлор — в мирной жизни адвокат из Нью-Йорка — был располагающим, стройным мужчиной с темными волосами, разделенными аккуратным пробором, и ухоженной внешностью. Ему «очень шла» военная форма. «Он пользовался популярностью у женщин, а женщины пользовались популярностью у него», — отзывался Бен о Тейлоре.

Бен характеризует его как человека, «отлично владеющего пером, с острым интеллектом, очень либерального в своих взглядах и всегда порядочного и правильного». К тому же музыкально одаренного: Тейлор играл на фортепиано и кларнете и сочинял собственные произведения, некоторые из них впоследствии использовались Вооруженными силами Германии как маршевая музыка. Бен сидел в двух шагах позади Тейлора, когда тот, как всегда элегантный и решительный, подвел итог в своем вступительном слове: рассмотрение этого дела началось 137 дней назад, и 136 дней назад обвинение завершило свое выступление. Учитывая характер рассматриваемых преступлений, а также многочисленные доказательства их совершения, несусветная чушь, которая звучала здесь все остальное время — на протяжении двадцати одной недели, — может возмутить слух, но пусть она не поражает разум. После четырех с половиной месяцев прений сторон (каждый обвиняемый мог претендовать почти на неделю) обвинение ограничится несколькими общими вопросами, поднятыми защитой.

Подсудимые не пытались всерьез оспаривать факт организованного, заранее спланированного массового убийства — Тейлор также говорил о «геноциде». Тем не менее они пытались оправдать себя, выдвигая четыре основных аргумента. Первая группа обвиняемых, включая Йоста, Наумана и Блобеля, утверждала, что не принимала непосредственного участия в казнях. Вместо этого они занимались управленческими и административными задачами. Тейлор твердо отклонил эти заявления: «Было бы странно, если бы высокопоставленные командиры проводили большую часть своего времени с оружием в руках. Их работа состоит в том, чтобы на расстоянии руководить операциями. По поводу канцелярской работы он напомнил, что она заключалась, например, в заказе «газвагенов», используемых для массовых казней. Тот факт, что такие высокопоставленные офицеры, как Науман, возможно, не убили многих

людей лично, а только руководили кровавыми операциями айнзацгрупп, не уменьшал их вины, а, напротив, повышал их ответственность за преступления, совершенные под их командованием. Даже подчиненные офицеры, такие как подсудимые Радецки, Рюль, Шуберт и Граф, не могли апеллировать к тому, что они не принимали в убийствах активного участия. Каждый причастный, который способствовал тому, чтобы эти подразделения работали, и был в курсе их темных планов, — виновен. Даже если им удалось доказать, что они исполняли лишь вспомогательную роль, они оказались не в лучшем положении, чем сообщники, караулившие у входа в банк во время его ограбления.

Второй аргумент, выдвинутый Шульцем, Блобелем, Зандбергером, Штаймле, Хеншем и Носске, заключался в том, что они вообще не выполняли приказов убивать. Все жертвы, зарегистрированные в зонах действия их айнзацгрупп, либо были партизанами, либо погибли в ходе карательных мер в ответ на нападения партизан. Это утверждение легко опровергнуть в подавляющем большинстве случаев, сказал Тейлор. У зондеркоманды Блобеля на совести была бойня в Бабьем Яре, такой расправы город Киев не видел со времен монгольского нашествия. В любом случае они нарушили нормы права вооруженного конфликта — существуют строгие правила обращения с мирным населением. Ни один гражданин не может быть казнен без приговора суда. Это записано в воинской книжке каждого немецкого солдата. Если бы американцы руководствовались теми же принципами, что и обвиняемые, этот судебный процесс закончился бы, не успев начаться.

Третья группа подсудимых — в лице Наумана, Блюме, Брауне и Отта — оправдывала свои действия, как и Олендорф, «приказами сверху». Тейлор возразил им, заявив, что подчиненным обычно разрешено исходить из того, что отданный им приказ соответствует закону. Это соответствие не нужно всегда подвергать сомнению, но это не относится к явно

преступным приказам. Любой, кто совершает преступные деяния, несет за них ответственность — то, что при этом он подчиняется командиру, можно в лучшем случае рассматривать как смягчающее обстоятельство. Об этом здесь не может быть и речи. Обвиняемые не были ни фермерами, ни ремесленниками, ни наивными молодыми людьми, которые по призыву попали в вермахт. «Это юристы, учителя, художники и бывший священник. Проще говоря, образованные люди, которые в полной мере отвечали за свои поступки и вполне понимали серьезный и мрачный смысл программы, на которую они подписались. Они были частью твердого ядра СС». Их выбрали для этой ужасной задачи, потому они оказались достаточно беспощадными для ее выполнения — «специально отобранными фанатиками». Тейлор бросил подсудимым в лицо: «Именно они, прежде всех остальных, огнем и мечом распространяли нацистское учение».

Ответ становится очевидным, если рассмотреть природу преступлений. Речь идет не о поведении солдат в пылу и возбуждении боя. Чудовищные преступления были спланированы задолго до их совершения. Вопросы виновности или невиновности жертв вообще не сыграли бы никакой роли. «Это были убийства по их собственной воле», — сказал Тейлор.

Прежде чем произнести заключительное слово, высший представитель обвинения со стороны американцев растолковал выраженную Олендорфом точку зрения о том, что массовые убийства продиктованы военной необходимостью и носили оборонительный характер. Олендорф сравнил преступления нацистов с налетами союзников на Дрезден или американскими атомными бомбардировками Хиросимы и Нагасаки. Олендорф не видел особенной разницы между такими расстрелами и нажатием кнопки сброса авиабомб, в результате чего погибло гораздо больше людей, сказал он на свидетельской трибуне. Придет время, когда больше не будут проводиться такие нравственные различия.

Обвинение не могло не отреагировать на такое заявление. Тезис Олендорфа, ответил Тейлор, означал лобовую атаку на обязательный характер права вооруженных конфликтов, потому что, если довести эту мысль до конца, то такого права больше не будет. Тогда тотальная война будет означать тотальное беззаконие. По поводу бомб Тейлор ответил, что, к сожалению, верно лишь то, что разрабатывается все более смертоносное оружие. Но конечная ответственность лежит не на тех, кто закончил войну, а на тех, кто ее развязал: «Первые города, подвергшиеся террору современных воздушных налетов, пострадали от немецких бомб». Варшаву, Роттердам и Лондон бомбили до того, как в Германии пострадало хотя бы одно здание. Крупнейшие криминальные операции национал-социализма от рабского труда до убийства евреев невозможно переосмыслить ретроспективно как меры возмездия за бомбы союзников. С юридической точки зрения вопрос был ясен: ни Гагская конвенция, ни общие принципы права вооруженных конфликтов никогда не определяли ограничений в отношении размеров, скорости или разрушительного потенциала оружия. Законы военного времени регулировали не количество оружия, а то, как оно применялось.

Есть более фундаментальные соображения, продолжал Тейлор. Правила ведения войны могут меняться, но они не должны изменяться или становиться более жестокими лишь потому, что одно государство их нарушило. Деятельность айнзацгрупп была беспрецедентной в новейшей военной истории. Олендорф оправдывал это тем, что евреи и коммунистические чиновники могли дать Германии отпор особенно эффективно. Даже самый крутой дурак мог бы представить, что бы произошло, если бы наступавшие союзники применяли аналогичные принципы в Германии. Аргумент Олендорфа имел точную параллель с грабителем, который стреляет в хозяина дома «в целях самообороны».

Обвинители пожелали сделать последнее замечание по этому поводу. Защита выдвинула аргумент, будто

преступники действительно считали, что убийства были вызваны военной необходимостью. Этот аргумент нельзя считать серьезным. Генерал задал встречный вопрос: прекратилось бы истребление евреев, если бы Советская армия была разгромлена? «Нет, как раз наоборот», — воскликнул он на весь зал. Напротив, область убийственной деятельности была бы значительно расширена, Холокост приобрел бы еще более ужасающий размах. Это подтверждало и признание Олендорфа в том, что они убивали еврейских детей для достижения «длительной безопасности». Преступления были совершены не для того, чтобы добиться военной победы, заключил Тейлор, а наоборот: военный триумф еще больше позволил бы немцам осуществить запланированную резню. «Уничтожение евреев было целью войны, а не военным средством».

В заключение Тейлор обратился к вступительному слову Бена. Представители обвинения боролись за прекращение «международной анархии», подчеркнул он. Необходимость создания общепризнанного правового порядка на практической и осуществимой основе никогда еще не была столь очевидна, как сегодня. То, что совершили обвиняемые, не только противоречит международному уголовному праву, но и является «отвратительным преступлением во всех цивилизованных правовых системах». На этом процессе речь идет «об убийстве, умышленном убийстве, убийстве в гигантских масштабах, убийстве, совершенном по наихудшим мотивам». Некоторые из подсудимых все еще считали себя невиновными, потому что жертвы были евреями. Однако ни одно уголовное право, ни национальное, ни международное, не может выжить, если вина правонарушителя определяется политическими убеждениями, религиозными убеждениями или происхождением жертвы. Для мира во всем мире жизненно важно, чтобы в отношениях между народами никакая подобная ересь не становилась общепринятой. Никаких конкретных

уголовных обвинений Тейлор не выдвинул. Судебная мудрость призывает скорее к твердости, чем к снисхождению, просто сказал он.

Авария в небе над Берлином

Председатель суда объявил почти двухмесячный перерыв в разбирательстве, чтобы рассмотреть представленные доказательства, взвесить аргументы и вынести приговор в отношении двадцати двух оставшихся обвиняемых. Бен использовал это время для других расследований военных преступлений. Из Нюрнберга он отправился в бывшую столицу рейха, которая теперь была оккупирована четырьмя державами-победительницами. На обратном пути в небе над Берлином произошел инцидент, который мог закончиться трагедией, но большей частью исход был благополучным. Кроме экипажа самолета и Бена с Гертрудой, пострадали и другие известные представители США: Тейлор с женой Мэри и юрист Джеймс Макхейни, главный обвинитель на одном из процессов в Нюрнберге, с женой Мэрилин.

Тейлор встречался в Берлине с генералом Люсиусом Д. Клемом, руководителем администрации американской зоны оккупации в Германии. 18 марта 1948 года, в четверг, группа должна была отправиться с аэродрома Темпельхоф, находившегося в американской зоне, назад в Нюрнберг, откуда они вылетели двумя днями ранее. Бен предпочел бы поехать на машине, но Тейлор настоял на перелете. Чтобы сэкономить время и не задерживаться без необходимости, он организовал «специальную полетную миссию». Полет самолета американских ВВС «Дуглас» С-47 до Берлина прошел без происшествий, писал Бен в шестистраничном подробном отчете через несколько дней после инцидента. Однако 18 марта погода была скверная. Пассажирам самолета никогда бы не позволили подняться в воздух в условиях ограниченной видимости, но что могло остановить

храброго военного летчика? В передней кабине находился пилот в звании сержанта Том Сквайерс, жизнерадостный молодой человек из Техаса. «Будьте осторожны, — пошутил Бен, — жизнь, доверенная вам, может быть моей собственной». Бен был в приподнятом настроении: ночью Гертруда видела во сне дохлых голубей — и Бен подтрунивал над ней из-за «нелепых предчувствий».

Пассажиры заняли места, и члены экипажа объяснили, как пользоваться парашютом в экстренной ситуации. Всех попросили пристегнуть ремни безопасности. Гертруда сказала, что ее ремни слабо затянуты. «Будем надеяться, что ты не выпадешь», — веселился Бен. Самолет набрал скорость и оторвался от земли. Как только они поднялись в воздух, генерал Тейлор заметил, что из правого двигателя течет масло. Потом появился дым. Тейлор предупредил старшего по пассажирской кабине, сержанта Рэя Л. Дадли, а тот, в свою очередь, — пилота. Тот проследовал в хвостовую часть и посмотрел, в чем дело. Из-за риска возгорания двигателя лучше всего было бы повернуть в обратном направлении и вернуться на аэродром Темпельхоф. Тейлор согласился с планом.

Штурман экипажа, капитан Джеймс Мур быстро раздал парашюты. Это была мера предосторожности, но осторожность превыше всего. Гертруда настаивала на том, чтобы ей сильнее затянули ремни безопасности. Капитан обещал позаботиться об этом. Он убедился, что у всех пассажиров правильно прикреплены парашютные ранцы, затем вернулся к Гертруде и несколько минут возился с ее креплением. Тем временем в поврежденном двигателе начались перебои с зажиганием, хлопки в моторе сильно трясли самолет. Вскоре правый двигатель отказал. Машина стремительно теряла высоту и снизилась примерно с 2000 метров до 800. Мур напомнил пассажирам, что прежде чем потянуть кольцо на аварийном шнуре, нужно досчитать до десяти, иначе можно порвать парашют о крыло самолета. Внезапно раздался приказ «Всем на выход!».

Гертруда порылась в сумочке и вытащила армейское удостоверение, чтобы по нему можно было опознать ее тело. Она хотела взять паспорта, но Бен возразил, что в этом путешествии они не понадобятся. Взяв Гертруду за руку, он поспешил в хвостовую часть. Командир экипажа Дадли пытался открыть дверь, но механизм заклинило. Бен просунул плечо в образовавшийся проем и попытался расширить его. Напрасно. С-47 продолжал падать. «Он шел вниз, точно лифт Otis», — вспоминал Бен позже. Он толкнул дверь сильнее, и его левое колено провалилось в узкое отверстие. Внезапно дверь поддалась, и Бен выпал в облако. Он смотрел на пикирующий самолет, пока не потерял его из виду. Бен потянул кольцо, и над ним раскрылся парашют. Он думал только о том, что дверь могла захлопнуться, и самолет взорвется или разобьется с Гертрудой и остальными пассажирами, попавшими в ловушку. Чувство вины одолевало его с такой силой, что он представлял, как забирается обратно и погибает вместе с остальными.

Пролетев через густое облако, Бен заметил город внизу. Слева виднелись разрушенные дома, обезглавленные фабричные трубы и футбольное поле. Тот факт, что совсем скоро он ударится о землю, вырвал его из темных фантазий. Проснулся инстинкт самосохранения. Спортивная площадка, на которую он падал, быстро приближалась, почти летела ему навстречу. Он едва успел вытянуть ноги за секунду до удара о беговую дорожку на краю поля. Парашют свернулся впереди. Несколько мгновений Бен не двигался, чтобы понять, чувствует ли он боль. Осознав, что остался невредимым, он вскочил и отцепил парашют от крепления. Невольно ему вспомнилось, как он вербовался в армию парашютистом, а там побоялись, что он куда-нибудь улетит. «Они явно недооценили мои таланты», — решил он.

Неподалеку стояли подростки и тарасились на него. Бен обратился к ним по-немецки и попросил срочно доставить его к телефону. Речь шла о чрезвычайной ситуации.

В нескольких кварталах от места приземления они нашли местного жителя, который разрешил ему воспользоваться телефоном. Бен позвонил оператору и оповестил аэропорт Темпельхоф. Телефонистка на другом конце провода растерялась, когда он сказал о самолете, который мог разбиться. В конце концов, ему удалось установить связь с командно-диспетчерской вышкой Темпельхофа. Он поспешно описал, что произошло. Сержант отреагировал дежурными фразами. Фамилия? Имя? Бен продиктовал по буквам. Когда педантичный сержант захотел уточнить его армейский серийный номер, Бен потерял всякое терпение. «К черту серийный номер, — прокричал он в трубку. — Самолет генерала разбился. Срочно отправьте поисковые отряды и машины скорой помощи!» В конце концов, к телефону подошел офицер, и Бену пришлось пересказать историю заново. Он указал свое местоположение и узнал, что находится в советском секторе. Но где Гертруда и остальные? Живы ли они вообще?

Бен позвонил в местный полицейский участок, и за ним выслали патрульную машину. В полицейском участке он рассказал о том, что случилось, и полицейские разослали радиосообщение всем подразделениям. По словам дежурного офицера, больше они ничего не могли поделать. То ли мужчина из Темпельхофа упомянул что-то по телефону, то ли Бен сам догадался — в общем Бен попросил полицейского позвонить в Гатов, военный аэродром в районе Шпандау в западной части города. Гитлер построил аэродром «Флигерхорст» в 1935 году в ходе немецкой гонки вооружений и регулярно летал оттуда в Берхтесгаден. До 1945 года там размещался важнейший учебно-тренировочный центр люфтваффе. После освобождения Берлина его использовали советские войска, а летом 1945 года передали Королевским военно-воздушным силам Великобритании в рамках обмена территориями. Во время Берлинской блокады 28 июня 1948 года там приземлился первый самолет, доставивший

припасы в блокированный Западный Берлин по воздушному мосту.

Связь несколько раз прерывалась, но наконец Бену удалось узнать, что С-47 совершил аварийную посадку. Пилот и второй пилот находились на борту. Теперь он знал, что Гертруда и другие пассажиры могли выпрыгнуть. Но что с ними произошло и где они находились, оставалось неизвестным. Через несколько минут в участок ворвалась группа из трех-четырех полицейских. Бен услышал, как один из них докладывает о чрезвычайной ситуации. Где-то неподалеку упала женщина, предположительно с крыши. Ее нога повреждена. На вопрос, как она выглядит, полицейский ответил, что женщина одета в клетчатую куртку. Бен схватил полицейского за руку и закричал: «Это моя жена! Это моя жена!» Включив сирену, они помчались на место происшествия. Остановившись у многоэтажного жилого дома, они увидели толпящихся у входной двери людей. Бен ворвался в дом и спешно поднялся по лестнице. Он нашел Гертруду в маленькой квартире. Она лежала на диване, ее волосы были растрепаны, а ноги обернуты тряпьем. Раны на ногах казались безобидными. Когда Герти узнала его, а он ее поцеловал, она разрыдалась. После того как Бен выпал из самолета, Герти думала, что он наверняка погиб.

Гертруда рассказала ему, что прыгнула сразу вслед за ним. В воздухе она на некоторое время потеряла сознание и забыла потянуть вытяжное кольцо. Порывистый ветер привел ее в чувство. Она вспомнила, что нужно раскрыть парашют, причем сперва его заклинило. В конце концов, она приземлилась на многоэтажный дом с наклонной черепичной крышей, с которой медленно соскользнула вниз. Купол парашюта еще не погас, так что она не слишком резко упала в кустарник во внутреннем дворе здания. Во время свободного падения она потеряла туфли; возможно, это усугубило травмы ног и ступней. На бедрах остались кровоподтеки от внезапного рывка слишком свободных ремней в момент,

когда парашют раскрылся. Очевидцы отнесли ее в квартиру на втором этаже, где о ней позаботилась женщина. Гертруда попросила хозяйку квартиры сообщить о ее местонахождении в аэропорт Темпельхоф и в берлинский филиал Отдела Главного юридического советника по военным преступлениям. Вскоре к дому подъехала скорая помощь армии США.

Когда Бен с Гертрудой, опиравшейся на его плечо, вышли из квартиры дружелюбной немки, она крикнула им вслед: «Вы знаете, что находитесь в советском секторе? Вам лучше поскорее убраться отсюда». Предупреждение было небезосновательным: когда они добрались до машины скорой помощи, вокруг стояли джипы с офицерами Красной армии. Один из них подошел ближе, и Бен объяснил ему ситуацию с помощью переводчицы. Офицер представился командиром в звании майора и попросил Бена проехать с ним на его «Мерседесе». Американской скорой помощи он приказал ехать следом. Джипы с оставшейся охраной сформировали конвой.

По дороге Бен пытался завести разговор с майором, но, сказав ему по-русски «Добрый вечер, товарищ», он не знал, что говорить дальше. Они приехали в госпиталь Красной армии. Там Гертруду уложили на носилки, хотя она уверяла, что может стоять и ходить самостоятельно. Возникло некоторое смятение, пока не появился русский врач, который немного говорил по-немецки. Бен уверял, что травма его жены не столь серьезна, американский врач уже приехал, и сейчас они предпочли бы уйти. Было бесполезно — русские настаивали на принудительном гостеприимстве. Когда Гертруду понесли на носилках в здание, Бен хотел пойти с ней. Он не мог оставить жену одну в руках Советов! У майора были другие планы. Он приказал Бену остаться, а несколько дюжих красноармейцев схватили его под руки с двух сторон, показывая, что у него нет выбора. Ему пришлось вернуться в скорую и направиться в сопровождении русских в советский штаб.

По пути они случайно наткнулись на американскую поисковую колонну, состоявшую из машины скорой помощи и нескольких автомобилей американской армии. Водитель Бена помахал неожиданно появившимся товарищам, и они окружили русский конвой с американской машиной скорой помощи посередине. Командиром подразделения оказался американский капитан, служивший офицером связи. Бен рассказал ему о ситуации и о том, как беспокоился о жене, которую оставили в русском госпитале. Капитан обещал выслать скорую и спасти Гертруду. Тем временем русские настаивали на том, что Бен должен явиться на допрос в комендатуру. В советском штабе Бена допрашивал другой русский майор, и Бен вышел из себя. Он был главным обвинителем на Нюрнбергском процессе и собирался доказать виновность двадцати двух высокопоставленных нацистов в убийстве миллиона советских граждан. Неужели майор думает, что Бен и его жена планировали воздушную атаку на советские войска? Театральное представление сработало, во всяком случае, вскоре Бена отпустили.

В штабе Бен встретил сержанта Дадли, которого также допрашивали русские. Открывая дверь самолета, он вывихнул плечо. Вместе со старшим по пассажирской кабине Бена доставили в 279-й госпиталь армии США в районе Тельтов. Там они обнаружили генерала Тейлора. Он получил серьезные травмы спины и небольшие повреждения бедра, когда приземлился на перекрестке в советском секторе. Местные жители доставили его в госпиталь. Бен хотел немедленно увидеть генерала, но для этого требовалось разрешение от полковника Фрэнка Т. Чемберлена, начальника военного госпиталя. Наконец Бена пропустили, и он нашел Тейлора на передвижной кровати в коридоре. Генерал лежал на животе и, казалось, испытывал сильную боль. Они обменялись рукопожатием, и Тейлор спросил, где находятся остальные пассажиры и члены экипажа С-47. Тейлор беспокоился о них, особенно о своей жене Мэри. Бен

узнал, что она также в 279-м гарнизонном госпитале, и отправился на поиски.

Он обнаружил жену Тейлора, когда она с удовольствием курила сигарету. Мэри приземлилась на крышу трехэтажного дома во французском секторе, а затем упала на улицу. Несмотря на несколько царапин на теле, синяк под глазом и гематому на лбу, которую она получила, ударившись головой о печную трубу, она была в хорошей форме. До госпитализации ей оказали первую помощь в Еврейской больнице в Веддинге. Когда Бен вернулся к Тейлору с хорошими новостями, генерал спросил: «А с ребенком все в порядке?» К своему удивлению, Бен понял, что Мэри беременна. Она была на шестом месяце беременности — очевидно, ребенок в ее животе тоже остался невредимым после прыжка. Тейлору явно стало легче. Три месяца спустя Мэри родила здорового мальчика, которого назвали Джоном.

Вскоре прибыли Джеймс и Мэрилин Макхейни, практически не пострадавшие. В конечном итоге в американский военный госпиталь доставили Гертруду, и все пассажиры самолета счастливо воссоединились после невероятного приключения. Русские оказали Гертруде надлежащую врачебную помощь. Хеппи-энд был бы идеальным, если бы радист С-47 не получил сложную черепно-мозговую травму.

Инцидент с тремя известными американцами и их молодыми женами сразу попал в заголовки американской прессы. В тот же день новостные агентства распространили эту историю. Некоторые газеты напечатали фотографии Телфорда, Мэри и Гертруды на больничной койке. «Он ранен, но счастлив», — гласил один из заголовков. На фотографии генерал лежал на животе и держал за руку сидевшую рядом супругу. Тридцатичетырехлетняя симпатичная мать двоих детей получила незначительные травмы. Несмотря на опасность, которую представляли искривленные прутья арматуры и острые края тысяч руин в Берлине, только один из членов экипажа получил серьезные травмы, отметила

«Нью-Йорк Геральд Трибьюн». Она никогда раньше не прыгала с парашютом и сильно переживала, цитировали Мэри Тейлор в газете. «Все нервничали, но паники не было». Экипаж сохранял спокойствие. Ежедневная газета «ПМ» напечатала большую фотографию Гертруды на носилках, за которой ухаживал военный врач. Армейская газета «Старз энд страйпс» назвала Дадли «героем С-47». С травмированным плечом, он из последних сил открыл неисправную дверь, втиснулся в образовавшийся проем, и пассажиры покинули падавший самолет через просвет под его ногами. Заслужив Дадли было и то, что он энергичным пинком подталкивал медлящих пассажиров.

Когда Бен находился в военном госпитале в Берлине, он получил шутивную телеграмму из Нюрнберга. «You can't keep a good man up» («Хорошего человека не удержать»), — написал Масманно, немного изменив выражение «You can't keep a good man down» («Хороший человек всегда пробьется»). Он знал, что Бен справится. Коллега по Нюрнбергу Ойген Кляйн также поздравил Гертруду и Бена с «первым прыжком с парашютом». В коллекции Бенджамина Б. Ференца, представленной в Мемориальном музее Холокоста США в Вашингтоне, память о сенсационном событии увековечили наставление Военно-воздушных сил США и «Журнал учета парашютных происшествий» Военного министерства. Бен не удержался и раздобыл особый сувенир на память. На следующий день он отправился в советский штаб, чтобы потребовать собственность американского правительства — конфискованный русскими парашют. Он получил что хотел и сохранил государственное имущество. В саду своего дома в Фюрте Бен сделал из парашюта шатер для вечеринок.

Более или менее восстановившись, они предприняли вторую попытку вернуться в Нюрнберг, на этот раз по железной дороге. В «Историях» сказано, что они успели на последний поезд, который шел из Берлина. Началась холодная война. Это преувеличение: блокада Западного Берлина Советским

Союзом датируется в учебниках истории с 24 июня 1948 года по 12 мая 1949 года. Но единичные ограничения свободно передвижения начались за несколько месяцев до блокады — «малая война методом мелких уколов». Заявленная Сталиным цель заключалась в том, чтобы отрезать от снабжения «занимаемые союзниками» территории Берлина, которые были эксклавами в советской оккупационной зоне, чтобы истощить их и навязать коммунистический строй. Советы придерживались противоречащей договору³¹ позиции, что бывшая столица рейха полностью относится к сфере их власти. Когда в конце июня 1948 года они блокировали все наземное и водное сообщение, союзники создали воздушный коридор для «изюмных бомбардировщиков», снабжавших западные зоны продовольствием и жизненно важными товарами.

Возможно, замечание Бена также связано с так называемой эскалацией. Василий Соколовский, глава Советской военной администрации в Германии, приказал перекрыть некоторые улицы, после чего американцы и англичане в течение двух дней могли добираться до расположения своих войск в Берлине только по воздуху.

«Шоумен» идет в монастырь

Поначалу Бен не был высокого мнения о Майкле Масманно, который прислал ему шутивную телеграмму. Председатель суда со своим «правилом пингвинов» выставил его в невыгодном свете, позволив обвиняемым говорить все, что заблагорассудится. Бен возмущался: «Речь идет о массовых убийствах, а он приходит и шутит. Я и сам могу

³¹ По-видимому, под «договором» подразумевается Протокол соглашения между правительствами СССР, Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства о зонах оккупации Германии и об управлении «Большим Берлином» от 12 сентября 1944 года, в соответствии с которым район Берлина разделялся на три зоны оккупации.

неплохо пошутить, но только не в зале суда. Здесь мне было не до смеха». Он считал Нюрнберг неподходящим местом для комедии. Историк Хилари Эрл, ссылаясь на Бена, характеризовал Масманно как великого «шоумена», который на протяжении всей карьеры стремился находиться в центре внимания. Свои выступления в суде он разыгрывал, как голливудские постановки. Под черной мантией судьи с гордо расправленной грудью он носил белую военно-морскую форму. Чтобы Масманно мог говорить с обвиняемыми генералами СС на равных, военно-морской флот перед процессом повысил его до звания капитана первого ранга.

Майкл Анджело Масманно, без сомнения, был блистательной личностью. Еще до Нюрнберга он оставил свой след в политике и правосудии. Он рос в пригороде Питтсбурга (штат Пенсильвания) в большой семье итальянских иммигрантов. У Майкла было семь братьев и сестер. Отец успел поработать в угольной шахте, на железной дороге и в полиции. Мать погибла, когда Майкл был еще ребенком. Ее сбил пьяный водитель автомобиля. Это событие впоследствии отразилось на судебной деятельности Масманно: он принял жесткие меры против вождения в нетрезвом виде и стал первым судьей в Соединенных Штатах, который назначил пьяному водителю наказание в виде тюремного заключения. Чтобы поддержать свою семью, Майкл с четырнадцати лет вкалывал на угольной шахте и при этом успешно учился в школе. Он учился в различных американских высших заведениях и Римском университете и завершил образование с докторской степенью. Его трудолюбие и амбиции иллюстрирует эпизод, о котором Масманно рассказал в профессиональной автобиографии «Вердикт!» (1958). Когда он сутками напролет готовился к экзаменам в адвокатуру и засыпал от усталости, он шел заниматься на ближайший вокзал, где шум и суета прохожих не давали ему сомкнуть глаз.

С 1925 года Масманно был членом Американской лиги за отмену смертной казни. Как ярый противник смертной

казни, он считал, что казнь не предотвращает преступления. В 1928 году его избрали в Палату представителей штата Пенсильвания от республиканской партии, позднее он перешел к демократам — в уверенности, что сможет исправить несправедливое отношение к «маленькому человеку». Фактически ему удалось привлечь внимание политиков и общественности к правонарушениям в сталелитейной и угольной промышленности.

Во время Второй мировой войны Масманно отличился в стране происхождения своих родителей. Он служил советником генерала Марка У. Кларка, который командовал 5-й армией США и вместе с ней с сентября 1943 года участвовал в освобождении юга Италии. Их первой боевой миссией стала операция «Аваланч», высадка союзников в Салернском заливе. Масманно назначили военным комендантом на полуострове Сорренто. В этой должности он настолько вдохновился своей патерналистской любовью к итальянцам, что военно-морское командование начало сомневаться в его верности. Однажды он по собственной инициативе заказал из Бари груз с оливковым маслом; при выходе из порта судно попало под обстрел и затонуло. Несколько членов экипажа были спасены. Итальянский король Виктор Эммануил III, отошедший от Муссолини и принявший сторону союзников, наградил Масманно медалью за отвагу. Американцам это не очень понравилось. В другой раз он не выполнил приказ британского генерала, который хотел изгнать либерального философа, историка и политика Бенедетто Кроче из его дома в Неаполе и захватить собственность. Во времена фашизма «Палаццо Филомарино» Кроче было местом встреч интеллектуального сопротивления. Военная комендатура распорядилась провести дисциплинарное расследование в отношении Масманно. Масманно признали виновным в неподчинении приказам, которые «не соответствовали его интерпретации обстоятельств», а также в чрезмерном нарушении спокойствия

в интересах местных жителей. Поговаривали, что у него «итальянский комплекс».

Чтобы избежать шумихи, военно-морской флот снял Масманно с должности и перевел его в Австрию. Он сопровождал генерала Кларка, которого назначили главой военной администрации американской зоны оккупации в Австрии. Кларк назначил Масманно руководителем контрольного пункта по проверке принудительно репатрируемых в Вене. Его задача состояла в том, чтобы выносить решения по делам перемещенных лиц из Советского Союза, которые отказались возвращаться на родину. На Ялтинской конференции в январе и феврале 1945 года Рузвельт и Черчилль заверили Сталина, что союзники отправят насильственно угнанных русских (в том числе военнопленных, беженцев и противников режима, некоторое время проживавших на Западе) обратно в СССР даже против их воли. Многие из этих несчастных не выжили: одни были казнены, другие депортированы прямо в Сибирь. Чтобы избежать принуждения, многие отчаявшиеся люди совершали самоубийства. В ответ американцы создали проверяющие инстанции, одну из которых возглавил Масманно.

В сентябре 1946 года отмеченный наградами морской офицер вернулся из Европы в США, но ненадолго. Вскоре ВМС направили его в Нюрнберг, где он занимался плановым пересмотром дел осужденных главных военных преступников — гросс-адмиралов Карла Дёница³² и Эриха Редера, главнокомандующего Кригсмарине до 1943 года. В январе 1947 года он был назначен одним из трех судей при председательствующем Роберте М. Томсе по делу фельдмаршала

³² Гут неоднократно применяет фамильную приставку «фон», когда упоминает Карла Дёница. Сведений об аристократическом происхождении Дёница не обнаружено, более того, в документах Международного военного трибунала его имя не сопровождается фамильной приставкой, в отличие от имен нескольких других обвиняемых.

люфтваффе Эрхарда Мильха³³. Второй из двенадцати последующих судебных процессов завершился 17 апреля 1947 года обвинительным приговором. Мильх был приговорен к пожизненному заключению. Судьи привлекли его к ответственности за организацию предприятий военной промышленности с использованием рабского труда. Эта же судебная коллегия вынесла решение по делу Освальда Поля, начальника Главного административно-хозяйственного управления СС, и по делам семнадцати других руководящих работников этого управления. 3 ноября 1947 года кабинетный преступник Поль был признан виновным по всем пунктам обвинения — общий сговор или заговор с целью совершения военных преступлений; военные преступления, совершенные в концлагерях и лагерях уничтожения, массовые убийства и зверства; преступления против человечности, членство в преступных организациях. Он был приговорен к смертной казни и казнен 7 июня 1951 года. Масманно сыграл активную роль в процессах против Мильха и Поля и проявлял особый интерес к показаниям Альберта Шпеера о программе рабского труда. Когда он подробно допрашивал Шпеера, он заметно наслаждался этим. Но только после того, как Масманно принял на себя председательство в процессе по делу об айнзацгруппах, он расцвел по-настоящему.

После окончательного возвращения в США Масманно сделал еще один карьерный шаг в 1951 году. С должности судьи суда по общегражданским искам графства Аллегейни он был назначен судьей Верховного суда Пенсильвании, членом которого являлся до самой своей смерти в 1968 году. Он также написал более дюжины юридических, литературных и исторических работ, включая биографию Авраама

³³ Мильх был высшим офицером военно-воздушных сил (люфтваффе), поэтому правильное его воинское звание именовать «генерал-фельдмаршал».

Линкольна «Слава и мечта» (*The Glory and the Dream*) и «Десять дней до смерти» (*Ten Days to Die*) о последних днях Гитлера в его берлинском бункере. За время пребывания в Нюрнберге Масманно допросил более двухсот свидетелей. Одной из тех, кого он допрашивал, была Траудль Юнге, личный секретарь Гитлера. Однако репутация Масманно как историка отставала от репутации юриста. Он не указывал точные ссылки на источники, которые могли подтвердить его описания. В любом случае они были весьма драматичны. Написанная им социально-критическая новелла «Ян Волканик» была экранизирована еще до войны, а книга «Десять дней до смерти» легла в основу фильма «Последний акт». Фильм вышел в кинотеатрах в 1955 году и стал первой послевоенной совместной германо-австрийской постановкой, где был изображен Гитлер.

Масманно описывает свои переживания и опыт, полученный в Нюрнберге, в книге с необычным названием «Команды Эйхмана» (*The Eichmann Kommandos*). Он завершил работу над рукописью еще в 1948 году (вначале книга называлась «Самый крупный в истории суд за убийства»), но не нашел издателя. В 1961 году Масманно вызвали в Иерусалим давать свидетельские показания на суде над Адольфом Эйхманом, и он использовал это событие как повод переписать текст и запустить обновленный проект, ориентированный на широкую публику. При этом он выдвинул исторически неверный тезис о том, что Эйхман, возглавлявший так называемый еврейский отдел в РСХА и участвовавший в организации «окончательного решения», также планировал деятельность айнзацгрупп^{xiv}.

Несмотря на противоречивые стороны своего характера, Масманно очень серьезно отнесся к деятельности в судах по военным преступлениям. Об этом свидетельствуют и невероятно тщательные допросы обвиняемых, и угрызания совести, мучившие его, когда он размышлял о мере наказания для обвиняемых по делу айнзацгрупп. Друг Масманно,

американский военный священник Фрэнсис Конечны, помог благочестивому католику провести несколько дней в уединении. В конце марта 1948 года Масманно удалился в монастырь под Нюрнбергом, чтобы молиться, размышлять и обрести ясность в вопросе о смертной казни. Он писал Бену, что обязанность принимать решение о жизни и смерти является «непосильной ношей». Позволительно ли казнить человека, даже если он массовый убийца? Разве это не противоречит давним убеждениям Масманно? За несколько месяцев судебного разбирательства он стал относиться к некоторым подсудимым как к интересным людям, и это также усложняло принятие решения. После того как он познакомился с ними как с «личностями», он больше не мог видеть в них «монстров» — признавался он в раннем варианте «Команд Эйхмана».

Ситуация казалась сложной, но не безвыходной. Масманно был противником смертной казни не по моральным или религиозным соображениям. Его убеждения основывались на том, что судебная система может ошибаться, а значит, нельзя исключать того, что будут казнены невинные люди. Но были ли такие, как Олендорф, Блобель или Блюме, невиновны? Нет. Они сами изобличили себя, и доказательная сила документов, предъявленных стороной обвинения, была подавляющей — «beyond a reasonable doubt», вне всякого разумного сомнения. Масманно нашел выход из затруднительного положения: если обвиняемый признался в убийствах, то судебная ошибка исключалась, и смертная казнь могла быть назначена в качестве меры наказания. Если же, напротив, признания вины не было, такую меру не применяли, даже несмотря на более чем убедительные доказательства. Когда Бен увидел, насколько серьезно Масманно готовился к решающему дню, его уважение к эксцентричному судье возросло. «В зале суда он часто был клоуном, но теперь, в час вынесения приговора, я увидел другую сторону его личности», — вспоминал Бен.

Судный день

В апреле 1948 года суд собрался на заключительное заседание по делу об айнзацгруппах. Первые два дня были посвящены тому, что в порядке судопроизводства называется *Opinion and Judgement* — заключению суда и оглашению приговора. Масманно и его коллеги — Джон Дж. Спейт из Алабамы и Ричард Диксон из Северной Каролины — разработали решение на 179 страницах на основе общего согласия, однако в содержании и стиле текста ощущалось влияние председательствующего судьи с его склонностью к патетике. Хотя человечество страдает от убийств со времен Каина, рассматриваемые на этом суде убийства настолько масштабны и настолько выходят за все мыслимые границы, что «достоверность» должна быть «сто раз подкреплена уверенностью». Здесь говорилось о «крупнейшем в истории суде над убийцами», и, действительно, людям никогда раньше не предъявляли обвинения в убийстве более миллиона человек; людям, которые не сидели в кабинетах далеко от места преступления, а активно собирали «кровавый урожай» в поле. Такое огромное количество жертв невозможно представить. Чудовищность событий можно осознать лишь в том случае, если они сведены до уровня, который способен постичь человеческий разум. Достаточно представить десять человек — мужчин, женщин, детей, возможно, членов одной семьи, — которых расстреливают убийцы. Если вообразить, что эта сцена произошла сотни тысяч раз, вы получите представление о совокупном терроре и чудовищной сумме преступлений. Только так можно было понять слова из вступительного заявления обвинения, где Бен говорил о «скорби и надежде», возникших в процессе раскрытия массовых убийств.

Правильно ли судьи восприняли то, что было настолько важным для Бена — что эти преступления были «чем-то большим, чем просто убийства», достигнув масштаба

геноцида? Поддержали бы они его в развитии международного права и заложения основ новой международной системы уголовного судопроизводства, чтобы такие преступления не повторились в будущем? По этому вопросу приговор не оправдал ожиданий главного обвинителя. Часто говорилось об «убийстве», но всегда в традиционном смысле. Термины «истребление наций» или «геноцид» не использовались, хотя судьи неоднократно подчеркивали, что советских евреев убивали лишь за то, что они были евреями, и больше ни за что.

Суд подтвердил подлинность представленных обвинением доказательных документов и установил, что секретные отчеты о положении дел в районе Восточного фронта не настолько тщательно скрывались в берлинском штабе, чтобы высокопоставленные военные и политические деятели не могли с ними ознакомиться. Отчеты поступали в Главное управление имперской безопасности, там их классифицировали, размножали и распространяли среди избранных получателей. Обвинение основывалось исключительно на этих протоколах преступлений, которые были составлены не спустя время, а непосредственно во время событий. Их нужно было развернуто цитировать, потому что только таким образом «потрясенный мир мог поверить, что такие вещи произошли в XX веке». Среди многочисленных документов судьи ссылались на таблицу от 15 октября 1941 года, в которой айнзацгруппа А перечислила людей, убитых в Литве, Латвии, Эстонии и Беларуси до указанной даты так, «как будто торговое предприятие передавало информацию об имеющихся в наличии запасах». «Общее количество» составило 135 567 человек, большинство из них — евреи, а также коммунисты и душевнобольные.

Судьи не приняли аргумент о превентивной самообороне. Неуместная попытка подсудимых исказить факт наступательной войны Германии против России остается одним из «самых удивительных явлений» этого судебного процесса.

Убивая евреев, обвиняемые не спасали Германию ни от реальной, ни от предполагаемой опасности. Связь между еврейством и большевизмом, о которой они твердили, объяснить никто не смог, как и никто не смог показать — при условии, что все евреи на самом деле были большевиками, — как это само по себе должно было привести к нападению на Германию. Даже если учесть не соответствующее действительности предположение, что все евреи поддерживали большевиков, то убийство человека из-за его политических убеждений «все равно остается убийством».

Массовые убийства советских евреев нельзя объяснить и германо-советской войной. Евреев угнетали в национал-социалистическом Германском рейхе и на оккупированных им территориях задолго до войны. Тот факт, что евреи жили в Советском Союзе, был просто совпадением, которое не требовало их уничтожения. Если бы сам факт проживания в Советском Союзе делал человека угрозой для Германии, то айнзацгруппам пришлось бы убивать всех советских граждан, независимо от их национальности, вероисповедания и происхождения. Подсудимым, которые утверждали, что убивали только тех советских граждан, которые были членами коммунистической партии, суд ответил следующее: если бы это было так, то еврейских граждан, не состоявших в компартии, необходимо было бы пощадить. Однако в документах указано, что для евреев не имело значения, коммунисты они или нет: «Их убивали просто потому, что они евреи».

Военной необходимости в массовых убийствах еврейского гражданского населения не было. Уничтожение беззащитных лиц, которые считались «неполноценными», никак не повлияло бы на исход войны. Напротив, те, кто проводил эту политику, были настолько «безумны» («mad»), что не видели, что тем самым препятствуют своим собственным военным усилиям.

Суд также подробно рассмотрел второй основной аргумент, которым подсудимые оправдывали свои действия, — «приказ

высшего командования». Основным условием для привлечения к ответственности за преступление является умысел. Некоторые обвиняемые заявили о своей невиновности, поскольку они совершали казни, выполняя приказ. «Послушание солдата — это не послушание автомата», — возразили судьи. Солдат — это человек, который думает и действует рационально и не обязан исполнять все, что приказывает командир. Подчиненный связан только законными приказами. Если он соглашается с преступным приказом и исполняет его сознательно, он не может претендовать на смягчающие обстоятельства. В этом отношении судьи также последовали за заявлением государственных обвинителей.

Затем наступил долгожданный момент, когда суд огласил приговоры отдельным обвиняемым (*Individual Judgements*). За исключением двух младших офицеров СС — Маттиаса Графа и Феликса Рюля — суд признал всех виновными по всем трем пунктам. Граф и Рюль были привлечены к ответственности только за членство в преступных организациях. Они не отдавали приказы, и нельзя было безошибочно доказать, что они возглавляли «эскадроны смерти» в отсутствие своих командиров. Остальные подсудимые, помимо того что являлись членами преступных организаций, были также привлечены к ответственности за преступления против человечности и военные преступления, и таким образом стратегия Бена, направленная на привлечение к ответственности наиболее высокопоставленных и образованных преступников, оправдалась.

По делу основного обвиняемого Отто Олендорфа председатель суда заявил, что в судебном разбирательстве фигурировали не один, а два человека с таким именем. Защита — с одной стороны — описывала Олендорфа как гуманного ученого и высокопоставленного чиновника, который выступал против тоталитарных и диктаторских тенденций в немецком обществе и часто конфликтовал с руководителем СС Гиммлером и начальником гестапо Мюллером.

Олендорф не делал различий между «высшей и низшей расой», поскольку понятие «раса» имело для него символическое значение — суд цитировал показание под присягой, представленное защитой. Обвинение — с другой стороны — говорило о генерале СС Олендорфе, который командовал айнзацгруппой в «экспедиции по расовому уничтожению». Надо полагать, что мы имеем дело с персонажем повести «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», которую написал Роберт Льюис Стивенсон. Как бы ни хотелось подробнее остановиться на предполагаемой двойственной природе подсудимого, суд мог вынести решение только в отношении одного Олендорфа — руководителя организации, убившей, по его собственным данным, более 90 000 человек. Суд считал это доказанным на основании документов и показаний свидетелей. Таким образом, айнзацгруппа D нарушила законы и обычаи войны, общее международное право и закон № 10 Союзного контрольного совета. Олендорф признан виновным по пунктам один и два, а также по пункту три, поскольку входил в состав преступных организаций СС и СД.

Масманно завершил рассмотрение дела Олендорфа замечанием, которое при всем невообразимом масштабе зверств, совершенных этим человеком, оказывало ему некоторое уважение. В отличие от других подсудимых, Олендорфа нельзя обвинить в уклонении от дачи свидетельских показаний. Он никогда не отрицал факт массового убийства и открыто и честно описал, как он выполнял смертоносные приказы.

Совсем иначе обстояли дела с Хайнцем Йостом. Командир айнзацгруппы А отрицал всякую причастность к преступлениям. Он не мог вспомнить ни одного сообщения о массовых убийствах. Он якобы не знал о газовых фургонах, которые заказывал один из его подчиненных. Суд ему не поверил. Доказательства, представленные обвинением, ясно показывали, что Йосту было известно о преступном

предназначении своего подразделения. Как командир он не мог уйти от ответственности за свои действия.

Эрих Науман, глава айнцагруппы В, тоже пытался оправдываться. Он сообщил, что некоторые из массовых убийств, упомянутых в отчетах, произошли до его прибытия в войска, а также, что в отчетах указано «слишком много жертв». Однако он не мог оспорить самого факта массовых казней. Его последним оправданием стал стандартный аргумент «приказы сверху». Это можно было признать смягчающим обстоятельством только в том случае, если бы Науман не принял к исполнению смертоносный приказ или, как минимум, смог бы доказать, что его принудили к исполнению противозаконного приказа. Суд счел, что Наумана не принуждали, и напомнил о его признаниях на допросе. Науман дал официальное показание, что перед отправлением на Восточный фронт в ноябре 1941 года он получил четкие указания от Гейдриха и тогда же впервые узнал о так называемом приказе фюрера убивать евреев, цыган и советских функционеров. Когда его спросили, видел ли он в приказе фюрера что-нибудь морально дурное, он ответил: «Я считал этот приказ правильным, потому что он был частью нашей военной цели и поэтому был необходим». Чтобы не оставить никаких сомнений относительно позиции Наумана, обвинители уточнили, верна ли эта оценка, если в приказе говорится об убийстве беззащитных, — и Науман ответил «да».

Завершив рассмотрение дел командиров трех айнцагрупп, суд вынес приговоры в отношении других подсудимых. Приговоры зачитывали в порядке убывания воинского звания: от генералов Шульца и Зикса до сержанта Графа. Мотивировочная часть отдельных приговоров иногда была длиннее, иногда короче — в зависимости от того, сколько усилий требовалось для опровержения аргументов защиты. Если обвиняемый отрицал свою причастность к преступлениям или пытался преуменьшить свою роль, статистика из отчетов айнцагрупп и другие доказательства,

представленные Беном и его командой, облегчали работу судей. Один за другим подсудимые признаны виновными. На следующий день суд огласил приговоры.

«Прощайте, господин Олендорф»

Утром 10 апреля Бен вошел в зал суда и занял свое место. В помещении, кроме него, никого не было. «Я знал, что это будет мрачный день», — вспоминал Бен позже. Постепенно зал суда заполнили немецкие адвокаты, представители обвинения, переводчики, судебные приставы и публика. Присутствующих призвали к тишине, и трое судей в черных мантиях один за другим проследовали на места. Скамья подсудимых пустовала. Внезапно открылась облицованная темным деревом дверь лифта, которым подсудимых доставляли из конвойного помещения. В зале появился группенфюрер СС Отто Олендорф, которого сопровождали двое рослых темнокожих охранников в военной форме США с белыми дубинками в руках. Олендорф взглянул на охранников, затем на судей. Размеренными движениями он надел наушники, которые ему подали. Стоя он ждал своего приговора.

«Обвиняемый Олендорф, — произнес Масманно, — на основании пунктов обвинения, по которым вы признаны виновным, суд приговаривает вас к смертной казни через повешение». Осужденный не проявил никакой реакции. Он снял наушники, кивнул в сторону судей и вернулся в лифт. Дверь за Олендорфом закрылась, и Бену показалось, «словно он спускается в ад».

Следующим появился Науман. Он был приговорен к смертной казни так же, как и Блобель, Блюме, Зандбергер, Зайберт, Штаймле, Биберштейн, Брауне, Хенш, Отт, Штраух, Клингельхёфер и Шуберт. В общей сложности суд вынес четырнадцать смертных приговоров — больше, чем в любом другом последующем Нюрнбергском процессе и больше, чем в процессе над главными военными преступниками

в Международном военном трибунале, который вынес двенадцать смертных приговоров. Йост и Носске получили пожизненное заключение. Шульц, Зикс и фон Радечки были приговорены к двадцати годам тюремного заключения, Фендлер и Рюль — к десяти. Графу суд зачел срок, отбывтый за время предварительного заключения.

Это был трудный момент для главного обвинителя и председательствующего судьи. Масманно предчувствовал, что его «чувствительная душа» будет испытывать сильные мучения, как он признается в «Командах Эйхмана». Чтобы в решающий момент не проявить слабость, он прибегнул к уловке. Масманно читал подготовленный текст с листа и не снимал очки для чтения даже тогда, когда смотрел в сторону осужденных. Так он видел их лица «смутно и неразлично».

Приговоры удивили Бена. Накануне он составил список, в котором записал ожидаемую меру наказания для каждого осужденного. В некоторых случаях наказание оказалось более суровым, чем он ожидал. Наблюдать, как четырнадцать человек приговаривают к смертной казни через повешение, даже с учетом того факта, что их виновность в массовых убийствах доказана, было «жестоким опытом» для Бена. Приговоры, звучавшие один за другим, и драматические спуски осужденных в тюремную преисподнюю произвели на него сильное впечатление. Каждый раз, когда Масманно медленно и сурово провозглашал «Смерть через повешение» (*Death by hanging*), Бену казалось, что его бьют молотком по голове. «Я боялся, что мой череп лопнет», — писал он позже. Никогда в жизни у него не было такой головной боли.

Обычно, когда суд заканчивался, главный обвинитель устраивал небольшую вечеринку. Чтобы не нарушать традицию, Бен пригласил всю команду к себе домой. Но вечером у него не было никакого настроения праздновать, и он сразу отправился в постель. Главный обвинитель, который выиграл процесс и так уверенно справился, ушел со своей вечеринки.

Он думал о том, что ему пришлось пережить в последние дни и месяцы, — и о том, что должно произойти. Смертная казнь не казалась ему слишком суровой: «Эти нераскаявшиеся массовые убийцы заслужили ее». Дело было не в этом. Напротив, он опасался, что масштаб преступлений мог показаться «тривиальным», если казнь горстки преступников позволит считать вопрос решенным или даже забыть о нем. «Мы обязаны жертвам сделать их гибель более значимой», — размышлял Бен. Если бы можно было выявить их страдания и продемонстрировать, что закон не прощает такую жестокость, то только тогда призыв «Никогда больше!» мог бы стать реальностью. То, что случилось, нельзя было исправить, но нужно было попытаться предотвратить повторение подобных вещей в будущем. «Таким было мое намерение в ходе процесса, таким оно осталось навсегда», — признался Бен. Он чувствовал, что приговор подтвердил его стремления.

После оглашения приговора он сделал то, чего не позволял себе в ходе судебного процесса: встретился с одним из преступников. Главный обвинитель посетил главного обвиняемого Отто Олендорфа, приговоренного к смертной казни, в его камере. «Я знал, что Олендорф, отец пятерых детей, был умным и сравнительно честным человеком», — объяснял Бен свой поступок. В суде Олендорф не искал пустых оправданий, как многие его товарищи на скамье подсудимых, а сформулировал достаточно разумные правовые аргументы. Поэтому Бен испытывал к нему нечто вроде сострадания. Он спустился в помещение, находившееся под залом суда. В камерке, разделенной защитной стеклянной перегородкой, через небольшое окошко он говорил с массовым убийцей, ответственным за гибель десятков тысяч мирных жителей. «Господин Олендорф, могу я что-нибудь для вас сделать?» — спросил Бен по-немецки. Он рассчитывал на личную неформальную беседу и был готов передать родственникам Олендорфа примирительное послание. Бен

ожидал, что Олендорф скажет: «Скажите моей жене и детям, что мне жаль, что до этого дошло». Что-то вроде этого. Вместо этого Олендорф снова начал произносить свои оборонительные речи. «Видите, я был прав. Русские идут, — с горечью сказал он. — Евреи в Америке тоже пострадают от этого». Бен был потрясен его ответом: «Человек ничему не научился и ни о чем не сожалел». Бен встал, посмотрел Олендорфу в глаза и сказал по-английски: «Гудбай, мистер Олендорф». Он больше никогда его не видел.

Два дня спустя Бен получил письмо от Тейлора. Тот выразил свою искреннюю благодарность за то, как Бен справился с процессом по делу об айнзацгруппах, который столь успешно завершился. Руководитель Отдела Главного юридического советника по военным преступлениям был очень доволен своим самым молодым главным обвинителем: «Вы провели свою часть процесса эффективно, без задержек, со значительной экономией средств. Обвинительный приговор навсегда должен стать для вас источником удовлетворения». Масманно также поблагодарил Бена в письменной форме 13 апреля. Его понимание трудностей в борьбе за «последнее наказание» глубоко тронуло Бена. Уже в первый день судебного разбирательства судья был восхищен его «обращением человечества к закону», и, возможно, именно эта мысль — «выраженная так красиво и просто» — задала тон приговору.

Хотя Бена раздражало то, как Масманно исполнял роль председателя суда, взаимное уважение перевесило. В сентябре 1948 года Бен направил похвальное рекомендательное письмо министру ВМС, отметив, что капитан первого ранга Масманно внес ценный вклад и произвел прекрасное впечатление на всех тех, кто знал его в Нюрнберге. Он отличился своей человечностью, трудолюбием и серьезностью. Приговор, вынесенный по делу об айнзацгруппах, останется важной вехой в международном уголовном праве и постоянным источником мужества и надежды для

жертв преследований. Дружеские чувства Бена к Масманно не омрачил даже сувенир, который немецкие адвокаты подарили Масманно. Они вручили судье бронзовую статуэтку пингвина в знак признания «правила пингинов».

Солидарность с массовыми убийцами

Приговоренных офицеров СС перевели в Ландсбергскую тюрьму для военных преступников. Там, в каземате на Гинденбургринге, 12, по иронии судьбы, когда-то отбывал заключение Гитлер после провалившегося путча 9 ноября 1923 года. В тюрьме он написал первый том «Майн кампф». В этой вреднейшей работе он изложил суть национал-социалистической идеологии, которую впоследствии Олендорф и его товарищи по оружию так кроваво воплотили в жизнь. 20 декабря 1924 года Гитлер был условно-досрочно освобожден. Теперь же в германском обществе зазвучали требования уменьшить срок наказания для военных преступников, заключенных в тюрьму в Ландсберге. Большинство немцев негативно отнеслись к Нюрнбергскому процессу, ширилась критика «правосудия победителей». Теперь разгорелись дебаты относительно смертных приговоров некоторых из худших массовых убийц Гитлера.

Весной 1948 года окончание процесса по делу об айнзац-группах совпало с другим важным событием: западные державы — США, Великобритания и Франция — решили, что на территории их оккупационных зон будет образовано немецкое государство. Его создание должно было быть закреплено в Основном законе, разработанном Парламентским советом в Бонне в период с сентября 1948 года по май 1949 года. Основной закон обнародовали 23 мая, в день провозглашения Федеративной Республики Германии. Первым канцлером стал Конрад Аденауэр от Христианско-демократического союза (ХДС), первым федеральным президентом — Теодор Хойс (СвДП). Основной закон,

который должен был стать оплотом демократии, отменил смертную казнь. Множество адвокатов, журналистов, церковных сановников и политиков выражали протест против исполнения смертных приговоров признанным виновными нацистам. Высказываясь по этому конкретному вопросу, они нередко переходили к общей критике американской системы преследования и наказания военных преступников. Такая вызывающая позиция отразилась даже на формулировках. Вместо «военных преступников» они предпочитали говорить в смягчающей манере о «военнопленных» или «осужденных за военные преступления».

В первых рядах на защиту осужденных встали представители немецких церквей. Самыми заметными среди них были протестантский епископ Вюртембергский Теофиль Вурм и его баварский коллега Ханс Майзер, а также представители католической конфессии — председатель конференции католических епископов кардинал Йозеф Фрингс и викарный епископ Мюнхенской и Фрейзингской архиепархии Иоганнес Нойхойзлер. Нойхойзлер хвастался «заботой о так называемых военных преступниках, то есть солдатах, обвиняемых в каком-либо преступлении». К ним он причислял Олендорфа и Поля, ответственного за административный надзор над концентрационными лагерями и подневольным трудом. Вурм выступил против «нюрнбергских методов» сразу после окончания судебного процесса по делу об айнзацгруппах, о чем 15 мая 1948 года сообщила газета «Альгемайне цайтунг». В номере от 12 июня газета «Штутгартер нахрихтен» опубликовала статью под заголовком «Преступник или мученик?».

Вместе Нойхойзлер и Вурм основали несколько комитетов церковной помощи осужденным. В этом вопросе церковные представители разных конфессий объединились и выступили на одной стороне с защитниками эсэсовцев. В брошюрах «К вопросу о пересмотре итогов судебного процесса по делам военных преступников» (*Zur Frage einer*

Revision der Kriegsverbrecherprozesse) (1949) и «Ландсберг» (*Landsberg*) (1951) адвокат Олендорфа Ашенауэр впоследствии поставил под сомнение законность судебного разбирательства. Церковь также оказывала финансовую поддержку ревизионистской деятельности, как выяснил журналист и исследователь национал-социализма Эрнст Клее. Евангелическая церковь в Германии вместе с адвокатами преступников составила секретный «меморандум» о судебных разбирательствах в американских военных судах. Ответственными лицами значились среди прочих Вурм и Мартин Нимёллер. 21 февраля 1950 года они передали меморандум главе американской оккупационной администрации Макклою. Нюрнбергские представители защиты подготовили письмо, адресованное президенту США Трумэну, в котором выдвинули «предложения о помиловании», и подложили письмо на подпись кардиналу Йозефу Фрингсу. Особенность Нюрнбергского процесса заключается в том, что отдельный гражданин несет ответственность за меры, принятые его правительством, «в которых он участвовал в рамках своих гражданских обязанностей», — говорилось в письме. По словам Клее, в «Гейдельбергском кружке» сотрудничество представителей церкви и нацистских юристов было особенно эффективным. Заседания кружка возглавлял Эдуард Валь, член бундестага от ХДС и эксперт в области международного права, который защищал концерн «И. Г. Фарбен» на шестом из последующих Нюрнбергских процессов. Члены «Гейдельбергского кружка» дискутировали о том, как можно повлиять на немецких и американских политиков и какую тактику использовать, чтобы помочь военным преступникам, заключенным в Ландсберге.

В кругах общественности все громче звучало требование о помиловании, причем не только для приговоренных к смертной казни. Елена Элизабет фон Изенбург, получившая известность как «мать ландсбергеров», в письме

от 4 ноября 1950 года просила папу Пия XII встать на защиту «своих» узников: «Я лично знакома со всеми, кого это касается. Те, кто заглянул в души этих людей, не могут больше говорить о вине или преступлении». Папа обещал, что со стороны Рима будет сделано все, чтобы спасти жизни «ландсбергеров». Евангельский пастор тюрьмы Карл Эрманн обосновал прошение об освобождении приговоренного к двадцати годам Вальдемара фон Радецки тем, что в декабре 1948 года тот вместе с другими заключенными участвовал в театральном представлении, которое состоялось в тюремной церкви в канун Рождества, и организовал художественный вечер на Рождество 1949 года. По словам пастора, Радецки знал, как «приобщить к миру классической немецкой поэзии и музыки» своих тюремных товарищей. Он был уверен, что Радецки «наилучшим образом проявит себя на свободе и сможет внести немалый вклад в укрепление сил внутри нашего народа, который готов строить новую жизнь». Столь восхваляемый человек был офицером зондеркоманды 4а айнзацгруппы С и сам возглавлял одно из подразделений. Суд в Нюрнберге постановил, что он «по собственной инициативе» участвовал в убийстве евреев.

Безбожные палачи внезапно обнаружили набожность. Осужденные массовые убийцы Пауль Блобель и Вальдемар Клингельхёфер были вновь приняты в церковное общение в протестантской церкви в Ландсберге — после их демонстративного отпадения от церкви во время национал-социалистической эпохи. В своем отзыве пастор тюрьмы писал, что оперный певец Клингельхёфер регулярно участвует в церковных богослужениях и причастиях и с удовольствием направляет свое певческое искусство «на служение церкви». Клингельхёфер — враг «всякой несправедливости», «человек, который сегодня крайне нужен нашему народу для восстановления и реконструкции общества, в котором царит такая коррупция». Из протоколов Нюрнбергского

процесса пастор тюрьмы мог бы узнать, что Клингельхёфер руководил зондеркомандой «Москва», когда внес в отчет данные об убийстве ста человек 13 сентября 1941 года, и что его подразделение убийц участвовало в уничтожении 1885 мирных жителей в период с 20 августа по 28 сентября. Он не только подробно описывал и контролировал массовые убийства, но и сообщил в показаниях под присягой, что лично расстрелял тридцать евреев за то, что они без разрешения покинули гетто.

Те, кто поддерживал осужденных военных преступников, признанных судом виновными в преступлениях против человечности, не были одиноки. Все более широкое распространение получало мнение о том, что виновные всего лишь выполняли свой долг и что примененные к ним наказания не более чем самоуправство. К тому же бесчеловечно заставлять приговоренных к смерти так долго ждать. Некоторые считали, что признания получены под чрезмерным давлением или пытками. Показания свидетелей сочли сомнительными и оскорбительными. В послевоенном немецком обществе, вспоминает Бен, практически не было ощущения несправедливости в отношении преступлений, совершенных при национал-социалистическом правлении. За все десять лет, которые он провел в стране после 1945 года, он не встретил ни одного немца, который выразил бы свое сожаление. Никто никогда не просил прощения.

Широкие круги немецкого населения проявили солидарность с преступниками, а не с жертвами. 7 января 1951 года 3000 человек устроили демонстрацию в Ландсберге против американской системы военного правосудия. Городская администрация на автомобилях с громкоговорителями призывала жителей принять участие в акции протеста. В качестве главного оратора на митинге выступил Гебхард Зеелос, депутат бундестага от баварской партии. «Америка утратила право называть себя конституционным государством», — выкрикивал он собравшимся. Когда он высказался

в защиту Олендорфа и других преступников СС, участники еврейской контрдемонстрации, состоявшей в основном из насильственно перемещенных лиц и желавшие почтить память жертв айнзацгрупп, начали скандировать: «Долой убийц!» Полиция напала на них с резиновыми дубинками и арестовала нескольких, якобы для их же собственной безопасности. Толпа отреагировала лозунгами «Евреи, прочь!», писали «Зюддойче цайтунг» и «Шпигель».

На рубеже 1950–1951 годов кампания достигла новых высот. На главу американской администрации Макклоя давили со всех сторон. Вмешалось даже немецкое руководство. Канцлер Аденауэр лично попросил Макклоя заменить еще не приведенные в исполнение смертные приговоры тюремным заключением, а федеральный президент Хойс вступился за такого убежденного преступника, как командир зондеркоманды 1а в Эстонии Мартин Зандбергер. Через два дня после демонстрации в Ландсберге ведущие члены бундестага встретились с Макклоем во Франкфурте, а также обратились к председателю бундестага Герману Элерсу (ХДС) и председателю внешнеполитического комитета Карло Шмиду (СДПГ). Как сообщила пресса, они подчеркнули, «что нужно, наконец, прекратить казни». Макклой ответил, что окончательная судьба заключенных Ландсберга определяется не политическими соображениями, а исключительно соответствием принципам права. В тот же день парламент земли Шлезвиг-Гольштейн единогласно принял резолюцию с требованием не приводить в исполнение смертные приговоры. Резолюцию поддержало правление СПДГ. Лидер партии Курт Шумахер критиковал американцев за практику казней через повешение, но не выступал в защиту Поля или Олендорфа. Шумахер говорил (и его цитировала нью-йоркская газета «Джуиш дейли форвард»), что для части протестующих важно было «не сохранить жизнь осужденным, а оправдать бесчеловечность Третьего рейха».

Акт помилования от «Председателя»

Из-за давления со стороны Германии вопрос военных преступлений превратился в политическую проблему в США и потребовал внимания Конгресса и правительства. Месяцами между различными отделами курсировали письма, телеграммы и меморандумы. Госсекретарь Дин Ачесон держал президента Трумэна в курсе конфиденциальных сообщений. Комиссии экспертов и сенатские комитеты представляли доклады и рекомендации. Все это подтверждалось ранее засекреченными документами, сданными Беном в архив. Спустя десятилетия он все еще интересовался точной историей событий и обращался к документам.

На долю Макклоя выпало решать щепетильные проблемы, доставшиеся в наследство от Клея. В соответствии с правилами последующих Нюрнбергских процессов, каждое дело подлежало пересмотру руководителем военной оккупационной администрации США. У него было право сокращать, но не увеличивать меру наказания. К марту 1949 года Клей в основном завершил пересмотр и утвердил все приговоры, вынесенные в процессе по делу айнзацгрупп. Для приведения приговоров в исполнение требовалась его собственноручная подпись, однако многочисленные обращения адвокатов в американские суды, в том числе в Верховный суд США, затягивали дело. Клей оставил обременительное наследство Макклою, который заступил на пост Верховного комиссара США по делам Германии в сентябре 1949 года. Макклой злился на Бена за то, что ему пришлось заниматься этой проблемой. Никогда раньше ему не приходилось принимать таких решений. Ему даже угрожали смертью.

Джон Дж. Макклой был обходительным человеком, который поддерживал максимально ровные отношения со всеми сторонами и построил исключительную карьеру на государственной службе и в экономике. Он вырос в Филадельфии в скромных условиях. Его отец, страховой агент, умер, когда

Джону было пять лет. Его мать работала парикмахером. Он окончил Амхерстский колледж и Гарвардскую школу права; участие в боях в Арденнах в конце Первой мировой войны прервало его обучение. В 1920-х годах Макклой работал юристом в известных адвокатских конторах на Уолл-Стрит. Уже во времена национал-социализма он участвовал в работе по взысканию с Германии компенсации за диверсию на американской территории во время Первой мировой войны³⁴, что свело его, в частности, с Герингом и Рудольфом Гессом. Во время Второй мировой войны Макклой взял на себя важные задачи в администрации Рузвельта, хотя, в отличие от президента-демократа, был республиканцем. В апреле 1941 года он был назначен помощником военного министра. Это сделало Макклоя вторым по значимости государственным служащим в этом ключевом департаменте после военного министра Генри Стимсона. Он отвечал за материальное снабжение для армии, программу ленд-лиза, борьбу с диверсиями и вопросы разведки и руководил строительством здания Пентагона и формированием Управления стратегических служб, которое впоследствии стало Центральным разведывательным управлением (ЦРУ). Также Макклой участвовал в работе, приведшей к созданию Совета национальной безопасности.

В июле 1944 года Макклой выступил против американских планов бомбить железнодорожные пути, проложенные к Освенциму, и газовые камеры. Такие воздушные нападения были «непрактичны» и «вряд ли эффективны». Для их осуществления потребовалось бы отвлечь значительные силы, которые могли понадобиться союзникам в других местах. Однако его авторитет в этом вопросе был ограничен. Генерал Генри Х. Арнольд, командующий военно-воздушными

³⁴ Речь о подрыве германскими агентами в 1916 году в Нью-Йорке груза боеприпасов, предназначенных для воюющей британской армии. США в то время еще сохраняли нейтралитет.

силами Армии США³⁵, не допускал вмешательства гражданских властей в процесс выбора целей нападения для авиаударов.

В марте и апреле 1945 года Макклой и другие приложили все усилия для того, чтобы исторический немецкий город Ротенбург-об-дер-Таубер не был разрушен. Наступавшие американские артиллеристы размахивали белыми флагами и предлагали сохранить город, если вермахт уйдет без сопротивления. Иначе его сравняли бы с землей. Местный немецкий командир принял предложение американцев, послушавшись приказа Гитлера защищать немецкие города до последней капли крови. В ноябре 1948 года жители Ротенбурга сделали Макклоя почетным гражданином за его спасательную операцию.

С марта 1947 года по июнь 1949 года Макклой был президентом Всемирного банка в Вашингтоне. После своей деятельности на посту Верховного комиссара США в Германии, которая закончилась в августе 1952 года, он вернулся на Уолл-стрит, где занимал влиятельные посты. Опытный дипломат и успешный бизнес-адвокат, он занимал должность председателя совета директоров банка «Чейз Манхэттен», председателя совета попечителей Фонда Форда и члена совета попечителей Фонда Рокфеллера. Макклой не без выгоды для себя представлял интересы компаний нефтяной промышленности. С 1954 по 1970 годы он возглавлял престижный Совет по международным отношениям в Нью-Йорке, а позже стал членом «совета мудрецов» (*Wise Men*) — группы заслуженных государственных деятелей, выступавших за прагматичный интернационализм в американской внешней политике. Десятилетиями он поддерживал тесные связи с Белым домом. Макклой консультировал в общей сложности семерых президентов США,

³⁵ До 1947 года военно-воздушные силы не были самостоятельным видом Вооруженных сил и входили в состав армии (сухопутных сил) США.

республиканцев и демократов. После Рузвельта, а потом и Трумэна, которого он сопровождал на Потсдамской конференции летом 1945 года, Макклой предоставлял свои услуги Джону Ф. Кеннеди, Линдону Б. Джонсону, Ричарду Никсону, Джимми Картеру и Рональду Рейгану. К 90-летию Макклоя — 31 марта 1985 года — правящий бургомистр Берлина Эберхард Дипген на лужайке Белого дома в Вашингтоне вручил ему грамоту Почетного гражданина западной части разделенного города под аплодисменты Рейгана и федерального президента Германии Рихарда фон Вайцзеккера. Американская биография Макклоя называется просто — «Председатель» (The Chairman). Сам Макклой однажды назвал себя «абсолютным инсайдером» и (вспоминая свое происхождение из низшего класса) в то же время «абсолютным аутсайдером».

А тогда, в конце января 1951 года, он столкнулся с одним из самых трудных решений в своей карьере в Германии. Под руководством будущего советника президентов была образована Консультативная группа по помилованию военных преступников. Группа, состоявшая из трех американцев, была названа группой Пека — по имени своего председателя Дэвида У. Пека, председательствующего судьи в Апелляционной палате по 1-му судебному округу штата Нью-Йорк. Уже 28 августа 1950 года она представила доклад, содержащий общие соображения о судебных разбирательствах по делам о военных преступлениях и конкретные рекомендации по смягчению назначенных наказаний. В сопроводительном докладе на имя Макклоя члены Группы подчеркнули, что за сорок дней они прочитали более 3000 страниц судебных решений по делам 104 подсудимых в Мюнхене, изучили множество прошений и ходатайств о помиловании и заслушали пятьдесят адвокатов, представляющих девяносто клиентов. Член Группы Фредерик Моран лично беседовал с заключенными в Ландсберге. С Беном — главным обвинителем по делу

об айнцагруппах, который внес решающий вклад в вынесение четырнадцати смертных приговоров, не говорил никто, хотя Бен предлагал Пеку свои услуги.

Тот факт, что каждый обвиняемый имеет возможность обратиться к исполнительной власти за снисхождением и милосердием, является одним из «самых полезных учреждений осуществления правосудия», говорилось в начале доклада Пека. Таковы были цель и тон документа: задача группы Пека состояла в том, чтобы по мере возможности идти навстречу осужденным («рассмотрение всех возможных смягчающих обстоятельств»). По мнению членов Группы по помилованию, Нюрнбергский процесс представлял собой нечто большее, чем «отдельные судебные процессы по конкретным преступлениям». Они проводились против «групп лиц», которые, «хотя и действовали как отдельные индивиды, были вовлечены в огромную преступную деятельность, направленную против международного права и человечности». Вместе с тем действовал принцип «индивидуального правосудия в отношении отдельного обвиняемого». Его «не следует отождествлять с правительством, партией или программой». Это, разумеется, верно, говорит Бен. Но не стоит удивляться, если такие заявления создадут у немецкой общественности ложное впечатление о том, что в Нюрнберге существовала своего рода клановая ответственность и что были наказаны национал-социалистические воззрения. В действительности приговор был вынесен каждому обвиняемому на основании его индивидуальной вины.

Несмотря на готовность пойти навстречу осужденным, в докладе не скрывался тот факт, что авторов раздражало отсутствие благоразумия и раскаяния. Оставалось «крайне неутешительное основное впечатление, что большинство обвиняемых, кажется, все еще думают, что действовали правильно, потому что выполняли приказы». «Обоготворение послушания», рассматриваемое как человеческое отношение, вызывало еще большую тревогу, чем требования

об оправдании. Даже тогда, через пять лет после смерти Гитлера и окончания войны, все обвиняемые хором кричали: «Приказ сверху!» Они утверждали, что «во всей нации из 60 миллионов человек был только один человек или небольшая группа людей, которые несли ответственность за все происходящее, что никто другой не был ответственен ни за что, и что если бы был только один приказ, который стекал с вершины, как ручей, то каждый, кто промок бы от него, наслаждался бы в водах неприкосновенности». Эта точка зрения могла быть «столь же утешительной, сколь и слепой к фактам». Если существует мир, в котором правят закон и справедливость, то люди, по крайней мере, те, кто находится на более высоких должностях, должны нести ответственность за свои действия.

Группа Пека тщательно искала «смягчающие обстоятельства», но видела и ограничения: «Там, где есть возможность сомневаться, мы, безусловно, не признаем обвиняемого виновным в преступлении. Но нет закона, который мог бы оправдать убийство евреев или цыган». То же самое можно было сказать и о «порабощении и сопутствующем ему жестоком обращении с массой людей, а также об огромном стремлении решить путем расового тестирования и оценки, кого следует переселить, поработить или ликвидировать». В Нюрнбергском процессе было установлено, что «закон и справедливость во все времена стоят над каждым человеком — включая глав государств и всех тех, кто принадлежит к их окружению». Пек и его коллеги не только подвергались давлению со стороны главы американской оккупационной администрации, заключенные и их защитники — прежде всего Ашенауэр и красноречивые епископы — также настоятельно призывали их к милосердию: «Нам порекомендовали применять принципы любви к ближнему и великодушия. Даже «в случае с одним из самых худших преступников» — имелся в виду Олендорф — их просили подать такой пример «своей семье и народу».

Мягкость может иметь вдохновляющий эффект там, где есть основания для сострадания и милосердия, говорилось в докладе, «но ложная снисходительность по отношению к массовым убийцам была бы насмешкой». Если бы Группа по помилованию руководствовалась только соображениями сострадания, то прецедент, созданный в Нюрнберге, был бы уничтожен. Несмотря на четкие выводы, комиссия без колебаний «рекомендует радикальное сокращение сроков наказания». Такова была ситуация, когда Макклой объявил о своем решении 31 января 1951 года. В «очень большом количестве случаев» он сократил сроки наказаний, пояснил он в пресс-релизе, который был опубликован одновременно на английском и немецком языках. Он привел целый ряд аргументов в пользу своего решения. «Приговоры сократились везде, где, казалось, были законные основания для снисхождения. Смягчение наказания допускается в тех случаях, когда судебные решения несоразмерны наказаниям, назначенным в других случаях за преступления аналогичного характера; когда сокращение срока наказания представляется оправданным относительно незначительным положением и ответственностью обвиняемого; когда новые доказательства, которых не было в распоряжении суда, дают основание для смягчения наказания». Даже с пятнадцатью осужденными на смерть, которые еще находились в Ландсберге — самой значительной фигурой среди командиров айнзацгрупп был Освальд Польш, — Макклой сделал все возможное, чтобы оправдать их: «В этих случаях я принимал во внимание все обстоятельства, которые могли обосновать помилование, и отвечал на все вопросы, вызывавшие сомнения, в пользу осужденных». Верховный комиссар подвел итог заявлением, что он стремился «поставить милосердие над правосудием».

В результате Макклой в большинстве случаев значительно сократил сроки наказания даже по сравнению с рекомендациями группы Пека. Из пятнадцати смертных

приговоров в силе остались пять. Десять он отменил. Из тринадцати заключенных в Ландсберге офицеров айнцагрупп, которые были приговорены к смертной казни через повешение в Нюрнберге на основании обвинительного заключения Бена, девятих он избавил от виселицы. Только в четырех случаях он сохранил высшую меру наказания. Он подтвердил смертные приговоры, вынесенные Олендорфу, Науману, Блобелю и Брауне, а также Полю по делу против Главного административно-хозяйственного управления. В этих случаях «непостижимость преступлений, за которые несут ответственность эти люди», исключала помилование. Как «командиры айнцагрупп СС или карательных отрядов» Олендорф и его товарищи убивали всех евреев, цыган, душевнобольных и коммунистов, которые попадали в их руки.

Макклой заменил в порядке помилования смертные приговоры Биберштейну, Клингельхёферу, Отту и Зандбергеру пожизненным заключением. Вместо того чтобы предстать перед палачом, Блюме, Штаймле, Хенш, Зайберт и Шуберт были приговорены к тюремному заключению на срок от десяти до 25 лет. Остальные осужденные также воспользовались преимуществами сокращений, некоторые из них — существенными. Йост и Носке, приговоренные в Нюрнберге к пожизненному заключению, теперь должны были отбыть наказание сроком в десять лет, Шульцу заменили двадцать на пятнадцать лет. Срок наказания Зикса, расположившего к себе Макклоя своим профессорским красноречием и безупречными манерами, был сокращен вдвое — с двадцати до десяти лет. Фендлер получил скидку с десяти лет до восьми. Рюлю и Радецки разрешили снять тюремную одежду и сразу освободили из тюрьмы. Ранее Макклой ввел систему бонусов за отбытый срок. За хорошее поведение заключенным сокращали срок на пять дней в месяц. Теперь бонус удвоился.

Была одна вещь, на которую Макклой не поддался. Хотя он приостановил действие двух третей смертных

приговоров, вынесенных в Нюрнберге, он утверждал, что эта форма наказания является законной. Этим он также противоречил федеральному канцлеру. ФРГ отменила смертную казнь, Аденауэр направил Верховному комиссару письмо от 28 февраля 1950 года. В письме Аденауэр указывал, что если американская оккупирующая держава будет совершать казни на немецкой земле спустя несколько лет после войны, то в сложившихся обстоятельствах германский народ может озлобиться. Макклой отклонил эти доводы: положение Основного закона, безусловно, заслуживает уважения, но не применимо к этим случаям. Оно не могло «освободить его от обязанности уважать решения, вынесенные до принятия Основного закона Германии судами, учрежденными на основании международных решений».

Последний эскорт с гитлеровским приветствием

Макклой надеялся, что его решение успокоит недовольных, и ошибся. После публикации акта милосердия с пятью оставленными в силе смертными приговорами атмосфера снова накалилась. Поначалу реакция Германии была в целом положительной. Канцлер одобрил решение Верховного комиссара США и назвал его «продуманным и объективным». Вскоре кампания в защиту осужденных возобновилась, и громче всех возмущались разъяренные сторонники нацистов. С 31 января по 9 марта 1951 года в офис Верховного комиссара пришло более тысячи писем по этому вопросу. Большинство из них призывали к помилованию и дальнейшему сокращению сроков наказания. Более 600 000 человек подписали петицию о всеобщей амнистии. Во время дебатов в парламенте земли Баден-Вюртемберг депутат Немецкой народной партии (ННП) Хайнц Бурнелайт назвал запланированные казни

«легализованным убийством». Освальд Поль опубликовал открытое письмо под заголовком «Я обвиняю!» (Ich klage an!), а в антиамериканской брошюре, выпущенной в феврале 1951 года в связи с судебным процессом над представителями руководства СС, совершенно недвусмысленно говорилось о «германском деле Дрейфуса». Напомним, что капитан Альфред Дрейфус, еврей по национальности, был приговорен во Франции в 1884 году к пожизненному заключению на Чертовом острове из-за судебной ошибки, вызванной антисемитскими взглядами. Своим публичным письмом «Я обвиняю» (J'accuse...!), адресованным президенту республики, писатель Эмиль Золя смог добиться пересмотра дела. И теперь национал-социалистические убийцы евреев беззастенчиво сравнивали себя с самой известной из всех еврейских жертв правовой несправедливости.

Несмотря на бурю протеста, Макклой объявил о казни 16 февраля оставшихся пяти «красных курток» — как называли приговоренных к смерти заключенных Ландсберга из-за яркой одежды. Теперь немцы официально попытались предотвратить казнь всеми законными способами. В дело вмешался Центральный отдел по защите прав — орган, созданный бундестагом, который входил в состав Федерального министерства юстиции, а затем Министерства иностранных дел. Главной задачей отдела была правовая помощь гражданам Германии, привлеченным к ответственности в иностранных или международных судах за преступления, совершенные в гитлеровскую эпоху. Главой отдела был Ганс Гавлик, старый знакомый из Нюрнберга, где бывший член НСДАП представлял нескольких обвиняемых, в том числе командира айнзацгруппы В Наумана. Гавлик воспользовался старыми связями и нанял своего коллегу адвоката Уоррена Мэджи, одного из двух американцев, которые были защитниками на Нюрнбергском процессе. В то время клиентом Мэджи был Эрнст фон Вайцзеккер, отец будущего президента Германии Рихарда фон Вайцзеккера. Его

приговорили к пяти годам тюремного заключения за преступления против человечности (процесс над чиновниками министерства иностранных дел). Вайцзеккер обвинялся в участии в депортации французских евреев в Освенцим, а его сын Рихард помогал отцу в Нюрнберге в качестве ассистирующего адвоката.

Как адвокат приговоренных к смертной казни Мэджи обратился в Верховный суд США, причем сделал это 14 февраля — всего за два дня до казни пятерых осужденных. Он сослался на Закон о конституционных гарантиях неприкосновенности личности, который предусматривает немедленное рассмотрение дела судьей. Верховный суд не принял это ходатайство к рассмотрению. В письме, направленном 13 февраля Макклою, Аденауэр также просил приостановить приведение смертных приговоров в исполнение до тех пор, пока не будут прояснены все юридические вопросы. Однако Верховный комиссар был полон решимости довести дело до конца. За несколько часов до запланированного времени казни Макклой получил телеграмму от госсекретаря Ачесона. Ему следовало подождать до получения дальнейших инструкций.

Тем временем Мэджи, получавший оплату из денег немецких налогоплательщиков, передал дело в Апелляционный суд Соединенных Штатов. Одновременно он засыпал новыми обращениями многочисленные другие суды. Неутомимый Аденауэр также усердно подавал новые ходатайства. День смертной казни пришлось несколько раз переносить на более поздний срок. После затянувшейся на месяцы суматохи казнь все же назначили на 4 июня, после того как Апелляционный суд Соединенных Штатов отказал в дальнейшем приостановлении исполнения приговора и подтвердил решение суда низшей инстанции. На следующий день председатель Верховного суда США Фред Винсон сообщил, что все дальнейшие ходатайства защиты будут отклонены, и смертные приговоры будут

приведены в исполнение. 5 июня Макклой по указанию Ачесона приказал привести смертные приговоры в исполнение в течение сорока восьми часов.

Вечером перед казнью осужденные попрощались с женами. Согласно отчету о казни, они выглядели спокойными и смирившимися со своей судьбой — то же говорили массовые убийцы в Нюрнберге о своих еврейских жертвах. Блобель и Брауне заявляли, что умрут невиновными. Олендорф казался отстраненным. Он призвал немецкий народ к примирению и сказал, не вдаваясь в подробности, что Германия должна двигаться в другом направлении. Последними словами Наумана были: «Придет время, когда мы увидим, была моя казнь оправдана или нет». Он отдал свою душу в руки Господа. Четверых главарей айнцаггрупп повесили 7 июня 1951 года между полуночью и 01:43 во дворе Ландсбергской тюрьмы. Очередность определили по алфавиту. Первым шел Блобель, потом Брауне, Науман и, наконец, Олендорф. Тела захоронили в безымянных могилах на кладбище Шпёттинг, расположенном рядом с тюрьмой, чтобы избежать возникновения культа мученика. Вы все еще можете посетить место, которое уже в средние века служило кладбищем для убийц. Спустя несколько дней останки Олендорфа перенесли на семейную могилу в нижнесаксонский город Целле. На кладбище собралось столько людей, что всем не хватило места, и некоторые ждали за кладбищенской территорией. Скорбящие прощались со своим кумиром гитлеровским приветствием, как будто национал-социалисты были еще у власти. Бен сохранил статью, вырезанную из газеты от 16 июня 1951 года, с большой фотографией. Статья назвалась «Немецкое приветствие на похоронах Олендорфа». В тексте были такие слова: «Руки 1300 человек, собравшихся на кладбище в Целле и вокруг него, взметнулись в “гитлеровском приветствии”, когда в могилу опускали гроб с останками бывшего обергруппенфюрера

СС Олендорфа, последнего из семи военных преступников, казненных в Ландсберге».

Массовые убийцы на свободе

«Окончательные решения» Верховного комиссара США, принятые 31 января 1951 года, продержались недолго. Макклой все еще предпочитал милосердие правосудию. Лотару Фендлеру позволили покинуть Ландсберг в марте 1951 года, а Густава Адольфа Носске и Хайнца Шуберта освободили в декабре в рамках «рождественской амнистии». Хайнц Йост вышел на свободу в январе 1952 года, Франц Зикс — в октябре. Преемник Макклоя Джеймс Б. Конант — химик, президент Гарвардского университета, а с 1955 года первый американский посол в освобожденной от контроля союзников ФРГ в Бонне, продолжал политику умиротворения по отношению к немцам. Заключенных освобождали одного за другим. Был создан Временный объединенный совет по условно-досрочному освобождению и освобождению из-под стражи, который занимался вопросами помилования и освобождения военных преступников, все еще находящихся в тюрьме. В совет входили американец, англичанин, француз и три немца. Решением большинства совет мог принять все возможные причины для сокращения сроков наказания: возраст, здоровье, перспективы трудоустройства и семейное положение заключенных. Благодаря вмешательству совета, Эрвин Шульц, Вилли Зайберт, Ойген Штаймле и Вальтер Блюме вышли из тюрьмы в период между 1953 и 1955 годами. После вступления в силу 5 мая 1955 года Парижских соглашений³⁶ Германия вновь обрела суверенитет — через

³⁶ Парижские соглашения, разработанные без участия СССР, предусматривали окончание оккупационного режима в ФРГ, образование несколькими членами НАТО при участии ФРГ военно-политической организации — Западноевропейского Союза, а также принятие ФРГ в НАТО.

десять лет после окончания войны. Временный объединенный совет, преобразованный в постоянный, продолжил работать в заданном направлении. Последние осужденные в Нюрнберге вышли из Ландсбергской тюрьмы 9 мая 1958 года, среди них были Эрнст Биберштейн, Адольф Отт и Мартин Зандбергер.

Как и до своей кровавой службы в СС, они вернулись к уважаемым гражданским профессиям. Штаймле преподавал в протестантской школе для мальчиков в Вюртемберге. Блюме предлагал свои юридические знания в риелторской компании. Зандбергер работал юристом на высокотехнологичном предприятии. В 1971–1972 годах прокуратура при Штутгартском земельном суде проводила предварительное расследование в отношении Зандбергера «за преступления национал-социализма». Сотрудники прокуратуры обратились за помощью к Бену, и он предоставил ссылки на некоторые важные документы, подтверждавшие факты. Однако вскоре производство прекратили на том основании, что Зандбергер был ранее осужден в Нюрнберге. Зикс — в качестве последнего примера — использовал свои связи с другими бывшими членами НСДАП и после освобождения вместе с бывшим эсэсовцем Вернером Бестом, заместителем Гейдриха в службе безопасности и Генеральным имперским уполномоченным в оккупированной Дании, работал над общей амнистией для военных преступников. Промышленник Фридрих Флик, с которым Зикс познакомился в Ландсберге, пробился в руководство издательства Леске в Дармштадте в 1953 году. Позже Флик работал менеджером по рекламе на тракторном предприятии «Порше Дизель Моторенбау» в Манцелле на берегу Боденского озера и независимым консультантом по менеджменту. Он преподавал маркетинг в Академии для лидеров бизнеса в Бад-Гарцбурге. В начале 1970-х Герман Гизлер, один из любимых архитекторов Гитлера, построил Зиксу дом в Южном Тироле. Бывший командир бригады СС до конца жизни

придерживался своих национал-социалистических идей. В предисловии к книге Гизлера «Другой Гитлер» (1977) он описал время, проведенное им в Ландсберге вместе с другими осужденными военными преступниками, как «годы стойкости, подтверждения некогда обретенных прозрений и правильности революционных целей».

Это было ужасающе: убийцы из гиммлеровских карательных отрядов жили без угрызений совести и малейшего чувства вины, как признанные члены демократического немецкого послевоенного общества. Уже с 1951 года, когда были освобождены первые преступники из айнзацгрупп, Бен мог встретить их в любое время в ресторане или на трамвае. «Я часто думал об этом, — рассказывает Бен. — Я много ездил, в том числе и на поезде, и всегда сначала заглядывал в купе, чтобы увидеть, кто в нем сидит». До и после того, как были подтверждены казни, ему поступали смертельные угрозы. Он представлял, что может встретить родственников Олендорфа. Если бы его потомки пришли к нему сегодня, он бы сказал им: «Мне очень жаль, он был массовым убийцей. То, что его повесили, не было несправедливостью». Приносить извинения должен не главный обвинитель, раскрывший преступления, — это надлежит сделать преступнику.

Признание Макклоя

Бена не устраивало то, что произошло после Нюрнберга в его и остальных делах. «Освободить массовых убийц было позором. Мне казалось, что некоторые из решений продемонстрировали больше милосердия, чем справедливости», — сказал он, ссылаясь на кредо Макклоя «поставить милосердие над правосудием». Верховный комиссар был «наивен» в своем подходе к проблеме. «Он был связан дружественными узами с Альфридом Крупном и другими известными военными преступниками». В архивах Бена есть фотографии, на которых Макклой и Крупп вместе играют в гольф.

«Это особенно меня разозлило. Я был убежден, что Крупп был массовым убийцей», — говорил Бен. К концу войны он вынудил рабочих со своих заводов вернуться в Бухенвальд, вместо того чтобы открыть ворота и отпустить их на свободу. Крупп должен был понимать, что это будет означать верную смерть для невольников. «Король боеприпасов» Альфрид Крупп фон Болен унд Гальбах был приговорен к двенадцати годам тюремного заключения в ходе десятого из последующих Нюрнбергских процессов, названного его именем; кроме того, было вынесено постановление о конфискации его имущества. Макклой помиловал Круппа в рамках своего указа от 31 января 1951 года и вернул ему всю собственность. На подобную снисходительность мог рассчитывать и Фридрих Флик, на фабриках которого десятки тысяч подневольных рабочих «эксплуатировались в ужасных условиях», как установило обвинение по его делу на пятом процессе под американской юрисдикцией. «Болезни и смерть в чудовищных масштабах», — такими, по словам Бена, были последствия рабского труда. В конце 1947 года Флик был приговорен к семи годам тюремного заключения, но уже через два года досрочно освобожден.

Бен сформулировал свою критику стремительной эрозии Нюрнбергских приговоров в эссе для журнального приложения к газете «Нью-Йорк Таймс», которое было опубликовано 25 февраля 1951 года, примерно через три недели после того, как Макклой представил свою обширную программу помилования. При этом он рассматривал события в контексте холодной войны. Таким образом, Советскому Союзу дали в руки мощное пропагандистское оружие в странах, ранее оккупированных национал-социалистическим Германским рейхом. Цинизм ситуации состоял в том, что в новом трансатлантическом альянсе Америка будет поставлять атомные бомбы, Великобритания — военно-морской флот, а Германия — военных преступников. Все уже позабыли, что после вынесения приговора Герингу и другим

высокопоставленным нацистам в Нюрнберге состоялось еще двенадцать судебных процессов. Цель этих судебных процессов заключалась не в том, чтобы наказать «маленького человека», который ничего не знал о причинах действий режима, а в том, чтобы привлечь к ответственности виновных в планировании и проведении необъятных разрушений. Нюрнбергские судебные процессы были связаны с надеждой на достижение определенного устрашающего эффекта против повторения таких злодеяний. Теперь наследие Нюрнберга было в опасности. Потому что закон, который не исполняется, теряет смысл.

Попытка позволить милосердию возобладать над правосудием не должна скрывать тот факт, что милосердие к убийцам означает «жестокость по отношению к будущим жертвам». Сегодня преступления и вина преступников не меньше, чем в момент вынесения обвинительного приговора. «Милость, оказанная из лучших побуждений, но дошедшая до крайности», к сожалению, рассматривалась как оправдание преступлений национал-социализма и поощряла тех, кто все еще верил в то, что «Гитлер, возможно, был прав».

В дополнение к этим общим опасениям Бен высказал конкретные оговорки в отношении функционирования группы Пека. Члены Группы по помилованию рассматривали материалы процесса недостаточно обоснованно. Они не ознакомились с судебными протоколами, а многие документы, представленные впоследствии защитой, не были проверены на подлинность, хотя в ходе судебного разбирательства неоднократно выяснялось, что обвиняемые представили поддельные документы. Ни одному из представителей обвинения не предоставили возможность опровергнуть предполагаемые новые доказательства.

В некоторых случаях Верховный комиссар заменял смертные приговоры тюремным заключением, хотя Группа по помилованию не давала таких рекомендаций. Макклой

оправдывал это тем, что преступления были — по сравнению с другими — не столь тяжелыми. Тогда Бен возражал, что они были бы такими же «массовыми убийцами», если бы убили «всего лишь» 1000 человек вместо 50 000 или «семью из пяти человек». По горькой иронии, в тот день, когда объявили о сокращении срока наказания для немецких массовых убийц, одно из пресс-агентств сообщило, что в Вирджинии семерых американских парней отправили на электрический стул за изнасилование домохозяйки. Пока где-то в мире существует смертная казнь, Нюрнбергские преступники не должны были ее избежать.

Телфорд Тейлор разделял это критическое мнение. Однажды Бен зашел к нему в гости в Нью-Йорке (Тейлор жил недалеко от Колумбийского университета, где в то время преподавал), и они за ужином обсудили «рождественские помилования» и другие события в Германии. Хозяин дома поинтересовался его мнением, и Бен назвал помилования «ревизией Нюрнберга». Телфорд был с ним согласен. Свои соображения он изложил в статье для еженедельного журнала «Нейшн» от 24 февраля 1951 года. Телфорд писал, что правосудием пожертвовали «ради политической целесообразности».

Современникам уже было ясно, что индульгенция, выданная американцами, связана и с новым соотношением сил в холодной войне. Альянс победивших держав распался, конфликт между Востоком и Западом стоял на повестке дня. США приложили все усилия, чтобы ФРГ была на их стороне. Лозунгами тех дней были «Западная интеграция», «Перевооружение», «Вступление в НАТО». Нежелание многих немцев разбираться с ужасами гитлеровского правления совпало с американскими попытками не обидеть нового стратегического партнера. Когда ФРГ стала де-факто суверенным государством, союзники возложили на судебные органы Германии задачу преследования за преступления нацистов. Нюрнберг, который был всего несколько лет назад, вдруг показался далеким.

Бен предчувствовал это еще в феврале 1951 года и сделал выводы. «Международные преступления, — писал он в статье для журнального приложения к «Нью-Йорк Таймс», — отныне должны рассматриваться на форуме, который будет свободен от политических дилемм, от которых пострадали даже некоторые из наших самых способных государственных деятелей». Он видел решение в независимом «мировом уголовном суде». Создание этого суда останется для него одной из важнейших целей «во имя благополучия людей».

Несмотря на расхождения во взглядах, Ференц всегда старался быть справедливым по отношению к Макклою, перед которым стояла такая трудная задача — уйти от конфликта на высоком уровне. Когда в конце 1970-х он исследовал переговоры о компенсации еврейским подневольным рабочим в своей книге «Ниже чем рабы» (*Less Than Slaves*), он также хотел изучить мотивы, которыми руководствовался Верховный комиссар в своем акте милосердия. Источники оставили желать лучшего. Отчет Группы по помилованию, а также приказы Макклоя были больше недоступны. Даже сами действующие лица — Бен обращался непосредственно к ним — не сохранили исторические документы. Впоследствии Бен обратился в американский Госдепартамент, который тоже не смог найти документы. Ференцу помогли случай и настойчивость. В конце концов он обнаружил один экземпляр, лежавший в ящике стола у Конрада Э. Сноу, бывшего юрисконсульта Госдепартамента и члена Группы по помилованию. «Нашел!» — записал Бен 28 июля 1978 года. Он использовал найденные документы для своих исследований, а затем передал Американскому национальному архиву в Вашингтоне.

В книге «Ниже чем рабы» он рассмотрел вопрос об акте милосердия Верховного комиссара Макклоя по отношению к немецким предпринимателям только в примечании, но этого было достаточно, чтобы вызвать споры об отношении к фигуре Макклоя. Закончилось тем, что Бен и Макклой,

заслуженный политик, которому было далеко за восемьдесят, наконец-то поговорили и объяснили друг другу свои позиции. В дискуссии принял участие Тейлор, которому Бен сразу же выслал копии документов. Среди бумаг оказалось трехстраничное письмо Тейлора Элеоноре Рузвельт от 19 июня 1951 года, в котором отправитель делился с бывшей первой леди своим мнением по поводу отчета Макклоя, опубликованного в майском номере информационного бюллетеня Управления Верховного комиссара США. Тейлор резко раскритиковал содержание отчета Макклоя. Тейлор писал, что отчет содержал «многочисленные неточности, которые наносят огромный ущерб Нюрнбергскому процессу, участвовавшим в нем судьям, генералу Клею и, к слову, мне». Макклой писал, что «унаследовал эти дела от Клея, который по тем или иным причинам не смог их окончательно завершить». Это заявление было на «87,5 процента неверно», заявлял Тейлор. Клей брал на себя ответственность в одиннадцати из двенадцати судебных процессов; и только в последнем процессе, который был завершен незадолго до его отставки, у него не было такой возможности. Тейлор решительно отверг некоторые заявления о Круппах. Верховный комиссар склонялся к широко распространенному мнению — Бен называет это «мифом» — о том, что Альфрид был наказан за дела своего отца Густава, который не мог участвовать в Нюрнберге из-за дряхлости.

Бен и Макклой обсуждали эти несоответствия в переписке, на различных обеденных встречах и в телефонных разговорах в период с 1977 по 1985 год. Приведем несколько интересных исторических деталей. В четырехстраничном письме Бену от 7 июня 1977 года Макклой отвергает обвинения, выдвинутые против него премьер-министром Уинстоном Черчиллем, в том, что правительство Великобритании не проинформировало заранее о «произвольном» решении по делу Круппа. Теперь Макклой ясно давал понять, что он вовремя уведомил своего британского коллегу в Германии

сэра Ивона Киркпатрика, однако тот не передал сообщение в Лондон. Стремясь избежать ненужного шума, Макклой держал этот факт в секрете. На вопрос о том, принял ли он директивы из Вашингтона относительно обращения с немецкими военными преступниками, он написал Бену: «Я никогда не получал никаких указаний ни от правительства США, ни от Белого дома, ни от Госдепартамента, ни от Военного департамента о том, что при рассмотрении дел следует учитывать политические соображения». Его решения также не имели бы никакого отношения к Корейской войне (1950–1953 годы), которая могла привести к Третьей мировой и ускорила положительный исход немецких дебатов о перевооружении. Принимая решения, Макклой исходил из «соображений собственной совести» и «восприятия законности и справедливости».

Он подтвердил свои заявления в беседе с Беном 24 апреля 1984 года в Совете по международным отношениям в Нью-Йорке. Бен, младший по возрасту, имея на руках все необходимые документы, задавал вопросы доброжелательным тоном, но так, как если бы он вел допрос от имени высшего суда Истории. Бывший Верховный комиссар говорил об «огромном давлении», которое оказывала на него немецкая сторона: от многочисленных почитателей Олендорфа до членов германского Сопротивления, таких как Фабиан фон Шлабрендорф или Инге Шоль. В очередной раз Макклой отрицал, что преследовал политические мотивы. «Используй свой собственный данный Богом дар суждения, Джек, потому что никто не скажет тебе, как поступить в этом деле», — сказал ему госсекретарь Ачесон в качестве напутствия.

Бен принял этот довод. Он всегда знал, что Макклой не позволял себе руководствоваться политической целесообразностью. Если бы речь шла о том, чтобы купить добрую волю Германии, Верховный комиссар немедленно помиловал бы всех военных преступников, приговоренных к смертной

казни, вместо того чтобы, несмотря на массовые протесты, казнить пятерых из них. Тем не менее Ференц не всегда был согласен с Макклоем. Как бывшего обвинителя, его беспокоило сокращение сроков наказания для осужденных военных преступников. Еще один спорный момент, который вызывал вопросы и у Тейлора, заключался в том, что Макклой, вопреки своим первоначальным указаниям, данным группе Пека, создал впечатление, что итоги Нюрнбергских процессов будут подвергнуты общему пересмотру. Согласно «Объявлению о персонале № 117» Верховного комиссара от 18 июля 1950 года, факты и приговоры не подлежали пересмотру — во внимание принимались только смягчающие обстоятельства. Однако у немецкой общественности возникло впечатление, что американцы отказались от отдельных вердиктов. Это «очернило» трибунал и ослабило позиции правительства США. Все, что ревизовало решения Нюрнбергских процессов, вызывало осуждение с точки зрения обвинения.

Он был готов «признать ошибки», говорил Макклой и добавлял, что эта «чертова штука» действительно причинила ему вред: «Никогда в жизни я не испытывал таких мучений». Когда Макклой прочел книгу «Ниже чем рабы», он написал письмо Бену. В нем он писал о «мучениях» и признавал: «Если бы у меня тогда были все факты, доступные мне сегодня, я мог бы достичь более справедливого результата». Это звучало как признание, что относительно некоторых преступников решения были слишком благосклонными.

Нюрнберг для потомков

К тому времени, как в апреле 1948 года завершился процесс по делу об айнзацгруппах, работа Бена в Нюрнберге не была закончена. Вскоре после процесса генерал Тейлор назначил его исполнительным советником, своим управляющим юрисконсультom, несущим административную

ответственность за оставшиеся разбирательства. Ференца повысили с чина гражданской государственной службы, соответствовавшего воинскому званию полковника, до гражданского эквивалента бригадного генерала. Бен с юмором отнесся к повышению. Военное министерство уволило его в звании сержанта в 1945 году, и молниеносное повышение до генеральского звания могло стать рекордом в армии США. «С ростом 154 сантиметра я был, пожалуй, самым низкорослым «генералом» со времен Наполеона Бонапарта», — писал Бен в «Историях».

В рамках ликвидационных работ после завершения процессов в Нюрнберге Ференц должен был передать немецким властям доказательства вины подозреваемых, которые более не могли передаваться судьям американского военного трибунала из-за нехватки времени, денег или некоторых политических ограничений. В новой должности Бен помогал формировать политику денацификации. В Баварии он работал с Государственным министерством по особым задачам, созданным специально для этой цели. На основании «Закона об освобождении от национал-социализма и милитаризма» от 5 марта 1946 года бывшие нацисты проходили проверку в так называемой палате денацификации, определявшую степень их соучастия. Для отдельных случаев эти учреждения ввели гражданско-правовые меры, служащие для возмещения ущерба или восстановления разрушенной страны. Анкетируемых также могли отстранить от должности или запретить заниматься политической деятельностью.

Главные виновные привлекались к ответственности уголовными судами, которые сначала находились в ведении западных союзных оккупационных держав, а затем — под контролем судебной системы Федеративной Республики. Бен считал успехи судебной системы более чем скромными. Многие бывшие национал-социалисты отказывались изобличать своих товарищей, поэтому добиться обвинительных приговоров в немецких судах было почти невозможно.

По словам историка Гельмута Лангербейна, 136 членов айнзацгрупп были привлечены к ответственности. Важную роль в судебном расследовании преступлений нацистов сыграл Ульмский процесс над десятью бывшими членами зондеркоманды «Тильзит». В августе 1958 года их приговорили к нескольким годам лишения свободы за массовые убийства, жертвами которых были в основном евреи. В ходе разбирательства были выявлены некоторые недостатки судебной системы Германии. Прокуратуры и суды несли главную ответственность за разбирательство правонарушений, совершенных в их округах, и за преследование правонарушителей, проживавших на их территории. Как показал опыт, они не справлялись с делами международных масштабов, отличавших преступные деяния национал-социалистической эпохи. Именно поэтому в Людвигсбурге был образован центральный аппарат земельных органов юстиции по расследованию национал-социалистических преступлений^{xv}. Вот что писали об этом ведомстве: «До создания центрального отдела нельзя было гарантировать, что немецкие судебные органы будут преследовать нацистов за преступления, совершенные за пределами Германии. Чтобы восполнить этот серьезный пробел, был создан орган, который действовал бы до возбуждения уголовного дела в отношении национал-социалистических преступников и который бы поощрял, координировал и поддерживал прокурорское расследование».

До завершения дел в Нюрнберге необходимо было подготовить к отправке в Вашингтон более 150 тонн судебных документов. Представители обвинения, защиты и судей осуществляли надзор за составлением точных и объективных резюме каждого из двенадцати судебных процессов. Дубликаты отправляли в различные учебные заведения. Бен (хотя и недолго) был первым редактором пятнадцатитомной документации по процессам, которая стала известна как «Зеленая серия» (*Green Series*). Она стала незаменимой

базой для исторических и правовых исследований. Тейлор направил Бена в Вашингтон, чтобы координировать передачу документов в военно-юридическую службу Военного министерства. Бен плохо ориентировался на местности, и каждое утро тратил много времени на поиски своего офиса в Пентагоне. Тома «Зеленой серии» по порядку публиковала Государственная типография США. Издание, подготовленное на немецком языке, с идентичными правовыми документами так и не было опубликовано. Военное командование США в Германии сослалось на недостаточные поставки бумаги и заявило, что в дальнейших расходах нет необходимости. «Высокопоставленные офицеры армии, не имеющие юридической подготовки, не осознают, что дальнейшее развитие международного права является средством для поддержания мира и, таким образом, помогает защищать жизни военнослужащих», — критиковал Бен их недальновидную позицию.

Впрочем, он не сильно расстроился. Исторические записки о «чудовищном нацистском терроре» стали, пожалуй, «самым важным наследием» Нюрнбергских процессов.

Глава 6

Искушение

Невыполнимая миссия

Вернемся к Бену и его деятельности после процесса, на котором он хорошо проявил себя как главный обвинитель. По завершении последующих Нюрнбергских процессов летом 1948 года Бен занимался ликвидационными мероприятиями, проводимыми под общим руководством Отдела главного советника по военным преступлениям, и готовился к возвращению домой в США. Он считал свое пребывание в Германии трудным и вместе с тем интересным опытом, но уже начинал тосковать по «нормальной жизни» в знакомом нью-йоркском окружении. Гертруда также настаивала на скором отъезде. Она так и не прониклась симпатией к стране, которая втянула весь мир в войну, отняла у нее любимого и подвергла его смертельной опасности. Нередко в беседах они спрашивали себя, какая странная судьба привела их, жаждущую жизни еврейскую пару, в эту сломленную Германию. Оба хотели детей, но была ли Германия правильным местом для создания семьи после того, что немцы сделали с евреями при национал-социализме? Гертруда уже паковала чемоданы, когда ей неожиданно нанесли визит. В дверь позвонил джентльмен, представившийся Джоэлем Х. Фишером, американским юристом и эмиссаром Американского еврейского объединенного распределительного комитета (*American Jewish Joint Distribution Committee*), влиятельной благотворительной организации, известной также как «Джойнт». Фишер хотел предложить Бену работу, но мудро рассудил, что сперва нужно поговорить с его женой.

Речь шла о совершенно новой политической области, в которой ни у кого не было опыта, — реституции имущества, утраченного еврейскими владельцами в эпоху

национал-социализма. Закон № 59 военной администрации американской зоны оккупации предусматривал, что лица, которые в период с 30 января 1933 года по 8 мая 1945 года были незаконно лишены собственности «по причинам расы, религии, национальности, идеологии или политической оппозиции национал-социализму», должны, насколько это возможно, получить обратно свою обнаруженную собственность. Если собственников не было в живых, следовало принять во внимание наследников. В случаях, когда наследников установить не удавалось, благотворительные организации имели право в судебном порядке отчуждать имущество — с обязательством пожертвовать вырученные средства пострадавшим от национал-социалистических преследований. Консорциум известных еврейских учреждений, основавший Организацию по реституции еврейской собственности в порядке правопреемства (Jewish Restitution Successor Organization, JRSO), решил, что Бен подходит для этой работы. Гертруда не могла не согласиться. Как и Бен, она чувствовала, что помощь жертвам Гитлера — это «моральный императив». Бен принял предложение и 20 августа 1948 года вступил в новую должность. Теперь он был «генеральным директором» JRSO и знал, что «человек, который одновременно является директором и генералом, обязательно произведет впечатление на немцев».

Таким образом, его профессиональная карьера по-прежнему была связана с послевоенной Германией. Представляя интересы еврейской стороны, Бен стал движущей силой беспрецедентного процесса искупления нации, который вошел в историю как «политика искупления». Такое название получила продолжающаяся по сей день практика предоставления финансовой компенсации и правовой реабилитации лицам, пострадавшим от преследований нацистов. Она обеспечила молодой ФРГ уважение во всем мире и снабдила страну моральным капиталом, в котором она отчаянно нуждалась. «Искупление» положило

начало масштабному законотворчеству, сначала со стороны западных оккупационных держав, а затем на уровне федеральных земель и Федерации в целом. Возмещение имущественных ценностей было только началом. Узники немецких концлагерей, «у которых не было ничего, кроме татуировок на коже и мучительных воспоминаний», могли получить компенсацию за совершенную в отношении них несправедливость. Было признано, что утрата свободы, здоровья или возможности профессионального роста в действительности сильно ограничивали шансы преследуемых. Жертвы медицинских экспериментов нацистских врачей, таких как Йозеф Менгеле, также должны были получить компенсацию. Третье направление политики репарации касалось специальных положений в различных областях права, в первую очередь социального обеспечения, для компенсации недостатка пенсий. Надлежало исправить произвольные решения нацистской судебной системы. Наконец, трансграничный размах преступлений национал-социализма потребовал урегулирования международными договорами, которые ФРГ — начиная с германо-израильского соглашения по репарациям 1952 года — заключила с несколькими государствами.

То, что впоследствии стало неотъемлемой частью немецкого «переосмысления прошлого», вначале представляло собой сложную проблему, требовавшую инновационных решений. «Не было прецедента для соответствующего подхода к проблеме Холокоста», — говорил Бен. Чтобы успешно реализовать различные, но каким-то образом взаимосвязанные программы, требовались новые идеи, законы и организации. Бен, к которому сходились все нити, вскоре сам возглавил несколько еврейских учреждений, занимавшихся различными аспектами репарационной политики. Он руководствовался принципом, которому научился в Гарвардской школе права: «Чтобы не искать мести и возмездия, жертвы угнетения должны знать, что виновные привлечены

к ответственности; и необходимо приложить усилия, чтобы залечить раны тех, кто пострадал».

Как глава еврейской организации по правопреемству Бен часто сотрудничал с руководителем военной администрации Люсиусом Д. Клеем. Телфорд Тейлор рекомендовал Бена генералу как «чрезвычайно надежного и умного» человека. Но даже преждевременная похвала начальства не могла изменить тот факт, что Бену была поручена миссия, которая казалась невыполнимой. Закон, принятый военной администрацией, в соответствии с которым действовала JRSO, предусматривал, что иски о реституции надлежит подать до конца 1948 года. Оставалось всего четыре месяца, а у Бена не было ни персонала, ни организационной структуры, на которую можно было опереться. Он позвонил Клею и попросил продлить срок — напрасно. Клей объяснил, что у него сейчас другие проблемы. По его словам, советские войска могли попытаться захватить власть в Берлине или даже во всей Германии. На случай, если поступит приказ об экстренной эвакуации, американскому персоналу было велено запастись бензином и хранить канистры в багажниках машин. Поэтому чем быстрее Бен завершит программу реституции, тем лучше.

Бен счел аргументы Клея убедительными, но, кроме времени, ему срочно нужны были деньги. Поскольку шансы на успех были невелики, Бен решил не тратить скудные средства еврейских благотворительных организаций на оплату труда местных немецких сотрудников. Он попросил у Клея субсидию из фонда, из которого немцы оплачивали расходы, связанные с оккупацией союзников. Клей возражал. Деньги находились под совместным контролем четырех оккупационных держав, и Клей был уверен, что Советский Союз никогда не согласится на такое использование средств. Англичане и французы также не могли помочь, так как в их зонах еще не были приняты сопоставимые законы о реституции. (Законы были приняты спустя несколько месяцев.)

Ситуация выглядела безнадежной, но Бен решился на новую попытку. У него был запасной план. Он предложил Клею дать ему заем в немецких марках из американской части оккупационного фонда. Таким образом согласие других лиц не требовалось, а сумму можно было вернуть позднее. Клей уточнил, законно ли это. Ставки были высоки, так что Бен подтвердил: конечно, у него на руках имеется заключение, подтверждающее законность займа. Бен блефовал, но Клея ответ устроил. Он выплатил миллион марок, и Бен в спешке приступил к реализации своих планов. Он нанял немецких сотрудников, которые под руководством небольшой группы вернувшихся из изгнания еврейских адвокатов методично проверили все записи в земельно-кадастровых книгах с 30 января 1933 года на предмет смены владельца и нашли все еврейские имена. Закон военной администрации предусматривал, что лица, которые приобрели еврейскую собственность при национал-социализме, должны сообщить об этом. Бен и его сотрудники уложились в сроки. Буквально в последнюю минуту 31 декабря к офису по подаче заявлений подъехала машина американской армии, полностью загруженная заполненными бланками претензий. Бен сообщил Клею, что отсрочка больше не нужна. «Думаю, я заслужил его доверие в любых вопросах, которые еще могли возникнуть», — сказал Бен.

В «Историях» описано рискованное продолжение этих событий. Несколько лет спустя новый глава военной администрации Макклой принял должность от Клея. Макклой делал все возможное, чтобы интегрировать ФРГ в ряды демократических государств, и понимал, насколько важно поддерживать программу «реституции и компенсации» для признания вновь созданного государства. Макклой, чья жена Эллен, урожденная Цинссер, состояла в родстве с семьей Аденауэр, оказал сильное влияние на канцлера и других министров Западной Германии, чтобы требования нацистских жертв и Израиля были удовлетворены — насколько это возможно.

Когда JRSO потребовалось дополнительное финансирование, Бен обратился к Макклою. В Германии в лагерях для «вынужденных переселенцев» все еще оставались люди, пережившие концлагеря и нуждавшиеся в помощи. Вернуть их домой было целью, которую разделяли и немцы, и американцы. Было неприемлемо благоприятствовать преступникам и возвращать сумму, занятую из оккупационного фонда, ныне процветающему немецкому государству в то время как многие жертвы находились в отчаянном положении. Макклой согласился и увеличил кредит для комитета еще на миллион марок. Позже был добавлен третий миллион. Бен ценил поддержку главы администрации. Однако, когда тот в рамках политики помилования освободил осужденного военного преступника Альфрида Круппа и вернул ему конфискованное огромное имущество, Бен не сдержался. До сих пор он противостоял давлению со стороны еврейских организаций и не использовал свои контакты с Макклоем, чтобы повлиять на его позицию. «После такого я больше не мог молчать», — сказал Бен. Он дважды посетил Макклоя в его офисе, сначала во Франкфурте-на-Майне, а в ноябре 1951 года — в Бонне и напомнил о трехмиллионном кредите. В случае, если бы Макклой настоял на возмещении, Бен мог вернуть полную сумму. «Но, — сказал Бен, — это неправильно с моральной точки зрения». Не жертвы должны нести расходы, связанные с возмещением небольшой части украденного, а «виновники». Сказав это, он попросил Макклоя отменить долг, что тот и сделал.

Спустя 30 с лишним лет Бен и Макклой встретились в Гарвардском клубе в Нью-Йорке. Они беседовали, делились воспоминаниями и припомнили случай со списанием долга. На следующий день Макклой позвонил Бену.

— Ты же знаешь, что за это меня могли посадить? — спросил он.

— Знаю, — ответил Бен, — но мы сели бы оба.

Они рассмеялись. «Мы знали, что поступили правильно», — сказал Бен.

Пижама в красном чемодане

Везде, где было возможно, юристы JRSO стремились к быстрому соглашению. Однако нередко реституционные иски приводили к сложным судебным процессам. В случае отсутствия мирового соглашения соответствующие стороны могли обращаться в суд через германские судебные инстанции. В итоге решение выносил Апелляционный суд США по реституции (CORA) в Нюрнберге, состоявший из коллегии американских судей. После того как в 1955 году ФРГ обрела суверенитет, он стал смешанным³⁷ Верховным судом по вопросам реституции. В судах разрешилось немногим более 4500 дел, что составило около пяти процентов от числа заявленных претензий. Об этом Вальтер Шварц пишет в своем фундаментальном исследовании «Реституция по законам союзных держав» (1974), которое Бен высоко оценил в рецензии, опубликованной в «Американском журнале сравнительного права»³⁸.

Один из горячо обсуждаемых вопросов касался размера выплат «арийским» покупателям еврейского имущества. Любой, кто возвращал собственность, мог претендовать на сумму, которую он в свое время за нее заплатил. Но возникла проблема. После валютной реформы 1948 года и введения

³⁷ Суды по реституциям существовали в трех западных зонах оккупации; в британской и французской зонах они, как и в американской зоне, состояли из судей — граждан соответствующих оккупируемых держав. Образованный на их основе в 1955 году Верховный суд по вопросам реституции включал три подразделения, в которых заседали по два судьи из бывших оккупируемых держав, по два западногерманских юриста, а председательствовали в них представители третьих государств.

³⁸ The American Journal of Comparative Law, Volume 23, Issue 2, Spring 1975, Pages 374–377.

немецкой марки старая рейхсмарка резко обесценилась, составив одну десятую от новой марки. Недовольные немецкие собственники требовали по одной немецкой марке на каждую рейхсмарку, которую они заплатили. Почти все без исключений аргументировали, что заплатили разумную цену, выплатили всевозможные ипотечные кредиты и провели капитальный ремонт зданий, сообщает Бен. Должны ли они теперь нести расходы, вызванные девальвацией валюты? Многие полагали, что «эта иностранная американо-еврейская организация и ее генеральный директор» обходятся с ними несправедливо. Снова вспыхнули антисемитские настроения. Несмотря на то что JRSO выигрывала практически все процессы в Апелляционном суде по реституции, настало время «найти более быстрый и менее противоречивый способ достижения целей».

Бен и самые умные его сотрудники придумали план, который избавил бы их от трудной и отнимающей много времени дилеммы: они предпочли бы привлечь к ответственности немецкое государство, но не хотели, чтобы оно «наживалось на собственных проступках». Обычно выморочное имущество попадало в руки местных властей, однако было немыслимо, чтобы какая-либо немецкая власть пожинала плоды незаконных конфискаций. Не в последнюю очередь для того, чтобы исключить такую ситуацию, американцы подрядили внешнюю организацию в лице JRSO, чтобы заниматься реституцией. Если бы удалось убедить немцев выкупить у JRSO выморочное имущество по справедливой цене, что позволило бы избежать несправедливого обогащения немецкого государства за счет жертв, то у организации «появились бы наличные деньги для выполнения срочных благотворительных обязательств». Это была идея нового типа юридического инструмента — глобального соглашения, которое вскоре стали применять повсеместно.

Первое соглашение было заключено с федеральной землей Гессен в 1951 году. Дальнейшие глобальные соглашения

были заключены с тремя другими федеральными землями, образованными на территории американской оккупационной зоны (Бремен, Баден-Вюртемберг, Бавария), а также с Западным Берлином. Прежде чем договоренность была достигнута, необходимо было провести обширные расчеты и оценки стоимости имущественных ценностей, которые должны быть приняты во внимание. Когда стороны достигли коммерческого соглашения, правительство Гессена передало JRSO 25 миллионов марок. «В то время это были большие деньги», — вспоминает Бен. Подписание состоялось в историческом дворце Висбадена. «Это должно было стать торжественным и значимым событием, примером новых отношений между Германией и евреями», — писал Бен. Он попросил своего заместителя, Эрнста Катценштейна, поехать вместе с ним. Бен упаковал стопку юридических бумаг в небольшой чемодан, который только что приобрел в военторге армии и ВВС, одном из сети магазинов Пентагона для военнослужащих. «Прелестный чемоданчик, обтянутый восхитительной красной кожей, — вспоминал Бен, — с ним я был похож на британского премьер-министра». Катценштейн оценил покупку и купил себе такой же.

Когда они приехали в Висбаден, водитель машины открыл багажник и передал Бену его великолепный красный кейс. Бен разместил его на большом конференц-столу. Первым выступил премьер-министр, подчеркнувший значимость этого особенного события. Затем выступили министры финансов и юстиции. Настал черед Бена. Он сказал несколько фраз о том, как он счастлив, что, наконец, будет подписан исторический документ в пользу жертв нацизма. «Потом я потянулся за договором к своему красному чемоданчику, — вспоминал Бен, — и с воодушевлением откинул крышку. Внутри лежала пижама Катценштейна». Должно быть, шофер, перепутал багаж. Разумеется, у Гессенской стороны была при себе копия, и соглашение было подписано. Но на мгновение коллегия, занятая таким серьезным

делом, взорвалась от хохота. Это было совершенно в духе Бена: «В мире так много трагедий, что нужно искать причины быть легкомысленным, чтобы не сойти с ума».

Результаты работы по возмещению имущества в соответствии с законами союзной военной администрации впечатляют. К концу 1950-х годов процесс в основном завершился. Подсчитано, что 100 000 частных лиц получили обратно активы на сумму около 3,5 миллиардов немецких марок. Размер возмещения ущерба ФРГ составил около 5,2 миллиарда. «Однако эти цифры ни в коей мере не отражали общую ценность того, что утратили люди, которых преследовали нацисты», — подчеркивает Ганс Гюнтер Хокертс, мюнхенский историк, специализирующийся на этой теме. Компенсация не выплачивалась за нематериальные потери, которые в принципе могли быть более значительными, чем материальные. Кроме того, существовал ряд других оговорок, таких как сроки подачи заявок и максимальные размеры выплат.

Награбленное имущество, оставшееся на некогда оккупированной немцами территории, вообще не учитывалось. В случае если ущерб был причинен за границей, он мог быть возмещен, если награбленное находилось уже на территории ФРГ и только в том случае, если заявители проживали в стране, с которой ФРГ поддерживала дипломатические отношения. Это означало, что восточноевропейские государства, включая ГДР, не принимали участия в реституциях евреям. Хокертс считал, что «общепринятые суммарные показатели этих реституций могут быть установлены только после объединения Германии». Западные союзники, прежде всего США, так и делали.

Искупление с талисманом Бена

Следующая важная задача «политики искупления» состояла в том, чтобы предоставить компенсации жертвам насилия национал-социалистов, то есть тем, кто «нес основную

тяжесть преступлений, совершенных гитлеровским режимом». И на этом направлении западные союзники в своих зонах оккупации проявили решающую инициативу. Так, британцы приняли закон «О компенсации за незаконное лишение свободы» от 11 февраля 1949 года, а американцы, заложив основу будущего западногерманского законодательства, — закон «О компенсации за неправосудные действия при национал-социализме» от 26 апреля 1949 года, воспроизводивший и развивавший положения Закона военной администрации № 59.

Вехами на пути к всеобъемлющему урегулированию на федеральном уровне стали Люксембургское соглашение от 10 сентября 1952 года и федеральный дополнительный закон «О компенсации жертвам национал-социалистических преследований» от 18 сентября 1953 года. 29 июня 1956 года бундестаг в Бонне принял федеральный закон «О возмещении вреда» (BEG), который фактически дал правовую основу для германской политики возмещения ущерба. В заключительном федеральном законе «О возмещении вреда» 1965 года политика была вновь усовершенствована и расширена. До введения евро Федеративная Республика Германия произвела компенсационные выплаты на сумму более 100 миллиардов немецких марок. Около трех четвертей этой суммы было предоставлено на основании вышеуказанных законов. Около 650 000 жертв преследований получили единовременную выплату, а примерно 360 000 — ежемесячную пенсию.

Особую роль в разработке соответствующих базовых принципов сыграла Конференция по материальным претензиям евреев к Германии, или сокращенно Конференция по претензиям — организация, объединившая более двадцати еврейских организаций западного мира. Конференция заключила соглашение с Федеральным правительством, в соответствии с которым она участвовала в исполнении законодательства о компенсациях. Бен с самого начала был

вовлечен в процесс. Как эксперта по правовым вопросам его пригласили на заседание Всемирного еврейского конгресса (World Jewish Congress, WJC) в Нью-Йорке в 1951 году, где обсуждался вопрос об учреждении Конференции по претензиям. Президентом и лидером обеих организаций был Нахум Голдманн. Бен работал в тесном контакте с Голдманном. Ведя переговоры с канцлером Аденауэром, он в том числе отвечал и за контакты с представителями Аденауэра и с Вашингтоном. Американцы призвали немцев взять на себя обязательства по возмещению ущерба.

Бен описывает лидера с еврейской стороны как «отличного оратора» и «умного человека». Голдманну, выросшему в Германии, были известны особенности немецкого менталитета, и он был лично знаком со всеми ключевыми фигурами в бундестаге. Бен восхищался его живой манерой общения и чувством связи с общественностью. По словам Аденауэра, сильные стороны Голдманна проявлялись в личных переговорах. Данные в его докладах не всегда были точны. Задача Бена состояла в том, чтобы уточнять то, о чем сообщал Голдманн.

«Это было частью игры», — писал Бен. Вне работы он описывал Голдманна как большого дамского угодника: «Он никогда не путешествовал в одиночку и всегда снимал люкс в лучшем отеле города». Голдманн не был стеснен в средствах, поэтому ни от кого не зависел. Как обаятельный и гостеприимный хозяин, он умел расположить к себе людей. Ежегодно он приглашал делегатов на совещание в разные места и оплачивал их расходы. Он был очаровательным, даже когда отказывал. Однажды Бен стал свидетелем разговора Голдманна с генералом Джулиусом Клейном, главой Ассоциации евреев — ветеранов войны и лоббистом концерна «И. Г. Фарбен». Генерал настаивал, чтобы его приняли в состав Совета Конференции по претензиям. «Джулиус, если мы решим отправиться на войну против Германии, мы позовем тебя», — обещал Голдманн с обезоруживающей улыбкой.

Аденауэр, которого в свое время национал-социалисты сместили с поста обер-бургомистра Кёльна, считался с его мнением. В правительственной декларации от 27 сентября 1951 года канцлер объявил о соглашении, которое затронет не только еврейские организации, но и Государство Израиль, «которое приняло так много бездомных беженцев». Под прикрытием имени германского народа были совершены «невыразимые преступления, которые обязывают к выплате моральной и материальной компенсации». До этого времени приходилось проводить долгие раунды переговоров и убеждать разъяренную оппозицию не только в федеральном правительстве и среди немецкой общественности, но и в Израиле. Некоторые члены кнессета опасались, что те, кто сели за стол переговоров с немцами, неизбежно будут обмануты. Многих возмущал сам факт, что в связи с Холокостом обсуждается материальная компенсация. Бен рассказывал, как группа молодых евреев в ермолках, с «развевающимися пейсами» сорвала заседание Всемирного еврейского конгресса в Нью-Йорке, на котором принималось решение об учреждении Конференции по претензиям. Парни ворвались в зал заседаний и кричали, что депутаты должны немедленно убраться. Кто принимает «кровавые деньги» от убийц, очерняет еврейскую честь. Один из участников конференции, старый раввин, в страхе заполз под стол. Полицейские вовремя подоспели и вывели незваных гостей из зала.

Голдманн и Аденауэр не пасовали перед трудностями и придерживались выбранного пути. Еврейский руководитель переговоров знал, что за ним стоят израильское правительство и его премьер-министр. «Бен-Гурион бросил Голдманну горячую картошку», — писал Бен. 6 декабря 1951 года в Лондоне состоялась секретная встреча председателя Конференции по претензиям и канцлера Германии, где они определили распорядок дальнейших переговоров. Бен участвовал как один из советников Голдманна. Они провели

целую неделю в роскошном отеле «Гросвенор хаус», неутомимо разрабатывая предложения и проекты. Бен говорил, что переговоры были очень трудными и болезненными. Мучительные вопросы заключались в следующем. Следует ли требовать компенсацию за шесть миллионов убитых евреев? Какова стоимость человеческой жизни? Как измерить или определить степень ужаса, боли и страдания? Ответы на эти вопросы не найти в юридических томах, изученных им в Гарварде. «Никто из нас не был готов ставить ценник на человеческую жизнь», — писал Бен. Было невыносимо думать о том, «стоит ли папа больше, чем бабушка или младшая сестра».

В итоге они договорились о форме того, что можно было представить в качестве действенного правового принципа. Делегация Конференции по претензиям установила три требования: во-первых, необходимо удовлетворить претензии тех, кто пострадал лично. Во-вторых, Государство Израиль должно было получить единовременную выплату, чтобы покрыть хотя бы часть расходов, возникших в связи с принятием и реабилитацией лиц, переживших Холокост. В-третьих, Конференция должна была получить средства для оказания помощи жертвам нацизма за пределами Израиля. На тайной встрече в Лондоне Голдманн сумел убедить Аденауэра исходить из миллиарда долларов в качестве исходной суммы для обсуждения компенсации. «Это была хорошая круглая цифра», — говорил Бен.

Фактические переговоры начались 21 марта 1952 года в историческом замке в пригороде Гааги Вассенааре. В связи с понятной антипатией евреев по отношению к Германии и напряженностью, вызванной угрозой нападения еврейских боевиков, переговоры состоялись на нейтральной территории. Были приняты строжайшие меры безопасности. Участников охраняли представители голландской, немецкой и израильской полиции и сотрудники спецслужб. Всем запретили вскрывать подозрительные посылки или

конверты. Еврейские террористы отправили почтовые бомбы руководителю переговоров с немецкой стороны Францу Бёму, а также его заместителю Отто Кюстеру. 27 марта в Мюнхене произошло покушение на канцлера Аденауэра. Адресованная ему посылка с бомбой взорвалась в подвале полицейского участка. При попытке обезвреживания погиб взрывотехник, а трое полицейских получили ранения. Бен вспоминает, что вскоре пошли слухи о том, что за покушением стоял Менахем Бегин, лидер израильской оппозиции, впоследствии премьер-министр и лауреат Нобелевской премии мира. Один из двух главных преступников, Элиезер Судит, спустя десятилетия опубликовал книгу («Поручение совести»), в которой фактически назвал Бегина заказчиком.

Напряжение ощущалось постоянно. Однажды Бена в середине дня вызвали с переговоров. Израильский агент подошел к нему сзади и прошептал на ухо, что Бена ждут снаружи. Бен извинился перед заседавшими и вышел вслед за сотрудником спецслужбы. Другой охранник осторожно передал ему конверт и спросил, знаком ли ему почерк на конверте. «Конечно», — ответил Бен и вскрыл его. Сотрудники охраны отпрыгнули назад. В конверте было письмо от его жены из Нюрнберга, несколько упаковок антацида, чтобы смягчить последствия его нервозности, и фотографии их детей. Из-за лекарственного порошка и нескольких фотонегативов охранники предположили, что в конверте почтовая бомба. «Вместо того чтобы взлететь в воздух, мы все посмеялись», — вспоминал Бен.

В какой-то момент дипломатические переговоры оказались под угрозой срыва. Параллельно с обсуждением вопроса о компенсации, немецкое правительство проводило в Лондоне переговоры по внешнему долгу, который оставил после себя немецкий рейх. Переговоры завершились подписанием в феврале 1953 года Лондонского соглашения по внешнему долгу Германии. Представители Израиля и Конференции

по претензиям в Вассенааре настаивали на том, что их претензии приоритетны, а немцы хотели обсудить их в контексте общей ситуации с задолженностью. Мнения по этому вопросу не совпадали ни в кабинете министров Аденауэра, ни среди участников переговоров в Нидерландах. Случился скандал: Бём и Кюстер покинули немецкую делегацию в знак протеста против указаний, поступивших из Бонна. «Они сказали, что правительство не было честным, и ушли в отставку», — вспоминал Бен. Это оказало настолько сильное давление на Аденауэра, что он изменил свою позицию и сдался. Канцлер опасался, в частности, негативных реакций из-за рубежа. Бём и Кюстер вернулись в состав делегации. Их смелое выступление произвело впечатление на Бена, и позже они стали друзьями.

Переговоры, затянувшиеся примерно на полгода, близились к завершению. Оставалось подписать соглашение. Бен с шофером из Гааги направились в Люксембург, где Аденауэр, Голдманн и министр иностранных дел Израиля Моше Шарет должны были подписать соглашение. Они ехали всю ночь и по пути забрали во Франкфурте Бёма. Дорога пролегла через бельгийский город Бастонь, в котором Бен побывал во время Арденнской операции. Они зашли перекусить в местное кафе, и Бен рассказал бельгийскому владельцу кафе, что был одним из американских солдат, освобождавших Бастонь от немцев. Он представил хозяину своего спутника — немецкого чиновника, который хотел добиться примирения с жертвами нацизма и Израилем. Бельгиец был так рад это слышать, что угостил их напитками за счет заведения. В Люксембург они прибыли вовремя.

Торжественное подписание соглашения по репарациям состоялось утром 10 сентября 1952 года в Люксембургской ратуше. На исторических фотографиях представители немецкой и еврейско-израильской сторон сидят за блестящим столом, на котором стоят ваза с букетом и хрустальные пепельницы. Бен сидит рядом с Голдманном, по диагонали

напротив Аденауэра. Немецкий канцлер хотел поставить подпись, но обнаружил, что в его перьевой ручке закончились чернила. «Плохой знак?» — подумал Бен. Он быстро передал Голдманну свою ручку, а тот положил ее перед канцлером. Бен сказал, что для него будет большой честью, если Аденауэр подпишет договор «его» ручкой. Так и получилось. Канцлер взял ручку Бена и расписался на документе, открывающем новые горизонты.

Это событие имело особое значение для Бена. В 1943 году к окончанию Гарварда Гертруда подарила ему перьевую ручку Waterman «с пожизненной гарантией». Бен отправлялся на войну, и «вечная» ручка стала его талисманом на удачу. Получив подарок, он обещал вернуться целым и невредимым. «Она была при мне в каждом бою», — говорил Бен. Теперь, после всего ужаса, который он испытал в связи с развязанной немцами мировой войной и Холокостом, глава немецкого правительства этим талисманом подписал акт примирения с евреями. Такой невероятной истории место, пожалуй, в романе «Эпоха крайностей» Эрика Хобсбаума.

В соответствии с соглашением Федеративная Республика обязалась выплатить Израилю три миллиарда немецких марок. Поскольку молодое немецкое государство было практически на мели, вместо оплаты наличными были согласованы поставки товаров немецкой промышленности в течение следующих двенадцати лет. «Какой ироничный поворот судьбы: теперь железнодорожные составы и автомобили везли потребительские товары для первого еврейского государства из страны, которая хотела стереть евреев с лица земли», — отмечает Бен в своих «Историях».

Кроме того, Аденауэр и Голдманн подписали еще два соглашения, названные «Гаагскими протоколами» согласно месту проведения переговоров. В первом были изложены Принципы совершенствования германского федерального законодательства о возмещении ущерба, причиненного

национал-социализмом. Второе предусматривало, что ФРГ осуществит «глобальную выплату» Конференции по претензиям в размере 450 миллионов марок «на поддержку, реабилитацию и расселение еврейских жертв национал-социалистических преследований в различных странах». Это было первое крупное соглашение после менее масштабных договоренностей о компенсациях, которых Бен добился в отдельных федеральных землях.

Бен считал, что ни одна из подписавшихся сторон не имела точного представления о действительных масштабах обязательств. «Соглашение было результатом политических дискуссий, обусловленных морализаторством. Оно было объявлено как решение глубоких человеческих и правовых проблем, которые на деле никогда не смогут быть решены», — размышлял Бен. Самые тяжелые потери и душевные раны невозможно «возместить». С еврейской стороны никто и никогда не предлагал потребовать оплату за приблизительно шесть миллионов убитых евреев.

После дипломатической церемонии и нескольких часов сна у Бена осталось одно личное дело. Он хотел навестить семью, с которой познакомился во время войны. Однажды поздним вечером в патруле он встретил девушку, которая попросила проводить ее домой. Бен удивился, когда она открыла дверь в квартиру и оказалось, что дома ее ждали муж и маленький сын. Они подружились, и всякий раз, когда позволяла служба, Бен навещал семью Шнайдер и приносил им американские «лакомства». Теперь Бен хотел удивить Шнайдеров и неожиданно заглянуть в гости. Когда он постучал во входную дверь, в доме раздались многоголосые крики «Ура!». Дверь распахнулась, и Бен вошел в гостиную, украшенную воздушными шарами и плакатами «Добро пожаловать, Бенни!». Новость о подписании Люксембургского соглашения разошлась по всем газетам, и Шнайдеры увидели фотографию Бена. Они созвали всех своих соседей, рассудив, что «джи-ай», который во время

войны спал у них на коврике, обязательно заглянет в гости. Бен не подвел. У него не получилось устроить сюрприз, зато сюрприз ожидал его. «Это было трогательное и запоминающееся завершение исторического события», — написал Бен впоследствии.

В Германии соглашение восприняли довольно прохладно. Министр финансов Фриц Шеффер (ХСС), который изначально возражал против его заключения, продолжил свою борьбу. На заключительном голосовании 28 марта 1953 года из-за многочисленных противников в собственной правительственной коалиции Аденауэр зависел от голосов оппозиционных социал-демократов. Согласно опросам, лишь небольшая часть населения безоговорочно высказалась в поддержку соглашения.

Сегодня историки совершенно иначе оценивают значение этого события. Помимо положительного экономического побочного эффекта как в Израиле, так и в Германии, они подчеркивают, что сближение между двумя государствами, вероятно, было бы невозможно без Люксембургского соглашения. Более того, это обозначило «начало разработки новых стандартов международного права», подытоживает Константин Гошлер. Таким образом, принцип «морализации», легший в основу репарационных выплат (Йорг Фиш) после Первой мировой войны, получил дальнейшее развитие и распространился на отдельных лиц. В определенном смысле «Люксембург» встал рядом с «Нюрнбергом»: «Подобно тому, как в 1948 году были сформулированы новые стандарты в отношении обращения с исполнителями крупных государственных преступлений, это произошло и в 1952 году в отношении обращения с жертвами». С этой точки зрения соглашение можно считать основополагающим документом «исторической справедливости», последствия которой ощущаются и сегодня. И в лице Бена Ференца эти юридические процессы объединяются удивительным образом.

Восстание в Стокгольме, сопротивление в Бонне

После этапа переговоров начиная с 1953 года началась реализация различных договоров и законов в вопросах компенсации. Бен, игравший ведущую роль в этом процессе, принял на себя дополнительные управленческие функции. В начале 1953 года исполнительный комитет Конференции по претензиям назначил его своим представителем в Германии. Также он являлся членом Юридического комитета Конференции по претензиям, который вел переговоры с немцами о деталях Федерального закона о возмещении вреда. На этом его обязательства не заканчивались. Мозес А. Ливитт, руководитель «Джойнт» и влиятельный участник Васенаарских переговоров, предложил создать новую организацию для оказания правовой помощи истцам. «Мо» Ливитт был больше известен как «Нет» Ливитт, говорит Бен. Прозвище он получил из-за своего жесткого финансового режима. Поскольку Бен уже возглавлял JRSO и Конференцию по претензиям в Германии, Ливитт считал, что Ференц является подходящим кандидатом на пост главы Объединенной реституционной организации (URO). Таким образом все бразды правления оказались в одних руках. Бен согласился, хотя Ливитт не считал нужным повышать ему зарплату.

Объединенная реституционная организация быстро создала обширную консультационную сеть. Организация открывала филиалы по оказанию юридической помощи везде, где было большое количество лиц, подвергавшихся преследованиям, которые, согласно заявлениям, нуждались в поддержке. Таким образом, URO появилась во всех крупных городах Германии и в восемнадцати других странах. Тысяча сотрудников, в том числе 250 тщательно отобранных немецких юристов, заботились о заявителях — за скромную плату, зависевшую от результатов работы. Они рассматривали сотни тысяч заявок. Нередко заявители находились

в отчаянном положении. Во многих случаях доказать прямую причинно-следственную связь между преследованием и предполагаемым ущербом было практически невозможно. Почти у всех заявителей было одно общее: им казалось, что они «получают слишком поздно и слишком мало». Организация утопала в жалобах. По словам Бена, многие не понимали, что «компетентный и низкооплачиваемый персонал работает очень усердно, чтобы получить как можно больше для пострадавших».

Бен, как главное ответственное лицо, по мере сил справлялся с такими проблемами. Однажды ему поступил «панический звонок» от представителя URO в Стокгольме. «Клиенты» подняли бунт в офисе. Бен сказал, что организует встречу со всеми недовольными в главной синагоге, и первым же рейсом вылетел в Швецию. Он внимательно выслушал жалобы на английском, немецком, французском, венгерском и идише. Когда все высказались, он обратился к неуправляемой толпе. Снял куртку, закатал рукава и сказал, что любой, кто надеется получить лучшее обслуживание в другом месте, может завтра утром прийти в местный офис Объединенной организации. «Мы будем рады вернуть Ваши документы с наилучшими пожеланиями», — пообещал Бен. Сработало. Никто из недовольных не появился. Страсти внезапно улеглись.

Особыми клиентами среди пострадавших были сотрудники еврейских общин, которые сначала были уволены национал-социалистами, а затем подверглись преследованиям и изгнанию. С принятием закона «О правовых отношениях еврейских религиозных объединений» в марте 1938 года рейх лишил иудейские религиозные общины статуса публично-правовых компаний. В результате работники потеряли свои пенсии, а накопленное ими имущество перешло к национал-социалистическому государству. Во время Гаагских переговоров по Люксембургскому соглашению обсуждался вопрос о том, кто и сколько должен заплатить за эти

и другие убытки. Будучи главой Конференции по претензиям, Бен предложил покрыть пенсионные обязательства в размере 30 миллионов марок. Немцы не согласились. Тогда Бен предложил сформировать еврейскую экспертную комиссию, которая будет рассматривать заявления по каждому конкретному случаю. Если бы немецкие власти приняли первоначальное предложение Бена, они бы выплатили не больше названной суммы. Но немцы предпочли второй вариант. «Это было настолько разумно, что мы отказались от первоначального предложения», — рассказывал Бен. Был сформирован консультативный совет, состоящий из членов Объединенного распределительного комитета, Объединенной реституционной организации и Конференции по претензиям, председателем которого стал Бен. Единственный постоянный сотрудник, Эрнст Г. Лёвенталь («очень добросовестный немецкий еврей»), вернувшийся из изгнания, переехал в небольшой офис в Бонне. Он изучал просьбы еврейских должностных лиц, а затем выносил рекомендации. «Документы были в основном четкими и исчерпывающими, так что заявки можно было принимать или отклонять без особого обсуждения», — рассказывал Бен. Если за голосовало столько же членов комитета, сколько и против, то решающий голос был у Бена. В неоднозначных случаях он всегда принимал решение в пользу заявителя.

Позже Бен с удовлетворением подсчитал, что пенсионная программа обошлась немецкому правительству во много раз дороже, чем 30 миллионов марок, которые он первоначально предлагал. «Глупее моего предложения могло быть только то, что Германия его отклонила», — заключил он.

Украденные святыни

Особым вызовом для Бена как генерального директора JRSO стала ситуация со священными реликвиями, украденными нацистами. К ним относились свитки Торы,

молитвенники и другие священные тексты, а также подсвечники, серебряные тарелки и винные кубки. При национал-социализме кража таких предметов была задачей государственного уровня. В первую очередь ответственным за это был «Штаб рейхсляйтера Розенберга», названный по имени своего руководителя, гитлеровского придворного интеллектуала Альфреда Розенберга. Указ фюрера от 1 марта 1942 года гласил: «Евреи, масоны и связанные с ними идеологические противники национал-социализма являются инициаторами нынешней войны, направленной против рейха. Последовательное духовное противостояние им является военной необходимостью. Поэтому я поручаю рейхсляйтеру Розенбергу выполнить это задание по согласованию с начальником верховного командования вермахта. Его оперативный штаб по оккупированным территориям имеет право производить поиск в библиотеках, архивах, ложах и других учреждениях идеологической и культурной сферы по соответствующим материалам и конфисковывать их для идеологических задач НСДАП, а также для более поздних научно-исследовательских проектов Высшей школы партии». По замыслу Гитлера — и проектам архитектора Гислера — «Высшая школа» должна была стать «центральным местом национал-социалистических исследований, обучения и воспитания» (указ фюрера от 21 января 1940 года).

После войны большая часть награбленного находилась на складе в Висбадене под контролем американской военной администрации. Бену доверили заняться возвращением реликвий. Установить, кому принадлежали священные предметы, было сложно: многих прежних владельцев убили нацисты, и многие еврейские религиозные общины больше не существовали. Некоторые свитки раньше принадлежали синагогам с богатейшими традициями — в Польше, Литве, Латвии, Эстонии, Украине или другим центрам еврейской науки. В тех редких случаях, когда церковь еще функционировала, реликвии возвращали владельцам. Остальные

предметы отправляли в Израиль, где большинство выживших евреев нашли новый дом. Израильское министерство по делам религий было благодарным приемщиком и распределяло бесхозные реликвии.

Ситуация становилась более сложной, если свиток Торы был поврежден. Его нельзя было использовать, пока ортодоксальные книжники не восстановят его. Однако если на пергаменте была повреждена надпись с именем Божьим, реставрация не допускалась. Для восстановления свитков, подлежащих реставрации, приезжали израильские специалисты, которые работали под наблюдением «Джойнт» в Париже. Во время одного из рабочих визитов Бен обнаружил, что некоторых священных предметов не доставало. Бен обратился к ответственному раввину, поскольку не исключал, что тот, возможно, прикарманил ту или иную ценную Тору. Он не знал наверняка, является ли исчезновение свитков благословенным деянием или уголовным преступлением, и обратился к раввину.

— Должен ли я смотреть в небеса, чтобы найти виновного, или вниз на дьявола? — спросил Бен.

— Вам не нужно смотреть ни наверх, ни вниз. Вам нужно отвернуться! — ответил раввин.

Бан запомнил, что «иногда лучшее, что можно сделать, — это ничего не делать».

Другой инцидент произошел позже в Нью-Йорке, когда Бен выступал перед наблюдательным советом JRSO. Он с гордостью рассказывал, что ценности переданы законным владельцам, их наследникам или бедным иудейским религиозным общинам. Также Бен упомянул, что не имеющие владельца поврежденные серебряные предметы, которые, несмотря на все усилия, невозможно было восстановить, отправили в Великобританию, где их передали на переплавку на уважаемое предприятие, управляемое еврейской семьей Голдсмит. Вырученные средства передали «Джойнту» и Еврейскому агентству Израиля, которое распределило

их среди особо нуждающихся лиц, переживших Холокост. Бен еще продолжал доклад, когда раввин Исаак Левин, почтенный глава ортодоксального Союза американских еврейских общин, прервал его. Он поднялся, гневно взглянул на Бена и бросил:

— Правильно ли я понял? Вы действительно сказали, что отправили эти священные предметы, последние останки наших убитых предков, в крематорий?

Повисла гробовая тишина.

— Мы сделали все, что могли в данных обстоятельствах, — растерянно промолвил Бен. Только спустя годы он почувствовал, что раввин понял его мотивы и простил его.

Хранитель кладбищ

Особые знания и нетрадиционные меры предосторожности требовались при решении вопроса о том, что делать с сотнями еврейских захоронений на территории ФРГ. Во время национал-социализма могилы нередко оскверняли и повреждали, но все же в большинстве случаев кладбища не оставались без присмотра^{xvi}. Как председатель JRSO, который официально занимался еврейскими захоронениями, Бен стал как бы высшим охранником еврейских кладбищ в стране, а позже занялся этим вопросом и как юрист. Вначале он не разбирался в тонкостях и созвал совет из троих выдающихся ученых-раввинов, среди которых был «главный раввин» из Израиля. Раввины ясно дали понять, что в отношении кладбищ применяются строгие правила. Основная мысль заключалась в следующем: «То, что когда-то стало кладбищем, должно им оставаться». В отличие от католических или протестантских могил, которые очищают каждые двадцать лет, чтобы освободить место для новых захоронений, еврейские могилы остаются навсегда. Ничего нельзя менять. Если надгробный камень падал, он должен остаться там, где упал. Все это не делало задачу проще.

Один особенно каверзный случай произошел в Фульде. До нацистской эпохи там было Старое и Новое еврейские кладбища. Городские власти вычистили и выровняли одно из кладбищ, а останки покойных перевезли на новое кладбище. В Хрустальную ночь³⁹ 9 ноября 1938 года национал-социалисты разгромили кладбище. Они опрокидывали надгробия и нанесли урон пристанищу мертвых. До окончательного закрытия в октябре 1940 года на кладбище продолжали хоронить усопших. После падения национал-социализма сформировалась новая еврейская община (в основном беженцы из Восточной Европы). Оказалось, что большая часть Старого еврейского кладбища никогда не использовалась. Так как казалось маловероятным, что немногим поселившимся евреям понадобится эта территория, возникла идея продать землю и направить средства в фонд выживших после Холокоста. Бен созвал совет раввинов и спросил их мнение. Территория, на которой не было ни одного мертвого тела, не может считаться кладбищем, посчитали они. Если построить стену и отделить неиспользуемую территорию, то ничто не мешает продать отдельный участок земли. Все остались довольны, и вскоре город Фульда проявил интерес к выставленной на продажу земле. На этом месте хотели построить административное здание для таможенного управления. Бен легко убедил власти разбить небольшой парк и установить мемориальную доску на месте, где находилось кладбище.

Все шло по плану, как вдруг Бен, находившийся на совещании в Нью-Йорке, получил телеграмму. Местная пресса сообщила, что в ходе земляных работ при строительстве парковки рядом со зданием таможни в Фульде найдены кости,

³⁹ Хрустальная ночь (Kristallnacht — нем.), иначе именуемая Ночью разбитых витрин, — волна антиеврейских погромов, в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года охватившая собственно Германию, а также аннексированные ею Австрию и Судетскую область Чехословакии.

вероятно, останки евреев. Бен сказал сотрудникам добиваться распоряжения приостановить все строительные работы и срочно вылетел в Фюльду на встречу с представителями города и еврейской общины. Он был вне себя. Положения договора купли-продажи были явно нарушены. Как бывший главный обвинитель на процессе в Нюрнберге, привлечший к ответственности эсэсовских генералов за убийство более миллиона евреев, он не должен был «допускать осквернения еврейских могил какими-либо немцами». В гневе он потребовал снести почти построенное здание и вернуть местность в первоначальное состояние. В недоумении были не только представители города, но и члены еврейской общины. Представители общины поговорили с Беном с глазу на глаз и изложили следующие аргументы. Городские власти в настоящее время были противниками нацистов (хотя некогда тепло их приветствовали). Речь шла о совсем маленьком участке земли. Никто не утверждал, что найдены человеческие кости. Если евреи заставят город снести здание, их жизнь в Фюльде станет невыносимой. Бен выслушал и неохотно согласился собрать совет раввинов в Иерусалиме.

Ссылаясь на положения Талмуда, ученые утверждали, что память и останки умерших следует уважать, и подчеркивали, что ни при каких обстоятельствах нельзя возводить здание над еврейским кладбищем. Однако выход есть. Религиозные правила не будут нарушены, если слегка приподнять здание, чтобы оно не касалось святой земли. Как осуществить это техническое чудо, они не пояснили. Бену потребовалось дополнительное заключение. Он не помнит, кто именно нашел решение, но этот человек был настоящим гением. На иудейском кладбище разрешен только один вид сооружений: комната, где верующие могут молиться за усопших. Если построить крошечную синагогу в том углу здания, откуда открывается вид на старое кладбище, возражений не будет. «Именно так мы и поступили», — вспоминает Бен. Вот почему в этом необычном месте появилась небольшая

молитвенная комната. На ее фасаде установлена мемориальная доска с надписью: «Эта комната посвящена памяти душ всех святых, почитаемых и великих в Израиле, всех мужчин и женщин почтенной общины Фульды, которые обрели здесь пристанище до расформирования кладбища во время царствования террора».

Когда Бен рассказывает об этом, он до сих пор с озорством в глазах за толстыми очками восхищается «изобретательностью, которая привела к строительству самого маленького, неизвестного и малопосещаемого еврейского храма в мире».

Час костей

Кто должен оплачивать уход и содержание заброшенных еврейских кладбищ? В 1950-е годы этот вопрос вызвал ожесточенные конфликты политического, правового и государственного характера. Бену и возглавляемой им еврейской организации было очевидно, что этим должны заниматься немецкие власти. Было немыслимо просить жертв платить после того, как им причинили вред. Муниципалитеты, федеральные земли и федеральное правительство спорили о том, кто за что отвечает. Каждая административная единица склонялась к тому, чтобы переложить ответственность, а значит, и расходы на других. Разве вопросы культуры и религии не находились в ведении территории? Рассуждая таким образом, федеральное министерство финансов под руководством Фрица Шеффера требовало, чтобы платили земли. Представители земель, в свою очередь, в равной степени обоснованно указывали, что обсуждаемый спорный вопрос является частью компенсационной политики Германии, то есть федеральным вопросом. Даже в Бонне не могли прийти к единому мнению. Министр внутренних дел Герхард Шрёдер (ХДС) признал политически накаляющийся потенциал спора и попытался найти решение на федеральном уровне.

В этой напряженной атмосфере Бен встретился с представителями вовлеченных министерств для обсуждения в Бонне. Разговор начался в дружеской манере. Немецкие участники переговоров признали несправедливость, которая была допущена в отношении еврейских граждан при национал-социализме, и пообещали, что на еврейские места захоронения должны распространяться те же права, что и на христианские. Однако Бену не стоило ожидать, что немецкие налогоплательщики будут неопределенно долго нести финансовое бремя за евреев. Льготы для прихожан христианских государственных церквей также были ограничены.

Это было последней каплей. «Не припомню, чтобы я когда-нибудь в жизни испытывал такую ярость». Если бы немцы не изгоняли и не убивали евреев, у них сейчас не было бы проблем с еврейскими кладбищами. Только из-за ужасных преступлений нацистской эпохи эту тему вообще пришлось обсуждать. Бен вытащил из портфеля конверт, постоянно напоминавший ему о жертвах нацизма. В конверте лежали косточки, которые он нашел во время осмотра лагеря уничтожения Аушвиц-Биркенау, — как он полагал, останки пальчиков младенца, убитого нацистами. Бен высыпал содержимое конверта на стол переговоров. «Кто заплатит? Он? — дрожа от негодования, воскликнул Бен и указал на останки, лежавшие перед озадаченными участниками заседания: — Так пойдите и спросите мертвых, хотят ли они заплатить!» Сбитый с толку председатель распорядился сделать перерыв и поспешил выйти. Примерно через двадцать минут переговоры продолжились. Немецкая сторона сообщила, что берет на себя обязательство соблюдать еврейскую традицию. При этом они подтвердили готовность всегда ухаживать за бывшими еврейскими кладбищами за счет федеральных средств. Позже Бен жалел о своем поведении: «Наши партнеры по переговорам не были преступниками, а я даже не могу вспомнить, извинился ли перед ними».

Естественно, инцидент из «Историй» не зафиксирован в официальных документах. Дело в том, что прагматический подход Шрёдера возобладал. Как пишет историк Андреас Виршинг, министр внутренних дел нашел выход из тупика, в котором вопрос о долговременном уходе за еврейскими кладбищами оказался в середине 1950-х годов. 31 августа 1956 года федеральное правительство выступило с заявлением в рамках позиции Шрёдера, после того как он победил министра финансов Шеффера во внутриправительственной борьбе. Федеральное правительство взяло на себя обязательство финансировать содержание еврейских кладбищ единовременным ежегодным платежом, даже если частные юридические вопросы еще не будут окончательно урегулированы земельными судами. В письме председателю правительства от 28 сентября 1956 года Шрёдер подчеркнул: «Согласно еврейским религиозным представлениям, места захоронений нельзя ликвидировать, хотя уход за могилами и их убранство осуществляются гораздо более простыми способами, чем в христианских местах захоронения». Поэтому «очень важным и насущным желанием евреев всего мира было знать, что сохранность еврейских кладбищ и долговременный уход за местами захоронения в Федеративной Республике Германии регламентированы и обеспечены». Эта задача «помимо своей огромной моральной и культурной значимости имеет внушительный политический вес». С точки зрения возмещения ущерба за национал-социалистическую несправедливость, «взять на себя эту важную задачу должен немецкий народ, а не разрушенные еврейские религиозные общины». В будущем федеральное правительство и земли должны нести расходы на содержание в равных долях. Этой аргументации земли противоречить не могли.

Косточки, которые, возможно, повлияли на решение этого вопроса сильнее, чем многочисленные риторические аргументы, Бен передал в 1994 году вместе с другими архивными материалами Мемориальному музею Холокоста

Соединенных Штатов в Вашингтоне. Он объяснил необычные обстоятельства находки и ее нечаянный эффект. Бен знал, что «хороший еврейский мальчик» не должен собирать еврейские кости, поэтому попросил прощения у соответствующих властей. Через некоторое время он получил письмо из Вашингтона: музей Холокоста попросил разрешения распорядиться костями по собственному усмотрению. Бен ответил, что отказывается от своих прав на останки, и музей может поступать так, как считает нужным. Руководство музея отправило косточки обратно в Аушвиц.

В логове льва

В то время как в Западной Германии кампания по выплате компенсаций шла полным ходом, за внутренней германской границей до начала 1970-х годов царило молчание. С самого начала партнерам по переговорам — Израилю, Конференции по претензиям и ФРГ — было ясно, что ГДР придется заплатить свою долю. Суммы, которые выплачивал Бонн, были четко определены как две трети от требуемых итоговых выплат. Восточный Берлин должен был взять на себя оставшуюся треть. Но правительство СЕПП⁴⁰ не хотело даже слышать об этом. Оно придерживалось мнения, что с выполнением Потсдамского соглашения 1945 года все оставшиеся долги были погашены. Помимо политической реорганизации послевоенной Германии, соглашение также регулировало возмещение ущерба, причиненного войной, а не только компенсацию для отдельных жертв. Коммунистическое государство и партийные лидеры (некоторые из них сами были заключенными в нацистскую эпоху) не считали себя политически или морально ответственными за наследие национал-социалистического государства. И это несмотря

⁴⁰ Социалистическая единая партия Германии — правящая партия в ГДР с момента образования восточногерманского государства и до 1989 года.

на то, что украденное национал-социалистами имущество, оцениваемое в миллиарды, оказалось на территории ГДР.

Однако в начале 1973 года ситуация изменилась. В эпоху оттепели между Западом и Востоком Конференция по претензиям попыталась воспользоваться возможностью и начала переговоры с Восточным Берлином. Ведущей фигурой с еврейской стороны был Бен Ференц. Несмотря на то что в это время он снова работал в основном в Америке, Конференция по претензиям возложила на него стратегическую и оперативную ответственность за «Операцию ГДР» в качестве специального советника. В течение следующих семнадцати лет Бен писал меморандумы и ежегодные отчеты для Конференции, лично вел переговоры с коммунистами и координировал лоббирование в Вашингтоне. Он находился в постоянном контакте с Государственным департаментом и влиятельными членами Конгресса.

Бен сформулировал курс Конференции по претензиям в отношении режима ГДР в меморандуме от июля 1973 года («Вопросы и проблемы, связанные с компенсационными претензиями к [Восточной] Германской Демократической Республике»). Он осознавал, что решение вопроса о компенсации зависит от общеполитической ситуации. Поводом для инициативы послужило ослабление напряженности в отношениях между ГДР и западным миром. Разделение бывшего рейха на два немецких государства было тем временем принято как свершившийся факт. Более 80 государств признали ГДР, и контекст переговоров существенно изменился. США и СССР подписали договоры о разоружении, а канцлер Вилли Брандт (СДПГ) попытался сблизиться с «другим германским государством» с помощью «Новой восточной политики». «Федеративная Республика Германия и Германская Демократическая Республика развивают нормальные добрососедские отношения между собой», — говорится в статье 1 Договора об основах отношений от 21 декабря 1972 года, которая была связана

с признанием ФРГ государственного существования ГДР. До этого времени Западная Германия заявляла «о своей претензии на единоличное представительство». Согласно «доктрине Хальштейна»⁴¹, которая применялась до эпохи Брандта, Бонн считал «недружественным актом» установление третьей страной дипломатических отношений с Восточным Берлином. Теперь это было позади.

Бен увидел, что в новых обстоятельствах открылись новые возможности. Отказавшись от права на единоличное представительство, ФРГ перестала быть единственным законным правопреемником Германского рейха, существовавшего до 1945 года, и теперь ГДР могла нести бóльшую долю ответственности. Моральные аргументы были более вескими, чем юридические. Восточногерманское государство конфисковало имущество рейха на своей территории. Обязанность немцев по возмещению ущерба за преступления прошлого существовала в равной степени во Франкфурте-на-Майне и во Франкфурте-на-Одере. От нее нельзя было избавиться, «просто сняв коричневую рубашку и надев красную».

Что касается суммы требований к ГДР, то Бен в меморандуме оперировал сравнительными данными из ФРГ. Стоимость имущества еврейской общины на Западе, разграбленного нацистами, превышала несколько сотен миллионов немецких марок. Исходя из этого, ГДР, безусловно, должна была выплатить 100 миллионов в качестве «справедливой компенсации». Бен «консервативно» оценил стоимость бесхозяйного имущества, переданного в казну ГДР, в несколько сотен миллионов немецких марок. Относительно индивидуальных компенсационных выплат он отметил, что в ФРГ потребовалось два десятилетия, чтобы рассмотреть иски более четырех миллионов человек. «Повторять подобный

⁴¹ Официальная внешнеполитическая доктрина ФРГ. Названа по имени ее автора, статс-секретаря МИД ФРГ Вальтера Хальштейна.

опыт» не было ни времени, ни желания. Поэтому лучше всего было потребовать «общую сумму». Это могло бы закрыть определенные платежные пробелы в западногерманском законодательстве. В качестве возможного подхода он наметил дополнительные выплаты лицам, пережившим концлагеря. За каждый день, проведенный в заключении «в жесточайших условиях», они получили бы около одного доллара. Этого было недостаточно. Для более чем полутора миллиона бывших заключенных общая сумма составляла около двух с половиной миллиардов марок.

По аналогии с Люксембургским соглашением и с учетом размеров и численности населения ГДР должна была перевести Израилю сумму, эквивалентную полутора миллиардам марок, в виде поставок товаров в течение нескольких лет. Однако политическая ситуация на Ближнем Востоке сделала это невозможным, поскольку в израильско-арабском конфликте Восточный Берлин встал на сторону арабов. Исходя из тех же подсчетов — треть от соответствующей общей суммы — Конференция по претензиям имела право на 225 миллионов марок.

По вопросу политической страховки еврейских интересов в меморандуме говорится, что правительства США, Великобритании и Франции в прошлом проявили «сострадание и помощь» в связи с компенсационными проблемами. Соединенные Штаты обещали постоянную поддержку. Несомненно, было бы легче всего, если бы ГДР заключила соглашение непосредственно с еврейскими организациями на «общей основе». Успех отнюдь не был предрешен, но одно можно было сказать наверняка: если бы еврейские организации не были организованы, упрямы и настойчивы, они бы «ничего не получили». Меморандум завершился замечанием о том, что ФРГ двигалась в правильном направлении и помогла снизить недоверие между евреями и немцами. ГДР должна последовать этому примеру, иначе примирение будет невозможно.

На встрече в Женеве в июле 1973 года Конференция по претензиям на основе стратегического документа Бена приняла решение о том, что восточногерманское государство также должно нести часть компенсационного бремени. Инициатора плана немедленно назначили посредником на переговорах. Бен должен был начать тайные переговоры с режимом СЕПГ в Восточном Берлине. Политические события, по-видимому, благоприятствовали этому проекту. В сентябре 1973 года ГДР одновременно с ФРГ приняли в Организацию Объединенных Наций. Американский посол в ООН предложил новому члену последовать примеру Западной Германии в вопросе репараций. Но министр иностранных дел Восточной Германии Отто Винцер лишь повторил известную формулировку: с завершением выплат Польше и СССР все репарационные обязательства по Второй мировой войне выполнены. Попытки Конференции по претензиям встретиться с министром иностранных дел и постоянным представителем ГДР при ООН не увенчались успехом. Нахум Голдманн пытался выйти на самый высокий уровень и связаться с главой государства Эрихом Хонеккером, но тоже потерпел неудачу. Стало ясно, «что ГДР проводит жесткую политику», отметил Бен в ежегодном докладе в мае 1975 года. Она предпочитает видеть себя жертвой, а не частью Германии и считает, что может избавиться от клейма прошлого, «удалив себя из немецкой истории».

Тем временем, Конференция по претензиям продолжила оказывать давление на правительство США. Она попыталась через сенатора Джейкоба Джавитса из Нью-Йорка убедить государственного секретаря Генри Киссинджера в том, что Соединенным Штатам следует отложить дипломатическое признание ГДР, пока вопрос о еврейских притязаниях не будет удовлетворительно решен. Однако Государственный департамент уже перешел к политике разрядки и отклонил предложение Джавитса. Однако США подчеркнули, что в качестве цены за установления дипломатических отношений — это

произошло 4 сентября 1974 года — необходимо рассмотреть общую проблематику требований. Это условие было включено в официальный протокол к соответствующему соглашению. В пункте 10 говорится, что после открытия посольств в Вашингтоне и Восточном Берлине необходимо провести переговоры по нерешенным имущественным проблемам, при этом каждое правительство сможет поднять интересующие его вопросы. Определенно были включены события до 1945 года и «потери жертв национал-социализма».

Несмотря на договоренность, ГДР по-прежнему упрямылась. Попытки проложить путь на уровне дипломатии высшего уровня не принесли результатов. Поэтому Конференция по претензиям перешла к сдержанной стратегии — спокойное соглашение было лучше, чем ничего. Киссинджер заверил Конференцию в своей полной поддержке.

Следующая проблема возникла, когда Бен захотел встретиться с представителями восточногерманского режима. Переговоры велись не с частной организацией. Под давлением Госдепартамента США правительство ГДР согласилось на компромисс. Конференция по претензиям могла обсудить открытые вопросы с Комитетом антифашистских борцов Сопротивления (KdAW). Это была ассоциация, тесно связанная с СЕПГ. Затем восточногерманская сторона поставила дополнительные условия: они будут говорить только с американским гражданином и только о требованиях жертв национал-социализма в США.

В декабре 1974 года состоялась первая встреча в Восточном Берлине. Бен пересек границу через «Чекпойнт Чарли»⁴². Чтобы не рисковать, он отказался от одного из такси, ждущего по другую сторону стены. Он отправился пешком. В целях

⁴² Checkpoint Charlie (англ.) — пограничный переход между американским и советским секторами Берлина в центре города, в основном использовавшийся официальными лицами. Место наиболее напряженного противостояния между американскими и советскими войсками в период Берлинского кризиса в октябре 1961 года.

безопасности он шел только по дороге, следил за встречным движением и обходил стороной дверные проемы, «где кто-то мог скрываться». Бен вспоминал своего друга Чарльза Джордана, управляющего комитетом «Джойнт», который был убит в Праге 16 августа 1967 года. Тело было найдено три дня спустя в реке Влтава, обстоятельства насильственной смерти так и не были выяснены.

Одним из партнеров по переговорам был коммунист, бывший узник концентрационного лагеря Маутхаузен. Бен сказал ему, что на переговорах они представляют разные стороны, но поскольку Бен рисковал своей жизнью ради бывшего узника концлагеря, он надеется, что с ним по крайней мере будут честны. Борец Сопротивления кивнул в знак согласия. Он и другие руководители комитета с гордостью отметили предпринятые социалистическим государством меры по ликвидации нацизма и антисемитизма в ГДР. Нуждающиеся нацистские жертвы также получали пенсионные выплаты. Поэтому поколения, родившиеся после войны, не могли понять, как кто-то может говорить о «моральном долге», который нужно компенсировать людям на Западе. Тем не менее они были готовы обсудить дальнейшие шаги на нейтральной территории за пределами Германии.

Затем Конференция по претензиям возобновила свои политические усилия. Вместе с Государственным департаментом США она пыталась склонить ГДР к «более широкому подходу». После встречи с Хонеккером посол США в Восточном Берлине сообщил, что получил благоприятные сигналы от главы государства. Однако тотчас произошло очередное разочарование: восточногерманский посланник в Вашингтоне вообще отказался обсуждать вопрос. В ежегодном докладе о состоянии переговоров с ГДР от 4 июня 1976 года Бен отметил, что еврейско-американские аргументы, похоже, не меняют точку зрения правительства СЕПГ. Его замечание о том, что нормализация отношений с Западом требует акта доброй воли, оставило представителей режима хладнокровными, как

и его ссылка на цитату Аденауэра о том, что против евреев от лица германского народа были совершены невыразимые преступления. Экономические соображения также не дали никакого эффекта. Бен пытался сделать сделку более заманчивой для ГДР, подчеркивая, что компенсационные выплаты в виде поставок товаров могут открыть новые иностранные рынки. Американцы его поддерживали. Когда в конце декабря 1975 года Вашингтон посетила торговая делегация из Восточного Берлина, правительство США сообщило делегатам, что улучшение товарообмена невозможно до тех пор, пока не будут решены различные гуманитарные проблемы, в том числе удовлетворение требований евреев. «Возможно, такие соображения когда-нибудь повлияют на образ мышления ГДР, но пока это было не заметно», — резюмировал Бен.

Он не питал иллюзий. Страна и так получала существенные кредиты от американских банков на импорт зерна из США. Возможно, коммунистические правители пришли к выводу, что еврейские протесты были «незначительным раздражителем, с которым можно не считаться». В то время не было никаких сомнений в том, что руководство государства и партии на всех уровнях управления выдвигали девиз «пропускать мимо ушей любые упоминания проблем, связанных с требованиями еврейских жертв нацизма». Тем не менее переговоры с борцами Сопротивления необходимо было продолжать, что также «настоятельно рекомендовал» Государственный департамент. Это выглядело как напряженная борьба, и вдруг после затишья, летом 1976 года, дело сдвинулось с мертвой точки: в докладе 1977 года Бен сообщил о «драматическом развитии». Что же произошло?

В Вашингтоне Конгресс обсудил новые законы, расширяющие применение закона «Об урегулировании международных претензий» 1949 года. Отныне соответствующие парламентские комиссии наделялись полномочием принимать решения по требованиям к ГДР американских граждан и компаний, чья собственность была национализирована после Второй

мировой войны. В первом законопроекте, одобренном Сенатом, еврейские претензии не упоминались. Возник вопрос о том, будет ли владельцам немецких облигаций и компаниям отдаваться предпочтение перед жертвами нацизма. Конференция по претензиям была встревожена и грозилась потребовать отмены положений нового закона. Она приложила все усилия, чтобы реализовать свои угрозы. По согласованию с Государственным департаментом, Бен подготовил отчет для Джонатана Бингема, председателя Подкомиссии Палаты представителей по международной торговле. Бингем должен был привлечь Бена к обсуждению законопроекта. В законопроекте говорилось, что до тех пор, пока ГДР не выполнит требования нацистских жертв, развитие нормальных отношений с США будет затруднено. Далее последовали «интенсивные переговоры» между Беном (адвокатом Конференции по претензиям) и представителем министерства иностранных дел ГДР, в ходе которых американскому послу в Восточном Берлине поручили немедленно потребовать разъяснения позиции ГДР и подчеркнуть важность заключения соглашения по еврейским претензиям. К удивлению, они получили положительный ответ: впервые Комитет антифашистских борцов Сопротивления направил официальное приглашение Конференции по претензиям. Конференция должна как можно скорее направить своего представителя в Берлин. Бен взял эту задачу на себя.

В ноябре 1976 года он понял, что в ГДР что-то задумали. Комитет борцов Сопротивления потребовал у него реквизиты банковского счета Конференции по претензиям. Бен попросил отсрочку и проинформировал главный офис. Голдманн поручил ему продолжить переговоры и немедленно звонить ему, если что-то случится. 22 ноября все было готово. Когда Бен вошел в комнату переговоров в Восточном Берлине, он понял, что решение будет принято. На столе стояли стаканы и бутылки виски. Кинооператоры были наготове. Представители правительства зачитали заявление о том, что Комитет

направит Конференции по претензиям единовременное пожертвование в размере одного миллиона долларов. Деньги предназначались для нуждающихся нацистских жертв в США. В то же время они ясно дали понять, что не имеют права признавать какие-либо еврейские требования. После объявления декларации борцы Сопротивления произнесли тост за Бена. Он ответил, что передаст новость в Президиум, попрощался и поспешил пешком в американское посольство. Оттуда он позвонил Голдману в Париж с предложением поблагодарить их за выплату этого «первого взноса» и продолжить переговоры. «Подумаешь! — возразил Голдман. — Они бросают нам этот миллион, как бросают кость собаке». Официальный ответ был более дипломатичным: они снова выйдут на связь, как только Исполнительный комитет проведет совещание. Доноров попросили подождать с переводом денег. Однако все произошло не так, как планировалось.

Вопреки обещаниям, что огласки не будет, на следующее утро газета «Нойес Дойчланд», официальный орган СЕПГ, опубликовала статью под заголовком «Поддержка лиц, преследовавшихся нацистским режимом, оказавшихся в США» и сообщила о том, что 22 ноября председатель центрального управления Комитета антифашистских борцов Сопротивления ГДР Отто Функе встретился с Бенджамином Б. Ференцем, «уполномоченным представителем организации нацистских жертв еврейской веры, базирующейся в США». «Господин Ференц» был проинформирован о том, что Комитет Сопротивления «по гуманитарным соображениям оказывает разовую финансовую поддержку нуждающимся гражданам США иудейского вероисповедания, подвергшимся преследованиям со стороны нацистского режима». Господин Ференц передал «благодарность от имени своей организации». Международные информационные агентства распространили новость по всему миру. Они видели в этом «исторический прорыв», так как впервые в истории ГДР вообще была готова заплатить сумму еврейской организации.

Для Бена продолжение этой истории было небезопасным. После совещания с Голдманном было принято решение, что предложение ГДР нужно отклонить. Бену больше ничего не оставалось, кроме как войти в логово льва и сообщить Функе, что Конференция по претензиям не примет подарок. Чтобы обезопасить себя, он подчеркнул, что всего лишь передает сообщение из посольства. Бен обосновал отказ: если его сторона примет деньги, может возникнуть впечатление, что выплата связана с еврейскими требованиями, однако предложенная сумма была «совершенно несоразмерной» с учетом масштабов еврейских травм и потерь. Бен выразил надежду на возобновление переговоров, «в которых будут лучше учтены исторические и социальные факты, лежащие в основе еврейских требований».

В то время как Голдманн с безопасного расстояния в Париже заявлял, что действия ГДР абсолютно несерьезны и «символическую сумму» нельзя принимать ни при каких обстоятельствах, Бен должен быть как можно быстрее убраться из Восточного Берлина ради собственной безопасности. Он опасался за свою жизнь, вспоминая судьбу, которая постигла Джордана в Праге. «Чекпойнт Чарли» он пересек без проблем. Чтобы избежать возможного нападения восточногерманских агентов, он несколько дней прятался по ту сторону границы в здании олимпийского бассейна. В 1936 году в Берлине состоялись Олимпийские летние игры, поставленные Гитлером как гигантское пропагандистское шоу. Бен часто посещал бассейн и был знаком со зрителем, поэтому мог рассчитывать на его конфиденциальную помощь. Спустя несколько дней, когда Бен решил, что угроза миновала, он как можно быстрее покинул Западный Берлин.

Поле беспокойных событий наступил «период остывания», и разгоряченные умы смогли успокоиться. Антифашистские борцы Сопротивления расценили возврат миллиона долларов как «оскорбление». Но правительство США настаивало на продолжении переговоров, даже если решение не будет

найдено в ближайшее время. После перехода президентства в 1977 году от республиканца Джеральда Форда к демократу Джимми Картеру позиция правительства не изменилась. В конце года новый посол США в Восточном Берлине Дэвид Болен предпринял очередную попытку договориться. На встрече с Хонеккером он предложил урегулировать еврейские претензии за счет поставок товаров, как было согласовано в Люксембурге между ФРГ и Израилем. Обсуждался даже торгово-политический инструмент режима наибольшего благоприятствования, то есть предоставление таможенных и других льгот в сочетании с отказом от дискриминации. Впоследствии вопросом занимались различные министерства ГДР. В результате встречи с Хонеккером Конференция по претензиям возобновила переговоры с Комитетом Сопротивления.

Однако недавние политические события омрачили ожидания и оказали контрпродуктивное воздействие на выплаты жертвам нацистских преследований. Тем временем была запущена американская программа по рассмотрению непогашенных имущественных претензий к ГДР. Это оказало «существенное негативное влияние» на выплаты ФРГ еврейским получателям в США, которые некогда владели материальными ценностями в Восточной Германии, сообщил Бен. Бонн заморозил все платежи до тех пор, пока не увидит, что делает Восточный Берлин. Для пострадавших это создавало проигрышное положение. Если правительство Восточной Германии действительно заплатит, выгоду из этого извлечет Западная Германия, а евреи, которые «больше всего пострадали от национал-социализма», уйдут с пустыми руками. Этот «абсурд» лишь подтвердил, что необходимо отдельное соглашение по всем еврейским притязаниям, заключил Бен. (Позднее ФРГ возобновила выплату приостановленных льгот в результате давления со стороны евреев и судебных решений.)

Искорка надежды вспыхнула, когда раввин Израэль Миллер, вице-президент Конференции по претензиям, встретился с министром иностранных дел Восточной Германии Оскаром

Фишером в Вашингтоне в июне 1978 года. Впервые деятель коммунистического правительства согласился официально встретиться с представителем еврейских организаций. Миллер назвал Фишеру сумму в 100 миллионов долларов в качестве «символического решения» всех еврейских претензий. Оплату можно было произвести в виде товарных поставок. На последующей встрече с послом Восточной Германии Хорстом Грунертом раввин Миллер представил исследование, показывающее, что при неограниченном режиме наибольшего благоприятствования ГДР может сразу увеличить свои валютные поступления на 25 миллионов долларов в год и значительно больше в будущем.

План заманить ГДР перспективой торговых преимуществ, которая открылась бы с помощью соглашения с Конференцией по претензиям, был сорван мировой политикой. В 1979 году Советский Союз вторгся в Афганистан. В 1981 году польское правительство под руководством генерала Войцеха Ярузельского ввело военное положение, чтобы сокрушить демократическое движение профсоюза «Солидарность» и его харизматичного лидера Леха Валенсу — будущего президента. В результате климат между Востоком и Западом заметно охладился. Разрядка, установившаяся в предыдущие годы между сверхдержавами, казалось, была под угрозой. Заключение соглашения с ГДР откладывалось на неопределенный срок. Пока отношения между США и СССР не наладятся, не следовало ожидать прогресса в еврейских переговорах с Восточным Берлином. Правда, новая республиканская администрация Рональда Рейгана, пришедшая к власти в 1981 году, поддержала соответствующие усилия. Лоуренс С. Иглбергер, в то время отвечавший за европейскую политику в Госдепартаменте США, в письме от 31 июля 1981 года заверил раввина Миллера в своей поддержке. Например, он поручил американскому посольству в Восточном Берлине проинформировать ГДР о предстоящем визите «господина Ференца». Правительство США, по его словам, настоятельно просило, чтобы ГДР

предоставила ему возможность встретиться с официальными лицами Восточной Германии «достаточно высокого ранга и авторитета», чтобы переговоры имели смысл и привели к «возможности реального прогресса». Но все усилия были тщетны. Бен напрасно съездил в Восточный Берлин.

В июле 1982 года в Париже на ежегодном совещании Конференции по претензиям Бен представил следующий доклад по делу «ГДР». Вместо нескольких страниц, как обычно, для доклада хватило одной страницы. В нем было сказано, что, не считая отклоненного предложения в миллион долларов в ноябре 1976 года, никакого существенного прогресса в обсуждениях, которые продолжались почти десять лет, не было. Тем не менее посол Восточной Германии в Вашингтоне вскоре выразил «серьезную заинтересованность» в продвижении идеи торгового соглашения. ГДР также заявила о готовности обсуждать еврейские требования с Конференцией по претензиям на высоком правительственном уровне. Это означало отказ от предыдущей практики. Однако пока еще было рано говорить о возможности заключения приемлемого соглашения. Прежде необходимо было преодолеть «множество политических и процедурных препятствий». Хотя позитивный исход пока не предвиделся, все же был «повод для надежды».

Вскоре и этот едва уловимый проблеск надежды исчез. «Отчета о следующем совещании, которое состоится в июле 1984 года в Иерусалиме, не будет», — написал Бен на отпечатанном экземпляре доклада. Показательное заявление, потому что симптомы не изменились: пока ГДР существовала, она отказывалась идти на соглашение. Государство СЕПГ считало свое возникновение результатом «антифашистского непорочного зачатия» (Константин Гошлер) и отвергало любую международную ответственность за отравленную историю Германии. В пределах своих границ ГДР признала жертвами нацистских преследований около 40 000 человек. В «Указе о почетной пенсии» 1965 года проводилось различие между «борцами против фашизма» и «жертвами фашизма»,

а также существовало ограничение на количество евреев, претендовавших на пенсию, — не более десяти процентов от общества числа претендентов. Аналогичная ситуация наблюдалась в отношении реституций. Собственность еврейской общины лишь частично попадала под действие закона, а частная собственность вообще не учитывалась. ГДР также не выплатила компенсацию за ущерб. Тем сложнее было выдвинуть претензии из-за рубежа.

Только воссоединение Германии в 1989–1990 годах привело к подобию хепши-энда. Коммунистический блок рухнул, конфликт между Востоком и Западом закончился. В области возмещения ущерба преобладала западногерманская практика. При канцлере Гельмуте Коле (ХДС) объединенная Германия взяла на себя обязательства, которые ГДР всегда отвергала. В статье 2 Договора об объединении от 31 августа 1990 года оба немецких государства выразили намерение «содействовать справедливому возмещению материального ущерба, причиненного жертвам нацистского режима»⁴³. В результате спустя два года было заключено соглашение с Конференцией по претензиям. Затем последовали глобальные соглашения с несколькими бывшими государствами Варшавского договора. Бен с удовлетворением наблюдал за этим процессом, даже когда его интерес сместился от компенсации за Холокост к предотвращению подобных катастроф^{xvii}.

⁴³ В упоминаемом автором Договоре такой текст отсутствует. Очевидно, имеется в виду ст. 2 Соглашения об имплементации и толковании Договора об объединении Германии от 18 сентября 1990 года, в котором также говорится, что «Федеральное правительство выражает готовность в продолжение политики Федеративной Республики Германии заключить соглашения с Конференцией по претензиям. . . с целью выплатить, в соответствии с законодательством Федеративной Республики Германии, компенсации за пережитые страдания тем из преследовавшихся лиц, кто до настоящего времени не получили компенсаций или получили их в минимальном размере» — текст приводится по официальной публикации Правительства ФРГ *Presse- und Informationsamt der Bundesregierung*, Bulletin Nr. 112, 20.9.1990, S. 1177–1184.

Глава 7

Как выигрывать «безнадежные дела»

Мосты в новое время

В марте 1956 года приключения Бена и Гертруды Ференц в Германии закончились. Они провели почти десять лет в стране, где Бен не только выполнял захватывающие задачи, но и пережил «столько кошмаров». Четверо детей, родившихся в Нюрнберге, Кэрол-Энн (1949 года), Робин-Ив (1950 года), Дональд Мартин (1952 года) и Нина Дейл (1953 года), должны были посещать школу в США, в более спокойной обстановке, вдали от теней мрачного прошлого. С улицы Либлиенкронштрассе, 14 во Франкфурте, где семья жила последнее время, они переехали в дом по адресу Бэйберри Лейн, 14 в Нью-Рошелле (Нью-Йорк).

Представители правительства Германии на федеральном и земельном уровнях, с которыми он работал в рамках политики возмещения ущерба, выразили Бену благодарность. «Вы проделали большую и хорошую работу в самые трудные годы», — сказал Якоб Альтмайер, бывший участник Соппротивления и депутат бундестага от партии СПД. Представители других партий также с уважением отозвались о Бене. «Как бы я ни сожалел о вашем отъезде из Германии, я понимаю ваше желание и потребность вернуться на родину и посвятить себя юридической деятельности», — писал Франц Амрен, бургомистр Берлина и председатель земельного отделения партии ХДС. Даже тогда было ясно, что Бен не прощается со старым местом работы. «Уже сейчас принятое вами решение время от времени посещать Европу, свидетельствует об искренней привязанности к нашему континенту» (из письма Франца Амрена). Петер Пауль Нам, государственный секретарь Федерального министерства по делам

вынужденных переселенцев, беженцев и лиц, пострадавших от войны, оценил добрые отношения ФРГ с еврейскими организациями, которые возглавлял Бен, как «утешительное доказательство» того, что «из честности и человечности можно выстроить мосты над страшным, постыдным, злобным прошлым и увлечь по ним мир в новое время».

«Для меня было чрезвычайно приятно познакомиться с вами и внести небольшой вклад в вашу огромную и важную работу», — добавил Зигфрид Икенберг, бывший председатель Кёльнского сената, который заседал вместе с Беном в консультативном комитете по выплате компенсаций служащим еврейской общины. Правительственный директор Федерального министерства финансов Фриц Коппе в Бонне также отдал ему дань уважения: «Несмотря на то что в прошлом мы часто представляли разные стороны переговорного процесса, совместная работа по исправлению национал-социалистической несправедливости объединила нас». Жаль, что «вы больше не сможете содействовать всеобъемлющему примирению между Федеративной Республикой Германия и еврейскими организациями и, таким образом, подвести итог своей деятельности». Бен уезжал со спокойным сердцем — Федеральный закон о компенсациях, на который ссылался Коппе, безусловно, был в уже недалекой перспективе.

В Нью-Йорке Бен хотел начать карьеру адвоката. Судя по переписке, он обращался за советом к Джону Дж. Макклою и своему бывшему начальнику, Телфорду Тейлору. Бен беспокоился, что его знания, полученные в Гарварде, несколько «заржавели». Макклой в то время возглавлял совет директоров банка «Чейз Манхэттен», Тейлор был партнером в юридической фирме. Несмотря на уникальный опыт работы — главный обвинитель на одном из важнейших судебных процессов XX века, распорядитель инновационных решений о репарации и директор «пожалуй, крупнейшей в мире организации по оказанию правовой

помощи», — Бену оказалось трудно закрепиться в Америке. Ни одна из его прежних должностей не позволяла сделать прибыльную карьеру, какую сделали большинство его однокурсников по Гарварду. Известные юридические фирмы в первую очередь интересовались, сколько состоятельных клиентов он может привести. Здесь он не мог быть полезен: его клиентура состояла из людей с тяжелой судьбой, переживших Холокост, у которых за душой не было ни гроша.

Бен некоторое время занимался рутинными судебными делами для небольшой юридической фирмы, но ему не нравилось иметь дело с ссорившимися супружескими парами и тому подобным. Помогало то, что он продолжал исполнять обязанности в Конференции по претензиям и Объединенной реституционной организации. Вскоре оказалось, что даже после второго возвращения из Германии он не в силах разорвать связь с этой страной и ее волнующей историей. Через несколько лет ему улыбнулся шанс присоединиться к фирме Тейлора в качестве партнера. Он сменил на этом посту Джеймса М. Лэндиса, бывшего декана Гарвардской школы права, который однажды помог ему продолжить учебу. Бен сделал себе имя как «адвокат по безнадежным делам», за которые ему выплачивалось вознаграждение в случае успеха. Если он проигрывал, то не зарабатывал ничего. В случае победы получал несколько процентов от выигранной суммы. Зачастую события, связанные с Холокостом, имели довольно слабую правовую основу, но были «морально оправданы». В таких случаях он использовал специальные методы, которые совершенствовал в течение многих лет. Показательным примером этого является дело организации «Бнай-Брит».

«Дожимай!»

В Германии у еврейского благотворительного ордена было множество лож, которые были упразднены в эпоху национал-социализма. В качестве генерального директора JRSO

Бен уже участвовал в реституции собственности «Бнай-Брит». Теперь у него возникла новая идея. В военное время правительства США и других стран практиковали конфискацию имущества граждан и организаций вражеских государств. Эти активы могли компенсировать убытки американцев, чьи активы были экспроприированы за рубежом. Главный офис «Бнай-Брит» находился в Нью-Йорке. Если бы удалось установить, что главный офис ордена является законным владельцем конфискованных нацистами денег и материальных ценностей, то он мог бы стать участником компенсационного фонда Министерства финансов США. Филипп Клацник, президент ордена, а позднее министр торговли США, признал потенциал затеи и уполномочил Бена подать соответствующий иск в Комиссию по урегулированию претензий иностранных государств, в чьей компетенции находились эти вопросы. Бен сделал это, и члены Комиссии — независимого органа при Министерстве юстиции, «были впечатлены творческими правовыми аргументами», которыми Бен обосновал претензию. «Возможно, на них произвели впечатление прилагаемые фотографии американских президентов, которые регулярно выступали в качестве основных докладчиков на ежегодных собраниях ордена». После тяжелых переговоров Комиссия объявила о выплате компенсации в размере более одного миллиона долларов в пользу организации «Бнай-Брит».

Потом возникло очередное препятствие. Ушлым лоббистам удалось добиться принятия законодательного положения, согласно которому все деньги компенсационного фонда следовало передать нескольким привилегированным организациям. В таком случае «Бнай-Брит» и другие оставались ни с чем. Бен понимал: чтобы обойти условие, необходима новая поправка, то есть дополнительное положение в законе. Нужно было вызвать общественный и политический резонанс. Сначала Бен организовал встречное лобби: «Мои оппоненты имели значительное влияние

на Капитолии, и я обратился к еще более высоким властям». Бен решил привлечь церкви и благотворительные организации, которым также разрешалось подавать иски. Он пригласил их представителей на собрание в Риверсайдскую церковь в Нью-Йорке и убедил в том, что в их интересах дать отпор. Они создали координационный комитет, а Бен стал его адвокатом. Комитет объединил около двух десятков организаций, в том числе католическую и протестантскую церкви и христианские религиозные общины. Особенно поучительным было сотрудничество с католиками. Бен назвал их представителя, сестру Селестину, «самой очаровательной и заботливой монахиней из всех, кто когда-либо держал в руках четки». Ее помощь была «вдохновляющей и безвозмездной».

Тем временем Бен взялся за своих оппонентов: «Как бывшему следователю, занимавшемуся военными преступлениями, мне было легко выяснить, кто кого подкупал». Человеком, который внес проект поправки к закону, был Роман Л. Рускэ, консервативный сенатор от Небраски. Когда он умер в 1999 году в возрасте 94 лет, газета «Нью-Йорк Таймс» отметила его большое влияние на Юридический комитет Сената. С этого Бен и начал. Он связался с Эдвардом «Тедди» Кеннеди, который также был членом комитета. Поскольку семья Кеннеди была убежденными католиками (Джон, брат Тедди, стал первым католиком — президентом США, а одна из его сестер удалилась в монастырь⁴⁴), Бен пришел на встречу вместе с благочестивой Селестиной. Кеннеди проявил сочувствие к их делу, но он не мог так просто решить этот вопрос. «Пришло время снять шелковые перчатки», — решил Бен.

Бен назначил встречу с Рускэ. Они договорились встретиться в эксклюзивном «Сенатском обеденном зале»

⁴⁴ Автор допускает неточность: две из пяти сестер Эдварда Кеннеди обучались в католической школе-интернате, но ни одна из них не удалялась в монастырь.

в Вашингтоне. Сенатор ел суп с белыми бобами и выпил к нему стакан простокваши. Бен предложил ему сделку: 30 процентов денег фонда должны пойти к привилегированным получателям, 70 процентов — к остальным. Рускэ ответил, что сначала ему нужно все прояснить, а на следующий день позвонил и отказался. Все это начинало раздражать Бена: «Сначала мы выпустили пресс-релиз, восхвалявший Рускэ как образцового государственного служащего. Он был председателем комиссии, занимавшейся этой очень важной проблемой, и мы надеялись, что он, конечно, исправит неравенство в законодательстве». Вместе с этим он обрабатывал ассистента Рускэ, «религиозного и честного человека». Бен пригрозил, что, если все пойдет не так, как хотелось бы, последует еще один пресс-релиз. Бен обнаружил, что Рускэ «владеет собственностью на Вашингтон Авеню, используемой в качестве дома терпимости», и при этом сенатор был известен как ярый противник сцен насилия и порнографии в кино и на телевидении. «Я дал ему знак: не связывайся со мной», — рассказывал Бен.

Вскоре противники встретились в Капитолии, Рускэ только что вернулся с заседания.

— Кто это решил на меня надавить? — спросил он, багровея.

— Сенатор, вы знаете кто, — ответил Бен. — У вас есть свои обязанности, а у меня — свои.

Когда дело дошло до решающего голосования в Юридическом комитете, Бен и сестра Селестина ждали за дверью. Сразу после голосования к ним выбежал Тедди Кеннеди.

— Бен, что ты сделал с Рускэ?

— Я всего лишь поговорил с ним, — ответил Бен.

Кеннеди объяснил, что никогда не видел такой резкой смены позиции. В конце концов организации, которые представлял Бен, получили и новую статью закона, и свои деньги.

Бен имел право на десять процентов от оспариваемой суммы, однако церковь адвентистов седьмого дня была готова

заплатить только семь процентов. Бен не хотел «делать различий», поэтому он уменьшил долю для всех организаций. «Все равно оставалось более чем достаточно», — решил он. Протестанты были особым случаем: «Они вообще ничего не дали, они только нажились». Однако Бен был настолько доволен результатом, что устроил вечеринку в итальянском ресторане в районе Гринвич-Виллидж для всех, кто помогал в переговорах.

Эту модель он использовал и в других случаях, обычно с успехом. Бен действовал по принципу: «Если твои требования имеют моральное обоснование, но нет соответствующего закона, то измени закон! А если они не захотят менять закон, дожимай их!» Проще говоря, задай жару противнику, надави на него, подключи общественность! Он на личном опыте убедился, что ради хорошего дела можно бороться с оппозицией до конца и даже публично поставить противника к позорному столбу.

Другой пример его профессиональной вовлеченности касается группы молодых польских женщин, ставших жертвами медицинских экспериментов в концентрационном лагере Равенсбрюк. Здесь он тоже немного «дожал» в решающий момент.

Кролики из Равенсбрюка

Однажды, уже в 1957 году, в его нью-йоркском офисе появилась «очень красивая леди» и представила ему его новое дело. Кэролайн Ферридей была дамой состоятельной. Через свои связи с различными организациями, оказывающими поддержку жертвам нацизма, она узнала о польских женщинах, которые подвергались жестокому обращению и были изувечены в Равенсбрюке. Немецкие врачи — Герта Оберхаузер и ее коллега — засыпали им песок или разбитое стекло в свежие раны, «просто чтобы посмотреть, что будет». Жертв, с которыми обращались хуже, чем в экспериментах

над животными, мучительницы цинично прозвали «кроликами Равенсбрюка». Проблема заключалась в том, что польских узниц исключили из западногерманских компенсационных программ. По политическим причинам ФРГ отказалась оказывать помощь людям, жившим за железным занавесом. «Я всегда чувствовала, что такая дискриминация несправедлива, но не смогла добиться никаких изменений. Немцы были очень упрямы», — рассказала Ферридей. Значит, требовался другой план.

Разве не было подобного случая с японскими девушками, которых пригласили в США на пластические операции после атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки? Ферридей вспомнила об этой сенсационной кампании, проведенной по инициативе Нормана Казинса, издателя журнала «Субботнее литературное обозрение»⁴⁵. Еврейский врач Уильям М. Гитциг проводил операции в нью-йоркской больнице «Маунт-Сайнай» при большом участии американской и японской общественности. Теперь Ферридей обратилась к Казинсу и призвала его помочь изувеченным польским женщинам. Бен согласился представлять их интересы на общественных началах. В октябре 1958 года Гитциг отправился в Варшаву, чтобы провести предварительное обследование полек, и вскоре женщины прибыли в Нью-Йорк рейсом авиакомпании «Пан Американ», которая предоставила им бесплатные места.

Вместе с Казинсом Бен организовал кампанию. В аэропорту польских женщин приветствовала пресса, а затем с католической чопорностью их встречали на ступенях собора Святого Патрика. Бен написал черновик для выступления на мероприятии: «Когда речь шла о восстановлении справедливости, я не придерживался религиозных ограничений». Он собрал пострадавших вместе с членами Конгресса

⁴⁵ The Saturday Review of Literature — некогда популярный американский еженедельный журнал, издававшийся с 1924 по 1986 годы.

и представил их во всех избирательных округах, где проживали выходцы из Польши. «Мы провели с ними тур по Америке», — вспоминал Бен.

Немецкий посол в Вашингтоне обычно не признавал достижений в этом вопросе. Теперь его мнение изменилось. Посол показал Бену копию отчета, который он отправил в Бонн. В отчете он указал, что речь идет не о правовой, а о политической проблеме, которую следует решить как можно быстрее, и рекомендовал рассмотреть вопрос на уровне правительства. Федеральное правительство последовало его совету и занялось «горячей политической темой». Бен отправился в Бонн, чтобы использовать свое влияние на месте. Он пытался преодолеть немецкое сопротивление, заранее оговорив сумму, необходимую для проведения операций. «Я знал, что я не самый желанный гость в Бонне, — рассказал Бен, — поэтому я ждал в приемной на случай, если нужно будет присутствовать на переговорах». Пошли слухи, что правительство готово заплатить, но не станет иметь дела с Беном. Его немецкий поручитель на переговорах вышел и сообщил, что некоторые члены кабинета утверждали, что Бен затеял кампанию, чтобы нажиться, и потому что он коммунист. «Я спрашивал себя, за что они меня так ненавидят», — удивлялся Бен. Чтобы возобновить зашедшие в тупик переговоры, Бен предложил привлечь Международный комитет Красного Креста. Немцы согласились, и Бен вылетел в Женеву.

Розы в Варшаве

Красный Крест был готов присоединиться к переговорам. Бен предложил схему, в которой выплаты зависели от тяжести причиненных травм. 22 июня 1960 года Федеральное правительство приняло постановление, согласно которому с 1961 года 75 польских женщин, с которыми жестоко обращались в концентрационном лагере Равенсбрюк, получают

единовременные субсидии в размере от 6 500 до 10 000 долларов. Это был запоминающийся этап в политике выплаты компенсаций. Впервые компенсационные выплаты получили пострадавшие, которые находились по другую сторону железного занавеса. План Казинса и Ференца сработал. «Неожиданный результат еще раз показал, что никогда нельзя быть уверенным в удаче. Нужно всегда действовать по принципу: “Просто не оставляй попыток и делай все, что в твоих силах”», — писал Бен в «Историях».

После успешной кампании Бена и его соратников пригласили в Польшу от имени национального общества Красного Креста, которое было «прикрытием для правительства». «Коммунисты всегда следили за нашей деятельностью», — вспоминал Бен. В Варшаве он стал свидетелем трогательной сцены. Шел дождь, их самолет сильно задержался. Несмотря на непогоду, их встречали «около пятнадцати женщин с поникшими цветами. Они ждали меня долгие часы. Это было более ценно, чем любое вознаграждение». Американским гостям на неделю предоставили автомобиль с шофером. Бен отправился в Аушвиц, где собрал полезную информацию для еще одного крупного дела — юридического расследования эксплуатации узников еврейских концлагерей в качестве подневольных рабочих для немецких корпораций.

Глава 8

Рабы немецкой индустрии

Уничтожение работой: прецедент «И. Г. Фарбен»

Особенностью национал-социализма была тесная связь между государством и экономикой. Немецкие промышленные корпорации, использовавшие труд десятков тысяч подневольных рабочих, наглядно это продемонстрировали. После того как ФРГ в качестве правопреемника рейха взяла на себя политическую ответственность за облегчение страданий нацистских жертв, возник следующий вопрос: возьмут ли на себя ответственность компании, извлекавшие выгоду из несправедливости?

Бен искал ответ с 1950-х до 1970-х годов. Как юрист и представитель Конференции по претензиям, он организовывал переговоры с немецкими компаниями. В 1979 году издательство Гарвардского университета выпустило книгу Ференца «Ниже чем рабы» (*Less than Slaves*), которая была удостоена различных премий в США. Издание на немецком языке вышло под названием «Расплата за ужас» (*Lohn des Grauens*). В книге Бен — непосредственный участник событий — описал, как он боролся за то, чтобы еврейские подневольные рабочие получили скромную компенсацию. Телфорд Тейлор, сам автор ряда современных исторических исследований, написал в предисловии: «Захватывающий, сострадательный и уникальный труд Бенджамина Ференца проливает свет на неизвестные ранее факты Нюрнберга. Он рассказывает о том времени, когда Бен, находясь на руководящих должностях, прилагал неустанные усилия, чтобы получить финансовую компенсацию от немецких промышленных управленцев, на чьих шахтах и фабриках работали, страдали и часто умирали массы невольников, принудительно

вывезенных из родных стран». Сам Бен описывал свое намерение так: «Надеюсь, моя книга станет чем-то большим, чем просто примечание к новейшей еврейской истории. Предмет имеет более глубокие корни, потому что является ярким подтверждением бесчеловечности в новейшей истории, которую одни люди проявляли в отношении других».

Компанией, за которую Бен взялся в первую очередь, был концерн «И. Г. Фарбен». В комплексах концентрационного лагеря Аушвиц концерн развернул производство синтетического каучука буна, по имени которого цеха назывались буна-заводами. Лагерный филиал Аушвиц III, или Аушвиц-Монвиц граничил непосредственно с территорией завода и обеспечивал снабжение дешевой принудительной рабочей силой. В конце 1943 года в концентрационном лагере содержалось 7000 человек, пик заполняемости в 11 000 заключенных был достигнут в июле 1944 года. Почти все они были евреями. Термин «трудовой лагерь», однако, был эвфемизмом, как уже отмечали нюрнбергские судьи в ходе процесса по делу «И. Г. Фарбен». Согласно их приговору, заключенные «жили и работали под страхом смерти».

«Уничтожение трудом» было одним из множества видов умерщвления, которые национал-социалисты придумали для евреев. Еврейские заключенные концлагерей имели «еще более низкий статус, чем рабы», пишет Бен: «Рабовладельцы заботятся о своем человеческом имуществе и стараются сохранить его. Но план нацистов состоял в том, чтобы изнурять евреев, а затем сжигать их». Тем не менее в Нюрнберге был вынесен снисходительный приговор. Из двадцати трех обвиняемых руководителей девять были признаны виновными в коллективном расхищении на оккупированных территориях. «Только пятеро из них были привлечены к ответственности за злоупотребление рабским трудом», — рассказывал Бен. Бывший подневольный рабочий Норберт Волхейм, который давал на суде свидетельские показания, также не был удовлетворен приговором. Он решил заставить

компанию заплатить за то, что она сделала с ним и его товарищами, и Бен поддержал его.

Воллхейм подал иск в немецкие судебные органы. Земельный суд Франкфурта-на-Майне рассматривал дело с 1950 по 1953 год и присудил потерпевшему компенсацию в размере 10 000 марок. Представители «И. Г. Фарбен» подали апелляционную жалобу. В ходе возобновленного процесса сторонам предложили пойти на компромисс. Началась многолетняя «тяжба вокруг Аушвица», которая завершилась лишь в 1957 году. Производство по делу являлось показательным процессом, поэтому ему придавалось особое значение. Решение, принятое в первой инстанции, создало для немецких компаний потенциальные платежные обязательства непредвиденного масштаба. Поэтому «И. Г. Фарбен» приложил все усилия, чтобы избежать этих обязательств. Бен описывает позицию концерна следующим образом: концерн отвергал всякие юридические обязательства, «и любой платеж, проведенный предприятием, должен был рассматриваться как жест доброй воли, а не как выполнение обязательств». Руководители концерна думали о том, чтобы перечислить фиксированную сумму Конференции по претензиям, которая распределила бы деньги среди выживших. Сумма выплаты, по мнению руководителей концерна, не должна была превышать десять миллионов марок. Бен рассуждал иначе: «Если бы общее число заявителей доходило до 10 000, как я подсчитал, и каждый из них получил бы 10 000 немецких марок, то это привело бы к общей сумме в 100 миллионов марок, которая предприятию такого размера, по моему мнению, была по силам».

Поэтому ожидания обеих сторон были очень далеки друг от друга. В течение нескольких раундов переговоров они шаг за шагом двигались к компромиссу. Окончательное предложение «И. Г. Фарбен» заключалось в том, что концерн выложит максимум 30 миллионов марок, десятая часть которых будет направлена на удовлетворение нееврейских

требований. Конференция по претензиям согласилась и получила, исходя из этого, 27 миллионов марок. В соглашении от 6 февраля 1957 года было указано, что все претензии урегулированы. Для рассмотрения заявок Конференция по претензиям создала агентство, Компенсационно-трастовое общество с ограниченной ответственностью. Договор имел особое значение: «Впервые в истории между всемирной еврейской организацией и немецким предприятием было заключено соглашение относительно использования заключенных концлагерей в качестве подневольных рабочих». В «Историях» Бен рассматривает сделку об Аушвице в историко-правовой перспективе: «Нет сомнений в том, что договор подчеркивал исторический прецедент: те, кто издевался над другими, пользуясь своей властью, обязаны выплатить компенсацию. Этот моральный принцип стал обязательным законом в соответствии со Статутом Международного уголовного суда в Гааге с 2002 года».

Немецкая и американская пресса отпраздновали соглашение как прорыв. Газета «Милуоки Сентинел» охарактеризовала его как «одно из самых значительных, весьма обнадеживающих и важных событий после окончания Второй мировой войны». Но Бен также признал проблемы, о которых общественность ничего не знала. Подписание контракта ни в коем случае не устранило все трудности. Пострадавшие обеспокоились, когда спустя годы не все деньги были выплачены. «Они не могли знать, что «И. Г. Фарбен» потребовал у Конференции по претензиям сохранить три миллиона в резерве», — объяснил Бен.

В конце концов, бывшие еврейские подневольные работники получили даже чуть больше 27 миллионов марок; дополнительная сумма образовалась за счет набравших процентов за вычетом административных расходов. Уполномоченные в 42 странах получили отчисления. Наибольшие суммы приходились на Израиль, США, Францию, Канаду, Западную Германию, Венгрию и Чехословакию. Однако

были жертвы нацизма, которые отказались принять компенсацию. Один благочестивый еврей написал в Компенсационно-трастовое общество 23 декабря 1963 года, что в Аушвице убили всю его семью, состоявшую из 56 человек, а сам он чудом выжил. У него были сломаны ребра из-за того, что он перетаскивал тяжелейшие мешки с цементом, надзиратели выбили из его рта золотые коронки. Он выразил уважение к усилиям, которые были предприняты также и в его интересах, но заявил, что «не примет денег от садистов».

Счет Круппам

Бен уже имел дело с династией Круппов — сначала во время процессов в Нюрнберге, а затем в начале 1951 года, когда Альфрида Круппа (бывшего владельца и главу компании) досрочно освободили из тюрьмы и вернули ему конфискованное имущество. С тех пор Альфрид Крупп снова жил с монаршими удобствами на похожей на дворец вилле «Хюгель» в Эссене. В лице Бертольда Байтца он нашел энергичного менеджера, который стал его генеральным представителем, и вскоре его империя вернула себе такое же экономическое положение, какое она занимала в качестве «оружейной кузницы Германского рейха». Но теперь концерну грозили новые неприятности.

В январе 1954 года польский еврей Мордехай С. подал жалобу на Круппа в Эссенский земельный суд. Он требовал, чтобы его принудительная работа на Круппа была оплачена. В 1941 году его депортировали в Аушвиц вместе с женой и тремя детьми. Все четверо членов его семьи были убиты. Мордехаю вытатуировали на левой руке номер 135 936 «и с этим клеймом, как раба, отправили на службу немецкой промышленности». Вместе с товарищами по несчастью его поместили в лагерь Фюнфтайхен в Силезии, откуда заключенные каждое утро чуть свет маршировали на военный

завод примерно в четырех километрах от Маркштедта (сегодня — Ласковице-Олавске). Они работали под присмотром мастеров компании «Крупп», «под угрозой побоев и, что еще хуже, до полного истощения жизненных сил». Работая на токарном станке, Мордехай потерял большой и указательный пальцы. Когда весной 1945 года советские войска подошли к Силезии, Мордехаю удалось бежать. Изначально он требовал от Круппа 40 000 немецких марок, но поскольку другая сторона требовала внести наличными сумму, необходимую для покрытия судебных издержек, по финансовым причинам Мордехай был вынужден сократить свой иск до 2000 марок. Он был очень беден. Тем временем портрет Альфрида Круппа появился на обложке журнала «Тайм» в августе 1957 года. Статья, посвященная Круппу, называлась «Самый богатый человек в Европе, а возможно, и во всем мире»⁴⁶. Чтобы у бывшего подневольного рабочего были хоть какие-то шансы в неравной судебной тяжбе, еврейские организации поспешили ему на помощь. Джейкоб Блаустайн, американский нефтяной магнат и вице-президент Конференции по претензиям, позвонил своему другу Джону Дж. Макклою и попросил его использовать свое влияние и убедить Круппа выполнить требования.

Параллельно с этим Конференция по претензиям опробовала новый подход: она собрала исторические документы, которые должны были показать Круппу и всему миру, что пережили подневольные рабочие на его фабриках. Молодой заключенный Теодор Леман, урожденный Тадеуш Гольдштейн, особенно впечатляюще описал пытки в Маркштедте. В сентябре 1943 года в карантинный лагерь Аушвиц-Биркенау приехал директор концерна «Крупп», чтобы отобрать крепких заключенных для работы. «Заклученные должны

⁴⁶ В действительности статья в журнале «Тайм» называлась «Дом, который построил Крупп» (The House That Krupp Built), Гут же приводит выдержку из первой фразы статьи.

были стоять перед ним полностью обнаженными, а тех, кого он выбрал, отправляли в специальный барак», — рассказывал Тадеуш, которого выбрали для работы. Тогда Тадеуша, которому было шестнадцать лет, разлучили с отцом. Он очень отчетливо помнил, как «по кивку представителя Круппа стоявший рядом эсэсовец ударил моего отца по лицу с такой силой, что у него разбились очки». Тадеуш больше никогда не видел своего отца. Как и его мать, его отец был убит в Аушвице. Для молодого Гольдштейна начались пятнадцать месяцев рабских мучений. «Я всегда был голодный, сонный, грязный и невероятно уставший; большую часть времени я был серьезно болен по общепринятым стандартам», — говорил Тадеуш. Он и его товарищи-заключенные испытывали «постоянный смертельный страх перед мастерами». Работники «должны были трудиться до полного изнеможения, чтобы изготавливать пушки для наших угнетателей. Мы работали до тех пор, пока не начинали падать».

Показания Гольдштейна (Лемана) предоставили Макклою. Затем осенью 1958 года он встретился с Байтцем в Нью-Йорке. Блаустайн передал Макклою проект всеобъемлющего соглашения с Круппом, в сущности составленного по образцу соглашения с «И. Г. Фарбен». Крупп проявил интерес к предложению, но подчеркнул, что, раз уж на то пошло, он хочет заплатить по собственной инициативе, а не под давлением извне. По истечении нескольких месяцев так ничего и не произошло. В начале 1959 года СМИ сообщили, что заводы Круппа получили заказы на несколько сотен миллионов долларов от многих стран, в том числе от СССР, Канады и Пакистана. В свете этих крупных сделок «проблема подневольных рабочих выглядела как комариный укус для слона — незначительная помеха, которую лучше всего устранить». В последующих дискуссиях с юристами компании Конференция по претензиям завершила, что компенсационные выплаты не превысят 20 миллионов марок. Однако руководство концерна отклонило соглашение. В письме

от 10 июня 1959 года на имя Эрнста Катценштейна, преемника Бена в качестве директора Конференции по претензиям в Германии, Байтц писал, что, хотя «Г-н Ференц» в ходе последних переговоров «уделил особое внимание заявлению о том, что предлагаемое Конференцией урегулирование является в первую очередь не юридическим вопросом, а скорее гуманитарным жестом», компания «Крупп» пришла к выводу, что позитивное заявление с ее стороны «может иметь нежелательные юридические последствия для других предприятий». Байтц прикрылся солидарностью с другими немецкими промышленниками, которые также эксплуатировали подневольных рабочих, чтобы оправдать отказ от дальнейших переговоров. Бена это не убедило: «Гуманитарный жест Круппа не возымеет нужного эффекта без признания юридически обязательного характера».

Чтобы противостоять негативному отношению другой стороны, Конференция по претензиям выбрала двойную стратегию: различные люди, близкие Альфриду Круппу, убеждали его избрать мягкую линию. Среди них были Блаустайн и гамбургский банкир еврейского происхождения Эрик Варбург. Нахум Голдманн обратился за помощью к федеральному правительству в Бонне. Жесткая линия состояла в том, чтобы, с одной стороны, обнародовать всю правду о принудительном труде, а с другой — сорвать планы Круппа по расширению бизнеса. «Мы знали, что Крупп держал зло на союзников, настаивавших на том, чтобы он продал свое стальное производство в Райнхаузене. Поэтому мы попытались убедить правительство Соединенных Штатов указать Круппу на некогда выраженное им согласие и заставить его выполнить требование», — рассказывал Бен. Макклой также пообещал использовать свое влияние и поговорить с канцлером Аденауэром и другими членами Федерального правительства. Перед этим он попросил подробно изложить исторические факты, поскольку Крупп продолжал утверждать, что его заставили использовать заключенных

концлагеря против его воли и он был ошибочно осужден в Нюрнберге. В письме Макклою от 23 июня 1959 года Бен предоставил факты. Он подчеркнул, что показания суда свидетельствуют о следующем: «Альфريد Крупп действительно контролировал компанию и все ее операции; они по своей инициативе запросили рабочих из концлагерей для своего производства; не было абсолютно никакого обязательства использовать подневольных рабочих; с заключенными обращались как с рабами — им приходилось работать в самых нечеловеческих условиях без оплаты труда; Альфريد Крупп лично знал обо всем происходящем и поддерживал это».

Тем временем вопрос приобрел дипломатическую остроту. К делу подключился Дэвид Брюс, американский посол в Германии. Он организовал встречу Круппа с Макклоем на вилле «Хюгель». Брюс состоял в дружеских отношениях с промышленным королем. В конце мая 1959 года «Шпигель» опубликовал фотографию, на которой был изображен улыбающийся посол во время охоты на фазанов — вместе с Круппом и Байтцем. «Действительно забавная сцена, — комментировал Бен, — особенно если учесть, что звездой группы был бывший уголовный заключенный из Ландсберга».

Все равно Крупп упорствовал. Конференция по претензиям усилила давление. Бен обратился в посольство США в Бонне с просьбой, чтобы американцы, наконец, подтолкнули Круппа к продаже его имущества в Райнхаузене. Когда в начале октября Крупп неожиданно отменил согласованную встречу, Бен и Катценштейн сообщили немецкому адвокату о четырех делах, которые Бен для начала намеревался возбудить в суде Эссена против Круппа. Промышленник получил меморандум о судебном разбирательстве, в котором содержалось около 200 документов с доказательствами и фамилиями примерно 2000 свидетелей. Для создания угрожающего юридического фона Бен задумал обращение всех известных подневольных рабочих Круппа в Верховный суд Нью-Йорка с исками на сумму 100 000 долларов каждый.

Но до этого не дошло. Байтцу дали зеленый свет на заключение соглашения с Конференцией по претензиям. Взамен Крупп ожидал от еврейских организаций гарантий, что они не будут возбуждать против него судебные иски.

Таким образом, переговоры вступили в решающую фазу. В конце ноября Байтц прилетел в Нью-Йорк с 24-часовым визитом. С ним было письмо от канцлера на имя Нахума Голдманна, председателя Конференции по претензиям. Встреча прошла в помещениях банка «Чейз Манхэттен», которые предоставил Макклой. Крупп предложил выложить от пяти до шести миллионов немецких марок. Каждый пострадавший должен был получить 5000 марок. Если суммы будет недостаточно, Крупп выплатит не более десяти миллионов марок.

Несколько дней спустя в Эссене стороны утвердили соответствующий текст договора. Во вступительном пункте говорилось, что Крупп, не признавая никаких юридических обязательств и «не оказывая влияния на положение других немецких фирм», выделяет средства, чтобы смягчить последствия страданий, причиненных еврейским заключенным концлагерей «национал-социалистической политикой в период их работы на заводах Круппа и в их подразделениях». Если бы предельной суммы в десять миллионов марок оказалось недостаточно, Крупп не стал бы ее увеличивать — наоборот, отдельные суммы, выплачиваемые подневольным рабочим, были бы уменьшены. Еще до Рождества соглашение утвердили и проинформировали мировую общественность. «Крупп заплатит рабам» — с таким заголовком на первой полосе вышла «Нью-Йорк Таймс» 24 декабря 1959 года. Критика не заставила себя ждать. Лондонская газета «Сандей Диспетч» осудила соглашение, назвав его «убогим, наглым и разочаровывающим» из-за жестокого обращения с рабами и огромной финансовой мощи Круппа. Газета писала, что это «самая скупая, мелкая и смехотворная подачка в новейшей истории».

Счета Компенсационно-трастового общества с ограниченной ответственностью показали, что в конечном итоге 3090 заявителей из 33 разных стран получили в общей сложности 10050900 марок. Максимальная сумма, выплаченная отдельным выжившим, составила 3300 марок. Около 4000 заявок пришлось отклонить.

Компенсация, вырванная у «самого богатого европейца» Круппа, досталась лишь небольшой части трудившихся на него невольников. По оценкам, на более чем 80 различных заводах Круппа эксплуатировались почти 70 000 иностранных граждан и более 23 000 военнопленных. Что касается личной ответственности Альфрида Круппа, то Бен делает вывод: «Никто не утверждал, что использование рабочей силы из концлагеря изначально было выбором Круппа. Но он принял решение использовать труд заключенных лагеря. Единственным обязательством, если можно так выразиться, было его собственное желание служить Рейху».

Тайное соглашение с «АЕГ»

В числе немецких компаний, нажившихся на принудительном труде при национал-социализме, были электротехнические концерны «АЕГ», «Телефункен» и «Сименс». Путь к соглашению в их случаях был аналогичен предыдущим. После того как отдельные истцы возбуждали судебные дела с неопределенными перспективами на успех, еврейские организации во главе с Конференцией по претензиям проводили переговоры с руководителями компаний. С тех пор как в 1941 году «АЕГ» выкупила компанию «Телефункен», ее председатель Ханс К. Боден мог отвечать за обе компании.

Первая встреча с Боденом состоялась 25 марта 1960 года в главном офисе «АЕГ» во Франкфурте-на-Майне. Боден, выпускник Оксфорда, работал в компании с 1929 года. Он был дипломатом и считался врагом нацистского режима. Боден

легко и быстро согласился заплатить, но хотел, чтобы соглашение осталось в тайне. Он опасался, что, объявив о соглашении, «АЕГ» признает, что совершила уголовное преступление, и этот факт не только навредит его компании, но и нанесет урон репутации немецкой промышленности.

Состоявшееся в итоге соглашение заключалось в простом обмене письмами. В них «АЕГ» и «Телефункен» обязались выплатить четыре миллиона марок «для смягчения ущерба», от которого пострадали еврейские заключенные концлагерей, трудившиеся на заводах этих компаний. Конференция по претензиям, со своей стороны, гарантировала, что все обязательства перед еврейскими заключенными и их наследниками были таким образом выполнены. Как только контракт подписали, «АЕГ» перечислила сумму на счет Конференции по претензиям в банке «М. М. Варбург & Ко» и занесла средства на счет в графу «общие издержки». Чтобы проинформировать потенциальных получателей, не раскрывая названия «АЕГ», Конференция опубликовала объявление, приглашавшее каждого, кто был привлечен к принудительному труду на какую-либо немецкую компанию, подать заявление. Против «АЕГ» и «Телефункен» были приняты 2223 иска. Каждый платеж составил 500 долларов. Те, кто подал заявление с опозданием, все равно получали по 375 долларов. По словам Бена, это было «конечно, не много, но по крайней мере показало, что есть люди, которые заставят заплатить за разбросанных по миру оставшихся евреев, работавших задарма на заводах “Телефункен” и “АЕГ”».

«Сименс» и моральные обязательства

«Сименс», одна из крупнейших в мире электротехнических компаний, оказалась более крепким орешком, чем «АЕГ». Председателем наблюдательного совета основных компаний «Сименс унд Хальске» и «Сименс-Шуккертверке» с 1941 по 1946 год, а затем снова с 1948 года был Герман

фон Сименс — глава «Дома Сименса». В январе 1946 года Герман фон Сименс признал, что его компании использовали труд подневольных рабочих, но он и слышать ничего не хотел о недоедании или плохом обращении с заключенными. Официальная «История Дома Сименса», опубликованная после войны, также демонстрировала приукрашенную картину. Создавалось впечатление, что «Сименс» не имел ни малейшего отношения к немецким концлагерям. Историческая реальность была другой. «Сименс» использовал в основном женщин-заключенных, поскольку они лучше справлялись с тонкой работой. В 1943 и 1944 годах комендант Аушвица Хёсс отправил 2700 женщин работать на завод «Сименс», производивший электрораспределители для самолетов. Концерн также обращался за рабочей силой в лагерь Флоссенбург, Заксенхаузен, Бухенвальд, Ораниенбург и Гросс-Розен, в которых в основном содержались мужчины. На подземных заводах компании «Сименс-Баунион», выпускавшей оружие, использовали труд около 8000 заключенных из лагерных филиалов концлагеря Эбензее.

В июле 1961 года в штаб-квартире «Сименс» на Виттельсбахер Платц в Мюнхене состоялась первая встреча переговоров с Вальтером Боттерманном, главным юристом группы компаний «Вальтер Боттерманн Групп». Оказалось, что стороны придерживаются совершенно разных точек зрения. К тому времени Конференция знала имена около 2000 выживших узников и собрала десятки документов об использовании труда заключенных концлагерей компанией «Сименс». Боттерманн казался удивленным. Он утверждал, что в «Сименс» работало очень мало заключенных из лагерей и к концерну не могло быть никаких претензий, если учесть сложившиеся обстоятельства. Факты противоречили его утверждениям, и Боттерманн попросил отсрочки.

На следующей встрече в конце октября 1961 года Бен присутствовал вместе со своим коллегой Солом Кэйганом и Катценштейном. Боттерманн настаивал, что «Сименс» нельзя

сравнивать с «И. Г. Фарбен» или «Круппом». Скорее, компания была вынуждена использовать заключенных концлагерей. В конце концов юристы «Сименс» согласились заплатить два миллиона марок. «Это предложение мы сразу же отвергли», — вспоминал Бен.

Перед тем как состоялась очередная встреча, еврейским представителям «широко улыбнулась удача». Им удалось найти внутренний сорокатрехстраничный отчет от 31 октября 1945 года об «эксплуатации иностранных гражданских работников, военнопленных, евреев и узников концлагерей», который архивариус концерна «Сименс» скрыл от них. находка оказала большое влияние на дальнейший ход переговоров. Внутренний отчет компании опровергал основные аргументы, выдвинутые юристами «Сименс». Так стало известно о том, что на двух основных заводах работало 3900 заключенных концлагерей — почти в два раза больше, чем сообщал Боттерманн. На основании новых данных и дополнительных материалов, представленных Конференцией по претензиям в поддержку своих аргументов, компания «Сименс» утратила свое предложение.

Заключительный раунд переговоров состоялся 8 мая 1962 года. Он длился четыре часа и был «крайне неприятным». Боттерманн заявил, что его предприятие добровольно оказало щедрую поддержку. Он представил проект договора, в котором было сказано, что компания «Сименс» произведет платеж, но не признает «юридических или моральных обязательств». Бен был в ярости: «Я понимал отрицание юридической ответственности, но отказ от моральных обязательств меня насторожил. Это выглядело так, словно даже малейшее чувство ответственности за то, что произошло с евреями, было отброшено в сторону». Однако главный юрист «Сименс» настаивал на своей формулировке. «Я с возмущением спросил, почему компания вообще заключает соглашение, если она считает, что не имеет ни юридических, ни моральных обязательств. Ответ так

и не поступил», — рассказывал Бен позже. Поэтому Бен предложил записать в контракте, что «Сименс» действовала исключительно под давлением со стороны еврейских организаций, и «тогда общественность узнала бы, почему был произведен платеж». Такая формулировка, в свою очередь, не нравилось противоположной стороне. Представители «Сименс» по-прежнему утверждали, что компания не могла препятствовать привлечению труда заключенных в концлагерях и что она сделала все, что в ее силах, чтобы облегчить страдания подневольных рабочих. В заключение они заявили, что платеж основан на «моральных соображениях», а не на «моральных обязательствах».

Соглашение было датировано 24 мая. По большому счету оно было похоже на соглашение с Круппом. «Сименс» согласился на авансовый платеж в размере пяти миллионов марок. Если этой суммы будет недостаточно для перевода 5000 марок каждому заявителю, то к ней будут добавлены еще два миллиона. Фактически, включая начисленные проценты, было распределено 7 184 000 марок. Около 6000 бывших заключенных лагеря подали заявления, однако только треть из них была рассмотрена из-за «ограничительных условий договора». Ни один из них не получил более 3300 марок за то, что бесплатно работал на концлагерь в самых тяжелых условиях.

Оружие от «Рейнметалл»

Споры с «Рейнметалл Берлин», вторым по величине производителем оружия в национал-социалистическом Германском рейхе, были еще более бурными. После слияния компания была переименована в «Рейнметалл-Борзиг АГ», а с 1956 года, после смены владельца, вернулась к первоначальному названию.

В деле были все признаки политического триллера высшей пробы: юридические споры, дошедшие до Федерального

конституционного суда, вмешательство высших государственных органов Германии и США, спорная сделка с оружием, возмущенная общественность и очень разные участники. С одной стороны — две еврейские девушки, которых взяли в «Рейнметалл-Борзиг» в качестве подневольных рабочих, с другой стороны — могущественные начальники оборонного предприятия, часть из которых были активными нацистами. Идейным вдохновителем еврейской делегации на переговорах был Бен, а в противоположном лагере слово взял адвокат и заместитель председателя наблюдательного совета Отто Кранцбюлер. У него тоже было известное прошлое: он был кем-то вроде тяжеловеса среди адвокатов в Нюрнберге; за его услуги заплатили гросс-адмирал Дёниц, Альфрид Крупп, Одило Буркарт, главный представитель Фридриха Флика, и Герман Шмитц, председатель правления «И. Г. Фарбен». Теперь полемика вступила в новый раунд и с другими участниками.

Начало было отмечено исками, поданными в конце 1957 года Ирен Райнхарц и Юдит Булс, которые еще девочками — с июля 1944 года по март 1945 года — принудительно и без оплаты работали на «Рейнметалл» в Зёммерде под Бухенвальдом. Их семьи, происходившие из Чехословакии, были убиты в Аушвице. Местный суд Берлина-Шарлоттенбурга 15 ноября 1959 года отклонил их иски на том основании, что иски поданы слишком поздно. Поскольку следующая вышестоящая инстанция приняла противоположное решение по другим делам, Конференция по претензиям решила передать эти два противоречащих друг другу решения в Федеральный Верховный суд в Карлсруэ. В феврале 1963 года и марте 1964 года суд отклонил иски как необоснованные. Немецкие судьи интерпретировали принудительный труд заключенных как часть военных усилий рейха. По их мнению, претензии граждан других государств, которые были привлечены к труду в качестве подневольных работников, могут быть рассмотрены только

в окончательном мирном договоре. Вопрос о том, будет ли такой договор заключен и когда, не принимался во внимание. «Только судьи забыли о следующем эффекте их вердикта: отложенное правосудие — это отказ в правосудии», — заключил Бен.

Случилось так, что незадолго до этого апелляционный суд в Штутгарте постановил, что гражданин Германии, который, будучи узником концлагеря, принудительно работал на авиационном предприятии «Хейнкель», имеет право подать иск. «Это решение в пользу немецкого истца представляет собой явную дискриминацию всех негерманских истцов, рассмотрение дел которых высший суд отложил до подписания окончательного мирного договора», — считал Бен. Это позволило передать дела двух женщин в Федеральный конституционный суд, поскольку принцип равенства Основного закона был проигнорирован. Но еще до того, как закон вообще вступил в силу, сценарий был изменен из-за драматического развития событий в США.

В ноябре 1964 года американские средства массовой информации сообщили о предстоящей сделке по продаже оружия между «Рейнметалл» и Соединенными Штатами. Пентагон хотел купить в Германии 20-миллиметровые автоматические пушки. Это была первая поставка оружия в Америку с момента становления ФРГ. В то же время стало известно, что старый оружейный завод в Спрингфилде, штат Массачусетс, должен быть закрыт. Это настроило местных жителей против правительства в Вашингтоне. Некоторое время спустя мэр Спрингфилда Чарльз В. Райан объявился в нью-йоркском офисе Бена. Ему нужна была информация о деятельности «Рейнметалл» в нацистскую эпоху. «С этим вопросом он обратился точно по адресу», — заметил Бен и сообщил мэру, что компания использовала более 5000 заключенных концлагерей. «Мэр Райан отправился в Вашингтон, чтобы вновь поднять вопрос о проблеме, и сказал, что с радостью примет любую помощь, — рассказывал

Бен. — Я решил передать факты второму человеку в Министерстве обороны, Сайрису Вэнсу».

Встреча с будущим государственным секретарем в администрации Джимми Картера 24 февраля 1965 года прошла в «душевной атмосфере». В ходе встречи Бен намекнул, что было бы весьма кстати использовать Пентагон, как возможного клиента «Рейнметалл», в качестве средства для заключения соглашения между концерном и его бывшими рабами. «Вэнс очень внимательно отнесся к моей просьбе, но сказал, что сначала он должен проконсультироваться с Государственным департаментом». Продавцы, должно быть, вскоре узнали, что у американского правительства возникли вопросы по поводу сделки с пушками. Вскоре после этого PR-менеджер Юлиус Кляйн начал контрнаступление. В письме Госдепартаменту США он говорил о «неисследованном и непроверенном заявлении» еврейских заявителей и заклеил — не упоминая Бена — «этого адвоката», который использовал ложную информацию, чтобы оказать давление на правительство.

Бен не оставил это без внимания: «Когда я узнал, что Кляйн представляет “Рейнметалл” и, очевидно, не знает о прошлом компании, я отправил ему письмо, в котором объяснил, что “Рейнметалл” нанял более 1200 молодых еврейских женщин из Бухенвальда и содержал их в жестоких условиях в филиале концерна в Зёммерде и что бывшие нацисты в руководстве “Рейнметалл” отказались выплачивать какую-либо компенсацию». В интересах «Рейнметалл» было последовать примеру «И. Г. Фарбен», «Крупп», «Сименс» и других компаний и урегулировать претензии мирным путем. Бен направил копию письма в Госдепартамент, в котором подтвердил, что Соединенные Штаты сообщили министру обороны Германии Кай-Уве фон Хасселю о том, что проблемы компенсации бывшим подневольным рабочим «Рейнметалл» «желательно» решить. В дело наконец-то включилась высокая политика — и это, похоже, не могло не повлиять на события.

В конце апреля — начале мая 1965 года внезапно началось движение там, где ранее был тупик. По совету американского посла Бен вместе с Катценштейном впервые встретились с Гюнтером Боде, руководителем департамента военной экономики в Федеральном министерстве обороны в Бонне. Боде согласился указать шефу «Рейнметалл» Отто Паулю Цезарю, что на кон поставлено нечто большее, чем продажа нескольких орудий. Они договорились оставаться на связи и избегать огласки до тех пор, пока ситуация не прояснится. На следующий день Бен и Катценштейн встретились с Цезарем в Дюссельдорфе. Управляющий «Рейнметалл» объяснил, что должен обсудить проблему с новыми владельцами — семьей Рёхлинг, которая приобрела компанию в 1950-е годы. Десятью неделями позже Конференция по претензиям получила «формальное, чрезвычайно краткое письмо» из Дюссельдорфа. Его суть сводилась к следующему: «После тщательного рассмотрения всех обстоятельств наблюдательный совет пришел к выводу, что наше общество не может признать обоснованность ваших требований». Бен писал об этом в своей книге: «Тихая дипломатия, методами которой пыталась действовать Конференция по претензиям, провалилась. Оставался только один вариант — обнародовать факты для американской общественности».

Так как Конференция предпочитала не находиться в центре внимания, одной из самых важных организаций-членов стала «Бнай-Брит». 3 февраля 1966 года президент «Бнай-Брит» Уильям Векслер направил две резкие телеграммы госсекретарю Дину Раску и министру обороны Роберту Макнамаре. Он протестовал против запланированной торговой сделки с «Рейнметалл» «или любым другим эксплуататором рабского труда, который отказывается взять на себя ответственность за свои действия». Вскоре вся информация оказалась в распоряжении средств массовой информации. «Пентагон попал под обстрел из-за

торговли оружием»⁴⁷ — с таким заголовком на первой полосе вышел воскресный выпуск «Нью-Йорк Таймс» 6 февраля 1966 года. В Спрингфилде городская газета сообщила, что бывший «нацистский завод» стал конкурентом местных оружейников. Международные агентства подхватили историю. Обеспокоенные сообщениями, несколько конгрессменов внесли на рассмотрение законопроекты, запрещающие приобретать оружие и боеприпасы у иностранных компаний, которые использовали принудительный труд и отказывались предоставлять компенсацию. Министра обороны Макнамару тоже обработали соответствующим образом.

Истории в средствах массовой информации спровоцировали политические протесты, но первый результат Бен заметил, когда на пороге его офиса в Нью-Йорке появился неожиданный посетитель. «Привлекательная, весьма респектабельная дама в норковой шубе и подобранной в тон норковой шляпке, с сумочкой из крокодиловой кожи» сообщила, что хочет поговорить с Беном об оружии «Рейнметалл». Она представилась миссис Джон Р. Хехт из Ванкувера (Британская Колумбия) и сказала, что у нее есть информация, которая может заинтересовать Бена. Ее муж был основным акционером компании «Испано-Сюиза», владевшей патентами на 20-миллиметровые пушки. В настоящее время он прибыл в Женеву, чтобы оформить сделку с Пентагоном, и представлял нового швейцарского владельца

⁴⁷ Гут допускает неточность в переводе на немецкий заголовка заметки в «Нью-Йорк Таймс», который с английского правильнее перевести как «Пентагон вызвал негодование закупкой пушек» (Pentagon Scored on Gun Purchase). Мэр Спрингфилда Райан, по всей видимости, по согласованию с президентом «Бнай-Брит» Векслером, также направил телеграммы Раску и Макнамаре. Конечные интересы «Бнай-Брит» и Спрингфилда совпали — первая требовала компенсации за принудительный труд, второму нужен был оружейный заказ для того, чтобы уберечь от закрытия старейший завод — Спрингфилдский арсенал, основанный в 1777 году. Заказ все-таки достался немецкому производителю, а американский завод закрылся в 1968 году.

компании «Испано-Сюиза». Все это звучало немного сложно, но знание некоторых подробностей показало, что дама в курсе происходящего.

Затем госпожа Хехт сообщила Бену, что она уполномочена передать ему предложение от «Рейнметалл». Компания была готова выплатить компенсацию любому заключенному, который работал на одном из ее заводов в Западной Германии. На следующий день дама позвонила Бену. Ее муж разговаривал с Кранцбюлером в Дюссельдорфе, и Кранцбюлер предложил «три миллиона немецких марок, которые «Рейнметалл» передаст в надежные руки в посольстве США». Бен ответил, что Конференция по претензиям думала о пяти миллионах, но, безусловно, может пойти на компромисс. «Несколько дней спустя госпожа Хехт сообщила, что Кранцбюлер серьезно настроен на достижение соглашения, потому что к этому его призвал немецкий министр обороны».

Однако вместо того, чтобы прийти к общему решению, произошла неудача. «Никакого соглашения!» — сообщили из Дюссельдорфа. Членов правления возмутила «систематическая организованная в прессе кампания» против предприятия и его представителей. В то время как в Соединенных Штатах газеты критиковали сделку с оружием, журнал «Шпигель» в статье от 7 марта 1966 года встал на защиту «Рейнметалл». «Организатором кампании является “нью-йоркский” юрист по вопросам репарации Бенджамин (Бен) Ференц», — писали в статье. После поражения в зале суда он завел «старую песню про рабовладельцев с Рейна». Требования бывших еврейских подневольных работников не были «ни законными, ни морально оправданными», утверждал немецкий новостной журнал. Бен ответил информационным выпадом, в котором привел несколько исторических фактов, однако он сам не хотел, чтобы ситуация обострилась.

Чтобы найти выход из тупика, американский и немецкий министры обороны провели конфиденциальную встречу.

«Оружие “Рейнметалл” было на повестке дня». Тем временем посол Германии в Вашингтоне пригласил на чай раввина Джея Кауфмана, вице-президента «Бнай-Брит». При этом он невзначай упомянул, «что рассматривается вопрос о создании трастового фонда в размере двух миллионов немецких марок, который можно было бы использовать для удовлетворения еврейских требований». Идея стала более конкретной, когда вскоре было сказано, что в результате переговоров между «Рейнметалл», Государственным департаментом, Министерством обороны Германии и послом в Вашингтоне была достигнута договоренность «о том, что три поставщика, участвующие в сделке, заплатят в общей сложности 500 000 долларов». Третьим предприятием помимо «Рейнметалл» и «Испано-Сюиза» был Нюрнбергский завод боеприпасов Генриха Дилья. В предложении содержался пункт о том, что деньги должны быть возвращены, если предприятие по производству оружия обанкротится. Бен решил, что это не по правилам: «Ни при каких обстоятельствах Конференция по претензиям не могла заключить соглашение о рабском труде, которое зависело бы от сделки о поставках оружия между правительством США и немецким концерном». Кроме того, предложенная сумма была недостаточной, и Конференция «не приняла бы оплату от фирм, на которые подневольным рабочим не за что жаловаться». (В то время еще не было известно, что Диль также эксплуатировал заключенных концлагерей.) По итогам переговоров предложение было увеличено до 2,5 миллионов марок.

Адвокаты потерпевших сторон теперь могли только ждать решения министров обороны обоих государств. Макнамара и фон Хассель встретились в Вашингтоне в пятницу, 13 мая 1966 года. Бен тогда находился в Бонне. Чтобы избежать любопытных репортеров, он скрывался в деревне Мария Лаах, которая находилась в лесу примерно в часе езды от федеральной столицы. Ранним субботним утром, когда он включил радио, американская военная станция объявила,

что армия США приобрела «являвшееся предметом спора оружие». «Впервые Соединенные Штаты заключили с Федеративной Республикой крупный контракт о поставках вооружений», — с похвалой отозвалась о событии немецкая ежедневная газета «Вельт». В международном издании «Нью-Йорк Таймс» от 20 мая заголовок гласил: «Евреям должны заплатить за рабский труд — Вашингтон и Бонн добились компенсации за рабский труд от компании». На самом деле «Рейнметалл» осуществлял выплаты с большой неохотой и отказывался публично признать справедливость претензий о компенсациях. На протяжении десятилетий компания отвергала любую историческую ответственность. Один из членов правления позднее подчеркнул, что денежный перевод на счет Конференции по претензиям был перечислен «исключительно с целью получения обещанного нам заказа».

Перечисленные на счет Конференции по претензиям 625 000 долларов (что соответствовало согласованным 2,5 миллионам немецких марок) позволили выделить жертвам весьма ограниченные средства. Можно было рассматривать исключительно бывших еврейских рабов с трех заводов «Рейнметалл» — Зёммерда, Унтерлюс и Хундсфельд. Работавшие на других заводах ничего не получили. Бен писал следующее: «Из 1214 женщин, числившихся в Зёммерде 26 ноября 1944 года, Компенсационно-трастовое общество смогло найти и компенсировать причиненный ущерб 992. Только 261 из примерно 900 подневольных рабочих Унтерлюса получили свою долю в фонде. Из примерно 1000 еврейских заключенных в Хундсфельде было найдено 262». Из Восточной Германии или СССР претензий не поступало. Предполагалось, что евреям, проживающим в этих странах, по политическим причинам не разрешат подавать заявления в ФРГ. Чтобы они могли получить хотя бы небольшую компенсацию, Компенсационное общество с помощью бывшей заключенной Зёммерды Бимби Грош разработало нестандартную программу: они отправили из США в Советский

Союз подарочные наборы с шарфами, тканями, верхней одеждой, свитерами, ручками и другие необходимыми предметами. Все посылки были отправлены от имени Бимби. «Удивленные получатели, должно быть, были впечатлены внезапным богатством их недавно эмигрировавшей подруги», — писал Бен.

Ничего кроме разочарований

Тактика концерна «Рейнметалл» была типичной для немецкой промышленности и предвещала разочарование в будущем от этих уловок. Это была последняя компания, которая взяла на себя историческую ответственность, где Бен заметил хотя бы «намек на признание». Фридрих Флик, военный преступник, осужденный в Нюрнберге, и «самый значимый промышленник современности» (как называла его газета «Франкфуртер альгемайне цайтунг»), смог отстраниться после долгих лет переговоров, не заплатив ни копейки за использование принудительного труда на своих фабриках. Когда в 1972 году Флик умер, одновременно с ним кануло в Лету и дело «Динамит Нобель АГ». Во время Второй мировой войны предприятие использовало заключенных концлагерей на своих фабриках по производству боеприпасов. Флик был председателем правления и главным акционером компании.

Авиационная промышленность также отказалась компенсировать заключенным их труд. На заводах «Юнкерс», «Мессершмитт» и «Хейнкель» трудились тысячи заключенных лагерей. «Я не мог забыть того, что увидел, когда освободили Маутхаузен и его филиалы, включая Гузен, — писал Бен. — Горы человеческих костей высились вокруг каменоломни, за которой был спрятан авиационный завод Мессершмитта». Столь же неудачно прошли и переговоры с «Браунколе-бензин АГ», занимавшей важное место в военной экономике Германского рейха. Синтетическое топливо, произведенное

компанией, должно было сделать Германию максимально независимой от иностранной нефти. В строительной отрасли ситуация была не лучше: «Почти все крупные немецкие компании эксплуатировали заключенных из многих концлагерей. После войны, когда необходимо было восстанавливать разрушенные немецкие города, эти компании вновь процветали, но ни одна из них не признавала обязательств перед людьми, пережившими лагеря».

Затем провалился ускоренный план Бена по комплексному урегулированию вопроса с Федеральным союзом немецкой промышленности (BDI). План предусматривал, что члены союза и бывшие эксплуататоры заключенных концлагерей предоставят денежную сумму, «которая может быть поделена между подневольными работниками в соответствии с определенными формальностями, приемлемыми для обеих сторон». Какое-то время статс-секретарь Аденауэра Ганс Глобке участвовал в переговорах. Он обсудил проблему с президентом BDI Фрицем Бергом весной 1962 года, но советовал не заключать коллективный договор. Это могло выглядеть как признание вины и послужило бы созданию оппозиционного фронта среди предприятий.

Несмотря на некоторые впечатляющие успехи на переговорах, вызвавшие ажиотаж по обе стороны Атлантики, Бен в своем исследовании не столь радужно описывает ситуацию: «Из сотен немецких компаний, которые жестоко обращались с заключенными концлагерей, тех, кто заплатил выжившим в лагерях, можно пересчитать по пальцам одной руки». Из общей суммы почти в 13 миллионов долларов, собранных немецкими компаниями, около 15 000 евреев получили по несколько сотен долларов («Рейнметалл», «АЕГ»), максимум 1700 долларов («И. Г. Фарбен»). Большинство получателей не могли уловить смысл компенсации: «Им было непонятно, почему одна компания платит что-то, а другая ничего». Они получали «небольшие суммы денег как часть загадочной и более крупной программы компенсаций».

Немецкие промышленники рассуждали иначе и оправдывали эксплуатацию военной необходимостью. Даже спустя десятилетия после войны они не понимали, в чем заключалась несправедливость, за которую они несут ответственность. Ни одна немецкая компания, использовавшая труд заключенных, не изъявила готовности по доброй воле выплатить хотя бы символическую компенсацию. «Даже те немногие компании, которые что-то заплатили, — писал Бен, — сделали это при обстоятельствах, указывавших, что их мотивация заключалась не в помощи бывшим рабам, а в получении выгоды».

Бен встречает Шпеера

Вряд ли кто-то при национал-социализме знал так много о подневольных рабочих, как Альберт Шпеер, друг Гитлера и рейхсминистр вооружений и боеприпасов. Когда в 1969 году Шпеер опубликовал свои мемуары, написанные в тюрьме Шпандау, Бен очень внимательно прочитал книгу. В ней очень мало говорилось о евреях и «практически ничего о концлагерях», но автор выказывал сожаление «по поводу того, что он совершал». Это побудило Бена встретиться со Шпеером в 1976 году после того, как он отбыл свой срок и был освобожден.

Встреча состоялась в отеле недалеко от аэропорта Франкфурта и «прошла душевно». «Мы приветствовали друг друга рукопожатием, — вспоминал Бен, — и Шпеер выразил свое удовлетворение тем, что может поговорить с бывшим обвинителем Нюрнберга, который сам является евреем». Они говорили о программе принудительного труда и плане нацистов убивать евреев и других заключенных концлагерей посредством работы. Шпеер был не согласен. Он утверждал, что уничтожение не было непосредственной целью, поскольку «было бы неэффективно в течение нескольких месяцев обучать человека, а затем забить его до смерти». Бен размышлял: «Очевидно, он не думал о неквалифицированных рабочих

на шахтах и каменоломнях, о строительных работах, мостах, тоннелях — или об Аушвице».

Чтобы снять с себя обвинения, Шпеер также упомянул об усилиях своей администрации, направленных на улучшение обращения с подневольными работниками. Бен не проигнорировал «гуманитарный подтекст». Очевидно, что Шпеера больше заботили показатели эффективности или бюрократические формальности, а не сами заключенные. Шпеер чувствовал вину не потому, что использовал труд заключенных, «а потому, что ему не удалось вывезти больше людей из лагерей на оружейные фабрики, где условия были лучше, а шансы на выживание — выше». В конце концов Бен спросил Шпеера, имел ли право осужденный в Нюрнберге Фридрих Флик отказаться в какой-либо компенсации еврейским подневольным рабочим. «Нет, Флик поступил неправильно», — ответил Шпеер.

Также под впечатлением от этой встречи Бен закончил работу над своей книгой «Ниже чем рабы. Еврейский принудительный труд и требование компенсации». В заключительных строках произведения автор дальновидно обращает взгляд от Холокоста к другим событиям: «Описанные мною деяния были совершены немцами против евреев. Хотя в анналах истории нет свидетельств о более крупных попытках истребления людей, чем это было сделано по отношению к евреям, это не означает, что такие попытки не предпринимались в других местах, другими людьми против других жертв». Достаточно вспомнить о судьбе индейцев в Америке, об эксплуатации темнокожих, о ГУЛАГе или массовых убийствах «врагов государства» в Азии и Африке. Человечество всегда было готово «закрыть глаза на насилие, если его можно было объяснить государственными или общественными интересами». Бен убежден в том, что «злодеяния, о которых здесь сообщается, и неспособность стольких людей признать их» вызваны не столько ненавистью, сколько «безразличием, которое позволило, казалось бы, достойным людям принять или игнорировать происходящее».

Глава 9

«Занимайтесь правом, а не войной»

«Самая главная в мире проблема»

В судьбе Бена Ференца, как и любого другого человека, сыграли свою роль и внешние обстоятельства, и воля случая. Его жизнь могла сложиться иначе, если бы его родители не эмигрировали в Америку, если бы Япония не бомбила Пёрл-Харбор или в решающие моменты ему бы не помог профессор Глюк. И все-таки жизнь Бена удивительна в своей последовательности и внутренней логике. После поражения Гитлера, осуждения виновных и выплаты компенсации жертвам Бен направил всю свою энергию и творческие способности на предотвращение в будущем страданий, подобных тем, что причинила человечеству Вторая мировая война. Бен посвятил этой цели следующий этап своей жизни, поскольку был твердо убежден, что даже один человек способен что-то изменить.

Лозунг «Право, а не война» стал его боевым кличем в борьбе за более мирный и гуманный мир. Квинтэссенцию своего опыта и идей он выразил так: в то время как в отношении каждого магазинного вора действует закон и компетентные суды наказывают за правонарушения небольшой тяжести, в случае серьезных политических преступлений соответствующие основы и учреждения отсутствуют. Нюрнбергский процесс был историческим прорывом, но необходимо продолжить развитие. Нужно положить конец кровавой анархии в международных отношениях, где все еще преобладает право сильного. Агрессивная война должна быть объявлена вне закона и подлежать наказанию. Право и порядок как «оружие для мира» — такой лозунг Бен провозглашал всеми доступными ему способами.

Бен реалистично оценивал свои шансы на успех. Он знал, что настолько высокая цель вряд ли будет достигнута при его жизни, «но даже незначительный прогресс в этом направлении стоит того, чтобы приложить все возможные усилия». Прогресс действительно был: Бен стал свидетелем сближения враждебных сверхдержав при Рейгане и Горбачеве и окончания холодной войны. США и СССР согласились сократить ядерные арсеналы и осуществили ряд крупных мер разоружения. Вехами на этом пути стали так называемые трибуналы *ad hoc* для уголовного преследования лиц, ответственных за войну в Югославии и геноцид в Руанде, и, наконец, создание постоянного Международного уголовного суда в Гааге.

Все началось в 1970 году, когда Бен в пятьдесят лет решил начать новую карьеру. Потратив достаточно времени на преодоление последствий Второй мировой войны и Холокоста, он решил посвятить себя «еще более важной задаче» — подчинению суверенных государств верховенству права. Под впечатлением войны во Вьетнаме, в которую все глубже и глубже погружались США, он практически отказался от адвокатской работы ради изучения проблем мира во всем мире. В таких научных очерках, как «Правовое преследование военных преступлений и война во Вьетнаме» (1968), а также в различных газетных статьях и письмах читателям он вспоминал уроки Нюрнбергского процесса. Бен подчеркивал, что американцы ведут незаконную агрессивную войну в Юго-Восточной Азии и что президент, он же главнокомандующий, несет за это личную ответственность. Для наказания за подобные агрессивные действия необходим Международный уголовный суд. В противном случае цена за отсутствие такой организации будет по-прежнему «оплачиваться человеческой кровью». Его бывший босс и коллега по юридической фирме Телфорд Тейлор также яростно выступал за применение «Нюрнбергских принципов» к войне во Вьетнаме. Вместе Бен и Тейлор сформировали серьезное

публицистическое направление, и их мнение было услышано благодаря их международной репутации в борьбе с военными преступлениями.

Война во Вьетнаме побудила Бена сменить направление карьеры, но неожиданное происшествие медицинского свойства, случившееся в декабре 1969-го, ускорило развитие событий. Вместе с Гертрудой и дочерью Ниной Бен отправился на несколько дней в Пуэрто-Рико. Во время полета на самолете авиакомпании «Пан Американ Эйрвейз» у него случился сердечный приступ. Как только самолет приземлился, Бена отправили в переполненную городскую больницу, где ни у кого не нашлось времени позаботиться о пациенте, находившемся в смертельной опасности. Бен под свою ответственность был вынужден восстанавливаться на пляже: «Я отдыхал на пляже Кондадо, размышляя о жизни и смерти, о том, что мое время истекло, а возможно, мне дали еще один шанс». Он воспользовался шансом, буквально ухватился за него. Незабываемый жизненный урок ускорило его решение о том, что делать с «остатком» своей жизни.

Вначале Бен обратился за советом к признанным экспертам в этой области. Он обсудил свои планы с Джейкобом Робинсоном, бывшим представителем Израиля в Комитете ООН по правовым вопросам⁴⁸, лауреатом Нобелевской премии мира Рене Кассеном и своим другом Тейлором. Последний предложил связаться с профессором Майерсом С. Макдугалом из Йельского университета. «Мак», как называли его коллеги, был одним из ведущих ученых-юристов в США и за их пределами. Макдугал занимался правами человека и общался с другими пионерами этой области, такими как Луис Б. Сон в Гарварде, Томас М. Франк в Нью-Йорке или Луис Хенкин и Оскар Шахтер в Колумбийском университете. В январе 1970 года Бен написал письмо

⁴⁸ Автор, скорее всего, имеет в виду Комитет по правовым вопросам Генеральной Ассамблеи ООН (6-й Комитет).

Макдугалу и сообщил, что хочет посвятить жизнь служению миру во всем мире. «Его очень удивил мой ярко выраженный интерес к предотвращению агрессивных войн и созданию Международного уголовного суда», — вспоминал Бен. Профессор Макдугал объяснил Бену, что он и его соавтор Флорентино П. Фелисиано более года работали над главой, посвященной агрессии, для своей книги «Право и минимальный публичный порядок в мире» (1961), и что он считал ее самой продуманной частью книги, но только до сих пор ее никто не читал. «Поскольку я уже пришел к выводу, что предотвращение войн является важнейшей проблемой в мире, меня не пугали возможные трудности и равнодушные люди», — решил Бен.

Вместе они стали искать наиболее эффективный подход. Бен думал вернуться в университет, но Макдугал считал, что Гарвард уже обеспечил Бену необходимую юридическую подготовку, а академическую карьеру начинать уже слишком поздно. «Вместо этого он предложил мне подумать, почитать и написать на эту тему». Бен последовал совету и активно занялся изучением вопроса, что вскоре привело к интенсивной и чрезвычайно продуктивной карьере публициста, лектора и защитника мира на общественных началах.

Мистер Агрессия в ООН

Юридические фонды библиотеки Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке оказались настоящей сокровищницей. Бен получил аккредитацию при ООН как представитель Американского общества международного права, а с ней — и доступ к документам. Библиотекари ему доверяли и выдали ключ, чтобы он мог в любое время копаться в архивных сокровищах, хранившихся глубоко под землей. «Это было похоже на рай — с книгами вместо яблок», — восхищался Бен. Вскоре он наткнулся на документы Лиги Наций, трагически провалившейся предшественницы ООН.

«Я узнал о планах, которые разрабатывались для поддержания мира после того, как 20 миллионов человек были убиты в Первой мировой войне». Эти планы не были реализованы, а всего лишь два десятилетия спустя разразилась очередная, еще более разрушительная катастрофа, в результате которой погибло в несколько раз больше людей. «Не очень обнадеживающе было обнаружить, что мировые войны перечислены идущими подряд римскими цифрами», — заключил Бен.

В ООН Бен не только повысил свою квалификацию до авторитетного эксперта в области международного уголовного права. Воодушевленно и настойчиво он вносил предложения в политический процесс, то и дело наведываясь в штаб-квартиру ООН в Нью-Йорке и ее отделения в Женеве. Хотя Бен никогда не имел официальных полномочий, вскоре он сделал себе имя во всемирной организации; его уважали и к нему прислушивались. Его неустанные усилия по запрещению агрессивных войн и, в качестве первого шага, определению того, что подразумевалось под незаконной агрессией, снискали ему прозвище Мистер Агрессия. Многочисленными статьями он укреплял репутацию яростного критика тех держав, которые отказывались сотрудничать в решении проблемы, даже когда они якобы заявляли обратное.

Учреждение Организации Объединенных Наций — с подписанием ее Устава в Сан-Франциско 26 июня 1945 года⁴⁹ — должно было ознаменовать собой новую эру мирного сотрудничества. Когда Генеральная Ассамблея впервые собралась в следующем году в Нью-Йорке⁵⁰, она объявила геноцид преступлением, которое должно быть наказуемо. Она четко подтвердила «принципы международного права», которые

⁴⁹ Строго говоря, датой учреждения ООН следует считать 26 октября 1945 года, когда ее Устав вступил в силу.

⁵⁰ Первая часть 1-й сессии состоялась в Лондоне, вторая — в Нью-Йорке.

были признаны в ходе Нюрнбергского процесса. Она заявила о необходимости принять соответствующее уголовное законодательство и создать международный суд. Различные комиссии, подкомиссии, рабочие и контактные группы приступили к работе, но процесс тормозила начинавшаяся холодная война. «Они говорили и говорили, — вспоминал Бен. — Прошло двадцать пять лет, а они все еще говорили».

То, что исполненные благих намерений призывы в первые годы не дали результатов, по критической оценке Бена, объяснялось в основном позицией пяти постоянных членов Совета Безопасности — США, Великобритании, Франции, СССР и Китая — и их права вето. Бена удивляло, что именно Соединенные Штаты противятся этому процессу, несмотря на то что сыграли ведущую роль в разработке Устава ООН и включении в повестку дня вопроса о международном уголовном суде. Дискуссии шли по кругу: «Я проводил сотни встреч с тысячами юристов. Они говорили: “Так как у нас нет определения агрессии, то нет и свода законов, а так как нет свода законов, нет и Международного уголовного суда”».

В «Историях» он описывает конструктивный недостаток нового мирового порядка следующими словами: «План 1945 года для будущего мира состоял из двух основных компонентов. Одним из них был Устав ООН. Второй требовал создания системы обеспечения верховенства права, как это было сделано в Нюрнберге. Это напоминало стул с двумя ножками: структура ООН была неадекватной, а обязательства, следовавшие из Нюрнбергского процесса, — расплывчатыми. Были и другие недостатки. Всемирная организация не имела самостоятельного финансирования и зависела от взносов ее членов. Не было ни механизма обеспечения исполнения, ни независимой военной силы, как это предусматривалось. ООН могла действовать только в том случае, если ее самопровозглашенные постоянные члены, имевшие различные социальные и политические системы, все согласовывали друг с другом. Такая организация не могла

эффективно поддерживать мир между соперничавшими государствами». Холодная война послужила оправданием для того, чтобы отложить все три аспекта — определение, кодекс, суд — в долгий ящик. Тем временем по всему миру вспыхивали вооруженные конфликты, и «молодые солдаты и бесчисленное количество мирных граждан гибли, так и не дождавшись обещанного им более мирного мира».

Некоторые делегаты не скрывали свое раздражение по поводу многочисленных выступлений Бена. Он вспоминал встречу в ООН в Женеве в 1971 году, когда он тихо сидел на балконе и наблюдал за дискуссией. И вдруг представитель Египта встал и потребовал удалить Бена с закрытого мероприятия. Председатель Специального комитета по вопросу об определении агрессии, финн Бенгт Бромс, хорошо знавший и ценивший Бена, удивился и, казалось, растерялся. Неожиданный выход из ситуации предложил представитель Кипра. Он попросил слова и пригласил Бена присоединиться к его делегации. Тот так и поступил — на время встречи.

Бен непременно стремился достичь того, чем он однажды загорелся, — это всегда было отличительной чертой его характера. Он не позволил себе впасть в отчаяние из-за мучительно медленных процессов в ООН, а напротив, активизировал свои усилия. Бен опубликовал множество статей в самых известных международно-правовых журналах. Для Комитета, который занимался вопросами определения агрессии, Бен подготовил компромиссные предложения и распространил их среди всех членов Комитета. Он был особенно внимателен к малым государствам, которые по своей природе не расположены вести силовую политику. Постепенно решение стало казаться достижимым — в том числе благодаря менее напряженным отношениям между супердержавами.

В эссе с программным названием «Определение агрессии — последняя миля» (*Defining Aggression — The Last Mile*), которое вышло в «Колумбийском журнале транснационального права»

в 1973 году, Бен описывает, как на 100-м заседании Специального комитета в Женеве в апреле и мае того же года почти удалось найти определение, приемлемое для всех. За преамбулой из девяти пунктов следовали семь статей. Первая из них гласит: «Агрессией является применение вооруженной силы государством (как бы оно ни осуществлялось) против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства [...]». Далее проект содержал перечень агрессивных действий, указаний на случаи, когда применение вооруженной силы является законным, и указания о правовых последствиях нарушения запрета.

Спорным, все еще не решенным вопросом являлось право на самоопределение. Бен видел в нем «одну из великих дилемм современной жизни». С одной стороны, речь шла об ограничении применения оружия; с другой — некоторые народы настаивали на свободе от подавляющих, по их мнению, ограничений. Бен придерживался такого мнения: «В современном мире не существует совершенно независимого государства, которое может свободно определять свою судьбу. Взаимозависимость всех людей признается все больше. Это не означает, что культурные, языковые, религиозные или идеологические различия, дающие человеческому разуму так много удовлетворения, исчезают или могут исчезнуть. Это означает, что такие ценности относительны и должны рассматриваться как часть растущей структуры общемирового взаимодействия и организации». Те, кто призывает к самоопределению, должны признать, что эта концепция также имеет свои границы, в то время как те, кто осуществляет власть, должны признать, что они несут ответственность в том числе и за то, чтобы не злоупотреблять своей властью. Бен подчеркнул важность достижения соглашения, добавив, что «без свободы от страха подвергнуться массовому насилию будут ущемлены или уничтожены все другие человеческие ценности». Он напомнил обществу государств о том, что в интересах всех государств

добровольно подчиниться закону, который уважает их собственные права. «Самое главное в определении агрессии — это определить ее», — высказался он в адрес делегаций ООН. Пришло время решать и действовать.

Он охотно продемонстрировал, что может произойти, когда государственное злоупотребление властью остается безнаказанным, на примере Абиссинии, сегодняшней Эфиопии. Муссолини завоевал восточноафриканскую страну в 1935 году и объявил ее итальянской провинцией. Правитель Хайле Селассие, известный как Лев от колена Иудина, обратился в Лигу Наций. «Однажды вы все станете чьей-то Абиссинией», — восклицал он. Хайле Селассие надеялся на поддержку, особенно со стороны колониальных держав — Великобритании и Франции. Но они отвернулись. Санкции не последовали. Гитлер также сделал выводы из нежелания или неспособности Лиги Наций привлечь Муссолини к ответственности. Вскоре он начал серию аннексий и завоеваний, которые привели ко Второй мировой войне.

Параллельно с деятельностью в Женеве и Нью-Йорке Бен работал над книгой по этому комплексу тем. Вначале он собирался написать статью для журнала «Гарвардское юридическое обозрение», но профессор Сон убедил его не ограничиваться одной статьей. В итоге проект вырос до двухтомной фундаментальной работы впечатляющего объема в 1200 страниц «Определение международной агрессии — поиск мира во всем мире» (*Defining International Aggression — The Search for World Peace*), опубликованной издательством «Ошеана Паббликейшнз» в 1975 году. Подзаголовок «Документальная история и анализ» к двухтомной работе выразил композиционный принцип дальнейших трудов Бена. Кроме истории и критического анализа проблемы, его труд сохранил выдержки из оригинальных документов, благодаря чему стал практичным и незаменимым инструментом для экспертов, политиков и студентов. Бен понимал, что трактат весом в несколько килограммов не рассчитан на широкую

аудиторию, поэтому дополнительно развивал тему в статьях для газет, переписке, на радио и телевидении.

Бен практически завершил работу над своей книгой, когда узнал, что Специальный комитет после многолетних обсуждений, наконец, нашел формулировку, с которой могли согласиться все причастные государства. Последний день заседания в штаб-квартире ООН на Ист-Ривер в Нью-Йорке выпал на 12 апреля 1974 года, Страстную пятницу. Бен пригласил Гертруду пойти на мероприятие вместе с ним. Они были единственными зрителями на галерее для посетителей конференц-зала и, как Бен шепнул Гертруде, единственными из присутствующих, «которым не заплатили за то, что они здесь». Тем не менее он не остался в тени: когда после принятия проекта делегаты выстроились для общего фото, председатель подозвал Бена. Мистер Агрессия также попал в кадр. Это был жест признания и уважения, но Бен не питал больших надежд. Ему были известны пределы достигнутого определения, которое Генеральная Ассамблея ООН приняла в декабре 1974 года без голосования. Именно пять членов Совета Безопасности, которые имели достаточно власти, чтобы поставить мир под угрозу, будут решать, является применение силы преступлением или нет. «Лисы настояли на том, чтобы быть хранителями курятника», — сделал вывод Бен.

«Идею не убить оружием»

Главное достижение единодушно принятого определения 1974 года Бен видел в том, что оно создало предпосылки для разработки свода правовых норм и создания Международного уголовного суда. Это были обязательные дальнейшие шаги — и в последующие годы Бен приложил массу усилий (прервавшись только на время работы над книгой «Ниже чем рабы»), чтобы эти шаги были пройдены. Благодаря этому очевидцы происходившего дали Бену новое прозвище: вместо Мистер Агрессия его прозвали Человеком из Ла-Манчи. Его

единственным оружием была печатная машинка — и с ней он выступал против переполненных арсеналов всего мира. Но действительно ли он был похож на Дон Кихота? Боролся ли он с ветряными мельницами? «Нет, — говорил себе Бен. — Самая большая угроза миру — это не оружие. Войны рождаются в умах людей». Если это ментальная проблема (происходящая из передаваемых от поколения к поколению убеждений о том, что война — занятие славное и героическое), то и бороться с ней следует ментальными методами. Иными словами, «идею нельзя убить оружием. Ее можно победить только лучшей идеей». Поэтому Бен решил развивать мысли, «которые более разумны, чем бессмысленное убийство».

Его следующий научный труд — опять же двухтомный с большой опорой на источники — назывался «Международный уголовный суд — шаг к миру во всем мире» (*An International Criminal Court — A Step Towards World Peace*) (1980). После того как Организация Объединенных Наций определила агрессивную войну как «преступление против международного мира», основное внимание надлежало уделить наказанию виновных в таких преступлениях — для этого требовалось создать независимый международный суд. Как Бен показал в своем историческом обзоре, прежних попыток в этом направлении было недостаточно. Правда, в Средние века уже предпринимались попытки преследовать пиратов за пределами суверенных политических субъектов. Конституция Соединенных Штатов 1789 года также гласила, что они являются «врагами человечества» и нарушают право наций⁵¹. Однако международного органа, который осуществлял бы уголовное

⁵¹ Гут некорректно ссылается на Конституцию США, которая в Разделе 8 Статьи I наделяет Конгресс полномочием «определять и карать пиратство... и преступления против права наций». Применение к пиратам аналога латинского термина *hostis humani generis* — враги рода человеческого, заимствованного из классических юридических трактатов XVI века, в Конституции США не обнаруживается.

преследование за транснациональные преступные деяния, не было. И до тех пор, пока не будет создан независимый суд, этот вопрос останется открытым.

Если отдельные государства или группы государств брали на себя ответственность за преследование, соответствующие лица могли обвинить их в предвзятости или отсутствии объективности, даже если это вообще не относилось к делу. Победенные агрессоры прибегали к аргументу о «правосудии победителей», как показал пример Германии после Второй мировой войны. Только «независимый, действительно международный трибунал» мог бы исправить эту ситуацию, подчеркивал Луис Б. Сон в предисловии к работе Бена. Автор принадлежал к «новой группе» мыслителей, развивавших идеи, возникшие в межвоенный период. «В томах подробно описаны попытки создания международных уголовных судов для различных целей и связанные с этим усилия по определению основных норм, касающихся преступлений против мира и безопасности человечества». Как и в случае с книгой об агрессии, последние научные работы Бена вызвали активные дебаты. В то время Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций предприняла новую попытку разработать кодекс международных правонарушений. Бен создал общественный фон и интеллектуальное оснащение для всех участников этого процесса, писал Сон.

Книга «Международный уголовный суд», казалось, выполнила эту задачу — во всяком случае, Бен сообщил, что экземпляры, которые он предоставил в библиотеку ООН, вскоре таинственным образом исчезли. Он сделал вывод, что дипломаты и делегаты «любят читать», и пополнил библиотечные запасы пользовавшегося спросом произведения. Однако не все заинтересованные читатели тащили книги из библиотеки. Однажды к Бену обратилась молодая женщина, представившаяся Вирджинией Моррис. Она была юристом в Управлении по правовым вопросам ООН. Моррис поинтересовалась, не он ли автор книги о международном

уголовном суде. Бен подтвердил, что он автор, и Моррис с гордостью сообщила, что приобрела его двухтомник, стоивший 75 долларов. Вскоре Моррис стала одним из самых уважаемых специалистов в этой области в рамках мировой организации. Когда в мае 1993 года Совет Безопасности принял решение о создании трибунала *ad hoc* по бывшей Югославии, она в числе первых представила проект его устава. Позже Бен уговорил Вирджинию Моррис написать книгу об этом трибунале. В соавторстве с Майклом П. Шэрфом, еще одной восходящей звездой международного уголовного права, она без промедлений взялась за работу. «Взгляд изнутри на Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии» (*An Insider's Guide to the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia*) (1995) по объему не уступал трудам Бена и стоил дороже 75 долларов.

В то время, когда было принято решение о создании трибунала по Югославии, Бен находился в Женеве, где заседала Комиссия международного права. Текст резолюции Совета Безопасности ООН пришел по факсу из Нью-Йорка. Секретарь Комиссии передала Бену копию. «Вот, это ваша заслуга», — сказала она. И хотя это было преувеличением, потому что за создание трибунала боролось много людей, Бен был очень рад, что его усилия были замечены и попали на плодородную почву: «Я чувствовал себя щедро вознагражденным».

Хотя сейчас он медленно приближался к тому возрасту, когда другие уходили на пенсию, он не думал о том, чтобы притормозить, и уж точно не желал почивать на лаврах прошлого. Не успел он закончить книгу о Международном уголовном суде, как уже приступил к работе над следующим двухтомником. «Обеспечение соблюдения международного права — путь к миру во всем мире» (*Enforcing International Law — A Way to World Peace*) (1983), по мнению гарвардского профессора Сона, явилось завершением «великой трилогии». Эпиграфом к первому тому стал девиз Гуго Гроция.

Голландский юрист и отец международного права напоминал о том, что государства, нарушающие международное право, разрушают тем самым бастионы своего собственного мира. В основе работы лежит идея о том, что самые основательные своды норм и самые изощренные правовые институты бесполезны, если право не соблюдается. Такие достижения, как Гаагские и Женевские конвенции или Устав ООН, по-прежнему лишены своей абсолютной эффективности до тех пор, пока нет власти, которая систематически наказывала бы за нарушения. За провалом Лиги Наций, которая не смогла остановить вторжение стран «оси» в Абиссинию, Китай и Чехословакию, последовала очевидная слабость ООН в этом вопросе.

Как убедительно разъяснил Бен, ООН не удалось создать собственную военную силу, поэтому пришлось импровизировать во время первого боевого испытания — корейской войны. Чтобы отразить нападение коммунистической Северной Кореи на Южную Корею, пришлось полагаться на добровольную поддержку 17 государств под руководством США. В других случаях это оставалось в ведении миротворческих миссий или экономических санкций. Система коллективной безопасности была разработана, но не реализована на практике. Тем не менее надежда была. Глядя на то, что человеческий разум создал в области науки и техники, можно было надеяться, что подобные способности смогут удалить препятствия, преграждавшие путь к миру. «Неразумно считать, что человечество способно создать средства для уничтожения мира, но у него не хватает ума, чтобы предотвратить войну», — говорил Бен.

Почта для Рейгана и Горбачева

Трилогия о становлении международного права предназначалась в большей степени для университетских библиотек и специалистов. Когда в 1983 году вышел в свет двухтомник,

посвященный вопросу обеспечения соблюдения права, Гертруда попросила мужа перестать писать такие толстые книги и «написать то, что смогут понять нормальные люди». Он послушал жену и опубликовал «К миру во всем мире — с позиции здравого смысла» (*A Common Sense Guide to World Peace*) (1985). Немецкое издание вышло в 1989 году под названием «Путь к миру во всем мире» (*Wege zum Weltfrieden*). Основные принципы, написанные в лучших англо-саксонских традициях, читались легко, и основной акцент был сделан на «здравом смысле». Еще Томас Пейн, один из отцов-основателей США, написал в 1776 году в своей знаменитой книге «Здравый смысл», что «представляет только простые факты, четкие аргументы и достижения здравого смысла». Бен исходит из такого же принципа, когда говорит: «Предположение о том, что сохраняющиеся проблемы лучше оставить на усмотрение экспертов или правительств, может оказаться фатальным». От профессиональных дипломатов и избранных политиков, которым платят за представление узкоспециализированных интересов, вряд ли можно ожидать, что они будут продвигать новые идеи, которые могут нанести ущерб интересам их избирателей. Практичный разум, здравый смысл «человека с улицы» может оказаться лучшей защитой для общего блага.

Книга была написана на фоне угрозы ядерной войны на уничтожение, и в то же время в ней нашли отражение очевидные признаки разрядки, идущие от лидеров супердержав Рейгана и Горбачева. Против пессимистического мировоззрения Томаса Гоббса, который полагал, что «человек человеку — волк» и говорил о «войне всех против всех», Бен прагматично доверял «эволюционному развитию» в направлении более рационального мироустройства. Убийство других — не неизменная человеческая черта. Усилия по преодолению естественной склонности к разрушению не должны быть напрасными. «Я не верю, что мы все обречены разделить судьбу динозавров. Инстинкт выживания человека

до сих пор работал вместе с разумом, который отличает человека от животных, чтобы защитить человечество от вымирания, — писал Бен. — Несмотря на ошибки и рецидивы, мы можем учиться на ошибках прошлого и делаем это. Ни война, ни мир не являются неизбежными; выживем мы или нет, зависит от нас».

В поисках пути к миру во всем мире Бен предлагает «сосредоточиться на том, что уже было общепринято в качестве необходимого условия для всех миролюбивых обществ. С древних времен каждая деревня, каждый город и, в конечном счете, каждое государство признавали, что любое мирное общество требует: 1) законов (чтобы утвердить, что можно делать, а что нет); 2) судов (чтобы разрешать споры и выносить постановления); 3) системы эффективного правоприменения». На гораздо более разнородной и сложной международной арене приходится, «к сожалению, делать вывод, что правовые нормы неполноценны, судам не хватает авторитета, а правоохранительная система практически отсутствует».

Для достижения стабильного мира необходимы эти центральные, взаимосвязанные составляющие. Но проблема еще более сложна — необходимы дальнейшие предпосылки: усовершенствованная международная организация, глобальное разоружение, система санкций и социальная справедливость. Последняя имеет большое значение для «добровольного восприятия международного права». В дополнение к наброскам основных черт более мирного мирового порядка, Бен объясняет, «что делать» и «что можно сделать сейчас»: от образовательных мер («необходимо прививать детям, что человечеству гораздо лучше жить, чем умирать за высшую честь какого-то правителя или секты») и мобилизации общественного мнения до конкретных предложений по разрешению текущих конфликтов.

Несмотря на все надежды и уверенность, Бен прекрасно понимал, что мир остается «трудноуловимой добычей». Он

видел, что «свет прогресса мерцал и тускнел время от времени». Тем не менее не было причин для отчаяния. С точки зрения истории, за короткий период, прошедший со времени Второй мировой войны, были сделаны наиболее значительные шаги, чем когда-либо в истории человечества. Урегулирование международных споров мирными средствами — это вопрос не столько идеализма, сколько собственных интересов. Речь идет о чистом выживании: «Самым убедительным стимулом для спокойного, управляемого законами мира сегодня является тот факт, что нет других разумных альтернатив».

Это осознание стремительно распространялось — от выхода в свет оригинального издания 1985 года до публикации немецкого перевода в 1989 году — накануне падения Стены. Рейган и Горбачев объявили об окончании холодной войны. В 1987 году в Договоре о РСМД⁵² было принято решение отказаться от ядерных ракет средней дальности, угрожавших Европе. На Ближнем Востоке ООП⁵³ объявила Палестину независимым государством. Она признала право Израиля на существование и заявила о готовности вести мирные переговоры на основе планов ООН. Война между Ираном и Ираком исчерпала сама себя. На юге Африки ангольские и южноафриканские войска были выведены из Намибии, страна находилась на пороге независимости. В Центральной Америке прекратились боевые действия в Никарагуа. Все эти события вдохновляли Бена в его борьбе за разумный международный порядок, основанный на мире.

Бен посвятил свою «Позицию здравого смысла» главам государств США и Советского Союза, «которые проявили

⁵² Договор между СССР и США о ликвидации их ракет средней и меньшей дальности. Распространялся на баллистические и крылатые ракеты с дальностью от 500 до 5500 км. Договор был бессрочным, однако его действие было прекращено 2 августа 2019 года по инициативе американской стороны.

⁵³ Организация освобождения Палестины.

мужество и мудрость, чтобы преодолеть свои страхи и урегулировать разногласия, чтобы все, кто живет на этой планете, могли жить вместе в мире и достоинстве независимо от расы и вероисповедания». Чтобы они узнали об этом, 25 октября 1985 года он отправил первые экземпляры свежотпечатанной работы президенту Рейгану и генеральному секретарю Горбачеву.

«Сотая обезьяна». Как пережить безумные времена

Вскоре после того, как была опубликована «Позиция здравого смысла», Бен получил странный телефонный звонок. «Я Кен Киз из Куэ Бэй, штат Орегон, а вы — сотая обезьяна!» — сказал человек на другом конце провода. Бен уточнил, не ошибся ли он номером. Звонивший ответил отрицательно. Он оказался автором книги «Сотая обезьяна» (*The Hundredth Monkey*) (1982). В книге Киз изложил следующую теорию: фундаментальные изменения в мышлении и действиях происходят тогда, когда количество людей, преследующих конкретную цель, достигает критического значения. Название феномена (в поведенческих исследованиях спорного) произошло от следующего исследования: обезьян в течение нескольких поколений учили мыть картофель. После того, как обезьяна, которую условно называли сотой, освоила этот навык, благодаря передаче знаний от одного разума к другому все особи одного вида во всем мире научились мыть картофель.

Книга Киза поддерживала популярную теорию, но не с точки зрения зоологии, а относительно того, как положить конец ядерной гонке вооружений. Прочитав «Позицию здравого смысла», Киз поверил, что нашел в Бене именно того союзника, который поможет достичь критической массы, необходимой для установления мира во всем мире. Он попросил у Бена разрешения издать книгу миллионным тиражом

при условии, что ни один из них на ней не заработает. «Я подумал, что он сумасшедший», — рассказывал Бен.

Бен ошибался. Вскоре он провел небольшое исследование и обнаружил, что Киз написал много популярных книг о том, как быть счастливым, наслаждаться жизнью и создать лучший мир. Автор оказался талантливым пиарщиком, который точно знал, какие методы нужны, чтобы завоевать большую аудиторию. Он предложил Бену вместе создать книгу, которая станет еще более популярной, чем проект достижения мира. Бен согласился после того, как Киз пообещал, что не станет предпринимать никаких действий, пока Бен их не одобрит. Бен предоставил текст, а Киз позаботился о том, чтобы выход книги прошел по всем правилам маркетинга. В 1988 году книга была впервые продана в Америке, а затем и в других странах. В качестве названия они выбрали неологизм «Планетарность» (*Planethood*), производный от слов «планета» (*planet*) и «государственность» (*nationhood*). Книге требовалось более широкое понятие, чем нация, в которую входят все жители земли.

Вверху на синей обложке было напечатано обращение к читателю: «Декларация высшего права человека находится на следующей странице». Внизу, в желтой овальной рамке — «Эти восемь шагов могут спасти вашу жизнь!». Подзаголовок обещал «ключ к вашему выживанию и процветанию». Провозглашенное на обложке право гласило: «Я имею право жить в мирном обществе, свободном от смертельной угрозы ядерной войны». В противоположность юридическим томам Бена с бесчисленными сносками, в карманной книжице, созданной Кизом, использовались различные элементы графического дизайна, а основные положения были выделены жирным шрифтом. На каждой странице в рамочке были выделены подходящие цитаты известных людей, от Джорджа Вашингтона до Дуайта Д. Эйзенхауэра и Папы Римского Иоанна Павла II. У этого издания была интересная особенность: «Планетарность» не была защищена

авторским правом. Автор и издатель заявляли, что не хотят заработать ни цента на книге, а любая прибыль будет использована для дополнительного тиража. Читатели могли купить экземпляр или размножить его и передать своим друзьям и знакомым.

Чем больше экземпляров покупал человек, тем дешевле ему обходилась покупка одной книги. При покупке до ста экземпляров, книга стоила 70 центов. Если кто-то приобретал от ста до тысячи экземпляров, то каждая книга стоила 50 центов, а доставка была бесплатной. Однажды на конференции миротворческой организации к Бену подошла пожилая дама. Она с гордостью сказала ему, что купила тысячу экземпляров «Планетарности». Бен поинтересовался, какую организацию представляет дама. «Никакую», — ответила она, и Бен пошутил, что теперь она может прочитать тысячу книг по одному разу вместо того, чтобы тысячу раз читать одну книгу. «О, нет, — рассмеялась женщина. — В воскресенье я поеду на Бродвей и буду продавать книги по доллару». На вырученные деньги женщина хотела приобрести новые экземпляры.

Концепция Киза, похоже, сработала. Через три года после первой публикации и нескольких переизданий общий тираж подбирался к миллиону экземпляров. Этот «сумасшедший» оказался прав. «Тонкая книжонка оказала на общественное мнение большее влияние, чем все мои юридические тома вместе взятые», — заметил Бен.

За все это время Бен и Киз ни разу не встретились. Они общались по телефону и вели переписку. Однажды Киз позвонил Бену и сообщил, что приехал в Нью-Йорк на лекцию и, конечно, будет рад встретиться с Беном. Киз не мог позволить себе гостиницу, поэтому остановился у родственников и был бы рад, если бы за ним и его женой Пенни заехали туда. Бен подъехал и позвонил в дверь. Его встретила Пенни, молодая улыбчивая женщина крепкого сложения. Она попросила Бена немного подождать и пошла за Кеном.

Через несколько минут она вернулась, держа на руках сияющего пожилого мужчину с аккуратно причесанной бородой и ясными глазами. «Кен Киз, человек, который был так полон любви, надежды и оптимизма, страдал квадриплегией». Он даже не мог поднести ложку ко рту. Пенни сидела на пассажирском сиденье и держала на коленях Кена, весившего чуть больше 30 килограммов. Так началась их «теплая и продолжительная дружба».

Однажды Бен встретил Киза на Центральном вокзале и докатил его на инвалидной коляске по улицам Нью-Йорка до здания ООН. Там автора «Сотой обезьяны» знали и ценили. В его честь устроили небольшой прием. Бен поднес микрофон к инвалидному креслу, «и Киз сказал трогательные слова о необходимости улучшения ООН и создания более гуманного общества». Он вдохновил публику высказыванием: «Мы все должны быть как Атлант, который держит мир на своих плечах». Бен ответил коротким заявлением и спросил: «Если этот человек готов быть Атлантом, то по какому праву мы делаем меньше?»

«Неполноценный профессор» с собственным институтом

Себе он уже давно задал этот вопрос — и ответил на него. С неугасающим рвением он продолжал свою миротворческую деятельность по различным популярным и академическим каналам. Бен участвовал в телевизионных фильмах и радиопередачах, часть из которых достигала миллионной аудитории. Авторитетная «Энциклопедия международного права», издаваемая Институтом зарубежного и международного публичного права им. Макса Планка в Гейдельберге опубликовала несколько его статей. Он читал лекции в десятках школ и университетов Америки и Европы. С 1985 по 1990 год Бен преподавал международное право в Школе права Пейс в Нью-Йорке. Курс был основан на нескольких

книгах, написанных им по этой теме. Бену присвоили звание адъюнкт-профессора, но он не придавал этому особого значения. Он убедился на опыте, что много на этом не заработаешь, а иерархически он стоял ниже обладателей полного профессорского звания. Поэтому вместо адъюнкт-профессора (*adjunct professor*) он в шутку называл себя «неполноценным профессором» (*a junky professor*).

Даже сейчас он постоянно думал о том, как наиболее эффективно осуществлять свою миссию. Преподавание в университете являлось одним из вариантов, но могли быть лучшие способы и средства. Его следующей рискованной затеей стало создание независимого междисциплинарного института, отдаленно связанного со Школой права Университета Пейс. Он назвал его «Центр мира Пейс» — *Race Peace Center*, что указывало на связь с Университетом и содержало параллель с итальянским словом «мир» (*pace*), происходящим от латинского слова *рах*, — так что главный термин появился в названии дважды. Бен работал исполнительным директором на общественных началах, а Гертруда — его помощником на не менее общественных началах. Офисы были открыты по их домашнему адресу на Бэйберри Лейн в Нью-Рошель.

Благодаря своей превосходной международной сети контактов, он смог убедить экспертов и организации со всего мира в необходимости сотрудничать. В июне 1990 года Бен организовал конференцию с участием экспертов из Советского Союза. Темой были идеи, выдвинутые Михаилом Горбачевым в различных публикациях и выступлениях по прекращению холодной войны и дальнейшему разоружению. Дискуссии были записаны на пленку и, когда Гертруда их расшифровала и распечатала, опубликованы в виде книги «Всемирная безопасность для 21 века» (*World Security for the 21st Century*). Это было время гласности и перестройки, советская империя переживала бурную реконструкцию и была на грани краха. Искреннее стремление Горбачева

к примирению совпадало с пониманием насущной необходимости положить конец губительной гонке вооружений. Тем временем Бен и его советские гости обсуждали, как можно поддержать и, возможно, ускорить процесс сближения своих правительств.

Чтобы обеспечить финансирование «Центра мира Пейс», Бен предпринял попытку собрать средства. Однако собрать достаточную сумму оказалось нелегко. «Я ненавижу умолять о пожертвованиях», — признался Бен. Поэтому через несколько лет он прекратил деятельность института — но не свою активную работу.

«Право лучше войны»

Подобно тому, как философ Блез Паскаль из трезвого расчета делал ставку на существование Бога, — ведь если Бог существует, то лучше верить в него, — Бен продолжал выполнять свою миссию, даже если иногда дело казалось безнадежным. «Я не был уверен, что мои усилия действительно принесут плоды, но я точно знал, что они не повредят, — рассуждал Бен. — Поэтому я решил исходить из оптимистического варианта и продолжил распространять свои идеи».

В 1993 году в течение многих месяцев Бен каждое утро вставал в пять часов, садился за стол и работал до девяти вечера, прерываясь только на еду и зарядку. Нормальные люди делают наоборот — работают с девяти до пяти, бросала ему жена. «Она беспокоилась, что я могу потерять зрение и рассудок». Бена нельзя было остановить. Результатом работы стала еще одна всеобъемлющая книга «Новые правовые основы глобального выживания» (*New Legal Foundations for Global Survival*), опубликованная в 1994 году издательским домом «Ошеана Пабליкейшнз». Гертруда, справедливая первая читательница, сочла ее лучшей. В «Американском журнале международного права» статью назвали

шедевром. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан направил Бену восторженную оценку, заявив, что эта замечательная работа поддерживает все, за что выступает Организация Объединенных Наций.

Как следовало из подзаголовка «Безопасность через Совет Безопасности», в исследовании критически рассматривался мощный «Клуб пяти» с точки зрения нерешенной проблемы мира во всем мире. Цели Устава ООН не могут быть реализованы до тех пор, пока великие державы придерживаются статус-кво мирового порядка, в котором они ставят свой традиционный суверенитет выше всего остального. Учредительные акты ООН должны, наконец, толковаться таким образом, чтобы организация была способна выполнить свою первоначальную задачу. В принципе, все просто: государства должны были всего лишь выполнять юридические обязательства, которые они взяли на себя, подписав Устав. «Но они никогда не давали ООН такой возможности», — писал Бен.

В книге содержалась не только критика, но и предлагались конкретные решения. Например, Бен сформулировал двенадцать проектов резолюций по укреплению международного права. Он призвал державы, обладающие правом вето, отказаться от своих «несправедливых» привилегий и представлять не только собственные народы. Ситуация в мире слишком опасна для эгоистичных силовых игр. «Я пытался заставить их понять, что они торгуют не бананами, а судьбой человечества», — говорил Бен. Эффективные изменения станут возможны только тогда, когда голоса всех людей и всех наций будут звучать громко и отчетливо.

В эпоху оружия массового уничтожения идеологическая борьба между «реалистами» и «идеалистами» бессмысленна — воинствующие политики приведут лишь к тотальному уничтожению. В связи с этим Бен напомнил о президенте Эйзенхауэре, который еще в 1958 году сказал: «В очень реальном смысле у мира больше нет выбора между силой

и правом. Если цивилизация хочет выжить, она должна выбрать верховенство права». Консервативный Эйзенхауэр — главнокомандующий Бена во Второй мировой войне — конечно, не был идеалистом-мечтателем. Как и Рональд Рейган, который понял, что ядерное оружие никогда не должно применяться. «Право лучше войны» — это кредо должно быть «понятно любому разумному существу» в сложившихся обстоятельствах.

В любом случае Бен никогда не терял надежду, что когда-нибудь так и будет. Всякий раз, когда он видел новые возможности, он их использовал. Современные технологии и Интернет предлагают такие информационно-образовательные инструменты, которые раньше были немыслимы. Они укрепили его убежденность в том, что «перемены снизу» возможны.

От «конца истории» к Югославской войне

Бен завершил свой книжный проект (который, как надеялась его заботливая жена, станет последним) в том возрасте, «когда нормальные люди обычно прощаются с этим миром». Ему было семьдесят четыре года, но Бен даже слышать не хотел о занятиях, не имевших отношения к тому, что он считал своей профессией и призванием. Не проходило ни дня, чтобы он не работал часами. Для того чтобы распределить свои силы и использовать их как можно эффективнее, он решил до конца своей жизни сосредоточиться на двух целях, которые были связаны с уроками, выученными в Нюрнберге. Первая заключалась в создании постоянного Международного уголовного суда, вторая — в объявлении войны вне закона. Он работал над этими задачами в течение десятилетий, но не был удовлетворен достигнутым прогрессом. Страстная борьба за мир и справедливость должна продолжаться и, наконец, приносить результаты.

Путь от Нюрнберга до Гааги был долгим: от военных трибуналов, которые были созданы в чрезвычайной исторической ситуации после Второй мировой войны, до постоянного учреждения, созданного под эгидой ООН⁵⁴. Но затем события стали развиваться слишком быстро. На 1989–1991 годы пришлось падение Берлинской стены, воссоединение Германии и распад Советского Союза. Многие надеялись, что начнется новая, более мирная эпоха. Завершившееся противостояние Востока и Запада позволяло надеяться на стабильный порядок и преодоление системной вражды. Глобализация финансовых рынков, экономики, технологий и средств массовой информации породила идею, а возможно, и эйфорию, всеобщего единства. Казалось, мир уменьшается до размера большой деревни. Демократию и социальную рыночную экономику приветствовали так, словно не было других альтернатив. Фрэнсис Фукуяма обосновал представление о «конце истории» и тем самым дал важный импульс для переосмысления прошлого, настоящего и будущего.

Но старые противоречия никуда не исчезли, вдобавок возникали новые опасности. Исламизм, терроризм, авторитарные режимы в разных проявлениях и на разных континентах влияли на мировоззрение людей. Было больно осознавать, что вооруженные конфликты не исчезнут сами по себе. Война в Югославии, разразившаяся в 1991 году и продолжившаяся в новом тысячелетии, стала шоком для европейской общественности. Новости о массовых изнасилованиях и фотографии истощенных пленных, напомнившие Бену об Аушвице, обошли весь мир. Никто не думал, что Европе снова придется пережить такую резню в конце XX века.

⁵⁴ Римский статут — договор, учредивший Международный уголовный суд, — был разработан и принят на дипломатической конференции, созванной ООН. Однако этот суд является самостоятельной организацией и не входит в систему ООН.

Эти события показали, что необходим постоянный Международный уголовный суд. «Ход истории часто определяется непредвиденными и непредсказуемыми событиями», — пишет Бен в «Историях». Так было и здесь. «Хотя люди утверждают, что они единственные разумные животные, значительные социальные изменения чаще вызваны страданиями, чем разумом». Вспыхнувшая гражданская война в бывшей Югославии ускорила работу по созданию международных уголовных трибуналов. Процессы ООН, которые Бен часто находил настолько медленными, что «их могла обогнать даже черепаха на костылях», теперь были эффективными. По словам Бена, это означало, что Организация Объединенных Наций действительно может действовать быстро, если ее ведущие члены проявляют волю и мужество.

За два месяца были подготовлены учредительные документы, и 25 мая 1993 года резолюцией 827 Совета Безопасности ООН был создан Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии. Инициативу, в которой деятельное участие приняли США, Бен оценил положительно, но не обошелся без критики. По его мнению, позиция США объяснялась тем, что Соединенные Штаты были «мало заинтересованы» в отправке солдат на Балканы и предпочли вместо этого невоенное решение. «Поскольку юрисдикция трибунала была ограничена преступлениями, совершенными в бывшей Югославии после 1991 года, и в их совершении не принимали участие американские войска, правительству США было нечего опасаться», — считал Бен.

Трибунал *ad hoc* просуществовал до конца 2017 года; из 161 обвиняемого были осуждены 84 человека⁵⁵, включая лидера

⁵⁵ Трибуналом были осуждены 90 человек, трое обвиняемых, включая Р. Младича, ожидают завершения рассмотрения поданных ими апелляций, 19 человек были оправданы, дела 37 по разным основаниям, в том числе смерти обвиняемых, были прекращены, а дела 13 — переданы для судебного разбирательства в судах государств, ранее входивших в состав Социалистической Федеративной Республики Югославии.

боснийских сербов Радована Караджича и его главнокомандующего генерала Ратко Младича (обоих приговорили к пожизненному заключению). Бывший президент Республики Сербия Слободан Милошевич скончался в ходе судебного разбирательства в марте 2006 года и избежал приговора.

С первым председателем трибунала, итальянским профессором международного права Антонио Кассезе, Бена связывали не только дружеские и профессиональные отношения, но и честь разделить одну из престижнейших европейских наград. В 2009 году они совместно получили Премию имени Эразма. «Обвинитель и судья вместе воплощают в себе историю международного уголовного права от Нюрнберга до Гааги», — говорится в сборнике интервью и статей двух первопроходцев, изданном Хейкелиной Веррэйн и Марлизой Симмонс, «Обвинитель и судья» (*The Prosecutor and the Judge*).

Лихая езда с Ричардом Голдстоуном

Плохое предчувствие того, что насилие былых времен вернется в повестку дня, и «новый мировой порядок» после окончания холодной войны приведет, скорее, к мировому беспорядку, подтвердил геноцид в Руанде. В течение нескольких недель с апреля по середину июля 1994 года около 800 000 человек были зарублены мачете и убиты иными способами. Преступниками были представители народности хуту, а жертвы в массе своей принадлежали к народу тутси. Сообщество государств видело приближение катастрофы — о геноциде было объявлено, — но не предотвратило его. «То, что такие ужасы могут происходить несмотря на уроки Холокоста, остается еще одним позорным пятном на нашей цивилизации, — считает Бен. — Крупные нации отреагировали слишком медленно и слабо, поскольку ни один из их жизненно важных интересов не был поставлен на карту». Совет Безопасности ООН, встревоженный общественным возмущением, быстро создал еще один

специальный суд — Международный уголовный трибунал по Руанде. По образцу трибунала по Югославии он был временным и имел ограниченную юрисдикцию.

Первым главным обвинителем в обоих трибуналах был южноафриканский эксперт по международному праву Ричард Голдстоун. Совмещение должностей обеспечивало единую практику, а также экономило затраты и по возможности спасало жизни. Выполнять такие обязанности было небезопасно. Однажды Бен ехал с Голдстоуном в Гаагу на бронированном автомобиле, и водитель мчался, словно по гонимой трассе. Голдстоун объяснил, что его водитель должен всегда ездить с бешеной скоростью, чтобы свести к минимуму риск нападения.

Около 1996 года Бен едва не принял предложение о работе, связанной с геноцидом в Руанде. Во время международной конференции в Париже новый министр юстиции Руанды Фаустин Нтезирьяйо, именуемый «Джо-Джо», пригласил Бена приехать в Кигали и проконсультировать правительство относительно того, как поступить с бесчисленным множеством преступников. Бен сказал министру, что сначала должен посоветоваться с женой. Он рассказал Гертруде о предложении и спросил, не хочет ли она сопровождать его. Гертруда спросила, что их там ждет, и Бен ответил: «Сто тысяч убийц». Ответ был честный, но не успокаивающий. «Ты с ума сошел?» — воскликнула Гертруда и настоятельно отговорила его от поездки. Бен не стал противиться ее «мудрому решению».

Специальные трибуналы по преступлениям против человечности, совершенным в бывшей Югославии и Руанде, Бен считал «важными шагами вперед». Но они были временными и имели ограниченную юрисдикцию. «Чтобы избежать неприкосновенности от судебного преследования, которой главы государств и другие лица пользовались в прошлом, все члены правительства должны знать, что в будущем они будут нести ответственность за свои преступления», — считал

Бен. Постоянно действующий суд необходим для того, чтобы привлекать к ответственности политических преступников, «когда и где бы они ни находились».

Чек для Кофи Аннана

«Долгое время я был одиноким вопиющим в пустыне», — говорит Бен о своей десятилетней борьбе за создание Международного уголовного суда. Но в начале 1990-х годов начались некоторые подвижки. Организация «Международная амнистия» разместила в «Нью-Йорк Таймс» объявление на целую полосу с призывом создать такой суд и вносить пожертвования. К кампании присоединились «Хьюман Райтс Вотч» и другие неправительственные организации (НПО). В продвижении этой идеи особенно преуспел Уильям Р. Пейс, исполнительный директор организации «Всемирное движение федералистов». В созданной им Коалиции за Международный уголовный суд (СІСС) собралось множество участников. «Центр мира Пейс» Бена также участвовал вместе с Комитетом бывших обвинителей Нюрнбергских процессов. Их усилия поддерживали различные правительства. Но, в конце концов, Бен остался свободолюбивым и независимым одиноким борцом. Поэтому Пейс в шутку назвал его НПИ — «неправительственным индивидуалистом».

Это не означало, что Бен не поддерживал неправительственные организации, когда они в нем нуждались. Так было в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке в 1997–1998 годах. В связи с тем, что число активистов, слушавших дискуссии соответствующих органов на балконе, значительно возросло, ООН прекратила свою практику распространения официальных документов среди неофициальной аудитории. Однако без этих документов было невозможно следить за дебатами. «Я был в бешенстве, — вспоминал Бен. — Я направился в офисы высшего руководства Генерального секретаря Кофи

Аннана, где меня остановил обычный охранник. Я объяснил ему ситуацию, выписал чек на 500 долларов и попросил передать чек Генеральному секретарю. Эти деньги должны были покрыть расходы на соответствующие документы, в которых нуждались НПО. Через несколько минут охранник вернулся и объявил, что все документы готовы к немедленному использованию. Он не вернул чек». Бен знал, что Аннан был на его стороне, «но если колесо немного смазать, оно крутится быстрее».

Ликование в Риме

В любом случае вопрос создания международного суда приобретал все большую актуальность. В 1996 году Генеральная Ассамблея ООН учредила подготовительную комиссию для разработки проекта договора. Начало этому процессу положила резолюция, представленная Карибским островным государством Тринидад и Тобаго в 1989 году. В ней содержалось поручение Комиссии международного права, состоящей из 34 членов, изучить вопрос о путях создания Международного уголовного суда. Безымянными соавторами тогдашнего премьер-министра, а затем президента Тринидада и Тобаго Артура Н. Р. Робинсона были Бен и профессор международного права Роберт Курт Вётцель. Теперь, семь лет спустя, начинался решающий этап.

Президент США Билл Клинтон лично содействовал осуществлению этой инициативы. «До конца века мы должны создать постоянно действующий международный уголовный суд, который будет наказывать за самые серьезные нарушения международного⁵⁶ гуманитарного права», — заявил он 22 сентября 1997 года Генеральной Ассамблее ООН.

⁵⁶ В выступлении Клинтона определение «международное» применительно к термину «гуманитарное право» не обнаружено.

Дэвид Дж. Шеффер, занимавший недавно созданную должность посла США по особым поручениям по вопросам военных преступлений в Госдепартаменте во время второго срока Клинтона с 1997 по 2001 год, подтвердил позицию правительства в своей речи в Центре Картера 13 ноября. США будут постоянно поддерживать «справедливый, эффективный и действенный суд». Это существенно важно для его функционирования. Ведь история показала, что новые международные институты могут потерпеть неудачу без убедительной вовлеченности со стороны Соединенных Штатов — «как Лига Наций».

Однако доклад, представленный Подготовительной комиссией в апреле 1998 года, все еще изобиловал «подавляющими разногласиями». Пункты, по которым не было достигнуто соглашение, были заключены в проектах в квадратные скобки. «Была как минимум тысяча — да, тысяча — таких разногласий», — вспоминал Бен. Этот доклад послужил основой для Римского статута, который, словно небольшое дипломатическое чудо, был принят 17 июля 1998 года после пятидневной конференции в итальянской столице. Он является официальным учредительным документом Гаагского суда и определяет четыре тяжких международных уголовных преступления: геноцид, преступления против человечности, военные преступления и агрессия.

Именно за это Бен со всей страстью боролся почти полвека. Было полностью справедливо, что он — в сопровождении Гертруды — посетил конференцию в качестве гостя. Дипломаты и политики приветствовали его как живой символ Нюрнбергского процесса. В короткой речи он поблагодарил их за оказанную честь и объяснил, что приехал в Рим, чтобы «говорить за тех, кто не может говорить, — за жертв ужасных преступлений». Он призвал делегатов последовать примеру Нюрнберга: «Время пришло, пора действовать!» Они разразились бурными аплодисментами. «Мою жену переполняла гордость», — вспоминал Бен.

Как на сцене, так и за кулисами в течение пяти решающих недель шла борьба вокруг формулировок, содержания и полномочий. Между малыми государствами и крупными державами образовалась пропасть. В то время как одни были убеждены в том, что без верховенства права их существование будет поставлено под угрозу, другие не желали, чтобы их безопасность — или даже агрессивные побуждения — зависели от суждений непроверенного международного института. В последний день конференции, 17 июля, в воздухе витало такое напряжение, что, казалось, его можно потрогать, вспоминал Бен. Как только наступила ночь, председатель, посол Филипп Кириш из Канады, закончил дискуссии. Его называли «волшебником» из-за способности выудить из рукава работоспособный компромисс в безнадежной, казалось бы, ситуации. В последнюю минуту было отклонено предложение Индии и Пакистана включить в список военных преступлений применение первым ядерного оружия. Предложение было отклонено странами, «которые имели большой ядерный арсенал». Бен заметил, что убивать врага ядовитыми замечаниями по-прежнему незаконно, в то время как термоядерным взрывом разрешалось уничтожать целые города. Оливер Уэнделл Холмс — младший, — один из самых авторитетных юристов — был прав, когда говорил, что право прирастает через опыт, а не через логику.

Кириш положил конец суматохе, попросив участников проголосовать по всему уставу полностью. Бен рассказывал: «Председатель, вспотевший и дрожавший от волнения, объявил результат». 120 государств проголосовали за, семь — против, 21 — воздержалось. «Римский статут был принят как конституция первого в истории человечества постоянного уголовного суда! Зал был вне себя от радости. И я тоже».

США и Израиль были в числе тех, кто голосовал против. Бен присоединился к тем, кто радовался и поддерживал

создание нового суда, но ему было больно видеть, как делегаты со всех сторон окружают американских представителей и продолжают ритмично хлопать, с вызовом глядя на голосовавших против. В центре сидел Дэвид Дж. Шеффер, который производил удручающее впечатление. «Моя радость от победы верховенства закона была омрачена сожалениями об американской оппозиции, а мой друг Дэвид, представлявший Соединенные Штаты в качестве лояльного госслужащего, был вынужден нести бремя унижений», — говорил Бен.

Бен также поддерживал особые отношения с представителем Израиля, послом Илаем Натаном. В 1952 году они вместе работали на переговорах по соглашению о возмещении ущерба. Израиль обосновал свое «нет» тем, что в список военных преступлений был добавлен пункт, запрещающий перемещать собственное население на оккупированные территории. С израильской точки зрения, это было посягательство на права переселенцев. Бен предполагает, что сыграла свою роль «зависимость» Израиля от «старшего брата» США. Впоследствии Натан отправил личное письмо Бену с обоснованием. Он считал, что Израиль в основном поддерживает Международный уголовный суд.

Неожиданный звонок от господина секретаря

Бен считал сопротивление Соединенных Штатов постыдным. «Я вспоминал пронзительные речи Роберта Джексона и Телфорда Тейлора в Нюрнберге, которые своими призывами вдохновили мир на новое, всецело обязывающее верховенство закона», — рассказывал Бен. Он не упоминал, что сам заложил основу для создания суда, хотя об этом свидетельствовало уважение, с которым все относились к Бену. Даже после восьмидесяти лет Бен мог использовать свой авторитет и оказывать влияние. После принятия решения в Риме борьба продолжилась на внутривнутриполитическом

фронте. Прежде всего, консервативные законодатели опасались утратить суверенитет в том случае, если США подчинятся Гаагскому суду. Пентагон, спецслужбы и генеральный штаб армии⁵⁷ предупреждали, что в таком случае американские военные действия будут ограничены.

В этой накалившейся обстановке Бен однажды осенью 2000 года получил неожиданный телефонный звонок. «Меня не было дома, — вспоминал Бен. — Жена сказала, что мне звонил бывший министр обороны Макнамара. Я перезвонил Макнамаре и узнал, что он хочет, чтобы я написал гостевую статью для «Нью-Йорк Таймс», под которой мы подпишемся вдвоем». Проблематика статьи, предложенная Макнамарой, поразила Бена: призвать Соединенные Штаты поддержать Международный уголовный суд. Бен ответил: «Господин секретарь, вы понимаете, что если бы у нас был такой суд, вы могли бы стать одним из первых обвиняемых?» Макнамара, министр обороны США с января 1961 года по февраль 1968 при президенте Линдоне Б. Джонсоне, считался одной из движущих сил эскалации войны во Вьетнаме. Он проводил изматывающую борьбу, успех которой измерялся Body Count — количеством убитых врагов. В конце концов, Макнамара посчитал эту стратегию неудачной и ушел в отставку. Он сменил должность и стал президентом Всемирного банка. И теперь «ястреб» вьетнамской кампании хотел призвать администрацию Клинтона поддержать уголовный суд? Макнамара ответил Бену, что в то время он не знал, что война была незаконной. Если бы он знал, он поступил бы по-другому.

Продолжение истории Бен узнал от Дэвида Шеффера. Он сообщил, что у президента на столе лежали две стопки

⁵⁷ Так в оригинале — «генеральный штаб армии» (Generalstaf der Armees). Гут допускает неточность: в США функции генерального штаба выполняет Комитет начальников штабов, в который входят начальники штабов видов и самостоятельных родов войск. В структуре сухопутных сил — армии — собственного «генерального штаба» нет.

писем: большая — против суда, меньшая — в его поддержку. Сверху на маленькой стопке лежала статья из «Нью-Йорк Таймс», подписанная Макнамарой и Бенном, которую опубликовали 12 декабря 2000 года. Через несколько недель Клинтон, тщательно изучив мнения обоих лагерей, решил, что США должны присоединиться к Римскому статуту. Это был один из его последних официальных актов в Белом доме — и время было на исходе. Шеффер сразу же направился в штаб-квартиру ООН в Нью-Йорке, где подписал договор от имени США. В своих мемуарах «Все пропавшие души» (*All the Missing Souls*) (2011) Шеффер описывает драматические обстоятельства подписания в последнюю минуту 31 декабря 2000 года. В то воскресенье выпало много снега, движение транспорта было парализовано, и ему пришлось пробиваться пешком от Пенсильванского вокзала до штаб-квартиры ООН. После того как Шеффер подписал договор от имени США⁵⁸, израильский посол сделал то же от имени своего правительства⁵⁹.

Внутриамериканские дебаты по этому вопросу еще не завершились. Согласие имело характер заявления о намерениях. Для ратификации договора требовалось решение сената большинством в две трети голосов. С преемником Клинтона Джорджем Бушем ветер подул в другую сторону. Отрицательное отношение в Конгрессе, где доминировали консерваторы, проявилось в различных законах, направленных против Международного уголовного суда. Они возникли в контексте «войны с террором», объявленной Бушем в ответ на исламистские нападения 11 сентября 2001 года

⁵⁸ Президент Клинтон, отдав распоряжение о подписании Римского статута, одновременно заявил о намерении не начинать процедуру его ратификации и не рекомендовал делать этого своему преемнику до тех пор, пока «не будут учтены фундаментальные озабоченности США».

⁵⁹ Дипломатической нотой от 28 августа 2002 года Израиль уведомил генерального секретаря ООН об отсутствии намерения становиться стороной Римского статута.

на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке и другие уязвимые цели. Атаки, которые раньше казались немыслимыми, ударили прямо в сердце гордой сверхдержавы, усилив ее неприязнь к зарубежным судьям в далекой Европе. Джон Болтон, заместитель государственного секретаря, позднее американский посол в ООН, а до недавнего времени советник президента Дональда Трампа по вопросам безопасности, дезавуировал подпись Шеффера в мае 2002 года. Рядом с ней в договоре стояла звездочка⁶⁰ со ссылкой на соответствующее письмо Болтона Кофи Аннанду.

Лидером противоположной стороны в Сенате был консервативный Джесси А. Хелмс из Северной Каролины, председатель сенатского комитета по иностранным делам. В Палате представителей его поддерживал техасский коллега по партии Томас Д. Делэй. Они были авторами Закона о защите американских военнослужащих, который вступил в силу после подписания его Бушем 2 августа 2002 года. Цель закона состояла в том, чтобы защитить американских солдат и правительственных чиновников от преследования «международным судом», в котором «Соединенные Штаты не участвуют». Он уполномочил президента сделать все возможное, чтобы освободить американский или союзный персонал, если он будет содержаться под стражей в Гааге. Поэтому критики прозвали его «Законом о вторжении в Гаагу».

Бен возражал аргументам противников ратификации. Он выступил с «кампанией одного человека» и подробно разъяснил свою позицию. Объявить войну террору для него звучало, как объявить войну греху — и то и другое бессмыслица. Он удивился, когда Буш подчеркнул, что хочет привлечь к ответственности Усаму бен Ладена, предполагаемого

⁶⁰ По всей видимости, Гут имеет в виду ссылку в официальной базе международных договоров, зарегистрированных в Секретариате ООН, правда, в виде цифры 12, а не звездочки, на дипломатическую ноту от 6 мая 2002 года, которой США уведомили Генерального секретаря ООН об отсутствии у них намерения становиться стороной Римского статута.

организатора нападений, но при этом не упомянул Международный уголовный суд. Бен напоминал о сценах линчевания в 1993 году в столице Сомали Могадишо, когда торжествовавшие боевики волокли по улицам тела американских солдат. Такие дела будут рассмотрены судьями в Гааге. Предположения о том, что независимый прокурор может неоправданно обвинять американских граждан и препятствовать США в реализации их гуманитарных или военных целей, безосновательны. «Только виновные должны бояться верховенства закона», — убеждал Бен.

Несмотря на внутривнутриполитические распри в Соединенных Штатах Америки, Римский статут вступил в силу в июле 2002 года, когда число его участников достигло 60. В штабе ООН в Нью-Йорке состоялась небольшая церемония, на которую был приглашен Бен. Место, зарезервированное за представителем США, пустовало. Еще до начала официальной части церемонии Бен — проницательный и хитрый проказник, которому было за восемьдесят, — сел в кресло и сложил пальцы правой руки в жест «виктория». Результаты опроса, согласно которым большинство американцев высказались за присоединение США, воодушевляли его. В то же время ему было стыдно за то, что его «страна, которая внесла основной вклад в Нюрнбергский судебный процесс и поддерживала многие другие международные уголовные суды, столь холодно обошлась с Международным уголовным судом».

Песочные замки в Схевенингене — королевский прием

В состав нового суда вошли восемнадцать судей из разных регионов мира. Многих из них Бен знал по годам совместной работы. Первым президентом стал Филипп Кирш, председательствовавший на дипломатической конференции в Риме. Во время выдвижения кандидатов Бен поддержал

Кирша. Также Бен дружил с судьей, дипломатом и экспертом по международному праву Хансом-Петером Каулем, бывшим главой делегации Германии, которая вела переговоры по Римскому статуту. Бен высоко оценил решающую позицию немецкого правительства и рассматривал ее как часть исторических изменений после Второй мировой войны: «Немецкий народ заплатил очень высокую цену за поддержку бесчеловечного режима Гитлера; и я удовлетворен тем, что немцы как нация усвоили уроки Нюрнберга и стали одним из сильнейших заступников верховенства права».

Судьи торжественно начали свою деятельность в Гааге 11 марта 2003 года. Это был совершенно особенный день для Бена. У него было два запоминающихся выступления: одно в качестве «неправительственного индивидуалиста» на пляже Схевенингена, а другое в официальном качестве, на приеме у голландской королевы. Активисты протестовали против американского «закона о вторжении» с помощью эффектной медиа-инсценировки. На популярном городском пляже, недалеко от Гаагского суда, они построили баррикады из песка и выставили картонные фигуры солдат в натуральную величину, в шутильной форме изображая сопротивление американской «освободительной» акции. Организаторы пригласили Бена принять участие в мероприятии. Бен согласился, но выдвинул два условия: он скажет заключительное слово, «чтобы опровергнуть любое ложное утверждение о моей стране», и во имя американского народа будет поднят флаг со звездами и полосами.

Погода утром 11 марта была дождливой и прохладной. Когда подошла очередь Бена выступить, он рассказал, что во время Второй мировой войны он высадился на пляже в Нормандии «в униформе армии США». Он прибыл туда, чтобы бороться за свободу. Сейчас он находится здесь, чтобы критиковать США, «но защитить репутацию американской общественности, которая верит в принципы Нюрнберга и верховенства права». Он поднял звездно-полосатый флаг,

подхваченный ветром, и призвал присутствующих вместе произнести заключительные слова американской присяги: «Свобода и справедливость для всех». Послышались аплодисменты, но у Бена «не было времени наслаждаться ими, так как нужно было поспешить на прием к Ее Величеству». В отеле ему как раз хватило времени, чтобы сменить испачканные песком туфли и переодеться.

Церемония в присутствии королевы Беатрикс, Генерального секретаря ООН Аннана и Его Королевского Высочества принца Зеида Раада Зеида аль-Хуссейна, посла Иордании при ООН и Председателя Ассамблеи стран — участниц Римского статута, прошла празднично и достойно. «Послы и другие видные деятели сидели за столами с белыми скатертями и цветами», — вспоминал Бен. Место Бена было прямо рядом с подиумом, где премьер-министр Нидерландов Ян Петер Балкененде произнес главную речь. «Он поприветствовал судей и уважаемых гостей, а затем, к моему большому удивлению, объявил, что это исключительное мероприятие, потому что здесь присутствую я». Должно быть, кто-то сказал премьер-министру, что Бену в тот день исполнилось 83 года. Балкененде произнес тост за бывшего главного обвинителя в Нюрнберге, который поддержали присутствовавшие. Все подняли за него бокалы. «Это была совершенно неожиданная и впечатляющая вечеринка по случаю дня рождения», — сказал Бен. Он не мог просить о более прекрасном и нужном подарке, чем открытие Международного уголовного суда.

Глава 10

«Я желаю счастья этому миру!»

Пятнадцать лет спустя после памятного празднования дня рождения Бена в столице Нидерландов Международный уголовный суд наконец-то включил агрессию в свою юрисдикцию. Это был еще один долгожданный успех для Бена, такого энергичного, но мирного Мистера Агрессия. В июле 2018 года ему исполнилось девяносто восемь лет, и он все еще неустанно боролся за идеалы, которым посвятил свою жизнь. Даже дожив до библейского возраста, он не видел причин сидеть сложа руки. Когда я снова посетил его в Делрей Бич в январе 2019 года, моим глазам представила невероятная сцена. Во время нашей долгой беседы вошла медсестра и поставила Бену капельницу из-за острой инфекции в ноге. Как ни в чем не бывало, он продолжал увлеченно разговаривать во время процедуры.

Мое удивление было еще сильнее, когда он сообщил, что в октябре прошлого года у него случился сердечный приступ во время полета на лекцию в Чикаго, как это случилось полвека назад по пути в Пуэрто-Рико. Многих более молодых людей такой удар, безусловно, вывел бы из строя. Его — нет. Бен не утратил чувства юмора после смертельно опасного инцидента и, как и прежде, рассказывал забавные истории: «Я проснулся в палате и увидел на стене большой крест с надписью “Госпиталь Воскресения Господня”. И я подумал: “Если я воскрес, то я, должно быть, прощен?”» Сын Дон и невестка Валентина сообщили, что ему установили четыре стента. «Теперь врачи пытаются понять, что со мной не так, — Бен наклонился ко мне и доверительно прошептал: — Я думаю, все дело в возрасте. Я должен принять во внимание, что я, вероятно, не бессмертен». Он с болью вспоминал об этом, когда 14 сентября 2019 года умерла Гертруда.

Бен поддерживает себя в хорошей физической и умственной форме. Если не случается ничего непредвиденного, он каждое утро делает зарядку: 115 отжиманий, почти километровую пробежку и такой же заплыв. Более всего впечатляет ясность его ума. Не проходит и дня, чтобы он не работал. По словам его детей, в последнее время Бен еще более востребован, чем раньше. Четверо его детей — после обычного «временного безумия» пубертатного возраста — выучились и сделали карьеру: Кери — IT-специалист и переводчик, Робин — социальный работник, Нина — юрист Агентства по охране окружающей среды в Нью-Йорке, а Дон, юрист и борец за мир, пошел по стопам отца.

Ежедневно Бен отвечает на звонки и электронные письма со всего мира, причем делает это так, словно всю жизнь пользовался компьютером. Сильные мира сего, которые, по его мнению, бросают миру вызов, не должны рассчитывать на старчески мягкую сдержанность. Когда в сентябре 2017 года президент Трамп пригрозил «полностью уничтожить» Северную Корею, если диктатор Ким Чен Ын не откажется от программы по созданию ядерного оружия, Бену невольно вспомнилась риторика СС. «Мои мысли сразу же вернулись к Нюрнбергу. Когда я слышу фразу “Америка первая”, на ум приходят “Хайль Гитлер” и “Германия превыше всего”», — говорил он.

Философ Фридрих Ницше в своих размышлениях «О пользе и вреде истории для жизни» писал, что ориентация на прошлое может не только сдерживать, но и вдохновлять. Опыт Второй мировой войны, Холокост и юридическая переоценка событий Нюрнбергского процесса стали для Бена точками отсчета, с которыми он сверяет каждую свою мысль и любое действие. Он не позволяет себя сломить. Даже в преклонном возрасте он по несколько часов в день проводит за письменным столом, пытаясь таким образом справиться с травмирующими переживаниями. Когда он рассказывал о пережитом, на его глазах выступили слезы.

Великий маленький человек в шортах с подтяжками, утонувший в кресле, казался таким хрупким и уязвимым — очевидцем событий непостижимого «века катастроф». Это длилось лишь мгновение, а затем к Бену вернулись его обычная энергия и жажда деятельности, благодаря которым он делает невозможное возможным. Он превратил скорбь и боль в надежду, как и предлагал в своем вступительном слове на открытии процесса по делу об айнзацгруппах 1947 года в Нюрнберге. С оглядкой на его судьбу, столь трогательную и волнующую, те слова кажутся сбывшимся пророчеством. «Никогда больше!» — для него не просто фраза, а миссия всей жизни.

За прошедшее столетие мир изменился так радикально, как никогда прежде в истории. «Когда я ходил в школу, не было ни международного уголовного, ни международного гуманитарного права — сегодня его преподают повсюду», — говорит Бен. По его словам, прогресс можно измерить тем фактом, что геноцид теперь запрещен. «Преступники, виновные в подобных ужасах, знают, что они могут предстать перед Международным уголовным судом». В последние годы по всему миру различными специальными трибуналами были привлечены к ответственности политики и военные, совершившие преступления.

В своих оценках Бен остается идеалистичным реалистом или реалистичным идеалистом — как вам угодно. «Конечно, есть трудности, но их можно преодолеть». Если рассматривать создание Международного уголовного суда в исторической перспективе, то оно представляется решающим шагом на пути к более гуманному миру, основанному на верховенстве права. То, о чем Бен мечтал в молодости, теперь реально. «Должен признаться: я никогда не был уверен, что доживу до этого дня, — говорит Бен. — Девиз “Никогда не сдавайся” оправдал себя. Но боюсь, что я никогда не достигну своей конечной цели». Речь идет о том, чтобы «положить конец абсурдной и варварской практике массовых

убийств невинных людей, потому что их лидеры не способны решать конфликты более рациональным и гуманным образом». От этого может зависеть выживание человечества.

Наряду со страстной борьбой за мир и справедливость, неугасимое любопытство Бена Ференца и сопереживание по отношению к будущим поколениям остаются его наследием: «Информационные технологии развиваются так быстро, что сегодня невозможно даже вообразить, каким будет будущее. Мне жаль, что я не смогу подольше задержаться на земле, чтобы посмотреть, как все будет происходить. Я желаю счастья этому миру!»

Приложения

Библиография

Angrick, Andrej/Cüppers, Martin/Mallmann, Klaus-Michael/Matthäus, Jürgen (под ред.): Die «Ereignismeldungen UdSSR» 1941. Dokumente der Einsatzgruppen in der Sowjetunion I, Darmstadt 2011.

Их же (под ред.): Deutsche Besatzungsherrschaft in der UdSSR 1941–1945. Dokumente der Einsatzgruppen in der Sowjetunion II, Darmstadt 2013.

Их же (под ред.): Deutsche Berichte aus dem Osten 1942–1943. Dokumente der Einsatzgruppen in der Sowjetunion III, Darmstadt 2014.

Earl, Hilary: The Nuremberg SS-Einsatzgruppen Trial, 1945–1958. Atrocity, Law, and History, Cambridge 2019.

Eisenhower, Dwight D.: Brief an George C. Marshall, 15.4.1945, Letter, General Eisenhower to General Marshall concerning his visit to a Germany internment camp near Gotha (Ohrdruf), April 15, 1945 — <https://www.eisenhowerlibrary.gov/sites/default/files/research/online-documents/holocaust/1945-04-15-dde-to-marshall.pdf>.

Ferencz, Benjamin B.: An International Criminal Court. A Step Toward World Peace. A Documentary History and Analysis, 2 Bde., London/Rom/New York 1980.

Его же: Benny Stories, www.benferencz.org [последний запрос 3.10.2019].

Его же: Defining International Aggression. The Search for World Peace, 2 Bde., London/Rom/New York 1975.

Его же: Enforcing International Law. A Way to World Peace, 2 Bde., London/Rom/New York 1983.

Его же: New Legal Foundations for Global Survival. Security Through the Security Council, London/Rom/New York 1994.

Его же: Less Than Slaves. Jewish Forced Labor and the Quest for Compensation, Harvard 1979.

Его же: *Mémoires de Ben. Procureur à Nuremberg et avocat de la paix mondiale*, Paris 2016. (Французское издание книги «Benny Stories».)

Его же и Keyes, Ken Jr-мл.: *Planethood. The Key to Your Survival and Prosperity*, Coos Bay 1991.

Его же: *War Crimes Law and the Vietnam War*, *The American University Law Review*, Vol. 17, No. 3 (1968), 403–423.

Его же: *A Common Sense Guide to World Peace*, London/Rom/New York 1985.

Его же (изд.): *World Security for the 21st Century. Challenges and Solutions. A Colloquium Between American and Soviet Legal Experts*, Dobbs Ferry 1991.

Fisch, Jörg: *Reparationen nach dem Zweiten Weltkrieg*, München 1992.

Gilbert, Gustave M.: *Nürnberger Tagebuch. Gespräche der Angeklagten mit dem Gerichtspsychologen*, Frankfurt am Main 1962.

Goschler, Constantin: *Abkommen zwischen der Bundesrepublik Deutschland und dem Staate Israel (Wiedergutmachungsabkommen)*, 10. September 1952, https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0016_lux&object=context&l=de [последний запрос 3.10.2019].

Его же: *Schuld und Schulden. Die Politik der Wiedergutmachung für NS-Verfolgte nach 1945*, 2. Auflage, Göttingen 2008.

Под его редакцией: Böick, Marcus und Reus, Julia: *Kriegsverbrechen, Restitution, Prävention. Aus dem Vorlass von Benjamin B. Ferencz*, Göttingen 2019.

Hockerts, Hans Günter: *Wiedergutmachung in Deutschland 1945–1990. Ein Überblick*, <https://www.bpb.de/apuz/162883/wieder-gutmachung-in-deutschland-19451990-ein-ueberblick?p=all> [последний запрос 03.10.2019].

Hofmann, Tom: *Benjamin Ferencz. Nuremberg Prosecutor and Peace Advocate*, Jefferson 2014.

Klee, Ernst: *Das Personenlexikon zum Dritten Reich. Wer war was vor und nach 1945*, 5. Auflage, Frankfurt am Main 2015.

Его же: *Vergebung ohne Reue, Die Zeit*, Nr. 9/1992.

Langerbein, Helmut: *Profiles of Mass Murder: The Einsatzgruppen Officers*. Diss. University of California, Santa Cruz 2000.

Musmanno, Michael A.: *Verdict! The Adventures of the Young Lawyer in the Brown Suit*, New York 1958.

Его же: «Специальные команды Эйхмана. Карательные операции СС. 1939–1945» / Майкл Масманно. — Москва: Центрполиграф, 2010. — 256 с.

Паттон, Джордж С.: Запись из дневника о его визите в концентрационный лагерь Ордруф приводится по онлайн энциклопедии Холокоста на сайте Мемориального Музея Холокоста США, <https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/ohrdruf> [последний запрос 03.10.2019].

Scheffer, David J.: *All the Missing Souls. A Personal History of the War Crimes Tribunals*, Cambridge (Mass.) 2011.

Stuart, Heikelina Verrijn und Simons, Marlise: *The Prosecutor and the Judge. Benjamin Ferencz and Antonio Cassese. Interviews and Writings*, Amsterdam 2009.

Taylor, Telford: *The Anatomy of the Nuremberg Trials. A Personal Memoir*, New York 1993.

Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10, Vol. I V., U. S. Government Printing Office, Washington 1950, https://www.loc.gov/rr/frd/Military_Law/pdf/NT_war-criminals_Vol-IV.pdf [последний запрос 3.10.2019].

Wirsching, Andreas: *Jüdische Friedhöfe in Deutschland 1933–1957*, in: *Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte* 50 (2002), Heft 1, 1–40.

Хронология событий

1920 Бенджамин Берелл Ференц родился 11 марта в Шомкута-Маре (Гроссхорн), Трансильвания. Его отец Иосиф — сапожник, мать Шари (Сара) — портниха и домохозяйка.

Сестра Бена Пепи, которую позже назвали Перл, почти на два года старше его.

1921 Еще до первого дня рождения Бена семья эмигрировала в США. Отец работал уборщиком в многоквартирном доме в Нью-Йорке.

1926 Родители развелись, вскоре у обоих появились новые семьи.

1929 Обвал фондового рынка на Уолл-стрит 29 октября погрузил мир в многолетний финансово-экономический кризис. Великая депрессия также затронула Бена и его семью.

1933 В Германии рейхспрезидент Пауль фон Гинденбург 30 января назначил Адольфа Гитлера рейхсканцлером. Готовый на все лидер Национал-социалистической рабочей партии Германии (NSDAP) вскоре заменил демократию Веймарской Республики диктатурой.

1937 Бен окончил среднюю школу для одаренных мальчиков «Таунсенд Харрис» и сразу поступил в Городской колледж Нью-Йорка.

1939 Немецкий рейх развязал Вторую мировую войну нападением на Польшу 1 сентября.

1940 Бен окончил Городской колледж со степенью бакалавра по общественным наукам.

1941 Бен начал учебу в Гарвардской школе права. 22 июня немцы вторглись в Советский Союз. 7 декабря японцы нанесли удар по военно-морской базе США в Перл-Харбор на Гавайях. США вступили в войну.

1943 Бен завершил юридическое образование со степенью магистра и работал ассистентом криминолога Шелдона Глюка, специалиста по военным преступлениям. В марте его призвали на военную службу. 5 декабря его подразделение — 115-й зенитный артиллерийский батальон в составе 3-й армии США генерала Джорджа С. Паттона — отправился в Европу из Нью-Йорка. В Великобритании батальон готовился к боевым действиям.

1944 6 июня союзники вторглись в Нормандию. Батальон Бена, высадившийся на участок побережья «Омаха» месяц спустя, преследовал отступающий вермахт через Францию. В декабре Бена перевели в юридический отдел штаба армии. Вскоре он приступил к работе следователя в недавно созданном Отделе по военным преступлениям.

1945 25 января развернулось немецкое контрнаступление в Арденнах. В феврале Бен переехал в Германию со штабом Паттона, где в основном занимался делами сбитых летчиков. Начиная с апреля внимание следствия переключилось на немецкие концентрационные лагеря. Как один из первых очевидцев Бен проводил расследования в освобожденных лагерях Ордруф, Бухенвальд, Флоссенбюрг и Маутхаузен-Гузен. 30 апреля в своем бункере в Берлине Гитлер совершил самоубийство. 8 мая закончилась Вторая мировая война в Европе. Бен и его коллеги из группы по расследованию военных преступлений продолжили работу. Бен готовил доклады о преступлениях национал-социалистов, которые впоследствии легли в основу процессов в Дахау и Нюрнберге. В июне в Вюрцбурге он допросил антиквара Карла Габерштока, поставившего произведения искусства лично Гитлеру. След привел к соляной шахте в Австрийских Альпах, где хранились похищенные культурные ценности огромной стоимости. После того как американские атомные бомбы были сброшены на Хиросиму и Нагасаки, в августе закончились боевые действия в Азиатско-Тихоокеанском регионе. На Рождество 1945 года Бен вернулся домой в Нью-Йорк.

1946 В марте подполковник Давид Маркус, начальник Отдела по военным преступлениям армии США, направил Бена работать в Американский военный трибунал в Нюрнберге. Перед отъездом в Германию Бен женился на своей возлюбленной Гертруде, урожденной Фрид. Отдел Главного юридического советника по военным преступлениям (OCCWC) отвечал за проведение последующих Нюрнбергских судебных процессов под юрисдикцией США. Его глава,

генерал Телфорд Тейлор, в сентябре повысил Бена в должности, назначив руководителем филиала OSSWC в Берлине. Незадолго до Нового года Бен и его команда обнаружили «Отчеты о событиях в СССР».

1947 Бен назначен главным обвинителем в одном из последующих процессов — по делу об айнзацгруппах. Суд над высокопоставленными офицерами СС, включая нескольких генералов, считается судебным процессом по делу о самых массовых убийствах в истории. Процесс начался 15 сентября. Две недели спустя Бен произнес обвинительную речь.

1948 Во время полета из Берлина в Нюрнберг Бен и Гертруда, Тейлор и его жена Мэри и еще одна американская пара едва не разбились в авиакатастрофе. С 8 по 10 апреля суд под председательством Майкла А. Масманно огласил приговоры по делу об айнзацгруппах. За исключением двух офицеров, не занимавших командные должности, суд признал всех обвиняемых виновными по всем трем пунктам — преступления против человечности, военные преступления и участие в преступной организации. Суд вынес 14 смертных приговоров. После этого Бен занимался публикацией судебных документов для использования в качестве источников историками и юристами. 20 августа Бена назначили генеральным директором Jewish Restitution Successor Organization — JRSO (Организации по реституции еврейской собственности в порядке правопреемства).

1949 Основана ФРГ и коммунистическая ГДР. В семье Ференц родился первенец, дочь Кэрол-Энн.

1950 Пополнение в семье Ференц — родился сын Робин-Ив.

1951 31 января Глава американской администрации в Германии Джон Макклой представил программу помилования военных преступников, все еще находящихся в тюрьме в Ландсберге. Главный обвиняемый генерал СС Отто Олендорф и три других старших офицера айнзацгрупп казнены в Ландсберге 7 июня. В качестве юридического советника

и переговорщика на Конференции по еврейским материальным претензиям к Германии Бен играл ключевую роль в переговорах о выплате компенсаций жертвам нацистских преследований. Первое глобальное соглашение об определении выморочного еврейского имущества подписано с федеральной землей Гессен.

1952 В семье Ференц родился третий ребенок, Дональд Мартин. 10 сентября канцлер Конрад Аденауэр, министр иностранных дел Израиля Моше Шарет и председатель Конференции по претензиям Нахум Голдманн подписали в Люксембурге германо-израильское соглашение о репарациях. Бен присутствовал на подписании.

1953 В начале года Бен принял на себя еще одну руководящую функцию в связи с репарационной политикой Германии: Исполнительный комитет Конференции по претензиям назначил его своим представителем в Германии.

1954 Бен возглавил организацию JRSO, которая создала обширную международную консультативную сеть для помощи жертвам нацистского режима. Родилась Нина Дейл.

1956 В марте Бен с женой и четырьмя детьми переехал из Германии в Нью-Рошель (Нью-Йорк). 29 июня в Бонне бундестаг принял Федеральный закон о возмещении вреда, который дал юридические основания для политики возмещения ущерба. Бен стал партнером в юридической фирме Телфорда Тейлора, сменив на этом месте бывшего декана юридического факультета Гарвардского университета Джеймса М. Лэндиса.

1957 В Америке Бен продолжил работать в интересах жертв нацизма, таких как польские женщины, ставшие жертвами медицинских экспериментов в концентрационном лагере Равенсбрюк, или еврейские подневольные рабочие, принужденные немецкими компаниями к труду в концлагерях. 27 февраля «И. Г. Фарбен» подписал соглашение с Конференцией по претензиям, которое предусматривало выплаты 27 миллионов марок бывшим подневольным рабочим.

1959 В декабре Конференция по претензиям заключила соглашение с компанией семьи Крупп о выплате компенсации в размере десяти миллионов марок.

1960 В соответствии с конфиденциальным соглашением электротехническая компания «АЕГ» обязалась выплатить четыре миллиона марок бывшим заключенным концлагерей. 22 июня правительство Германии в Бонне издало постановление кабинета министров, согласно которому 75 польских женщин получили субсидии в размере от 6500 до 10 000 долларов. Впервые в рамках политики возмещения ущерба преследуемым лицам, находящимся за железным занавесом, произведены компенсационные выплаты.

1962 В соглашении от 24 мая, заключенном стараниями Бена, компания «Сименс» обещала компенсацию в размере семи миллионов марок, но без признания каких-либо моральных, а тем более юридических обязательств.

1966 «Рейнметалл», последняя из немногих немецких компаний, которые взяли на себя ответственность за несправедливость по отношению к подневольным рабочим, перечислила 2,5 миллиона марок. Оплата произведена в связи с первым послевоенным заказом немецкого вооружения в США.

1970 В 50 лет Бен начал новую карьеру. Возмущенный войной во Вьетнаме, он выступал за мир как адвокат на общественных началах, автор и лектор. Бен борется за верховенство права в международных отношениях.

1973 В должности юридического советника Конференции по претензиям Бен разработал стратегию, направленную на то, чтобы убедить ГДР также выплатить компенсации. В последующие годы он неоднократно приезжал в Восточный Берлин, чтобы побеседовать с представителями режима СЕПГ.

1975 Издательство «Ошеана Пабליкейшнз» опубликовало фундаментальный труд Бена «Определение международной агрессии — поиск мира во всем мире».

1976 В ноябре правительство ГДР перечислило один миллион долларов на счет Конференции по претензиям, но Конференция сразу же возвратила эту сумму как «необоснованную». Бен встретился с Альбертом Шпеером, приближенным Гитлера, архитектором и рейхсминистром вооружений и военного производства, освобожденным из тюрьмы Шпандау, чтобы расспросить его о программе нацистского рабского труда.

1979 Бен опубликовал исследование «Ниже, чем рабы» (*Less Than Slaves*), посвященное переговорам о компенсации для подневольных рабочих концлагерей.

1980 Издан двухтомник «Международный уголовный суд — шаг к миру во всем мире» (*An International Criminal Court — A Step Towards World Peace*).

1983 «Обеспечение соблюдения международного права — путь к миру во всем мире» (*Enforcing International Law — A Way to World Peace*) ознаменовал собой завершение трилогии Бена о становлении международного права.

1985 Популярное изложение идей Бена Ференца вышло под названием «К миру во всем мире — с позиции здравого смысла». Первые два экземпляра автор отправил Рональду Рейгану и Михаилу Горбачеву. Бен преподает международное право мира на юридическом факультете университета Пейс.

1986 Бен основал собственный институт «Центр мира Пейс».

1988 Совместно с автором и PR-стратегом Кеном Кизом Бен выпустил практически бесплатную книгу «Планетарность» (*Planethood*), разработанную как карманное пособие по выживанию в ядерный век.

1989 Падение стены 9 ноября ознаменовало крах ГДР и воссоединение Германии. С распадом Восточного блока закончилась холодная война. Как анонимный автор Бен участвовал в разработке резолюции, внесенной в Генеральную Ассамблею ООН Тринидадом и Тобаго, которая поручила

Комиссии международного права ООН изучить вопрос о создании Международного уголовного суда.

1990 В соглашении об имплементации Договора об объединении Германии от 31 августа оба немецких государства заявили, что «выступают за справедливую компенсацию материального ущерба жертвам национал-социалистического режима». В политике возмещения ущерба возобладала западногерманская практика.

1993 Совет Безопасности ООН 25 мая учредил Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии.

1994 Опубликована работа «Новые правовые основы глобального выживания». Совет Безопасности учредил Международный уголовный трибунал по Руанде — еще один специальный суд для наказания одного из крупнейших массовых убийств со времен Второй мировой войны.

1998 На дипломатической конференции в столице Италии 17 июля принят Римский статут — учредительный документ Международного уголовного суда с местопребыванием в Гааге. Бен приглашен в качестве почетного гостя и живого символа Нюрнбергского процесса.

2003 Судьи Международного уголовного суда 11 марта приняли присягу в Гааге. Премьер-министр Нидерландов Ян Петер Балкененде на правах хозяина отдельно упомянул Бена — в его 83-й день рождения исполнилась мечта всей жизни.

2009 В ноябре Бен удостоен премии Эразма.

2010 27 мая в министерстве иностранных дел ФРГ Бену вручили Командорский крест Ордена «За заслуги перед Федеративной Республикой Германия».

2011 По приглашению главного прокурора Международного уголовного суда Луиса Морено Окампо Бен сделал одно из заключительных заявлений по делу лидера конголезских ополченцев Томаса Лубанга Дьило (25–26 августа). Это было первое дело, рассмотренное новым судом по существу.

2013 Бен и Международный уголовный суд награждены почетной медалью Дага Хаммаршельда.

2014 Награжден медалью Свободы Гарвардской школы права, которой прежде награждались Нельсон Мандела и другие лица.

2019 Гертруда скончалась 14 сентября на сотом году жизни.

Список авторов иллюстраций

© Американский Мемориальный музей Холокоста, любезно предоставлено Бенджамином Ференцем

[1], [2], [4], [5], [9], [10], [11], [12], [14], [15], [16], [18], [19], [21], [23], [25]

© Бенджамин Ференц

[3], [6], [7], [22], [24], [26], [27], [28], [29], [30]

© Американский Мемориальный музей Холокоста, любезно предоставлено Национальным управлением архивов и документации, Колледж-парк.

[8], [20]

© Американский Мемориальный музей Холокоста, любезно предоставлено семьей Ричарда М. Кромака

[13]

© Американский Мемориальный музей Холокоста, любезно предоставлено Джоном У. Мозенталем

[17]

© Филипп Гут

[31]

Комментарии д. и. н., проф. О. Ю. Пленкова

Больше чем начало

- ¹ После завершения работы Международного военного трибунала над главными нацистскими преступниками там же, в Нюрнберге, американскими властями были проведены 12 так называемых последующих процессов: 1) по делу врачей (09.12.1946 — 20.8.1947); 2) по делу фельдмаршала Эрхарда Мильха (02.01.1947 — 14.04.1947); 3) по делу юристов (17.02.1947 — 04.12.1947); 4) по делу экономического ведомства СС (13.01.1947 — 03.11.1947); 5) по делу Флика (18.04.1947 — 22.12.1947); 6) по делу концерна «И. Г. Фарбен» (14.08.1947 — 30.07.1948); 7) по делу немецких генералов на юго-востоке Европы (15.07.1947 — 19.02.1948); 8) по делу расового и переселенческого ведомства СС (01.07.1947 — 10.03.1948); 9) по делу айнзацгрупп СД (15.09.1947 — 10.04.1948); 10) по делу концерна Круппа (08.12.1947 — 31.07.1948); 11) по делу Вильгельмштрассе (дипломаты и другие чиновники) (04.11.1947 — 14.04.1949); 12) по делу ОКВ (Верховное главнокомандование вермахта) (30.12.1947 — 27.10.1948). По этим 12 процессам было осуждено из пяти групп: врачи и юристы (39 обвиняемых), СС и полиция (56), промышленники и банкиры (42), военные (26), министры и государственные чиновники (22), 24 приговорены к смертной казни, 20 — к пожизненному заключению, 98 — к тюремному заключению от 15 месяцев до 25 лет, в 35 случаях был вынесен оправдательный приговор.

Глава 1. Из Адской кухни в Гарвард

- ^{II} Вернее, эта область — по-немецки Семиградье (Siebenbürgen), по-румынски Ардял, по-венгерски Трансильвания — была

передана Антантой Трианонским договором (с Венгрией) Румынии, поскольку там проживало чуть больше половины населения, являвшихся румынами, а венгров было чуть меньше.

- III В конце 1918 г. Государственное Собрание упразднило монархию и провозгласило Венгерскую народную республику. Габсбургам запретили возвращаться в Венгрию и Австрию, и Карл I, преемник покойного Франца Иосифа, был вынужден эмигрировать.
- IV Дезориентированное окружение престарелого президента Пауля фон Гинденбурга, надеясь сохранить контроль над Гитлером и его партией (имевшей в рейхстаге треть мест, больше всех), согласилось назначить его канцлером, полагая, что консервативное большинство в кабинете позволит контролировать ситуацию.

Глава 2. На войне

- V В день Д на участке «Омаха» шли самые ожесточенные бои, и американские войска понесли значительные потери.
- VI В августе союзники осуществили еще одну десантную операцию — на этот раз на юге Франции (операция «Драгун» с целью захватить Марсель — важный морской порт на юге страны). Удар с юга, естественно, облегчил положение на центральном участке фронта, где главную роль играла 3-я армия США.
- VII «Ковровые» бомбардировки также были преступлением, поскольку их жертвами стали сотни тысяч гражданских лиц. Если немецкая полиция или солдаты не успевали арестовать приземлившихся на парашютах летчиков, разъяренная толпа их линчевала.

Глава 3. Охота на преступников

- VIII Штурмовики из СА создавали «дикие» лагеря. Через несколько месяцев практически все из них, кроме Дахау, были закрыты.

- IX Гурлитт погиб в автокатастрофе в 1956 г., обманом присвоив массу картин модернистов, искусство которых было признано в Третьем рейхе «дегенеративным». Его сын Корнелиус попался на продаже этих картин в 2011 г. Стоимость подпольной коллекции оценили в баснословную сумму почти миллиард евро.

Глава 5. Процесс

- X Поводом для массового убийства послужило то, что несколькими днями ранее в историческом центре Киева начались подрывы радиоуправляемых фугасов, заложенных отступавшими советскими войсками, вследствие чего погибло много немецких офицеров и солдат. Эсэсовцы также воспользовались этим инцидентом как предлогом для антисемитской мобилизации части местного населения.
- XI В руки американцам попала картотека членов НСДАП, случайно обнаруженная на мюнхенской бумажной фабрике. Она содержала сведения о карьерах партийцев. На основании этих данных 870 000 немцев потеряли работу в западных зонах, 230 000 были интернированы.
- XII «Логика» Гиммлера и Гейдриха при назначении на должности в айнзацгруппы состояла не только в том, чтобы повязать кровью эсэсовскую элиту, но и в том, чтобы сделать ее способной на самую грязную, морально тяжелую и прямо людоедскую «работу». Таким образом дополнялась нацистская идеология наиболее квалифицированных и образованных специалистов в самых разных областях.
- XIII Инженер-строитель Герман Гребе случайно стал свидетелем массовых казней евреев в Ровенском гетто и в городе Дубно. Пользуясь своим служебным положением, он спас 150 евреев, за что и получил звание праведника мира.
- XIV В действительности все дела, связанные с выселением евреев, были поручены входившему в отдел IVB РСХА (во главе этого отдела стоял группенфюрер СС Генрих Мюллер), которым

руководил шестой по рангу офицер отдела IVB подполковник (Sturmabfuhrer SS) Адольф Эйхман, обративший на себя внимание руководства СС во время выселения евреев из Чехии. Эйхман был типичным, весьма исполнительным и вполне заурядным немецким бюрократом, которого после войны судили чуть ли не как главного палача евреев — очевидно, это было пропагандистское преувеличение, хотя он без сомнения был одним из эсэсовских убийц и вполне заслужил свою участь. К деятельности айнзацгрупп полиции порядка и СД он никакого отношения не имел.

- xv После Ульмского процесса и под его впечатлением конференция министров юстиции земель ФРГ 3 октября 1958 г. вынесла решение об основании с 1 декабря Центрального ведомства в Людвигсбурге по выявлению преступлений нацистов (Zentralen Stelle der Landesjustizverwaltungen zur Aufklärung NS Verbrechen). Ведомство получило право собирать и предъявлять доказательства участия в подобных преступлениях на территории Европы, а с 1964 г. и на территории Германии. Ведомство прежде всего концентрировалось на невоенных преступлениях. Его руководителем был государственный прокурор Эрвин Шюле (Schüle). Ведомство собирало свидетельские показания и выступило инициатором около 900 процессов против нацистов. Тем самым перед немецким народом по-настоящему открылась пропасть нацистских преступлений, в которые был вовлечен немецкий народ. Только с момента основания ведомства в Людвигсбурге до 1968 г. в 11 федеральных землях было проведено 150 больших антинацистских процессов. И этот процесс нарастал — в 1968 г. в Гамбурге состоялся процесс по делу айнзацгруппы 1005, участники которой на Восточном фронте убили сотни тысяч евреев, русских, поляков. В 1970 г. из Бразилии (где он жил 20 лет) был выдан в ФРГ Франц Штангль, комендант Собибора и Треблинки. В Дюссельдорфе его приговорили к 20 годам. Это ведомство существует до сих пор.

Глава 6. Искупление

^{xvi} История с еврейскими кладбищами свидетельствует о высоком правосознании немцев: в 1952 г. кладбищенская комиссия центрального еврейского совета в Германии насчитала в Германии около 1700 еврейских кладбищ. Почему же в Германии сохранилось так много еврейских кладбищ? Почему их не закрыли, не сравняли с землей, как того требовали многие нацисты и как это сделали с синагогами? Дело в том, что закрытие и уничтожение еврейских кладбищ вступало в противоречие с действовавшим земельным правом. Получалось парадоксальное положение: евреев нацистские власти всячески вытесняли из страны, а с еврейскими кладбищами власти обращались так же, как с христианскими, выделяя на уход за ними необходимые средства. Кроме того, в Пруссии действовало правило, в соответствии с которым закрывать кладбище можно было только по истечении 40 лет после последнего захоронения, и чиновники категорически отказывались это правило нарушать.

^{xvii} 17 октября 1988 г. на встрече Хонеккера с председателем Всемирного еврейского конгресса Эдгаром Бронфманом речь шла о компенсациях в размере 100 миллионов долларов. Но дальше разговоров дело первоначально не продвинулось. Зато при вступлении в должность главы ГДР Ханс Модров 9 февраля 1990 г. заверил Бронфмана, что ГДР официально воспринимает ответственность за преследования евреев. В соответствии с этим обещанием в январе 1990 г. в ходе работы круглого стола было выдвинуто предложение (в виду антисемитских выпадов в СССР) открыть двери ГДР для советских евреев. И хотя ГДР присоединилась к Женевской конвенции о статусе беженцев 1951 г. только 4 сентября 1990 г., в начале июня 1990 г. было объявлено о приеме евреев из СССР. Этот акт соответствовал усилиям правительства де Мезьера легитимизировать существование суверенного

восточногерманского правительства как антифашистского. На основе этого решения в апреле 1990 г. первая небольшая группа советских евреев приехала в Восточный Берлин с туристическими визами. С апреля по октябрь 1990 г. в целом в ГДР переехало на временное пребывание на пять лет 2650 человек. Они получали средства для проживания от различных организаций — еврейской общины, Лютеранской церкви, министерства иностранных дел ГДР.

Для координации усилий по их размещению и устройству было создано бюро в здании бывшего Минпропа Геббельса. Символическое значение этого было ясно — нужно было позаботиться о международном резонансе. В Западной Германии эти инициативы ГДР поначалу никакого энтузиазма не вызвали. Тем не менее 2650 советских евреев, которые в последующие дни попали в Восточный Берлин, были только началом массового притока в Германию евреев, которые никаким преследованиям не подвергались... Это была четвертая волна переселения советских евреев: первая — после Октябрьской революции, вторая — в ходе Второй мировой войны, третья — в 1970-е гг. Когда в Германию начали прибывать еврейские «беженцы» из СССР, министр внутренних дел Баварии Эдмунд Штойбер рекомендовал оставить в Германии только тех, у кого были в ФРГ родственники. Естественно, его тут же окрестили нацистом.

Алфавитный (именной) указатель

- Аденауэр, Конрад 170, 175,
184, 186, 205, 212, 213,
214, 215, 216, 217, 219,
238, 263, 280, 333
- Айгрубер, Август 98
- Айзек, Сэм 22
- Айзек, Фанни 22
- Альтмайер, Якоб 246
- Аль-Хуссейн, принц Зеид Раад
11, 322
- Амрен, Франц 246
- Аннан, Кофи 306, 312, 313,
319, 322
- Арнольд, Генри Х. 177
- Ачесон, Дин 176, 186, 187, 196
- Ашенауэр, Рудольф 131, 132,
133, 172, 181
- Байтц, Бертольд 260, 262, 263,
264, 265
- Балкененде, Ян Петер 322, 336
- Беатрикс, королева Нидерландов 322
- Бегин, Менахем 215
- Бём, Франц 215, 216
- Бен-Гурион, Давид 103, 213
- Бен Ладен, Усама 319
- Бергман, Ингрид 26
- Берг, Фриц 280
- Бест, Вернер 189
- Биберштейн, Эрнст 120, 166,
183, 189
- Бингем, Джонатан 239
- Блаустайн, Джейкоб 261, 262,
263
- Блобель, Пауль 120, 127, 139,
140, 159, 166, 173, 183, 187
- Блюме, Вальтер 120, 127, 140,
159, 166, 183, 188, 189
- Блюнчли, Иоганн Каспар 128,
129
- Боде, Гюнтер 274
- Боден, Ханс К. 266, 267
- Болен, Дэвид 242
- Болтон, Джон 319
- Бордоне, Парис 91
- Борман, Мартин 107, 133
- Боттерманн, Вальтер 268, 269
- Брандт, Вилли 232
- Брауне, Вернер 120, 140, 166,
187
- Бромс, Бенгт 289
- Брэдли, Омар 68
- Брюс, Дэвид 264
- Булс, Юдит 271
- Бурин, Фредерик 109, 110
- Буркарт, Одило 271
- Бурнелайт, Хайнц 184
- Бухарин, Николай Иванович
28
- Буш, Джордж У. 318, 319
- Вагнер, Эрих 70
- Вайцеккер, Рихард фон 179,
185, 186
- Вайцеккер, Эрнст фон 185,
186
- Валенса, Лех 243
- Валь, Эдуард 172
- Ван Гог, Винсент 97
- Ван Эйк, Хуберт и Ян 97
- Варбург, Эрик 263
- Вашингтон, Джордж 301
- Векслер, Уильям 274, 275

- Веррэйн, Хейкелина 310
 Вётцель, Роберт Курт 313
 Вильсон, Вудро 45
 Винсон, Фред 186
 Винцер, Отто 235
 Виршинг, Андреас 230
 Воллхейм, Норберт 257, 258
 Вурм, Теофиль 171, 172
 Вуст, Билл 114
 Вэнс, Сайрус 273
 Габершток, Карл 91, 92, 93, 94,
 95, 96, 99, 331
 Гавлик, Ганс 185
 Гамильтон, Чарльз 59
 Геббельс, Йозеф 92, 343
 Гейдрих, Рейнхард 109, 118,
 120, 125, 133, 165, 189, 340
 Геринг, Герман 92, 94, 99, 107,
 115, 122, 132, 177, 191
 Гесс, Рудольф 177
 Гёте, Иоганн Вольфганг фон
 69
 Гилберт, Густав М. 132
 Гиммлер, Генрих 83, 109, 117,
 118, 119, 120, 133, 163, 340
 Гинденбург, Пауль фон 23,
 330, 339
 Гислер, Герман 223
 Гитлер, Адольф 23, 28, 29, 45,
 46, 66, 73, 76, 81, 88, 90,
 91, 92, 93, 94, 96, 97, 98, 99,
 118, 119, 133, 134, 136, 147,
 158, 170, 178, 181, 189,
 190, 192, 202, 223, 241,
 281, 283, 291, 321, 324,
 330, 331, 335, 339
 Гитциг, Вильям М. 253
 Глобке, Ганс 280
 Глюк, Шелдон 33, 37, 52, 57,
 104, 283, 330
 Глюк, Элеонора 37
 Гоббс, Томас 297
 Голдманн, Нахум 212, 213,
 214, 216, 217, 235, 239,
 240, 241, 263, 265, 333
 Голдстоун, Ричард 310, 311
 Гольдштейн, Тадеуш 261, 262
 Горбачев, Михаил 284, 296,
 297, 299, 300, 304, 305, 335
 Гошлер, Константин 219, 244
 Граф, Маттиас 120, 163
 Гребе, Герман 126, 340
 Гроций, Гуго 295
 Грош, Бимби 278
 Грунерт, Хорст 243
 Гурлитт, Хильдебранд 95, 96,
 340
 Дадли, Рэй Л. 145, 146, 150,
 152
 Дарьё, Даниэль 25, 26
 Дворкин, Рональд 34
 Де Голь, Шарль 49
 Делэй, Томас Д. 319
 Дёниц, Карл 117, 156, 271
 Джавитс, Джейкоб 235
 Джексон, Роберт М. 102, 104,
 124, 316
 Джонсон, Линдон 179, 317
 Джордан, Чарльз 237, 241
 Диксон, Ричард 160
 Диль, Генрих 277
 Дипген, Эберхард 179
 Дитрих, Марлен 63, 65, 66
 Дрейфус, Альфред 185
 Дуглас, Кирк 103
 Зайберт, Вилли 128, 166, 183,
 188
 Зандбергер, Мартин 120, 140,
 166, 175, 183, 189
 Заукель, Фриц 107

- Зеелос, Гебхард 174
 Зейсс-Инкварт, Артур 107
 Зикс, Франц 119, 120, 165, 167,
 183, 188, 189
 Зиновьев, Григорий Евсее-
 вич 28
 Золя, Эмиль 185
 Зурхольт, Ганс 121
 Иглбергер, Лоуренс С. 243
 Изенбург, Елена Элизабет
 принцесса 172
 Икенберг, Зигфрид 247
 Йодль, Альфред 9, 107
 Йост, Хайнц 118, 139, 164, 167,
 183, 188
 Казинс, Норман 253, 255
 Кальтенбруннер, Эрнст 98,
 107, 109
 Капра, Фрэнк 41
 Караджич, Радован 310
 Кардозо, Бенджамин Н. 36
 Картер, Джимми 179, 242,
 273, 314
 Кассезе, Антонио 310
 Кассен, Рене 26, 285
 Катценштейн, Эрнст 209, 263,
 264, 268, 274
 Кауль, Ханс-Петер 321
 Кауфман, Джей 277
 Кёгель, Макс 80
 Кейтель, Вильгельм 107
 Кеннеди, Джон Ф. 179, 250
 Кеннеди, Эдвард 250, 251
 Киз, Кен 300, 301, 302, 303,
 335
 Ким, Чен Ын 324
 Киркпатрик, Ивон 196
 Кириш, Филипп 315, 320, 321
 Киссинджер, Генри 235, 236
 Кларк, Марк У. 155, 156
 Клацник, Филипп 249
 Клее, Эрнст 172
 Клей, Люсиус Д. 144, 176, 195,
 204, 205
 Клейн, Джулиус 212
 Клингельхёфер, Вальдемар
 120, 166, 173, 174, 183
 Клинтон, Билл 313, 314, 317,
 318
 Кляйн, Юлиус 152
 Когон, Ойген 70
 Коль, Гельмут 245
 Конант, Джеймс Б. 188
 Конечны, Фрэнсис 159
 Коппе, Фриц 247
 Кох, Ильза 69, 71
 Кох, Карл Отто 69, 70, 71
 Коэн, Моррис Рафаэль 28
 Кранцбюлер, Отто 271, 276
 Кроче, Бенедетто 155
 Крупп, Альфريد 190, 191, 195,
 206, 260, 261, 262, 263,
 264, 265, 266, 270, 271, 338
 Крупп, Густав 195
 Кубе, Вильгельм 120
 Купперс, Мартин 111
 Курбе, Гюстав 91
 Кэйган, Сол 268
 Кюстер, Отто 215, 216
 Лангербейн, Гельмут 199
 Лёвенталь, Эрнст 222
 Левин, Исаак 225
 Легман, Леппольд 17, 21
 Лезак, Эмиль 76, 78
 Леман, Теодор 261, 262
 Лемкин, Рафаэль 124
 Ливитт, Мозес А. 220
 Линкольн, Авраам 158
 Лубанга Дыло, Томас 336
 Лэндис, Джеймс М. 40, 248, 333

- Майзер, Ханс 171
 Мақдугал, Майерс С. 285, 286
 Маккей, Дуайт 93, 94, 95, 96
 Макклой, Джон Дж. 175, 176,
 177, 178, 179, 182, 183,
 184, 185, 186, 187, 188, 190,
 191, 192, 194, 195, 196, 197,
 205, 206, 247, 263, 265, 332
 Макклой, Эллен 205
 Макнамара, Роберт 274, 275,
 277, 317, 318
 Макхейни, Джеймс 144
 Макхейни, Мэрилин 144, 151
 Мальманн, Клаус-Михаэль
 111
 Мане, Эдуард 91
 Маркус, Давид 103, 104, 331
 Маршалл, Джордж К. 68
 Масманно, Майкл 122, 132,
 135, 138, 152, 153, 154, 155,
 156, 157, 158, 159, 160, 164,
 166, 167, 169, 170, 329, 332
 Менгеле, Йозеф 203
 Миллер, Исраэль 242, 243
 Милошевич, Слободан 310
 Мильх, Эрхард 157, 338
 Младич, Ратко 309, 310
 Моран, Фредерик А. 179
 Мордехай С. 260, 261
 Моррис, Вирджиния 294, 295
 Мур, Джеймс 145
 Муссолини, Бенито 106, 155,
 291
 Мэджи, Уоррен 185, 186
 Мюллер, Генрих 119, 163, 340
 Нам, Петер Пауль 246
 Наполеон Бонапарт 97, 198
 Натан, Илай 316
 Науман, Эрих 118, 139, 140,
 165, 166, 183, 185, 187
 Никсон, Ричард 179
 Нимёллер, Мартин 172
 Ницше, Фридрих 324
 Новиц, Джек 59, 60
 Нойхойзер, Иоганнес 171
 Носске, Густав 120, 140, 167,
 183, 188
 Нтезирьяло, Фаустин 311
 Оберхаузер, Герта 252
 Окампо, Луис Морено 336
 Олендорф, Отто 117, 118, 128,
 131, 132, 133, 134, 135,
 136, 137, 140, 141, 142,
 143, 159, 163, 164, 166,
 168, 169, 170, 171, 172,
 175, 181, 183, 187, 188, 190,
 196, 332
 Отт, Адольф 120, 189
 Паскаль, Блез 305
 Паттон, Джордж С. 40, 50, 51,
 54, 59, 66, 68, 69, 96, 329,
 330, 331
 Паунд, Роско 34, 35
 Пейн, Томас 297
 Пейс, Уильям Р. 312
 Пек, Дэвид У. 179, 180, 181,
 182, 192, 197
 Пелл, Герберт К. 57
 Перлман, Шава 105
 Петаччи, Клара 106
 Пий XII 173
 Поль, Освальд 83, 157, 171,
 175, 182, 185
 Радецкий, Вальдемар фон 120,
 140, 167, 173, 183
 Райан, Чарльз В. 272, 275
 Райнхарц, Ирен 271
 Раск, Дин 274, 275
 Раш, Отто 118, 119, 121
 Редер, Эрих 156

- Рейган, Рональд 179, 243,
 284, 296, 297, 299, 300,
 307, 335
 Рембрандт 96, 97
 Риббентроп, Иоахим фон 107,
 120
 Робинсон, Артур Н. Р. 313
 Робинсон, Джейкоб 285
 Розенберг, Альфред 107, 125,
 223
 Роммель, Эрих 93
 Рузвельт, Франклин Д. 35, 38,
 52, 65, 80, 156, 177, 179
 Рузвельт, Элеонора 195
 Рускэ, Роман Л. 250, 251
 Рюль, Феликс 120, 140, 163,
 167, 183
 Селассие, Хайле 291
 Семпрун, Хорхе 69
 Сестра Селестина 251
 Сименс, Герман фон 268
 Симмонс, Марлиза 310
 Сквайерс, Том 145
 Сноу, Конрад Э. 194
 Соколовский, Василий 153
 Сон, Луис Б. 12
 Слейт, Джон Дж. 160
 Сталин, Иосиф 29, 52, 54, 80,
 153, 156
 Стивенсон, Роберт Льюис 164
 Стимсон, Генри 177
 Судит, Элизер 215
 Тейлор, Джон 151
 Тейлор, Мэри 144, 150, 151,
 152, 332
 Тейлор, Телфорд 104, 106, 108,
 113, 114, 130, 131, 132,
 134, 138, 139, 140, 141,
 142, 143, 144, 145, 150,
 151, 152, 169, 193, 195, 197,
 200, 204, 247, 248, 256,
 284, 285, 316, 332, 333
 Толстой, Лев 101
 Томс, Роберт М. 156
 Трамп, Дональд 319, 324
 Троцкий, Лев 29
 Трумэн, Гарри С. 102, 172,
 176, 179
 Уоррен, Эдвард 33, 34
 Фелисиано, Флорентино П.
 286
 Фендлер, Лотар 167, 183, 188
 Ференц, Валентина 323
 Ференц, Гертруда (Фрид, Гизе-
 ла) 15, 29, 30, 40, 42, 44,
 55, 57, 58, 62, 63, 65, 66,
 69, 70, 73, 74, 79, 87, 90,
 92, 95, 96, 98, 99, 101, 102,
 105, 106, 107, 122, 144,
 145, 146, 147, 148, 149,
 150, 151, 152, 201, 202,
 217, 246, 285, 292, 297,
 304, 305, 311, 314, 323,
 331, 332, 337
 Ференц, Дональд Мартин 246
 Ференц, Иосиф 329
 Ференц, Кэрол-Энн (Кери)
 246, 324
 Ференц, Нина Дейл 246
 Ференц, Пепи 17, 21, 22, 330
 Ференц, Робин-Ив 246
 Ференц, Шари (Сара) 329
 Ферридей, Кэролайн 252, 253
 Феррис, Джофри 88
 Фишер, Джоэль Х. 201
 Фишер, Оскар 201, 243
 Фиш, Йорг 219
 Флик, Фридрих 189, 191, 271,
 279, 282, 338
 Форд, Джеральд 242

- Фрайхер фон Пёльници, Герхард 95
 Франк, Ганс 107, 132
 Франко, Франсиско 84
 Франк, Томас М. 285
 Фрид, Роза 22
 Фрид, Шулем (Сэм) 105
 Фрик, Вильгельм 107
 Фрингс, Йозеф кардинал 171, 172
 Фукуяма, Фрэнсис 308
 Фуллер, Лон 34, 35
 Функ, Вальтер 117, 132
 Функе, Отто 240, 241
 Хассель, Кай-Уве фон 273, 277
 Хаусман, Эмиль 120, 121
 Хелмс, Джесси А. 319
 Хенкин, Луис 285
 Хенш, Вальтер 120, 140, 166, 183
 Хёсс, Рудольф 119, 268
 Хехт, Джон Р. 275, 276
 Хит, Джеймс 133, 134, 135, 136
 Хобсбаум, Эрик 217
 Хойс, Теодор 170, 175
 Хокертс, Ганс Гюнтер 210
 Холмс, Оливер Уэнделл-мл. 36, 315
 Хонеккер, Эрих 235, 237, 242, 342
 Хэнд, Биллингс Лернед 36
 Цезарь, Отто Пауль 274
 Частни, Роберт 26, 27
 Чафи, Закарая 34, 35
 Чемберлен, Невилл 29
 Чемберлен, Фрэнк Т. 150
 Черчилль, Уинстон 38, 52, 54, 80, 156, 195
 Шарет, Моше 216, 333
 Шахтер, Оскар 285
 Шварц, Вальтер 207
 Шварц, Дейв 22
 Шеффер, Дэвид 314, 316, 317, 318, 319
 Шеффер, Фриц 219, 228, 230
 Шиллер, Фридрих 69
 Ширах, Бальдур фон 107
 Шлабрендорф, Фабиан фон 196
 Шмид, Карло 175
 Шмитц, Герман 271
 Шольц, Инге 196
 Шоукросс, Хартли 128
 Шпеер, Альберт 92, 107, 132, 157, 281, 282, 335
 Шрёдер, Герхард 228, 230
 Штаймле, Ойген 120, 140, 166, 183, 188, 189
 Штраух, Эдуард 120, 123, 127, 166
 Штрейхер, Юлиус 107
 Штрекенбах, Бруно 125
 Штроп, Юрген 89
 Шуберт, Хайнц 120, 128, 140, 166, 183, 188
 Шульц, Эрвин 120, 140, 165, 167, 183, 188
 Шумахер, Курт 175
 Шэрф, Майкл П. 295
 Эйзенхауэр, Дуайт Д. 46, 66, 68, 301, 306, 307
 Эйке, Теодор 84
 Эйхман, Адольф 98, 158, 159, 167, 329, 341
 Элерс, Герман 175
 Эммануил III 155
 Эрл, Хилари 110, 154
 Эрманн, Карл 173
 Юнге, Траудль 158
 Ярузельский, Войцех 243

ЛУЧШИЕ КНИГИ О БИЗНЕСЕ С ЛОГОТИПОМ ВАШЕЙ КОМПАНИИ? ЛЕГКО!

Удивить своих клиентов, бизнес-партнеров, сделать памятный подарок сотрудникам и рассказать о своей компании читателям бизнес-литературы? Приглашаем стать партнерами выпуска актуальных и популярных книг. О вашей компании узнает наиболее активная аудитория.

ПАРТНЕРСКИЕ ОПЦИИ:

- Специальный тираж уже существующих книг с логотипом вашей компании.
- Размещение логотипа на супер-обложке для малых тиражей (от 30 штук).
- Поддержка выхода новинки, которая ранее не была доступна читателям (50 книг в подарок).

ПАРТНЕРСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ:

- Рекламная полоса о вашей компании внутри книги.
- Вступительное слово в книге от первых лиц компании-партнера.
- Обращение первых лиц на суперобложке.
- Отзыв на обороте обложки
- Вложение информационных материалов о вашей компании (закладки, листовки, мини-буклеты).

У вас есть возможность обсудить свои пожелания с менеджерами корпоративных продаж. Как?

Звоните:

+7 495 411 68 59, доб. 2261

Заходите на сайт:

eksmo.ru/b2b

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Издание для досуга

Гут Филипп

СВИДЕТЕЛЬ ВЕКА

**БЕН ФЕРЕНЦ – ЗАЩИТНИК МИРА
И ПОСЛЕДНИЙ ЖИВОЙ УЧАСТНИК НЮРНБЕРГСКИХ ПРОЦЕССОВ**

Главный редактор *Р. Фасхутдинов*
Руководитель направления *Т. Коробкина*
Ответственный редактор *Т. Коробкина*
Редактор *Н. Калининченко*
Младший редактор *Н. Дьяконова*
Художественный редактор *А. Дурасов*
Компьютерная верстка *Н. Зенков*
Корректоры *Л. Снеговая, Т. Капитанова*

Страна происхождения: Российская Федерация
Шығарылған елі: Ресей Федерациясы

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Россия, город Москва, улица Зорге, дом 1, строение 1, этаж 20, каб. 2013.
Тел.: 8 (495) 411-68-86.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru
Финансуи: «ЭКСМО» АКБ Белгасы,
123308, Ресей, қала Мәскеу, Зорге кишесі, 1 үй, 1 ғимарат, 20 қабат, офис: 2013 ж.
Тел.: 8 (495) 411-68-86.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru
Тауар белгісі: «Эксмо»
Интернет-магазин : www.book24.ru
Интернет-магазин : www.book24.kz
Интернет-дүкен : www.book24.kz
Импортер в Республику Казахстан: ТОО «РДЛ-Алматы»,
Казахстан Республикасындағы импорттаушы «РДЛ-Алматы» ЖШС.
Дистрибутор и представитель по приему претензий на продукцию,
в Республике Казахстан: ТОО «РДЛ-Алматы»
Казахстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-талаптарды
қабылдаушы өкіл «РДЛ-Алматы» ЖШС,
Алматы қ., Дембровский көш., 3а», литер В, офис 1.
Тел.: 8 (727) 251-59-50/91/92; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification
Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо»
www.eksmo.ru/certification
Өндiрген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

Дата изготовления / Подписано в печать 16.10.2020. Формат 60x90¹/₁₆.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,0. Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-04-113351-1

9 785041 133511 >

В электронном виде книги издательства вы можете
купить на www.litres.ru

ЛитРес:
один клик до книги

Москва. ООО «Торговый Дом «Эксмо»
Адрес: 123308, г. Москва, ул. Зорге, д. 1, строение 1.
Телефон: +7 (495) 411-50-74. **E-mail:** reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел.: +7 (495) 411-68-59, доб. 2261.
E-mail: ivanova.ey@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Филиал «Торгового Дома «Эксмо» в Нижнем Новгороде
Адрес: 603094, г. Нижний Новгород, улица Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза»
Телефон: +7 (831) 216-15-91 (92, 93, 94). **E-mail:** reception@eksmonn.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Санкт-Петербурге
Адрес: 192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, д. 84, лит. «Е»
Телефон: +7 (812) 365-46-03 / 04. **E-mail:** server@szko.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Екатеринбурге
Адрес: 620024, г. Екатеринбург, ул. Новинская, д. 2щ
Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08)

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Самаре
Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Е»
Телефон: +7 (846) 207-55-50. **E-mail:** RDC-samara@mail.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону
Адрес: 344023, г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, 44А
Телефон: +7(863) 303-62-10. **E-mail:** info@rnd.eksmo.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Новосибирске
Адрес: 630015, г. Новосибирск, Комбинатский пер., д. 3
Телефон: +7(383) 289-91-42. **E-mail:** eksmo-nsk@yandex.ru

Обособленное подразделение в г. Хабаровске
Фактический адрес: 680000, г. Хабаровск, ул. Фрунзе, 22, оф. 703
Почтовый адрес: 680020, г. Хабаровск, А/Я 1006
Телефон: (4212) 910-120, 910-211. **E-mail:** eksmo-khv@mail.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Тюмени
Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Тюмени
Адрес: 625022, г. Тюмень, ул. Пермякова, 1а, 2 этаж. ТЦ «Перестройка»
Ежедневно с 9.00 до 20.00. Телефон: 8 (3452) 21-53-96

Республика Беларусь: ООО «ЭКМО АСТ Си энд Си»
Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Минск
Адрес: 220014, Республика Беларусь, г. Минск, проспект Жукова, 44, пом. 1-17, ТЦ «Outleto»
Телефон: +375 17 251-40-23; +375 44 581-81-92
Режим работы: с 10.00 до 22.00. **E-mail:** exmoast@yandex.by

Казахстан: «РДЦ Алматы»
Адрес: 050039, г. Алматы, ул. Домбровского, 3А
Телефон: +7 (727) 251-58-12, 251-59-90 (91,92,99). **E-mail:** RDC-Almaty@eksmo.kz

Украина: ООО «Форс Украина»
Адрес: 04073, г. Киев, ул. Вербова, 17а
Телефон: +38 (044) 290-99-44, (067) 536-33-22. **E-mail:** sales@forsukraine.com

**Полный ассортимент продукции ООО «Издательство «Эксмо» можно приобрести в книжных
магазинах «Читай-город» и заказать в интернет-магазине: www.chitai-gorod.ru.**
Телефон единой справочной службы: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.book24.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. **E-mail:** imarket@eksmo-sale.ru

book 24.ru

Официальный
интернет-магазин
издательской группы
«ЭКМО-АСТ»